

Огни Кузбасса

№ 5 / 2022



Памятник воину-освободителю в г. Кемерово



Фото К. Полюцкого

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

А. И. Юдина,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2022

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

Андрей КОРОЛЕВ

Вера ЛАВРИНА

Олег МАКСИМОВ

Дмитрий МУРЗИН

(ответственный
секретарь)

Агата РЫЖОВА

Елена ТРУХАН

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

Марина ЧЕРТОГОВА

Евгений ЧИРИКОВ

Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14



12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Татьяна Четверикова. Ветер с Иртыша	3
Ольга Хапилова. Потерпи обо мне	67
Виктор Коврижных. До свидания... ..	74
Андрей Шацков. Век двадцатый – это на века!	89
Виктор Шагиахметов. Пейзаж с пустырем	104
Владимир Щелканов. С тех пор прошли большие годы	117

ПРОЗА

Владимир Крупин. Жертва вечерняя. Рассказы	7
Александр Давыдов. Рассказы	55
Сергей Шаргунов. Дружок. Рассказ	69
Владимир Иванов. Рассказы у костра	78
Анатолий Кирилин. Где-то далеко, в России-матушке... ..	92
Инна Ким. Рассвет. Рассказ	106

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Коняев. Англичанка отгадила (заметки неравнодушного)	120
Эдуард Анашкин. Заветам Суворова верны	133
Нина Воронина. Некоторые размышления о «русском следе»	136

НА 55-й ШИРОТЕ

Владислав Емельяненко, Дмитрий Ячменев, Марина Худякова, Татьяна Панарина, Елена Андропова. Стихи. Марина Сычева. Тигрицы. Рассказ	138
---	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Поможем каждой личности стать творцом своей судьбы	143
Николай Коновской. Богословие в его детстве. Эссе-размышление над рассказом Н. Дорошенко	146

КНИГА ПАМЯТИ

Сергей Черемнов. «Павловский метод» Сергея Павлова	150
--	-----

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Гости из Крыма. Елена Осминкина, Владимир Смирнов. Стихи	155
--	-----

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Нина Ягодинцева. Книга как прочный фундамент будущего	157
---	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Владимир Голубничий. «И жить мне очень нравится на свете». Памяти Виктора Коврижных.....	160
Григорий Шалакин. Возвращение подвига.....	163

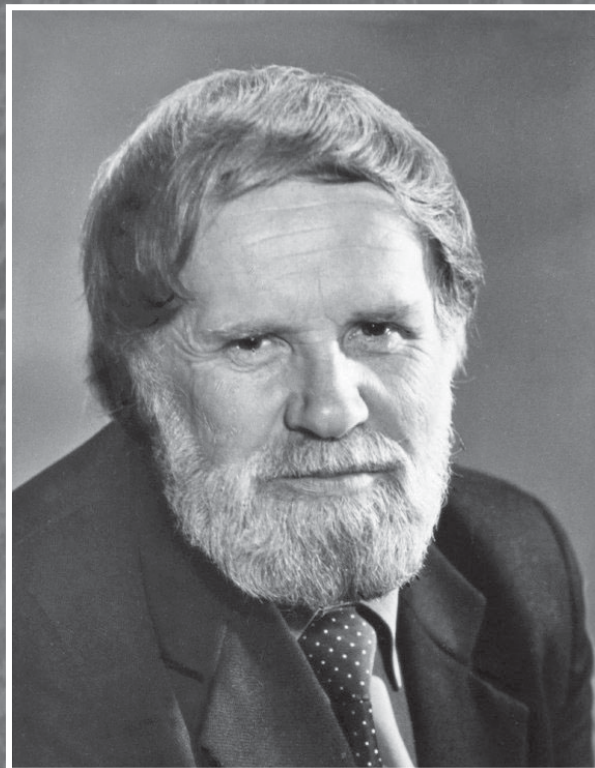
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Душа в белом халате. Александр Путинцев, Глеб Колпинский, Татьяна Твердохлебова, Татьяна Горбунова. Стихи. Евгений Вайман. Рассказы.....	166
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	137, 170
---	----------

Русскому писателю Василию Белову – 90 лет



Как-то гостил я у Белова в родной его деревне Тимонихе. И стал невольно свидетелем одной сцены. Пришла старушка с бумажкой, на которой записан адрес дочери... Пришла, чтоб писатель написал письмо ее дочери и выговорил бы ей вины ее перед родными – не пишет, совсем забыла... И столько было у старушки веры и надежды, что «Васенька, ангел наш» (она как-то произносила: «аньдели») сумеет так написать ее дочери, что та поймет наконец, что... О, сколько веры она принесла с собой, та хлопотливая старушка! Да и горе ведь принесла — отбилась дочь-то от дома, совсем отбилась. Я сперва подумал, что это какая-нибудь двоюродная тетя Белова, а та самая дочь, которую поглотил город, стало быть, двоюродная его сестрица — отсюда такая свойская доверчивость. Оказалось, нет — чужая.

В. Шукшин

Татьяна
ЧЕТВЕРИКОВА

ВЕТЕР С ИРТЫША



ВЕРБА

В коммуналке то дразги, то драмы.
А у бабушки – красота!
Выставляют зимние рамы,
Можно нянчить ее кота.
Я его сильнее прижимаю.
Вырывается кот, шипит.
...Время медленно движется к маю.
Ставлю прошлое на гереат.
Пусть же вырвется из забвенья
То, что в сердце на самом дне:
Верба... Вербное воскресенье,
Солнце счастья в промытом окне!

* * *

Над городом стрижи – и, значит, дождь.
Не СМС – но все-таки известие.
И пусть не то, которое ты ждешь,
Ведь главное, что ожидаем вместе мы.

Над городом «Стрижи» – в них мощь
страны,
В которую уже почти не верили.
Раскинулась она могучим деревом
В преддверии Победы и весны!
Дождемся!..

* * *

Конфликт ли, кризис, уголь или газ,
Кредиты, котировки и границы...
Да, новости слетаются на нас
Как хищные и бешеные птицы.
Они готовы выклевать мозги.
Да, злоба дня – на то она и злоба,
Чтоб человеку не видать ни зги
Вокруг себя, хоть и глядит он в оба.
Все выключу! Не окликай меня,
Мой друг-компьютер, ухожу поспешно.
Цветет сирень – и это злоба дня,
Хотя не злоба – красота, конечно.

ИРТЫШ

Люблю летних людей, в цветных платьях
и футболках.

Люблю оранжевые поливальные машины,
Оставляющие мелкие брызги на моей коже.
Люблю ветер с Иртыша.

Вечный ветер,
Даже в сорокаградусную жару
Напоминающий, что мы живем в суровом
краю...

Великом краю!
Здесь не всегда уместны
расслабленные ямбы, хотя:

ЧЕТВЕРИКОВА Татьяна Георгиевна родилась и выросла в Омске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького (1977, семинар Н. Н. Сидоренко). Работала корреспондентом, заведовала редакцией художественной и детской литературы в Омском книжном издательстве. В 2000–2005 гг. ответственный секретарь Омского областного отделения Союза писателей России. Автор 19 поэтических книг для взрослых и детей, лауреат всероссийских и региональных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Омске.

Он треплет клены и березки,
Платки, подола и прически.
О вечный ветер с Иртыша!
В тебе так много сил и страсти!
Так выметаю обиды, страхи,
Суровой Арктикой дыша.
А то – жарю казахстанской.
И очень редко – мягкой лаской
С Оми, от близкой Барабы.
Двух рек ребенок непокорный
Бьет по щекам, вздымает волны
Моей судьбы...

* * *

С каких озер и дальних рек
копилась влага надо мною,
чтоб одичать, пуститься в бег
и захлестнуть шальной волною?
На эту вьюгу из окна
смотреть бы, но душе неймется:
как в юность, бросится она
на дно метельного колодца.
Прощусь с привычною стезей,
пусть прошлое в снегу потонет!
И со счастливою слезой
смешаю влагу на ладони...

* * *

«Призыв» – районная газета:
семнадцать лет, мешок идей!..
И та земля, что не воспета
наивной лирою моей.

Поля капусты и пшеницы,
луга люцерны за рекой...
Любой былинке поклониться
пытаюсь глупою строкой.

...И только позже, много позже
я поумнела, чтоб понять,
что ничего-то нет дороже
земли.

Она и вправду мать.
Не хочется в плакат и лозунг,
а хочется обнять березу,
упасть в высокую траву,
чтоб ощутить острей: живу!
Вскормившая нас изначально,
не бросит нас и в день прощальный
Земля...

ВОРОНА

Ворона не ворон.

Она простодушна,
потерянный сыр стал проклятием вечным.
Ну что же – наивна,
ну что же – беспечна
и не грациозна в пространстве воздушном.
И все же люблю эту славную птицу –
идушей по скверу, смотрящей с забора.
Кусочек найдет – поклюет, угостится:
ни суеты тебе, ни nevermor'a.

* * *

О, как люблю я свежие слова
И рифмы, а еще – отсылки к локу.
Жива еще поэзия, жива
В наш агрессивный век, и слава богу!
Не рукопись пускай – печатный текст,
Что долетел ко мне по электронке.
Но автор – он из тех же самых мест,
Где все прозрачно, призрачно и тонко.
Где на Тверском бульваре, 25
Сшибались насмерть в споре о великом...
Седеть не страшно, если только знать:
Не затянуло поле повиликой,
Где вечный Пушкин, где и в наши дни
Пророческое вызревает слово.
Россия-Русь! Храни себя, храни –
Произнесу и помяну Рубцова.

* * *

Между Кембриджем и Бостоном...
А. Габриэль

Между Кембриджем и Бостоном
Нет ни Минска, ни Москвы,
Ни берез, ни снежной простыни,
Ни высокой синевы.
Не отмечен обелисками
Путь: тревожить не должны
Скорбью, каменными списками –
Отголосками войны.
Между Бостоном и Кембриджем
Мостик, птички, благодать...
За такое счастье, веришь ты,
Можно было все отдать.
Ты и отдал, что же бредится
До тоски, до мокрых глаз
То московской голопедицей,
То пузатой бочкой «Квас»?
Да, в «сложившемся и чековом»
Этот бред – скорей забыть!

...Между Пушкиным и Чеховым
Высоко – не ухватить.

* * *

Лучший музыкальный инструмент –
Это лес. В нем столько разных звуков!
Столько перезвонов, перестуков,
Столько перемен в один момент!
Ворон каркнет, скрипнет коростель,
Снова ищет Витю чечевица,
Просит пить смешливая синица,
Соловей звенит – за трелью трель...
Месяц выйдет, солнышко взойдет,
Гром ли грянет или хлынет ливень –
Лес звучит! И нет того счастливей,
Кто его расслышит и поймет.

* * *

Костры, что с юности тревожат,
те, что мечты стократно множат,
спать не пускают до утра...
Да, ваша сущность безыдейна,
как анекдот, стакан портвейна
и в нежность милая игра.
Вы не забылись через годы –
глоток любви, глоток свободы –
не оставляете меня!
Палатки, рюкзаки, гитары
и смех: когда ты станешь старым!..
И блеск, и волшебство огня.

* * *

Володе

Летом такая тоска по детству,
По маминым платьям из крепдешина.
Летом под ливнем можно согреться,
Если он хлещет неудержимо.
Только под небо, под ветер, под ахи
Мамы, пугающей списком последствий.
Как раздувалась твоя рубаша,
Брат мой последний!.. увы, последний.
Я замираю порой на вздохе
И от земли отрываюсь плавно.
Брат мой, как грустно – конец эпохи,
Пусть не великой, но все же славной.

* * *

Страшит природы постоянство,
Всегда одно, всегда одно:
Чем больше тратишь на лекарства,
Тем меньше тратишь на вино.
Уже не в радость старый кореш,
А телевизор все родней.
Природа! С нею не поспоришь,
Как говорят, «на склоне дней».
Аэропорты и вокзалы,
Мельканье дней, мельканье лиц...
Давно все это миновало!
Смотрю в окно, кормлю синиц.

...И распахнутся неба дали,
И слова молвить не смогу...
«А как мы славно зажигали», –
Мелькнет в мозгу...

* * *

Над городом спящим дрожит
Снежинок октябрьская марля...

До Нового года дожить,
А там – и до сумерек марта.
А там – дни рожденья детей.
И снова по кругу, по кругу...
Пусть меньше и встреч, и вестей,
Но осень минувших покруче.
И запахи сводят с ума,
И красок живое движенье:
Смешенье, шуршанье, круженье...
А что в перспективе зима,
Не хочется думать...

* * *

Давай помиримся с тобой,
Поднимемся обид всех выше.
Хоть ты за роковой чертой,
Я верю: ты меня услышишь.
Моя вина, твоя вина
Переплелись – неразделимы.
Все ночи горькие без сна,
Все дни, что понапрасну жгли мы,
Хочу забыть, чтоб вспоминать
Ту нежность, что объединяла
Нас той зимой, когда опять
Тобольск снегами засыпало.
Когда не верилось в весну,
А верилось: зима бессрочна.

*...Я обращаюсь в тишину,
Не в пустоту – я знаю точно.
Давай помиримся, чтоб т а м,
Когда мы встретимся, конечно,
Я прочитала по глазам
Ту нежность, и уже навечно.*

** * **

*Не спрашивай о новостях,
какие новости, my dear?
Вот, правда, двор стоит в цветах,
шафраны расцвели на диво.
А вот девчонка с рюкзаком.
На рюкзаке – такая киска!
Все это говорит о том,
что осень очень-очень близко.*

*Звонок, урок... И дождь в окно...
А после – снег волшебного-белый.
Тревожит душу лишь одно:
не прекращаются обстрелы.
Там, за грядой Уральских гор,
за Белгородом и Рязанью,
не солнце будит до сих пор,
а взрывы предраассветной ранью.
Какие новости? Я жду,
что под кремлевскою рукою
желанным миром успокоят
ту многолетнюю беду.
И будет день! И в этом дне –
салют, всей радугой сверкая!..*

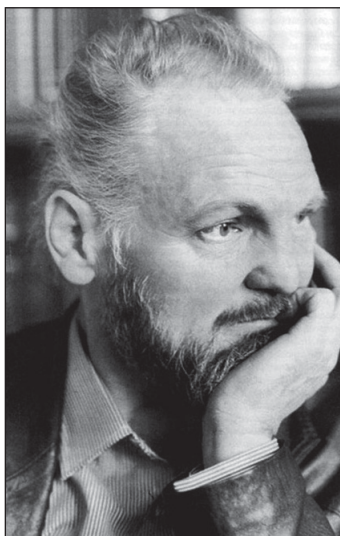
*А за ценой у нас в стране
не постоят: страна такая.*



**Владимир
КРУПИН**

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ*

Рассказы, эссе



Вечер на дворе

Последние десятилетия меня постоянно не то чтобы уж очень мучают, но посещают мысли, что я, по слабости своей, как писатель сдался перед заботами дня. И не то что б исписался, а весь как-то истратился, раздергался, раздробился на части, на сотни и сотни вроде бы необходимых мероприятий, собраний-съездов-заседаний-пленумов-форумов, на совершенно немыслимое количество встреч, поездок, выступлений, на сотни предисловий, рекомендаций, тысячи писем, десятки тысяч звонков, на все то, что казалось борьбой за русскую литературу, за Россию. Разве такая жизнь помогает спокойствию души – главному условию сидения над бумагой?

Немного утешала мысль, что так, по сути, жили и сотоварищи по цеху. Слабое утешение слабой души. Все почти, что я нацарапал, – торопливо, поверхностно. Когда слышу добрые слова о каком-либо рассказе, написанном лет сорок назад, кажется, что говорят так, жалея меня сегодняшнего. Похвала давно угнетает меня. Быть на людях, быть, как говорят, общественным челове-

ком очень в тягость. Ощущение, что поверили не мне, а чему-то во мне, что могло им послужить. Вот, обманываю ожидания.

Ну, чего теперь, поздно. Во всех смыслах: вечер на дворе. Унывать – грех. Живу с Господом. Но мог бы жить с Ним и без литературы. Она, что – миссия? Умение писать – средство передачи сведений. А посягнула на жизнь души. Еще и уверяю себя и читателей, что литература – способ приведения заблудших к Богу. А сам я не заблудший в этом выражении? Кого надо, Бог и без меня приведет.

В самом деле, зачем литература? Есть же Евангелие. Творчество – гордыня, даже Богоборчество. Как и вся цивилизация. Один Творец – Господь.

Нечего сказать, веселые мысли. Это я использую данную мне свободу выбора. Но когда я был совсем крохотным и рассуждал по-детски, кто же мне внушил мысль о писательстве? Отец гордыни диавол. Скольких он погубил мечтами о славе, о деньгах. И разве я не мечтал о славе? Еще как. «Желаю славы я, чтоб именем моим...», и так далее, так что не один я такой. Но это отро-

* Окончание. Начало в «Огнях Кузбасса» № 5, 2019 г., № 4, 2021 г.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году на Вятской земле, в многодетной семье. Отец – лесничий, мать – колхозница. Окончил школу в 15 лет, работал в районной газете «Социалистическая деревня», слесарем по ремонту сельхозтехники, три года служил в армии, в ракетных войсках. Окончил литфак Московского областного пединститута, преподавал в школе, Духовной академии, Академии живописи. Избирался секретарем Московского отделения Союза писателей, секретарем правления Союза писателей СССР, был главным редактором журналов «Москва», «Благодатный огонь». Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Автор многих книг. Главная их тема – защита православия, любовь к России, вера в ее будущее. Живет в Москве.

чество, юность, потом пошло на поправку, ибо жизнь двигалась и убеждала в бесполезности известности. И прошла. И нет же во мне ощущения, что прожил зря. Плохо, грешно, торопливо, да. А могла быть другая жизнь? Могла. Но что себя тиранил? Не ушел в монастырь – уже семья была, ее любил, не перестал писать – уже привык. И, значит, Бог так судил. Так что доживай и не мучайся. Выяснение отношений ухудшает их, а самокопание угнетает.

То, что пытаюсь выразить, поможет высказать утренняя молитва, в которой слова прямо ко мне относящиеся: «Сподоби мя, Господи, ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех; и паки поработати Тебе без лености тощно, якоже поработах прежде сатане лъстивому». А уж и поработал аз, грешный, этому лъстивому. Когда, в чем? Да во всем. Но книга моя – не церковь, читатель не священник, а я не на исповеди. Да, грешил. И цеплялся для оправдания за слова «все грешат».

Но то-то и оно, что не все, то-то и оно, что за других с нас не спросят, спросят отдельно с каждого. «И другие грешили? А что тебе до других. Их тоже спросят. Ты отвечай, почему именно ты грешил?».

Вот, вырвался в Никольское. Тридцать пять лет назад, когда впервые его увидел, было село, сейчас часть города, называется это: зона ближайшего Подмосковья. Спасли мои полдомика соседняя церковь и кладбище при ней, спасибо могильным крестам.

И уже лет двадцать в округе режут бульдозеры, ухаёт ночами забивание свай, горят в ночи огни высоченных кранов, рвут тишину и портят воздух цементовозы. Но другого пристанища для убегания из нервной трясушки Москвы на день, на два уже не будет. Тут и скворчки мои, тут и цветы, тут и яблони, и кусты смородины, малина, крыжовник. Тут и баня.

А в доме диван, на котором лежу и протягиваю наугад руку к книжным полкам. Северянин. Никак не соберусь написать о нем, уже и не соберусь – по слабости своей наобещал статей и предисловий. «Когда мадеру дохересит... когда свой херес домадерит», умел Северянин заставлять существительные работать.

И вот в его стиле написалось и у меня такое на тему о своей жизни:

*Как будто и не жил, натурил
И свое счастье упустил.*

*Сам виноват – литературил:
Рассказничал, миниатюрил,
Рецензичал и предисловил,
И постоянно празднословил,
Статейничал и повестил,
И ни семьи не осчастливил,
И состоянья не скопил.
Что ж, присно каюсь – сам виновен,
Что гибну под лавиной строк.
Но, может, путь мой был духовен,
И, даст Бог, оправдает Бог?*

Вот только на это и надеюсь, на оправдание. Жизнь моя так крепко срослась с жизнью России, что я не могу уже ни о чем писать, кроме как о своем Отечестве. Но так может писать и историк, и философ, а я-то числюсь по разделу изящной словесности. Да, кажется, есть чем отчитаться перед Всевышним: боролись за чистоту российских вод, за спасение русского леса, за то, чтоб не было поворота русских рек на юг, за преподавание Основ Православной культуры... Боролись же! Крохотны результаты, но уходило на борьбу и здоровье, и сама жизнь. Обозначено же в алтаре Храма Христа-Спасителя то, что и аз грешный начинал возрождение его. Вот и награда Церкви – орден. И можно внукам показать.

Золотятся купола, издается Священное писание, и труды Отцов, и все доступно, а Россия гибнет, народ переселяется на кладбища. Нет, нет нам оправдания. За всех не могу говорить, но аз зело и вельми виновен.

Но, Господи Боже мой, жива же Церковь православная, плывет же по морю житейскому Корабль спасения, есть же малое стадо Христово. Есть. Ты вошел в него, держись за него, будь в нем, вот и все.

Какой еще радости ждать, если дождался самой большой?

Менталитет на корточках

Приехал в свое любимое Никольское еще темно. Соседка разгребаёт дорогу от крыльца к улице. Поздоровались.

– Слышали? – говорит она. – Мы уже не Никольское, мы уже город Балашиха.

Я даже не знал, что отвечать.

– Газ, свет сейчас будут дороже, – продолжает рассуждать соседка.

И вдруг я вижу, что у нее слезы появились.

— Успокойтесь, — говорю. — Не последнее это на нас нашествие. При капитализме живем, значит, грабеж будет нарастать.

— Я не об оплате, это мы переживем, — говорит она. — У меня уже старший работает. А младший! — и тут она прямо в голос заплакала.

— Что с вами?

— Извините, — сказала она. — Я объясню. Он пришел позавчера из школы, мы все пообедали. Он вылез из-за стола, отошел к порогу и... сел на корточках! Представляете? Сел на корточках. Вот как в Средней Азии сидят, на Кавказе. По телевизору показывают. Я говорю: «Ты что»? Он говорит: «У нас в школе все так сидят». Я вчера в школу. Перемена. И — точно. Кто бегают, а большинство сидят вдоль стен на корточках. У нас же, да это и везде так сейчас, много беженцев, а больше того — просто приехали, дома и квартиры купили. Уже есть азербайджанские классы. В нашем — из Чечни, армяне, узбеки. Русских мало. Учительница с ними бьется-бьется, они же плохо знают русский язык, а наши в это время сами собой, ничему не учатся. Я хотела в спецшколу младшего перевести, а там такие цены, что и на свет не останется. Я к директору: «У вас же на корточках сидят». Она: «Я тоже удивляюсь. Спрашиваю наших, говорят, что привыкли, что удобно». Тогда я говорю: «А вы что сами с ними так не сидите?»

— А она что?

— А что она? Руками развела. Говорит: «Пишите министру».

Шестиписатели

Так обзову шестидесятников. Начал по памяти их перечислять, да бросил, память не та. Кого не надо, упомяну, кого надо, забуду. Были же и Владимов, и Куранов, и Максимов. Было и явление Казакова. Белов, Лихоносов, Распутин, Потанин... Но не о них вещает пропаганда демократов, а о, например, Аксенове, Войновиче, Алешковском. Подтасовывают актеров, «Современник», Таганку, художников... забыл этого, еще в сапогах ходил, хвалился, что пил с Высоцким, Петра Первого изуродовал, ну, неважно. На том же ополитизированном уродстве выехал и Эрнст Неизвестный. Как ими не восхититься? Это надо уметь — заставить мир признать посредственность гениальностью, выдрючивание искусством.

Когда о пьянках с Высоцким вспоминает Иван Бортник, так все-таки друг, имеет право, да пьянками и не хвалится. А Кабаков, шестидесятник, —

это и писатель, видимо, или еще и художник такой выпендрейник? Но я не намеренно, не для оскорбления так их вспоминаю, а в самом деле не помню. А за что их помнить? Того же, по сравнению с ними юного, нынешнего Ерофеева? Тот-то Ерофеев, Вениамин, был почестнее многих, хоть и похабник, что и послужило его прославлению. Матерщинник Лимонов хоть писать умел, да и все-таки пострадал, посидел в тюрьме, давшей ему удобную камеру и время для творчества.

Битов тоже писатель, но нигде и никогда не славивший России. У него даже в «Уроках Армении» Сарьян говорит: «Я понимаю, откуда армяне, я понимаю, откуда евреи, а откуда русские?» Но тому Сарьяну не русские ли воздавали почести?

Разные они, но я не о ком-то в частности, я о тенденции.

Четверка наших солдат во главе с Зиганциным, которые совершили в начале шестидесятых подвиг, поразивший весь мир (надо ли о нем рассказывать, уж это-то должно быть известно), вызвала к жизни четверку ливерпульскую, битлов. Такой известности, такой гордыни мир не знал доселе. Сатана безошибочно поставил на этих бесенят. «Мы, — орали они на пресс-конференциях, — более знамениты, чем Иисус Христос».

Думаю, многое сдвинулось в умах молодежи с их появлением. В худшую сторону.

А главное — из искусства был хирургически изъят, как лишний, основной образ двигателя мировой истории — труженика. И общество потребителей музыки обошлось без него. А от музыки все — она задает ритмы эпохе. Если она не мелодия, не гармония, то есть не размягчает души и не делает их готовыми для молитвы, то начинает работать на разрушение души. Отсюда вся бесовщина эстрады, мелкотемье и хохмочки литературы, показ разврата в кино и на телевидении.

Шестидесятники не сопротивлялись вторжению дерготни в музыку и умы, они даже были рады. В этом шуме и бездумье и они чего-то стоили, да еще их подкачивали известностью и оплатой. Они и вспузырились от этой своей раздутости, а она оказалась пустой. Но дело было сделано: поколение за поколением стали считать и битлов певцами, и крики и кривляния искусством, и Аксенова с Войновичем писателями, и мазню живописью. А так как выдрючиваться, особенно бессовестным, легко, то количество выдрючивания завалило то настоящее, которое все-таки было в стране.

Они изображали себя смелыми, но были лакеями при властях. Эти «уберите Ленина с денег», и «Братские ГЭС», и сколько-то шагов к мавзолею, разве не холуйство? Оно в том, что человек трется около денег и около начальства. Данный от Бога талант тратит на себя, а не возвращает его Богу.

О, как их всегда тешило приглашение к начальству, как любят теперь преподносить в воспоминаниях такие встречи и себя в них — как гордых и независимых. Они заметны, с ними считаются, их вынуждены пригласить, а то, что лично с ними большой начальник не поговорил, так это оттого, что холуи еще большего размера и наглости не дали подойти. Но водочки хорошей тяпнули, хорошо закусили, чем не герои? (Аксенов).

Но время — тот самый Божий суд для наперсников разврата. Он приговорил шестидесятников к забвению.

Или не так? Очень даже так. Вроде бы и протражированы, и прозкранены, и прохвалены, но уже только материалы для историков культуры. Но если исходное сырье суррогатно, какая ж будет пища? Несъедобная. Попробуешь, да и выплюнешь.

«Дети! Последнее время!»

Так воскликнул апостол Иоанн, ученик Христа, обращаясь к собратьям, начавшим проповедь христианской любви во всех концах Вселенной. Последними он назвал времена, наступившие после Вознесения Воскресшего Христа. Ко Кресту Его пригвоздили люди своими грехами. Не были они вразумлены ни водами Вселенского потопа, ни огнями Содомы и Гоморры. Приход Сына Божия на землю был последней милостью Бога-Отца к грешному человечеству. На Голгофе кончилось избранничество какой-либо нации и наступило время деления людей на тех, кто идет за Христом, и на тех, кто служит сатане. Что общего у света с тьмой, у Христа с Велиаром? «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской». (Кор.10-21). Третьего не дано. Ад или рай. И тут ни при чем лукавые католические сказки про какое-то чистилище.

Всем дана свобода воли, каждый может быть кем угодно: мусульманином, иудеем, буддистом, протестантом, кришнаитом, но должен знать главное — судить будет Христос, Сын Божий. А Суд неизбежен.

Понятия «русский народ» не было до Крещения Руси, была Русская земля, после Крещения стала Святая Русь сродни небесному Иерусалиму. Оттого мы непобедимы, что не дорожим земной жизнью, знаем: наше Отечество в небесных пределах, на земле мы в гостях. Но заработать место у Бога можно только на земле, борьбой за то Отечество, в котором было суждено появиться на свет, за свою душу. Она не наша, Божья. Мы ее получили чистой, чистой и сдать должны.

Самые счастливые люди на планете — славяне. Потому что душа у мира — православная, славянская. Душа славян живет не во времени, а в вечности. Какие бы политики, как черные вороны, не накаркивали нам беду, как бы ни разделяли, мы тянемся друг ко другу. Чувство соборности в славянах заложено на генном уровне. Как и чувство братства. А соборности и братства не может быть без нравственного начала. Кстати, на западные языки соборность переводится как симпозиум, саммит. Уже отсюда понятно, что им нас не понять, а значит, им хочется принизить нас до своего понимания, даже унижить. Считали славян унтерменшами и считают.

И мы слышим неумолчную трескотню политиков и писак о России — империи зла, тюрьме народов, стране криминала. Но тратить время на их разубеждение — бесполезно. В это только ввяжись. Выдуманно, что Сталин, выпив в дни Победы рюмку за русских, любил их сильнее других, но кто же, как не он, вскоре выступил против создания компартии России, хотя таковые были во всех республиках. Придуманно, что мы Иваны, не помнящие родства, но кто более славян дорожит памятью предков, а уж родовая память у нас вообще щепетильна, хотя не переходит в тщеславие, и на первом месте у нас не происхождение, а деловые качества. Придуманно, что мы — пьяницы еще с докрещенских времен, но как же мы ум-то свой за полторы тысячи лет все никак не пропьем, ведь все в мире: и наука, и искусство, — держится русскими, славянскими талантами. Придуманно, что мы — лодыри, а кто же за нас облагородил шестую часть планеты? Мы всё обороняемся, а надо наступать. Какая может быть политкорректность, когда обо мне говорят гадости, а мне и правду нельзя сказать. А толерантность означает привыкание к заразе.

Я не говорю, что славяне лучше всех, но спрашиваю: есть в мире вселенская иерархия? Есть. Без нее нельзя. Кто на ее вершине? Нет, это ника-

кое не мировое правительство, это, конечно, Господь, создавший мир. А дальше? А дальше те, кто к нему ближе. И кто же ближе тех, кто хранит в чистоте евангельское учение, апостольские предания? Конечно, славяне, конечно, православные.

Время летит к концу света, убыстряется. Старцы говорят: «Прошли времена, остались сроки». Время – главная ценность, оттого так велики усилия сатанинских слуг, чтобы украсть его у нас. Заполнить его пространство чем угодно. И прежде всего – заменить нравственные ценности ценностями материальными. Это главное бесовское ухищрение. Ведь кажется, жить можно: нет явных гонений на веру, на плаху за убеждения не тянут. Но это внешнее. Не преследуют люди, но обступают бесы. Что есть разгул пороков, хулиганства, проституции, омужичивание женщин, шествия педерастов, наркомания как не успешные усилия врага рода человеческого? Страшны огни адские, но огни похоти страшнее. Они постоянно, как фейерверк в ночном клубе, разжигаются усилиями слуг сатаны, особенно с помощью искусства. А что основа любого искусства? Слово. То есть то, чем был создан мир, превращается в орудие убийства мира. Либералы славят только то из написанного, что развращает, порочит все святое. И зовут в какое-то якобы цивилизованное мировое сообщество. В какое? В английское, где дядечек венчают? В американское, где считают, что деньги могут все?

Долго мусолили фразу: «Красота спасет мир», и она уже над всеми сценами конкурсов красоты, там, где девушек измеряют, как породистых сук на собачьих выставках. Нет, мир спасет святость – последнее, что не удастся сатане использовать в свою пользу.

Это опять-таки не объяснить тем, кто считает, что материальное состояние человека определяет его сущность. Вот Янкель. Он же совершенно искренне не понимает, за что Тарас Бульба негодует на сына. За что? Сын полюбил полячку, а отец ее – воевода, да такой богатый, дочка у него такая красивая, повезло тебе, запорожец. И знатное родство, и деньги. А слова о родине, вере православной, о чести и бесчестии для Янкеля просто непонятны. Он такой был, такой остался. Янкель сейчас в советниках у начальства, он уже и сам банкир, у него с ладони и депутаты, и журналисты клюют. Его не переделаешь. Вспоминаю маму, которая в таких случаях о таких людях говорила: «С такими не связывайся. Плюнь да отой-

ди». Это народный перевод начала Псалтыри: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста и на седалище с губителями не седе».

Именно классика сохранила народное чувство семьи, родины, веру христианскую. Взорвали церкви, убили и заточили священников, сожгли священные книги, Хрущев, стуча ботинком по трибуне ООН, обещал показать с нее последнего попа. И что? Классика в основе своей была православна, она, как пушкинская царевна в лесном домике, вначале «затешила Богу свечку», а уж потом «затопила жарко печку». И не протест мифическому «темному царству» смерть Катерины из «Грозы», а не может она вынести всплеска совести, этого голоса Божия в человеке, ибо осквернила брачные узы. «Поздно, – говорит Дубровскому Маша Троекурова, – я обвенчана с князем Верейским». Русская литература не оправдывала нарушения нравственных законов. Более того, обвиняла в несчастьях человека его самого. Вот «Тихий Дон». Конечно, и Свердловы, Штокманы, и Чапаевы убивали казачество, ну, а сам Григорий Мелехов? Он доводит Наталью до попытки самоубийства, и, как возмездие за грех, умирает его с Аксиньей дочка, рожденная в блуде.

За сто лет до «Слова о полку Игореве» было создано «Слово о Законе и Благодати» – учебник нашего отношения к жизни, указатель водораздела между отношением ко Христу, противостояние иудаизма и христианства. Это противостояние – главное в мировой истории, и вся история заключается в одном: мир или приближается ко Христу или удаляется от него. И теперь явно, что физическое уничтожение церквей и православных людей не смогло удалить от Престола Божия, а теперешние гонения на душу удаляют.

Нам, славянским писателям, надо терпеливо продолжать делать свое дело, ведь наше дело правое, читатели нам верят, пора и нашим руководителям понять, что православное славянство никогда не будет похожим ни на кого в мире. В Отечественную войну мы воевали не только с Германией, а вообще со всей обезбоженной Европой. Чехи делали для Гитлера танки, болгары кормили захватчиков, свободолюбивые французы залили оккупантов вином, завалили закуской, в союзе с фашистами воевали хорваты, румыны, итальянцы, финны, норвежцы... И это те, кто не был лишен ни храмов, ни религиозной литературы. А гонимые за веру русские люди встали на защиту того государства, которое их убивало.

Они защищали не систему, не идеологию, а Отечество, свои святыни.

Литература для славян никогда не была ни развлечением, ни наживой, она была борьбой за человека, его душу. Чистота и прозрачность славянской поэзии и прозы в лучших ее образцах была родниковой. Таковой и должна остаться. Вспомним евангельское, что не может чистая вода течь из замутненного источника. В применении к литературе источник — это сердце писателя.

И нечего нам стесняться: в духовном смысле мы — ведущие в мире.

Бумажные цепи

С годами все обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год. Елочных игрушек у нас было мало — терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком. А принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем — нет курочки. Клоун тут, самолетик тут, домик тут, где курочка? Начиналось следствие. Старшая сестра вспоминала сама и заставляла всех вспоминать: кто в прошлом году разбирал елку, кто? Никто не помнил. И вообще никто не любил разбирать елку, всем хотелось, чтоб она подольше стояла. Значит, родители. Но чтобы родители могли сделать что-то небрежно, такого и подумать было невозможно. Потерянная курочка становилась еще дороже именно оттого, что была потеряна.

— К соседям ушла, на соседский сарай, — говорила мама, — там несется. Ничего, к Пасхе вернется, без яиц не останемся, не переживайте.

В заботах о новой елке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, все равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цепи, и снег, и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырек клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились. Но мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. Мама стригла газеты на длинные узкие полоски, их с одной стороны покрывали разными красками или тушью, они быстро сохли, их резали на равные частички — это для цепей. На фонарики — тетрадную бумагу. Для «снега» жертвовали разноцветные промокашки.

Первое кольцо для цепи склеивалось сразу, второе — в виде полоски — продевалось в первое, потом тоже склеивалось. И так далее. Подбирали цвет, чтоб не было подряд двух красных колечек или двух синих. Клея к этому времени не остава-

лось, и вместо него пользовались вареной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, то зачем тратить муку.

Мама доставала со дна швейной машинки «Зингер» шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая с нее столько нитки, чтобы ее хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. Гирлянды возносились на свои места самыми первыми, еще до появления елки, чтоб потом ее не потревожить.

А цепи, копящиеся около стола шуршащей грудой, все удлинялись и удлинялись. И уже мне казалось, что хватит, но нет, старшие продолжали трудиться, значит, и я с ними. Младшие засыпали прямо за столом. И на другой день, в последний день старого года, еще все делали цепи. Но уже без нас со старшим братом, мы шли на лыжах за елкой. Брат по-мужицки затыкал топор за ремень телогрейки, мне доверял только санки.

В лесу, в его тихом, белом сиянии, ожидающем восхождения солнца, елочек были целые заросли.

— Эту возьмем! — кричал я, хватая ту, которая ближе. Снег осыпался с ветвей, елка радостно зеленела. Любая елка казалась мне красавицей, мало того, я любую жалел и желал всем елочкам счастливого Нового года.

— Маленькой елочке холодно зимой, — говорил я, — из лесу елочку надо взять домой. Давай побольше наберем, — предлагал я брату. — Все нарядим, им же обидно, вот одну возьмут, а они — так под снегом и жить?

Брат взглядывал на меня с непонятным мне интересом и все искал и искал единственную из десятков самых разных. Уже и солнце всходило, уже я замерзал и хныкал, а брат все продолжал поиски. Наконец решался. Но уж зато и елочка у нас была! Ровно под потолок, шатериком, веточка к веточке, а запах! Будто брат и запах выбирал — запах слышался уже в сениях. В чулане находили прошлогоднюю крестовину или делали новую, устанавливали елку и начинали наряжать. Младшие улепляли игрушками подол елочки, мне доставались ветки повыше, маме еще повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство.

Начинали окружать елку цепями. Осторожно, чтоб не порвать, подавали брату, он закреплял первое колечко на лапку у звезды, потом переставлял табуретку, принимал от нас волны бу-

мажной цепи, которая серпантинной спиралью опоясывала разноцветное зеленое чудо.

Доблесть была в том, чтобы цепь нигде не разорвалась. Если кто попадал между елкой и цепью, работа останавливалась. Попавший вылезал на свободу.

– Ой, не хватит, – переживала сестра, – ой, давайте реже окружать.

Но реже не хотелось, потому что когда много таких цепей, то вся елка становилась кружевной. И всегда все сходилось в самый раз. Последнее колечко укрепляли на ветке у самого пола.

– Это как пельмени стряпашь-стряпашь, – говорила мама, – и боишься: вот теста или фарша мало будет, вот лишнее, а всегда выходит точно.

Мы любовались елкой. Отец начинал рассказывать, какие елки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали. Еще бы ему не помнить: делали тогда елку фактически для него одного, он был один сын, а кроме него – десять сестер, наши тетки.

– Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, – начинал отец. Мы уже знали, о чем будет рассказ, о французской булке, но с радостью слушали, таких булок мы не едали. – Поехал и привез всем калачей, сушек, а мне еще отдельно французскую булку. Бабушка говорит: «Съешь, Колюшка, половинку сейчас, а вторую половинку завтра». И разрежала булку. А мне это так обидно показалось, говорю: «Зашивай, и все!» И она, что вы думаете, она...

– Зашила! – кричали мы.

– Баринoм рос, – говорила мама. – Нечего говорить, баринoм.

– Да, довольно хмыкал отец, – мне ногами до пяти лет не давали ходить, все на руках таскали.

– Так уж до пяти? – сомневалась мама.

– Ну, до трех, – сбавлял отец и вспоминал дальше: – А у нас в деревне были микаденки, прозвали по отцу, у них отец пришел с японской войны и все время говорил: микадо, микадо, это японское слово.

– Это – император, – говорила сестра.

– Семья большая, звали детей микаденки. У них был японский фонарь, ох, они им хвалились. Их тоже выслали. Их раньше, успели собраться, может, фонарь сохранили, а нас выслали – ни минуты на сборы, всё бросили. Игрушки пропали. А в Сибири игрушки делали из шишек. Навешаем кедровых, потом орешки щелкаем.

– Ой, а корова! – вскрикивала мама. – Отец, поило приготовил?

– Так точно! На моей фабрике ни одной забастовки. Вот как нас елка увлекла, даже про корову забыли. А у нее скоро будет теленок, к ней надо чаще ходить.

Но как же не хотелось уходить от елки! Раньше мы наперебой, напередир, как выражалась мама, старались завоевать право нести фонарь, идти с мамой или с отцом давать корм корове, поросенку, курам, а сегодня маме пришлось назначать себе спутника.

– Нет добровольцев? – спросила она и поглядела на елочку. – Ну, конечно, где ж корове против елки.

Да, но оставалось в деле украшения еще одно – «снег». И оставшуюся цветную бумагу, и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот «снег» – название «конфетти» мы узнали позже – этот «снег» перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу елочку как будто дождем. А последние заскребышки взлетали над нами и падали нам на головы, на плечи.

– Ой, – пищала младшая сестренка, – ой, на реснице сидит, ой, тихо! Ой, упала!

И она начинала реветь.

Младший брат пытался водворить «снежинку» на ресницы сестренки, но тут возвращалась мама. Мы ужинали и начинали ждать Новый год.

У наших детей все будет уже по-другому: дорогие zahraniчные елочные украшения, мигающие электрические гирлянды, шагающий игрушечный Дед Мороз, луноход на батарейках, трещащие, похожие на взаимправдашние, автоматы и настоящий Дед Мороз, приносящий в оплаченное время оплаченный подарок. И уж, конечно, съедобные подарки будут другими: фрукты, шоколад, конфеты всех мастей. «Нам бы в детство такие конфеты, – недавно сказала сестра, – мы бы из этой серебряной фольги резали «снег».

Да уж, вспомнили мы свои тогдашние подарки в пакетах из газет: печенишко, конфеты-подушечки, булочка. Пакеты вышли из моды, началась новогодняя упаковка из полихлорвинила – в виде матрешки, сундучка, царь-пушки, золотого ключика, а то и вовсе в виде башни...

Но все-то мне кажется, что у нас было больше радости от Нового года. Больше. Мы сами создали его. Сидя у керосиновой лампы, тыча от усталости носом в стол и все равно ни за что не

уходя, пока не будет полночь, пока не наступит этот щемящий, так томительно ожидаемый и тут же исчезающий миг, — разве можно уйти спать, провалиться в сон? Да ни за что! Мы сидели, глядели на елку, кое-что еще подправляли на ней, каждый раз обсуждая, как будет смотреться перецепленная игрушка на новом месте.

— Ты от порога посмотри, ты близко смотришь, — говорила сестра.

Старший брат брал в руки лампу, и мы торжественно обходили елку вокруг.

— Хороводы завтра, — строго говорила сестра. — Сейчас в «морской бой» или в «города».

— В «пуговики», — хныкал младший брат. Он уже совсем-совсем засыпал. Младшая давно спала.

Первое свое стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании: «Растет история, и вот мы вместе с ней растем. И пусть войдем мы в Новый год, как в новый дом войдем».

А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом все плохое. И хотя мы по-старому ломали лыжи, бросаясь на них с Красной или Малаховой горы, по-старому обмораживались, но все равно счастье продолжалось: дома нас ожидала елка, и ее запах соревновался с запахом свежей стряпни. О, эти мамины плюшки, ватрушки, это зимнее мороженое молоко, эти пестрые пузырчатые блины...

Самое загадочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на елке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился... И всегда-всегда мы делали бесконечные бумажные цепи, оковывали ими елочку.

И вот я, понимающий, что в моей жизни все прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не елочку украшал — я себя приковывал к родине, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных.

Правда, крепче. Детство сильнее всей остальной жизни.

Привет, кикиморы!

Дорогие земляки, позвольте именно так к вам обратиться. А как иначе? Вы же сами, получается, согласились на такое прозвище вятских людей. Что называется, ради брэнда.

Милые вятчи и вятчаночки, вы сбрендили. Единственное, что вас оправдывает, так это то, что вас не спросили. Какая кикимора? Вообще, подумайте: Киров — город кикиморы? И так-то жить, осознавая себя живущим в Кирове (а он же человек, то есть жить в какой его части? Ладно, в голове, а если гораздо ниже?), так еще и эта напасть. Нет уж, извини-подвинься. Годы и годы говорим мы о возвращении имени Вятка Вятке, о самой лучшей земле нашей любимой России. Никакой это не Хлынов, не селение ушкуйников, это Вятка — святая наша, единственная родина. И вот теперь ее вновь оскорбляют ради издевательского, якобы сказочного проекта.

Скажут: ну это же шутка. Нет, товарищи, авто-ры таких проектов очень не дураки. Если они и смеются, то только над нами. Сделано тонко: разве кто-то будет против, если русская сказка придет в современную жизнь России? Тут и я, да и все мы не будем против, это очень хорошо. Но, спросим, почему же среди персонажей русских сказок выбраны именно представители нечистой силы? Тут детей наших и их неразумных родителей тянут к праздникам представителей ада? Уже и сейчас в школах бывают маскарады ряженых ведьм, вурдалаков, всяких масок из преисподней. Это и есть тот самый праздник Хэллоуин, день бесовщины. Очень ценная, заметим, культура достается России от цивилизованного Запада.

Почему, спросим мы, не взяты из народного творчества величайшие, воспитывающие добро и любовь, образы Василисы Прекрасной, Марьюшки, Финист-ясна сокола, Иванушки, Крошечки-Хаврошечки? А былинные мотивы? Именно вятский человек воочию увидел на родных просторах богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, вот чем нам можно и нужно гордиться.

Что, эта кикимора будет воспитывать любовь к Отечеству, к родителям, к труду? Приучать к честности?

Скажут: а другие? А что другие? Вот и им от нас будет пример, чтоб с ума не сходили. Хочется известности? Она у вятских есть, и очень даже громкая. Вон наши соседи объявили, что Великий Устюг — родина Деда Мороза. Но это же глупость. Дед Мороз пришел к детям как святитель Николай. Родом, напомним, грек, из Малой Азии, какой тут Великий Устюг? Это город таких потрясающих по своей силе, воле и полезности Отечеству землепроходцев, что грешно забывать их. А тут Дед Мороз. Хотя все-таки не Дед Кикимор.

Сказанного достаточно.

Марусины платки

Эта старуха всегда ходила в наш храм, а как вышла на пенсию, то стала быть в храме с утра до вечера. «Чего ей тут не быть? – говорили про нее другие старухи, которые тоже помогали в службе и уборке. – Живет одинешенька; чем одной куковать, лучше на людях». Так говорили еще и оттого, что от старухи много терпели. Она до пенсии работала на заводе инструментальщицей. У нее в инструменталке была чистота, как в операционной. Слесари, токари, фрезеровщики хоть и ругали ее за то, что требует сдавать инструмент чуть ли не лучше нового, но понимали, что им повезло: у них было не как в других цехах, где инструменты лежали в куче, тупились, быстро ломались.

Такие же образцовые порядки старуха завела в храме. Ее участок, правый придел, сверкал. Вот она бы им и ограничивалась. Но нет, она проникала и на другие участки. Никого не корила за плохую работу. Просто пережидала всех, а потом, оставшись одна, перебивала и перетирала за своих товаров. Даже и староста не могла поторопить старуху. Только сторож имел на нее управу, он начинал греметь старинным кованым засовом и сообщал, что луна взошла. Другие старухи утром приходили, конечно, расстраивались, что за них убрали, но больше ничего сказать не смели. Конечно, в следующий раз они старались сильнее, но все равно, как у старухи, у них не получалось: кто уже был слаб, кто домой торопился, кто просто не привык стараться, как она.

У старухи был свой специальный ящичек. Это ей по старой дружбе кто-то из слесарей сделал по ее заказу. Из легкой жести, но прочный, с отделениями для целых свечей, для их остатков, отделение для тряпочек, отделение для щеточек и скребков, отделение для порошков и соды.

Видимо, этого ящичка боялись пылинки, они не смели сесть на оклады икон, на деревянную позолоченную резьбу иконостаса, на подоконники: чего и садиться, все равно погибать. И хоть и прозвали старуху вредной, но то, что наша церковь блестела, лучилась отражением чистых стекол, сияла медовым теплым светом иконостаса, мерцала искорками солнца, отраженного от резьбы окладов, – в этом, конечно, была заслуга старухи.

Но вредной старуху считали не только соратницы, а и прихожане. К ним старуха относилась, как к подчиненным, как старшина к новобранцам.

Если в день службы было еще и отпевание, старуха выходила к тем, кто привез покойника, и по пунктам наставляла, как внести гроб, где развернуться, где стоять родственникам, когда зажигать свечи, когда выносить... То же и венчание. Крестили не в ее приделе, хотя и туда старуха бросала зоркие, пронзительные взгляды. Иногда, если какой младенец, сопротивляясь, по грехам родителей, орал особенно безутешно, старуха считала себя вправе вторгнуться на сопредельную территорию и утешить младенца. И в самом деле, то ли младенец пугался ее сурового вида, то ли она знала какое слово, но дитенок умолкал и успокаивался на неловких руках впервые зашедшего в церковь крестного отца.

Старуха знала наизусть все службы. «Ты, матушка, у меня не просто верующая, ты профессионально верующая», – говорил ей наш настоятель отец Михаил.

– А почему ты, – сурово вопрошала старуха, – почему на проскомидии не успеваешь читать поминания?

– Матушка, – вздыхал отец Михаил, – с благодарностью и смирением принимаю упрек, но посмотрю, сколько записок.

– Раньше вставай, – сурово отвечала старуха. – А то чешешь, чешешь, людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и иже с ним. Чего это за имя – «иже с ним»? У тебя-то небось имя полное – отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал.

Она крестилась.

– Прости, матушка, – терпеливо говорил отец Михаил.

– Бог простит, – сурово отвечала вредная старуха.

Во время службы, когда выносилось для чтения Святое Евангелие и раздавалось: «Вон-мем!» – старуха окаменевала. Но могла и ткнуть в бок того, кто шевелился или тем более разговаривал. Стоящая за свечным ящиком Варвара Николаевна тоже опасалась старухи и не продавала свечи, не принимала записок во время пения «Херувимской», «Символа веры», «Отче наш», «Милость миру». Она бы и без старухи не работала в это время, но тут получалось, что она как бы под контролем.

Прихожан старуха муштровала, как унтер-офицер. Для нее не было разницы, давно или недавно ходит человек в церковь. Если видела, что

свечи передают левой рукой, прямо в руку вцепляясь, на ходу свечу перехватывала и шипела: «Правой, правой рукой передавай, правой!» И хотя отец Михаил объяснял ей, что нигде в Уставах Церкви не сказано о таком правиле, что и левую руку Господь сотворил, старуха была непреклонна. «Ах, матушка, матушка, – сетовал отец Михаил, – у тебя ревность не по разуму».

Когда старуха дежурила у праздничной иконы, или у мощей преподобномучеников, или у плащаницы, то очереди молящихся стояли чинно и благолепно. Когда, по мнению старухи, кто-то что-то делал не так, она всем своим видом показывала этому человеку все его недостойнство. Особенно нетерпима была старуха ко вновь входящим в храм, к молодежи. Женщин с непокрытыми головами она просто вытесняла, выжимала на паперть, а уж тех, кто заскакивал в брюках или короткой юбке, она ненавидела и срамила. «Вы куда пришли? – неистово шептала она. – На какую дискотеку? Вы в какие это гости явились, что даже зачехлиться не можете, а?!»

А уж намазанных, наштукатуренных женщин старуха готова была просто убить. Она очень одобрила отца Михаила, когда он, преподавая крест по окончании службы, даже отдернул его от женщины с яркой толстой косметикой на лице и губах. «Этих актеров, – говорила старуха, – убить, а ко кресту не допускать».

А еще мы всегда вспоминаем, как старуха укротила и обратила в веру православную одного бизнесмена. Он подъехал на двух больших серых машинах («цвета мокрого асфальта», говорили знающие), вошел в храм в своем длинном кожаном пальто с белым шарфом, шляпу, правда, снял. Вошел таким начальником, так свысока посмотрел на всех нас. А служба уже кончилась, прихожане расходились.

– Где святой отец? – резко и громко сказал незнакомец. – Позовите.

– Какой святой отец? – первой нашлась старуха. – Ты нас с католиками не путай. У нас батюшка, отец Михаил.

Отец Михаил, снявши в алтаре облачение, шел оттуда в своей серой старенькой рясочке. Незнакомец картинным жестом извлек пачку заклеенных купюр и, как подачку, протянул ее отцу Михаилу.

– Держи, святой отец!

– Простите, не приму, – поклонился отец Михаил и пошел к свечному ящику.

Оторопевший незнакомец так и стоял с пачкой посреди храма. Первой нашлась старуха.

– Дай сюда, – сказала она и взяла пачку денег себе.

– Тебе-то зачем? – опомнился незнакомец. – Тут много.

– Гробы нынче, милый, дорогие, гробы. На гроб себе беру. И тебя буду поминать, свечки за тебя ставить. Ты-то ведь небось немощный, недокормленный, до церкви не дойдешь, вот за тебя и поставлю. Тебя как поминать? Имя какое?

– Анвар, – проговорил незнакомец.

– Это некрещеное имя, – сурово сказала старуха. – Я тебя буду Андреем поминать. Андреем будешь, запомни. В Андрея крестись.

Крестился или нет, переименовал имя или нет этот бизнесмен, мы не знаем. Знаем только, что деньги эти старуха рассовала по кружкам для пожертвований. Потом отец Михаил, улыбаясь, вспоминал: «Отмыла старуха деньги демократа».

Непрерывно впадая в грехи осуждения, старуха сама по себе была на удивление самоукорительна, питалась хлебушком да картошкой, в праздники старалась сесть с краю, старалась угадать не за стол, а на кухню, чтоб стряпать и подавать. Когда к отцу Михаилу приходили нужные люди, и их приходилось угощать, старуха это понимала, не осуждала, но терпела так выразительно, что у отца Михаила кусок в рот не лез, когда старуха приносила с кухни и брякала на стол очередное кушанье.

Был и еще грех у старухи, грех гордости своей внучкой. Внучка жила в другом городе, но к старухе приезжала и в церковь ходила. Она была студентка. Помогала старухе выбивать коврики, зимой отскребать паперть, а летом... а летом не выходила из ограды: они обе очень любили цветы.

Церковный двор у нас всегда благоухал. Может, еще и от этого любили у нас крестить, что вокруг церкви стояли удобные широкие скамьи, на которых перепеленывали младенцев, а над скамейками цвели розовые и белые кусты неизвестных названий, летали крупные добрые шмели.

На Пасху к нам приезжал архиерей. Конечно, он знал нашу строгую старуху и после службы, когда на прощание благословлял, сказал ей, улыбаясь: «Хочу тебя задобрить» – и одарил старуху нарядным платком, на котором золотой краской был изображен православный храм и надпись: «Бог нам прибежище и сила». Именно такими платками уже одаривал прихожанок отец Михаил,

но мы увидели, как обрадовалась старуха архиепископу подарку, и поняли: свой платок она отдаст внучке.

И вот ведь что случилось. Случилось то, что приехала внучка, примерила платок перед зеркалом, поблагодарила, а потом сказала:

– А я, бабушка, в наш храм больше не пойду.

– Почему? – изумилась старуха. Она поняла, что внучка говорит о том храме, в городе, где училась.

– А потому. Я так долго уговаривала подругу пойти в церковь, наконец, уговорила. Не могла же я ее сразу снарядить. Пошла, и то спасибо: она из такой тяжелой семьи – отец и братья какие-то торгаши, она вся в золоте, смотреть противно. А я еще тем более была рада, что к нам в город американский десант высадился, пасторы всякие, протестанты, баптисты...

– Я бы их грязной шваброй!

– Слушай дальше. Они заманивали на свои встречи. Говорят: напишете по-английски сочинение – и к нам поедете в гости. И не врал. Подруга написала – она ж английский с репетиторами, – и съездила. Ей потом посылка за посылкой всякой литературы. Тут я говорю: «Людка, ты живи, как хочешь, но в церковь ты можешь со мной пойти для сравнения?» Пошли. И вот, представляешь, там на нас такая змея выскочила, зашипела на Людку: «Ты куда прешься, ты почему не в чулках?» А Людка была в коротких гольфах. Ты подумай, баб, прямо вытолкала, и все. Людка потом ни в какую. Говорит, в Америке хоть в купальнике приди, и ничего. И как я ее ни уговаривала, больше не пошла.

– В купальнике... – пробормотала старуха. И заходила по комнате, не зная, что сказать. Ведь она слушала внучку, и будто огнем ее обжигало, будто она про себя слушала, будто себя со стороны увидала. А она-то, она-то, скольких она-то отбила от Божьего храма! «Господи, Господи, – шептала старуха, – как же Ты, Господи, не вразумил меня, как терпел такую дуру проклятую?»

Внучка пошла по делам, а старуха бросилась на колени перед иконами и возопила:

– Прости меня, Господи, неразумную, прости многогрешную!

И вспомнилось старухе, как плакали от нее другие уборщицы, от ее немых, но явных упреков, ведь которые были ее и постарше, и слабее, а Богу старались, как могли, потрудиться, а она их вводила в страдания. Старуха представила, как

ее любимую внучку изгоняют из храма, и прямо-таки вся залилась слезами.

А она-то, она-то! Ведь как в зеркало на себя посмотрела! Были, были в ее жизни случаи, когда она так же шипела, как змея, – прости, Господи, – на молоденьких девчонок в коротких юбках или простоволосых. Где вот они теперь, миленькие, кто их захороводил?

И вспомнила старуха, как однажды, в престольный праздник, прибежала в храм и бросилась на колени перед распятием женщина, а она резко вцепилась той в плечо: «Разве же встают в праздник на колени?» – и как женщина, обращая к ней залитое светлыми слезами лицо, торопливо говорила: «Матушка, ведь сын, сын из армии вернулся, сын!»

А как однажды она осудила женщину, другую уже, за то, что та уходила из храма после «Херувимской». И как эта женщина виновато говорила ей: «Свекор при смерти».

А как она осуждала товарок за то, что уносят домой принесенные в храм хлеб и печенье. Конечно, их всегда им раздавали, но старуха осуждала, что берут помногу. А может, они соседям бедным несли или нищим, сейчас же столько нищеты...

– Боже, Боже, прости меня, неразумную! – шептала старуха.

А больше всего ей вспоминалось одно событие из детства. Было ей лет десять, она позавидовала подругам, что у них пальто с воротниками, а у нее просто матерчатое. И пристала к отцу. А отец возьми да и скажи: «Надо воротник, так возьми и отнеси скорняку кота». Был у них кот, большой, красивый, рыжий, в лису. И вот она взяла этого кота и понесла. И хоть бы что, понесла. Кот только мигал и щурился. Скорняк пощипал его за шерсть на лбу, на шее, на спинке, сказал:

«Оставляй». И был у нее красивый воротник, лучше всех в классе.

– Ой, не отмолиться, ой, не отмолиться! – стояла старуха.

Вечером внучка давала ей сердечные капли, кутала ноги ее в старую шаль, читала по просьбе старухи Псалтырь.

И с той поры нашу старуху как перевернуло. Она упросила внучку привезти на следующие канникулы подругу, вместе с ними оставалась после службы на уборку, и уже не было такого, чтоб кто-то терпел от нее упрёки или укоризну.

А еще вот что сделала старуха. У нее была хорошая белая ткань с пестренькими цветочка-

ми – ситец. Хранила его старуха на свою смерть. А тут она выкроила из ткани десяток головных платков разной величины, принесла в церковь, отдала Варваре Николаевне за свечной ящик. И когда какая женщина или девушка приходила в наш храм с непокрытой головой, та же старуха просила ее надеть платок.

А звали нашу старуху тетя Маруся. И платочки ее с тех пор так и зовут – тети Марусины.

По местам стоять!

Самой пронзительной мечтой моего детства было стать моряком. А военкомат послал меня в ракетную артиллерию. Тоже хорошо. Но стремление дышать воздухом морей и океанов было всегда. Помню учения «Океан» 1970 года на Северном флоте, я писал о них и жил на эсминце «Отрывистый». Тогда и познакомился с молодым выпускником морского училища, порывистым, вихрастым лейтенантом. Он не ходил, он летал по кораблю.

Тридцать лет прошло. Москва, патриаршая служба в память погибших моряков-подводников. Плачущий седой капитан первого ранга. Не чувствующий горячих капель воска, стекающих с горячей свечи, он отрешенно и горестно смотрел на алтарь. «Он! – толкнуло меня. – Он, тот лейтенант». У выхода я подождал его. Мы встретились глазами.

– Североморск, – сказал я, – эсминец «Отрывистый». Учения «Океан».

– Писатель! – воскликнул он. – Есенина читал. Чего ж ты такой старый?

– А жизнь-то какая!

Мы крепко обнялись. Не слушая никаких возражений, капитан первого ранга, сокращенно, по-морски, каперанг, или капраз, повез меня к себе.

– Море – это навсегда, – говорил он, лавируя на мокром шоссе рулем «Жигулей», как штурвалом катера. – Навсегда. Это ж про нас, мореманов, шутка: «Плюнь на грудь, не могу уснуть без шторма». Я после Северного флота везде поселился – и на Тихом, и на Черном, заканчивал в Генштабе. Сейчас... сейчас, ну что сейчас, живу.

И вот мы сидим в его квартире. Она настолько похожа на корабль, что, кажется, пройдет секунда, и каперанг, прямо в шлепанцах, отдаст команду: «С якоря сниматься, по местам стоять!»

– Сегодня мне одна команда осталась, – не весело говорит он, – команда эта: «Отдать концы!» И отдам. И все мы, моего возраста мореманы, тоже. Зачем нам жить? Чтоб еще и еще видеть позор и поругание флота?

Я стараюсь успокоить моряка, но, конечно, это бесполезно. На стене карта «Мировой океан». На карте синими флажками места трагедий, кораблекрушений, катастроф. На южной части Баренцева моря нарисован черный крест, тут потопили атомную подлодку «Курск».

– Именно потопили, – говорит каперанг. – Сними с карты кортик, дай сюда. Нет, достань из ножен. Вот, кладу руку. Руби! Не бойся, руби. Я руку даю на отсечение, что «Курск» потопили американцы. Если у наших хватит смелости, это все узнают. У них, у натовцев, недавно был фильм «Охота за «Красным Октябрем», это рассказ о потоплении подлодки типа «Курск». Они, вопреки всем конвенциям, вошли в район учений, что уже за всеми пределами допустимого. И шарахнули, как акулы кита на мели. Шарахнули и добивали, чтоб никого в живых не осталось, чтоб без свидетелей. Чего ж не рубишь? Прав я, прав, с рукой останусь.

78

Каперанг тяжело дышит, глядит на стол. На столе по ранжиру стоят: бутылка водки, фляжка коньяку и пузырьки с сердечными каплями. Подумав, каперанг берется за самую маленькую емкость.

– Первым стал задницу америкашкам лизать Никита-кукурузник. Вроде смелый, по трибуне ботинком стучит, а новейшие корабли резали на металлолом, лучших офицеров увольняли. Помню, в газетах, в той же «Правде», всякие статьи, вот, мол, как полковник счастлив, что пошел в ученики слесаря на завод. Все Хрущ лысый! А свою трусость и подлость списал на батьку уса-того. Мне батька тоже не икона, но нас при нем боялись. Боялись дяди Сэмы, и слоны их, и ослы боялись. Другого языка эти животные не понимают. Америку же образовала европейская шпана, отбросы каторжные, уголовщина. На индейское золото купили европейские мозги, вот и весь секрет. Про индейцев создали фильмы, мозги придумали конституцию. У них национальные интересы Штатов во всем мире. Я был у них на базе в штате Аризона, там огромный плакат. Глобальная власть Америки – контроль за всем миром. И не меньше. Леня еще Брежнев, как бывший вояка, держался, а уж Горбач, а уж

Боря-хряк... А! – Каперанг взялся за емкость по-больше. – Давай, не чокаясь, за парней.

Он выпил, и видно было, еле справился со слезами. Встал, подошел к окну, поглядел на московскую осень. Подошел к карте:

– Где еще придется крест рисовать? А я ведь, знаешь, и не думал, что еще слезы остались, а за это время сколько раз прошибало. До какого сраму дожили: поехал наш пьяный боров в Берлин оркестром дирижировать, когда с позором нас из Европы гнали! Э, коньяк – это несерьезно, давай «кристалловской».

Каперанг успокоился, сел, смахнул на пол стопку газет.

– Если б не эта зараза, да не этот вот, – он показал на телевизор, – мы бы выжили. Я когда эн-тэвэшников смотрю, я весь экран заплываю. Думаешь, один я так? Все бы эти плевки на них, они бы в них захлебнулись. Вот телебашня горела не просто, как объясняют, мол, от перенагрузки. От жадности! Грузили провода по-черному, они и задымались. Но, главное, даже уже и башня не выдержала всего того срама, что ее заставляли передавать. Вещи и предметы не безгласны – это, кстати, моряки лучше всех знают. Да и вообще я к старости стал умные книги читать. Где я раньше был? Вот прочти у Иоанна Златоуста о зависимости погоды и урожаев от нравственности общества. Это очень точно. Я, кстати, опять же с детства знал пословицу «Что в народе, то в погоде», так ведь во всем. Вот я полощу начальство, вся страна полощет, но давай задумаемся: мы же их заслужили...

Я стал было прощаться, но каперанг заявил:

– Нет, я тебя в таком настроении не отпущу, нет. Я близко знал нынешнего адмирала, для конспирации назову Черкашин, мы с ним на Черном болтались. А уже началась горбачевщина, он всем торопился доложить, что мы за мир, мы разоружаемся. Американцы трусы, поэтому слаби-ну чувствуют. Стали к нам захаживать. Они и всегда-то в нейтральных водах паслись, тут стали наглеть: зайдут в территориальные наши воды, подразнят, потом хвостом вильнут. Мы докладываем: что делать? Нам: не конфликтовать. Ладно. Те хамяют, ходят по палубе в трусах, кричат: «Рашен, делай собрание, голосуй». Ладно. А этот Черкашин был вторым на эсминце. Я тогда был начальником боевой части. Сидим в кают-компании, материмся. Черкашин командиру говорит: «Товарищ командир, вы же два года без от-пуска, пора же вам отдохнуть. Оставьте на меня

корабль». Командир, золотой был мужик, вечная ему память, смеется: «Нет, Коля, боюсь, больно ты горяч, как бы международного скандала не наделал».

Ладно. А главноком флота был – это был главноком, он тоже в Москве зубами скрипел, мы ему прямую картинку показывали, он же видел, как янки к нам голым задом стоят. И вот – слушай. Не знаю, как они договорились, но, думаю, что Черкашин это все сам проделал. Он заступил на вахту и ночью палубникам приказал все шлюпки, все, что за бортом висит, прибрать. То есть остались с чистыми бортами. Утро. Те, на крейсере, кофе попили, прут в наши воды, в наглуемую прут. Гляжу, Черкашин сам у руля. Те прут, они же привыкли, что мы безгласны, у нас же гласность только тут, – каперанг ткнул рукой в направлении телевизора. – Прут. Наш эсминец спокойнехонько пошел навстречу, сделал ювелирный маневр и навалился бортом на борт американца. Те охренели. Все их шлюпки захрустели, как орехи, басейн на палубе расплескался. Мало того, Черкашин спокойно, но резко замедлил и еще протер их по борту. А дальше еще мощней. Отработал полный назад, потом полный вперед и навалился на другой борт и его прочистил.

– Боже ж ты мой, – воздел каперанг руки, – что началось! Уже через десять минут: разжаловать, наказать, посадить виновных, извиниться! Но главноком, повторяю, мужик был от и до, тут же докладывает: накажем, уже наказали, виновного офицера представляем к суду чести, списываем на берег. Да, суд чести был честь по чести, так скажу, Черкашина качнули. А с эсминца точно списали... на другой эсминце. Командиром. Ты знаешь, я уверен, америкашки это очень хорошо помнят. Тогда ж сразу уползли в Стамбул бока шпаклевать. С ними только так. Только так. Впервые, они не за деньги не рискуют, жадны, во-вторых, трусливы.

Но все время теперь будут кусать, как шакалы льва, который слабеет. Пока не дашь отпор, будут приставать.

Мы простились. Кортик со стуком вернулся в ножны и водрузился на место, в центр Мирового океана.

Каперанг вышел проводить меня до лифта. Крепко пожал руку и засмеялся:

– Что же руку-то мне не отрубил, цела. А потому – прав я. Не бойсь, прорвемся! Главное – по местам стоять!

Янки, гоу хоум!

Обычно фронтовики не любят смотреть военные фильмы. Даже не оттого, что в фильмах «киношная» война, а оттого, что слишком тяжело вспоминать войну. Мне кто-то рассказал про одного ветерана, бойца пехоты, который пристрастился смотреть всякие «Хроники низколетящих самолетов», всякие сериалы, смотрел и плакал. И говорил соседу, тоже фронтовику: «Вот ведь, Витя, как люди-то воевали, какая красота! А мы-то все на брюхе, да все в грязи, да все копали и копали...» Ветерану начинало казаться, что он был на какой-то другой войне, ненастоящей, а настоящая вот эта, с музыкой и плясками.

Мы, послевоенные мальчишки, прямо-таки бредили войной. Она была и в фильмах («Подвиг Матросова», «Голубые дороги», «Подвиг разведчика»), она была и в наших играх, и в каждом доме. Там отец не вернулся, там вернулся весь искалеченный, там все еще ждали. Мой отец, прошедший со своим единственным глазом трудармию (а что это такое, лучше не рассказывать), разговоров о войне не выносил, и я не приставал. Дяди мои, на мой взгляд, тоже не подходили для боевых рассказов. Уж больно как-то не так рассказывали.

— Дядь Федя, тебя же ранило, — приставал я. — Ну вот как это?

— Как? А вот становись, я тебе по груди с размаху колотушкой охреначу, вот так примерно.

Другой дядя, моряк, был даже офицер. После войны он вернулся к своему плотницкому ремеслу. Мы крутились около, помогая и ожидая перекура. Спрашивать опасались, мог нас послать не только в сельпо — подальше. Но дядька и сам любил вспомнить военные денечки.

— Ох, — говорил он, — у нас в буфете, в военторге, две бабы были, умрешь не встанешь. К одной старлей ходил, к другой вообще комдив. Однажды... — Тут нам приказывали отойти, ибо наши фронтовики, в отличие от сегодняшней демократической прессы, заботились о нравственности детей. Но то, что нам позволяли слушать, было каким-то очень не героическим.

— Дядя, — в отчаянии говорил я, — ведь у тебя же орден, ведь ты же катерник, ты же торпедник, это же, это же!

— Ну и что орден? Дуракам везет, вот и орден, — хладнокровно отвечал дядя, плюя на лезвие топора и вода по нему брусом.

— Ну Расскажи, ну Расскажи!

— Не запряг, не нукай. Уж рассказывал. Подошел транспорт, надо потопить.

— Транспорт чей? — уточнял я. Это больше для друзей.

— Немецкий, чей еще? Послали нас. Как начальство рассуждало: пошлем катер, загнуты четверо — невелика потеря, и рассуждали правильно: война. Четыре торпеды. Торпеды нельзя возвращать, надо выпустить. Категорически. Мы поперли. Я говорю, дуракам везет, на наше счастье — резко туман. Везет-то везет, но и заблудились. Прем, прем да на транспорт и выперли. С перепугу выпустили две торпеды и бежать со всех ног...

— Почему с перепугу?

— А ну-ка сам вот так выпри на транспорт, это ж гора, а мы около как кто? То-то. Бежать! Утекли. Еле причал нашли. Ну, думаем, будет нам. Торпеды приперли. Я с горя спирту резанул. Вдруг из штаба — ищут, вызывают. А куда я пойду, уж расколотый, мутный. «Скажите, — говорю, — что башкой треснулся, к утру отойду». В общем, кто-то все равно настучал, что я взболтанный. А почему вызывали — транспорт-то мы потопили! Вот мать-кондрашка, сдуру потопили. Так еще как приказ-то звучал: «...используя метеорологические условия и несмотря на контузию, и экономя, слышь, боезапас...» — вот как!

— За это надо было Героя дать, — убежденно говорил я.

Спустя малое время, окончив десятилетку, я стал работать литсотрудником районной газеты. И получил задание написать о Героях Советского Союза. Их у нас в районе было четверо. Но один уже сидел в тюрьме за то, что надел свои ордена и медали на собаку, а сам стрелял из охотничьего ружья в портрет отца народов; второй, инвалид, ездивший на трехколесной трещащей инвалидной самоходке, был куда-то увезен, говорили, что в интернат для ветеранов. На самом же деле инвалидов просто убирали с глаз долой, была такая политика, чтоб поскорее забыть войну, чтоб ничего о ней не напоминало.

Уже и холодная война заканчивалась, уже Хрущев съездил в Америку, постучал ботинком по трибуне ООН, уже велел везде сеять кукурузу, уже подарил Крым своей бывшей вотчине, тут и фронтовиков решили вспомнить. И мне — не все же кукурузу воспевать — выпала честь написать очерк для нашей четырехполоски «Социалистическая деревня». Редактор узнал, кто из двух

оставшихся Героев передовик мирного труда, и выписал командировку.

Мы не ездили в командировку, а ходили. Так и говорили: пошел в командировку. На юг района – сорок километров, на запад и восток – по тридцать, на север – шестьдесят; все эти километры я исшагал и по жаре, и по морозу, и в дождь, и в метель. И какое же это было счастье, это только сейчас доходит до сознания. Как мела через дорогу узорная поземка, как напряженно и все-таки успокаивающе гудели столбы, как далеко по опушке леса пролетало рыжее пламя лисы, как проносился, ломая наст, тяжелый лось, а весной далеко и просторно разливалась река, и попадали люди в заречную часть только на катерах сплавконторы. А летние вечера, белые от черемухи улицы деревень, а девичий смех, от которого туманилась голова и ощутимо билось сердце, что говорить!

Герой будущего очерка был механизатором. В военкомате я выписал все данные на него и знал, что он получил Золотую Звезду за форсирование Днепра. Готовые блоки фраз уже были в фундаменте очерка: «В то раннее утро рядовой такой-то такого-то полка встал до соловьев (мне очень хотелось про соловьев). Он подошел к Днепру, умылся речной водой и вспомнил родную реку детства, свое село» (мне очень хотелось, чтобы на Днепре вспомнили Вятку и мое село)... Ну, и далее по тексту.

– А вы вспоминали в то утро свою родину? – спросил я, когда, найдя Героя, стал его допрашивать.

– В какое утро?

– В утро форсирования Днепра.

– А, нет, мы ночью погребли.

– Но вспоминали? (Я мысленно переделал утро на тревожную ночь.)

– Может быть, – неохотно отвечал механизатор. – Тут баба с печки летит, сто дум передумает.

– Вы вызвались добровольцем?

– Да, вызвался.

– Почему именно?

– Дурак был! – Механизатор посмотрел на меня. – Вроде вас возрастом. Молодой был, вот и попер. Там как заинтересовывают – сто первых выйдут на плацдарм, зацепятся, день продержатся – Герой. Кто? Ну, и пошел два шага вперед.

– Но вы же потом не жалели, когда получили награду?

– Чего жалеть, вот она. Сейчас, правда, льготы за ордена и проезд бесплатный сняли, а так чего ж... в школу приглашали.

– Да, правильно («Надо в школе побывать», – подумал я), дети должны стать патриотами.

Сделаю отступление. Мы вырастали так, что умереть за Родину было нашей главной мечтой. О, сколько раз мы играли в Матросова, сколько раз закрывали грудью амбразуру и умирали! Умереть за Родину было так же естественно, как дышать...

Я принес очерк редактору. Отдал и встал на вытяжку. По лицу читающего очерк редактора я понял, что отличился. Только два места ему не понравились:

– Что это такое – вспомнил родину? А Днепр разве не наша родина? (Тогда не было позднее выдуманного термина «малая родина».) И второе: «Прямо в песке закопали убитых товарищей». Напишем: «После боя отдали воинские почести павшим».

Я не возражал. Но за день до запуска очерка в печать редактор позвонил в колхоз, где работал механизатор, и узнал, что тот напился и наехал трактором на дерево. Редактор срочно послал меня на лесоучасток, где жил последний, четвертый, Герой.

Лесоучасток назывался красиво – Каменный Перебор, может, оттого, что стоял на берегу прозрачной каменистой реки Лобани. Этот Герой тоже был механизатором и тоже получил Звезду за форсирование реки. Но не Днепра, а Одера.

– Да и Вислу форсировали, – сказал он. Он все-таки был хоть чуть-чуть поразговорчивей, чем сельский. – Потом всяких французов, датчан выколупывали.

– Как? – спросил я потрясенно. – Французы же наши союзники.

– Да ладно, союзники, – отвечал он. – Какие там союзники, все они там повязаны. Европа вся сдалась немцам, они ее не тронули, потом они им и отработывали. Ну-ка, сравни Минск и Париж, чего от них осталось?

– Но французское Сопротивление?

– Было. Но раздули, – хладнокровно отвечал он. – У них по лагерям лафа, артисты ездили, нашим – смерть. Это, братишка, была война великая, но помогать они стали, притворяться, когда мы переломили Гитлеру хребет. Еще те сволочи, – неизвестно о ком сказал он. – Да вот хоть и американцы. «Встреча на Эльбе, встреча на Эльбе» – кукарекают. А что встреча? Вот я тебе про

встречу расскажу. Мы пошли мая десятого-одиннадцатого по Берлину – уже везде американские часовые торчат, патрули американские, они большие мастера победу изображать. Зашли, сели в ресторане. Второй этаж. Внизу лужайка. В углу американцы гуляют, ржут. И чего-то в нашу сторону дали косяка, чего-то такое пошутили. Ну, мы и выкинули их в окно.

– Как? – поразился я. – Выкинули в окно? Американцев?

– Ну. Да там же лужайка, не камни же. Потом туда им столы выкинули и стулья. И велели официанту отнести чего закусить и выпить.

– А... а дирекция ресторана?

– Эти-то? Еще быстрее забегали. Мы так хорошо посидели. Seriously посидели, – добавил он, – и пошли. И идем мимо американцев. Те вскакивают, честь отдают. Вот это встреча на Эльбе. С ними только так. А то сейчас развякались: «инди-руси, бхай-бхай!» Это с американцами-то? Да эти бы Макартуры и Эйзенхауэры первыми бы пошли давить нас, если бы Гитлер перевесил. Вот немцы могут быть друзьями, это да.

Я был так потрясен этой крамольной мыслью, что зауважал фронтовика окончательно.

Вот такие дела. И еще сорок лет прошло, протекло, как песок в песочных часах. Живы ли вы – мои милые герои? Я вспоминаю вас и низко кланяюсь всем вам, моим отцам, спасшим Россию.

И думаю: вы-то спасли, а мы продали. Продали, и нечего искать другого слова. Продали и предали. И вот я иду по оккупированной России, через витрины, заваленные западным химическим пойлом и куревом, отравленной пищей, лаковой порнографией, смотрю на лица, искалеченные мыслью о наживе, смотрю, как ползают на брюхе перед американской помощью экономисты, как политики гордятся тем, что им пожал руку саксофонист, и думаю: «Россия ты, Россия, вспомни своих героев. Вспомни Александра, царя, который в ответ на какие-то претензии англичан к нам, высказанные послом Англии за обедом, молча скрутил в руках тяжелую серебряную вилку, отдал послу и сказал: «Передайте королю». Или, когда он ловил рыбу, ему прибежали сказать, что пришло какое-то важное донесение из Европы, а он ответил: «Европа подождет, пока русский царь ловит рыбу».

Еще могу добавить, уже от себя, что не только те, при встрече на Эльбе, американцы трусливы, но и теперешние. У меня есть знакомый американец, русист. Он с ужасом сказал, что все эти «сни-

керсы», всякие «Макдональдсы», стиральные порошки, средства для кожи и волос – все это жуткая отравка и зараза.

– Тогда спаси моих сограждан, – попросил я, – выступи по телевизору. Тебе больше поверят, чем мне.

И что же? Испугался смертельно мой американец. Разве осмелится он хоть слово вякнуть против тех компаний, которые наживаются у нас? Не посмеет.

А еще почему трусливы американцы? Они жадны. А жадность обязательно обозначает трусость. Давайте проверим: вот придет в России к власти то правительство, которое любит Россию, не шестерит перед разными валютными фондами, верит в народ, в Бога, знает, что нет запасной родины, и что? И все эти сникерсы сами убегут.

В годы детства и отрочества, помню, часто печатались в газетах и журналах фотографии и рисунки из разных стран, на которых были написаны слова: «Янки, гоу хоум», то есть – «янки, уходите от нас». Все беды мира связывались с американской военной или экономической оккупацией. И наши беды отсюда. Так что на вопрос «Что делать?» отвечаем: писать на заборах и в газетах: янки, гоу хоум! Не уйдете в дверь, выкинем в окно. На лужайку. Перед Белым домом.

22

Ради улыбки

Служил я три года в нашей победоносной Советской армии, и никакой дедовщины и видом не видывал. Ну да, были и старики, были и салаги, естественно. Но чтобы старослужащие издевались над новобранцами – никогда! Знаю, что говорю, я дослужился до старшины дивизиона. Вот, составляю наряды, решаю, кого куда послать. И, конечно, не буду же своих одноклассников на третьем году службы загонять в кочегарку или судомойку. На это салаги есть. И это, согласитесь, нормально и более чем естественно.

Но одну весьма милую армейскую шутку вспомнил, когда дети спросили: «А какие у вас были раньше первоапрельские шутки?» Тут я строго ответил, что первое апреля – это начало недели перед Благовещением, это время Великого поста, какие тут шутки? Но вспомнил розыгрыш из армейского времени, и с удовольствием рассказал. И коротко запишу.

В дивизион осенью пришло пополнение – хлопцы с Западной Украины. Ребята на службу

рьяные, особой возни с ними у сержантов не было. Даже до сих пор некоторые фамилии помню: Доть, Аргута, Коротун. Титюра, Балюра, Мешок. Муха, Тарануха, Поцепуха. Так я их тройками и запоминал, так и в наряды наряжал. Нормальные хлопцы. Одним только от наших, вятских, отличались: сильно любили поощрения.

– Товарищ старшина, вы же ж сами дуже хвальны были за наряд по кухне.

– И шо ж с того? – спрашивал я.

– Тады же ж мабуть благодарность перед строем треба размовить.

– Мабуть иди, – сурово говорил я. – Награды в нашем славном ракетном дивизионе не выпрашивают, их, когда надо, дают. И, когда надо, вы их получите. Ясно? Или це дило тобі треба розжувати? На твоей ридной мове?

И вот мои сержанты-третьегодники (мы служили по три года), задумали на первое апреля нижеследующую шутку.

Они пошли, тайком от меня, в штаб к знакомой машинистке, встали на колени и умолили ее напечатать на чистой странице, даже не на служебном бланке, приказ о досрочном присвоении звания ефрейтора всем нашим первогодкам. «В связи с тем, – значилось в приказе, – что нижепоименованные рядовые показали себя образцовыми в воинской и политической подготовке, в дисциплине, в несении нарядов по внутренней и караульной службе». Сержанты поклялись машинистке, что никто из офицеров этого листка не увидит, что его вернут ей и при ней уничтожат. Парни были огневые, красавцы: Толя Осадчий из Киева, Леха Кропотин и Рудик Фоминых из Вятки, Лева Стулов из Горького, уговорили. И листок, как обещали, потом вернули.

Звание ефрейтор – первичное, одна лычка на погонах. Дальше идут младший сержант – две лычки, просто сержант – три лычки, старший сержант – одна широкая, и так далее. Прапорщиков при нас не было.

Обычно после ужина я убежал в библиотеку, оставляя дивизион на дежурного. Если что, меня всегда знали, где искать. Сержанты привели дивизион с ужина и, не распуская строя, объявили, что поступил приказ об очередном присвоении воинских званий, что его торжественное оглашение будет завтра на общем построении, но надо к этому оглашению подготовиться, то есть пришить лычки. Тем, кому звания присвоены.

– С приказом можно ознакомиться в ленинской комнате на Доске Почета.

Почему на Доске Почета, а не у тумбочки дневального, это тоже было продумано: не хотели подставлять ни дежурного, ни дневального.

Строй распустили, все кинулись читать приказ. Радостные крики оглашали казарму. Парни мои объясняли, что это такая особая честь нашему дивизиону (а мы и правда только что хорошо провели учебные стрельбы), что, конечно, это редкость редчайшая, чтобы военнослужащие получали звание так быстро, но тут особый случай.

Словом, сели салаги за иголки и нитки. Лычки им отмерил каптенармус Пинчук. Погоны новые выдал он же. Он же и собрал вскоре эти погоны, но уже с пришитыми лычками. Сказал, что раздаст утром, на построение.

Никто не заметил, что к ночи приказ исчез с доски. И я, прибежавший проводить отбой и читать наряд на завтра, о нем и понятия не имел.

Вообще я потом даже попенял парням, что меня не ввели в курс розыгрыша, но парни объяснили, что не хотели меня подводить. И не подвели. Утром, после завтрака, перед построением сержанты вызвали меня в ленкомнату и ввязали во всегда непростое распределение нарядов на будущую неделю по батареям и взводам. И что-то сильнее обычного спорили, я даже изумлялся. Время летело. Я посмотрел на часы и оторвался от бумаг:

– Крикните дежурному: выходи строиться.

Вскоре дежурный заскочил в дверь:

– Старшина – комдив!

Выйдя на крыльцо, я привычно и мгновенно посмотрел на выровненные по белой линии носки начищенных сапог, скользнул взглядом по гимнастеркам, заправленным в ремни, по блестящим бляхам, по головным уборам и скомандовал:

– Див-зион, р-рясь!... Ир-но! Равнение напра-о!

И четко, по-строевому, пропечатал несколько шагов навстречу нашему подполковнику.

– Тарщ подполковник, вверенный вам дивизион на утренний осмотр и развод построен!

И увидел вдруг взгляд подполковника. Он смотрел с каким-то недоумением, но не на меня, на выстроившихся солдат. Я невольно тоже поглядел и... и чуть устоял – в строю стояли сплошь ефрейтора. Все в новехоньких погонах, все очень радостные. Они были готовы гаркнуть; «Служим Советскому Союзу!»

– Это кто у тебя тут выстроился? – ласково спросил комдив.

– Понятия не имею, – искренне ответил я.

— А сам ефрейтором быть не хочешь? — поинтересовался комдив.

А дальше? Дальше пошла разборка. Таскали к комдиву и сержантов, и «ефрейторов». Все честно говорили, что был приказ. Был. «Вот уточки, урамочке». И все это подтверждали.

Но уже во всей части шел такой хохот, так всем понравился наш розыгрыш, что, конечно, было глупо истолковать его как преступление или тому подобное. Дежурному сержанту вклеили внеочередное дежурство, только и всего. Это ж в тепле, в казарме — это не караул, не круглосуточное бдение на позиции. Я сказал комдиву, что буду рад ефрейторскому званию и тому, если с меня снимут хомут старшины. Тем более, у меня шел последний год службы, я начинал готовиться к приемным экзаменам в институте.

— Да ладно, — отмахнулся комдив, — иди, к экзаменам готовься.

Мы думали, что и «ефрейтора» не будут обижаться. Но вот как раз они-то и обиделись. И то сказать: только что приятно ощущали на погонах лычки — и нет их, сами же и спарывали. Даже сфотографироваться не успели.

— Кляты москали! — возмущались они.

Но мы не обижались. Я вообще искренне думал, что меня это прозвище возвышает. То все вятский был, а тут уже и москаль. Не так себе.

Вот такое было армейское первоапрельское происшествие.

Пока не догорят высокие свечи

За столом летнего кафе компания молодежи. Лица красные, жесты энергичные. Говорят громко, кружки по столу двигают резко. И, кажется, уже разбили одну: около стола уборщица с веником и совком.

— Вы не возражаете?

Я повернулся — кто это таким детским голосом? — увидел мальчика и хотел послать к папеме, но разглядел: карлик. Лет сорока.

— Да, конечно.

— Люблю, — сказал он, ловко влезая на стул и двигаясь на нем ближе, — люблю на открытом воздухе выпить свежего пивка. Вы позволите?

Он перехватил у меня пустую кружку и передал уборщице.

— Вы кто по профессии? — спросил он, поворачиваясь обратно. — Можете не отвечать, главное, что интеллигентный человек. И мы поймем

друг друга. — И, хихикая, добавил: — Несмотря на явную разность величин.

Мимо нас к прилавку прошел мужчина, пошатнулся, задел кого-то из парней. Они все сразу вскочили и налетели драться. Каждый непременно старался ткнуть мужчине в лицо. Кепка слетела у него с головы. Уборщица успела быстрее всех. Оттащила мужчину, прикрикнула на молодежь. Тут мой карлик слез со стула, подбежал к упавшей кепке и стал ее подпирать и топтать. При этом восторженно вскрикивал. «Вы позволите?» — спросил он парней. И вскоре сидел за их столом и потешал их.

Я невольно вспомнил карлика, который в моем детстве пас гусей. Имени его мы не знали, звали лилипутом. Он жил на мельнице, ходил босиком. Помню пруд и плотину после дождя. На глине глубокие детские следы. Лилипут очень боялся гусей. Пока гнал одних, другие забегали сзади и щипали.

Еще вспомнился театр лилипутов и афиша:

«ТЕАТР! ЛИЛИПУТОВ!!!»

Уборщица подняла кепку мужчины, хлопнула ею по стулу, унесла. Карлик что-то рассказывал парням. Парни хохотали и плескали в его кружку из своих.

27 Казалось, что у лилипутов крошечные паспорта, крошечные в них фотографии и вообще все капельное, кукольная посуда, маленькие весы и гири. Буханки хлеба хватает на весь театр на неделю. Когда мы узнали, что театр приехал, то нас от клуба было уже не оттащить. И дождалось: изнутри вышла женщина-лилипутка. Губы накрашены, в губах папираса.

— Мальчики, — сказала она, хотя любому мальчику была по пояс. — Нужен уголь — подводить брови. Кто принесет, получит контрамарку.

Мы молчали.

— Ну! Простой уголь! Из печки.

Ближе всех жил Руслан, сын продавщицы. И то, что он опередит, я с великой горечью понял, когда добежал до своего дома и нахватал Полную пазуху самоварных углей.

Окна в клубе были плотно занавешены, мы ничего не увидели, а Руслан рассказать ничего не сумел, только все повторял шутку из концерта: «Он в столовой говорит: а где сахар? Она говорит: вы как мешали? Направо? А сахар ушел налево».

...Молодняк за соседним столиком вдруг встал и, говоря нынешним языком, слинял.

– Вы позволите? – спросил карлик. – Интересует меня молодежь, – сказал он через минуту.

Говорил он быстро, с удовольствием, хотя казалось, что говорить высоким голосом трудно.

– Вы заметили, какова стадность? – спросил он. – Впятером за бутылкой. Будто нельзя одному.

Он почувствовал, что говорить мне с ним не хочется, но не отступился, наоборот, качнулся вперед, заговорил вполголоса:

– Вы не думайте, у нас все так же, и свадьбы, и дорогие специальные кольца (он показал широкий желтый перстень), все, как у вас, только по знакомству. Только у нас не рождаются дети. Нет детей! – трагически произнес он. Выждал паузу и закончил: – Мы рождаемся у нормальных людей. Н-но! Вопрос: кто нормальные?

Невольно я заметил, что ноги его в лаковых туфельках не достают до земли.

– Да, да, – сказал крошка, – это загадка природы: карликов рожают гиганты. Причем правильно говорить не лилипут, а карлик. Некоторые наши стеснялись этого слова, но возьмите Даля, у него нет слова «лилипут». Даже в девятьсот третьем при переиздании словаря Даля Бодуэн де Куртенэ не включил слово «лилипут», проверьте. Видимо, Свифтов Гулливер еще не прошел по России. Это ведь оттуда страна Лилипутия. Забавно! – воскликнул карлик. – Свифт думал, что зло исчезнет, люди прочтут его книгу. Прошло три столетия – и что? Но это к слову. Когда не с чем бороться, зачем жить? Так вот, кому-то кажется благозвучнее «лилипут», хотя правильнее «карлик». А-а, теперь карликом обзывают всякого горбуна. Нет чистоты породы! Вы пейте, пейте. Я, с вашего позволения, тоже.

– У вас есть теория? – спросил он вскоре, утираясь большим желтым платком. – Нет? Ну, это не страшно, в основном, живут без теорий. Вот эти, например. Но узнать их подоплеку, изнанку...

– Это можно и без топтания кепки, без лизоблюдства! – я все-таки не мог понять, чего ради он заискивал перед парнями.

– Если бы меня не перебивали, – сказал он. – Но всегда думают, что в маленькой голове мало ума. Дело же не в килограммах мозга, а в извилинах... Однако у нас пусты бокалы, я их наполнил. Сейчас вы скажете, что страсть к услужливости у меня в крови, и ошибетесь. Просто я возьму без очереди, а вам не дадут.

И в самом деле, очередь перед ним расступилась. От сдачи я отказался. Он спрятал ее, снова залез на стул.

– Благодарю. А ведь вы вряд ли богаче меня, у вас нет лаковых туфель и золотого кольца, и вообще не современный костюм.

– И что же теория? – спросил я.

– Покончим сначала с этой, – ответил он, обхватывая кружку как маленький бочонок. И долго, по-комариному пересасывал в себя жидкость. – Теория в том, – сказал он наконец, – что все познается в сравнении. Не будь вас, мы – карлики – считали бы себя гигантами по отношению, например, к мухе. Не так ли? И кто возразит, что электроны-нейтроны бесконечны для познания? А ведь я побольше электрона, – посмеялся он. – Сколько душ на конце иглы? Или вы по-прежнему считаете это схоластикой? Но, – вновь вернулся он, – вы хозяева природы, а природа создала карликов, чтобы вы считали себя большими. В сравнении. Потому что появившись великан, и все вы перед ним лилипуты. Кстати, вся теория относительности в этом. Эйнштейну совершенно излишне аплодируют. Но почему карликам не дано функции размножения? Наше себялюбие помогло бы нам размножаться с большой скоростью. Кто знает, какое качество возникло бы из количества карликов. Вы не устали? Еще пива? Ведь вы столько выпьете, что мне не унести. Деньги есть, не волнуйтесь. Зарплата у нас подходящая. Знаете первую заповедь? Если ты должен предать свой народ, чтобы спасти его, предай. А вторая? – карлик еще раз показал широкий перстень: – Копи золото и жди сигнал...

В кафе вернулся мужчина, которого хотели избить парни. Я махнул ему рукой, он увидел и сел к нам. Он где-то успел ополоснуть лицо, вытирался рукавом и глядел по сторонам трезвеющими красными глазами.

– Ты этих парней знал?

– Впервые вижу.

– Вот твоя теория, – сказал я карлику. – Количество этих мальчиков сильнее мужика, так?

– Это совсем другая теория, – радостно сказал он, – это вопрос стадности, я же говорил...

– Кепку мою не видали? – спросил мужчина. Карлик прыгнул со стула, быстрыми шажками сходил за кепкой.

– Спасибо, – сказал мужчина. – И только за то хотели убить, что нечаянно задел. Это уж до чего дошло? Я пришел выпить пива. Имею право.

– Д-да! – вскрикнул карлик.

Мужчина, будто впервые увидев его, долго смотрел.

– Ты какой размер носишь?

– Ой, только не надо! – заотмахивался карлик. – Только не говорите, что нам дешево жить, наши женщины, представьте себе (он адресовался ко мне), нуждаются в мохере не меньше других и не носят детских колготок...

– Я своей покажу мохер, – сказал мужчина. – У них, конечно, одним пивом не обошлось, – сказал он о парнях.

– Все спецзаказ, все индпошив! – продолжал карлик. – Это дорого. Это безумно дорого. Никто не представляет себе, как дорого.

– Пенсию-то какую-то должны вам платить, – сказал мужчина. – Одежда дорого, зато на еду мало идет.

– Вы еще сначала заработайте эту пенсию.

– Тебя же не поставишь камни ворочать.

– Перестань, – сказал я мужчине. Пододвинул ему нетронутую кружку.

Своим высоким голосом карлик стал говорить:

– Один энный, скажем так, человек нанимал меня для шпионажа...

Мужчина поперхнулся и долго кашлял. Я постучал мужчину по спине.

– ...для шпионажа. Он был страшный картежник, ставки бешеные, вначале он хотел нанять вертолет. Они играли в парке. Вертолет зависает над ними, вертолетчик смотрит в двенадцатикратный бинокль и по радиации сообщает данные. Но неудобно: вертолет шумит, партнер может пересест, сядет спиной. Вот тогда игрок решил использовать мой рост. Он взял большую спортивную сумку, посадил меня в нее, принес к месту игры. Но я все же не молекула, не атом. Вдобавок партнер сильно прижимал к себе карты. Так что мне даже ничего не заплатили.

– А знаешь, – воодушевляясь, сказал мужчина, – пойдем к тебе в гости. Пойдем к нему, – пригласил он меня. – Кровать, наверное, у тебя с этот столик. Или детская коляска? В ней и похоронят.

– Ничего интересного, – грустно ответил карлик. – Может быть, только перевернутая подозрительная труба. Я смотрю через нее на улицы, и все вы кажется муравьями. Еще может быть набор говорящих кукол: президенты, их жены, прочий аппарат. Иногда я на них проигрываю очередную смену правительств. Но и это не редкость. Пожалуй, единственное, что у меня есть, – свеча. Абсолютно с меня ростом. Стоит на полу. Пламя на

уровне моих глаз. Боюсь зажигать, ощущение шагреновой кожи, то есть... объяснить?

С прежним шумом в кафе вернулась прежняя компания.

Одни пошли за стаканами, другие сели и стали звать карлика.

– Я пойду, – сказал он, – с тем условием, что вы будете знать мой научный интерес. Шагреновая кожа, – разъяснил он напоследок, – это вся наша жизнь. Я маленький, кровь во мне обращается быстро, я сильнее чувствую, быстрее вижу, а вы наоборот, оттого мне любопытны ваши особи.

Он перешел к парням.

– Их по одному надо убивать, – сказал мужчина. – Ну, свяжись я с ними сейчас со всеми. И что? И не жилец.

Слышно было, как карлик высоким голосом спрашивал:

– Вопрос на засыпку: как звали карлицу в романе Пушкина «Арап Петра Великого»? Считать до трех? Бесполезно! Ласточка. Каков размер вершка? Вершок? Р-раз, два... три! Бесполезно. Сколько вершков были карлики, подаренные Голицыным (кто Голицын?) Петру Первому? Двенадцати! Стыдно, цари природы! Все цари имели карликов, а вы и без карликов мните себя царями.

Мы еще посидели.

Надо было спросить карлика про театр лилипутов. Если их немного, они могут знать друг друга. И тот мужичок с ноготок? Который пас гусей. Да нет, это было давно.

Почему? Да потому

Рита Борисовна – зав. редакцией. Очень щепетильна, ведет на каждого автора карточки. Вся такая требовательная. Молодая. С ней лучше не ссориться, выживет. Мы-то, редактора, имеем редакторские дни, а она ходит ежедневно, и возможностей для разговора о нас с начальством у нее много.

Она любит поэзию, возвышенная такая. На столике, на показ, весь день лежат подруги в поэзии Ахматова и Цветаева. На ночь их запирает в редакционный сейф. Приходя на работу, выкладывает.

Но вот подружек потеснил Бродский. Глаза Рита Борисовна закатывает, цитируя: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать».

– Значит, не хотел выбирать, а все-таки выбрал? – поддевают Риту Борисовну.

По ее мнению, поэту, а значит, и ей, наносится оскорбление. Встряхивает каштановой гривой и уходит курить в коридор.

Вдруг с утра смеется, заливается. Прочла у любимого поэта, как он ловко дополнил стихи Пушкина:

– Слушаете? «Я вас любил безмолвно, безнадежно, то ревностью, то робостью томим. Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог...». Не даст!»

Сказать же Рите Борисовне, что это величайшая пошлость, цинизм и мерзость, даже подлость по отношению к Пушкину, бесполезно. Да вы что, какой цинизм, это же великий Бродский.

И почему такое возможно? Да потому, что Бродскому, по мнению Риты Борисовны, все позволено. Это нам ничего нельзя.

– Ваш Бродский рекламировал в стихах презервативы! – говорят ей.

– Но в стихах же! – гордо отвечает она.

«Тебе с чем блинчики?»

На телевидении, в объединении «Экран» была сценарная мастерская. Гонорары там были приличные, но и мафия была еще та. Чужих не подпускали. Иногда, для очистки совести, давали и «чужим», то есть русским, заработать. У меня был приятель Анатолий М. Жив ли он, не знаю. Так вот. Судьба его была тяжелейшей. Талантливый, он был, по мнению редакции «Экрана», очень вредным, так как не подгонял сюжет под идеологию.

А жена у него была еще вреднее, тоже на уступки не шла, гнала куда-нибудь в штат, на работу. Ходила даже в домоуправление и договаривалась, что его возьмут в дворники.

Сценарное наше братство было слабеньким, но вспоминалось, когда кому-то фартило, то есть брали в работу сценарий. Тогда мы шли к «камню», огромному железобетонному кубу у Октябрьской (Николаевской) дороги, и поздравляли товарища за его деньги.

И однажды Толе повезло неслыханно: сразу два сценария были приняты, и с ним заключили договоры. Толя отстегнул нам на пропой изрядную сумму, а сам извинился и поехал домой. Он хотел в такой день предстать перед женой в трезвом виде. Это его решение было нами принято очень положительно.

Но на следующий день он уже сам позвал нас к камню. Что случилось?

– А! – отмахивался он. – Она обалдела от денег. Не верила, что не украдены. «Да вот тебе договоры, что еще?» Летала по комнате, всего настряпала. С утра сел, думал добить одну штуку. Она скребется: «Толечка, я блинчики сделаю. Сделать?» – «Сделай». Через минуту: «Тебе с чем блинчики, Толечка?» – «Да все равно». – «Может, с вареньем». – «Давай с вареньем». Через минуту: «А с каким вареньем?». – «Да все равно». – «Нет, ну почему, может, тебе лучше с черничным? Для глаз же хорошо». – «Давай с черничным». Опять идет: «А, может, Толечка, с малиновым сиропом?». Как это, а? – спросил Толя. – Я вскочил, закричал: «Где метла, где мой участок?» – отшвырнул стул, и вот я здесь.

Соколко

То, что животные обладают разумом, это даже и обсуждению не подлежит. Дядя мой соглашался говорить о пчелах, если собеседник тоже, как и дядя, считал пчел умнее человека. Мама моя говорила с коровой, ругала куриц, если те откладывали яйца не в гнездах. Кот наш Васька сидел за обедом семьи на табуретке и лапой, издали, показывал на облюбованный кусок. Дворовая наша Жучка, завидя нас, начинала хромать, чтоб мы ее пожалели. Что уж говорить о лошадях, которых мы водили купать. Белесая Партизанка, худющая, с острым хребтом, выйдя на берег из реки, валилась на песок и валялась, чтоб ее сно-ва запустили в воду, так ей нравилось купание.

Но как же я помню из своего детства одного песика, собачку по имени Соколко. Именно из своего детства, будто этот песик был мой. А он из сказки Пушкина о мертвой царевне и семи богатырях. Когда царевна, отведенная в лес на погребель, приходит в дом семи братьев, Соколко очень ей радуется, верно ей служит. И как он старается оградить хозяйку, как кидается на злую колдунью, дает понять царевне об опасности. Но царевна все-таки надкусила яблоко, у нее «закатились глаза, и она под образа головой на лавку пала и тиха, недвижна стала». Вскоре героически умирает и верный Соколко. Он, бессловесная тварь, не уберег любимую хозяйку. Страдание его безмерно. Он отыскивает братьев в лесу, горестно воет, зовет их домой. Братья, чувствуя неладное, скачут вслед за ним. Спешились. «Входят, ахнули. Вбежав, пес на яблоко стремглав с лаем кинулся, озлился, проглотил его, свалился...»

Вообще, это величайшая сказка. Чернавка ведет царевну на съедение диким зверям, та просит ее: «Не губи меня, девица! А как буду я царица, я пожалую тебя». И на краю гибели царевна уверена, что станет царицей. Чернавка, пощадив царевну, оставляя ее на волю Божию (она именно так и говорит: «Не кручинься, Бог с тобой»), чернавка докладывает мачехе, что приказание выполнено, царевна привязана к дереву. Чернавка тут, надо думать, угождает мачехе, не смея осуждать жестокость приказа, даже успокаивая совесть незаконной царицы: «Крепко связаны ей локти, попадется зверю в когти, меньше будет ей терпеть, легче будет умереть».

Вырастая в обезбоженное большевиками время, мы не были оставлены Богом. Такие тексты, как эта сказка, исподволь действовали на нас. Ведь царевна, войдя в дом братьев, вначале «затешила Богу свечку», а уж потом «затопила жарко печку». Это же поселялось внутри нас и влияло на душу. Когда умирает царевна, то не как-нибудь, а ложится на лавку «головой под образа». Когда отказывает в просьбе стать женой кого-либо из братьев, то говорит: «Коли лгу, пусть Бог велит не сойти живой мне с места. Как мне быть, ведь я невеста...».

А уж как ищет ее возлюбленный Елисей! И помогает ему не солнце, не луна, а ветер. Мы же все знали наизусть этот отрывок: «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...». Но что особенно важно, так это слова: «Не боишься никого, кроме Бога одного». Ветер рассказывает Елисею о пещере, где «во тьме печальной гроб качается хрустальный». Пушкинский, совершенно православный мотив – преодоление любовью смерти, изображение смерти как сна перед воскресением, здесь блистателен: «И о гроб невесты милой он ударился всей силой. Гроб разбился. Дева вдруг ожила. Глядит вокруг изумленными глазами...».

Вот ведь и в «Золушке» есть мотив волшебства и колдовства: превращение тыквы в карету, мышей в лошадей, но все как-то не по-нашему. В «Спящей царевне» колдовство – сила злая, преодолеваемая любовью.

«Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч, – учили мы, – ты волнуешь сине море, ты гуляешь на просторе, не боишься никого, кроме Бога одного!» Учили, и дарвинское понимание всеобщей природы, атеистическая объяснимость любых явлений ее отступало перед этой боязнью ветра. Могучий ветер боится только Бога. Ветер, ломающий деревья, топящий корабли. Еще дале-

ко впереди было Священное писание, буря на Галилейском море, утихшая по одному слову Спасителя, все было впереди. Но принять в сердце веру православную помогла русская литература. Особенно Пушкин. «И с невестой своей обвенчался Елисей». Не в ЗАГС пошли, обвенчались.

А как мой Соколко? А вот он не ожил. Как жаль, не умел говорить. Объяснил бы братьям, отчего умерла царевна. Пришлось на себе показать причину ее смерти. Соколко так любил царевну, так мучился своей виной, тем, что не уберег ее... Конечно, как бы он потом жил?

Если бы я стал вдруг снова мальчишкой, завел бы щеночка и назвал бы его Соколко.

Не о том думаю

В старости я дожил до унижительного состояния постоянных мыслей о том, где взять денег. Журналы, газеты, меня печатающие, гонораров почти не платят, сами нищие. От продажи книг наживаются только книготорговцы и немного издатели. Радио, телевидение – от них почти ни копейки. Какие-то грошики подкинули пара сайтов, и все.

Проснулся, лежу и соображаю: а ведь я в советские времена был как фабрика для своего государства. Такие доходы ему давал. Например: идет книга, тираж 50, 100, 150, бывало и по двести, и по триста, и по пятьсот тысяч экземпляров тираж. Мне дают за авторский лист рублей триста, может, больше, тут сложная механика расчетов, но платили же. Но мой гонорар был ничтожен по сравнению с деньгами, которые получали государственное издательство и государственная книжная торговля. А «Роман-газета»? Там вообще тиражи зашкаливали. Допустим, стоит выпуск для читателей рубль, а их откатали три миллиона. Автору сунут пять тысяч, и гуляй. Но пять тысяч – это очень неплохо, ибо картошки килограмм стоил десять копеек, а всю семью на юг повезти, даже и с тещей, можно было и за тысячу.

Так вот, теперь это же, но видоизмененное в области правления государство оказалось очень неблагодарным. Я его озолотил, а оно меня обздолвило. Пенсия ничтожна, хотя стаж, даже официальный, при выходе на нее, у меня был сорок пять лет, и так мизерна, что стараюсь в сберкассе не идти хотя бы месяца два-три, чтоб чего-то поднакопилось. А на что живу? Сам не понимаю. Пригласили куда-то, читал лекции, чего-то заплатили, так примерно. На шее у жены сажу. Тоже унизи-

тельно. Идешь к внукам: «Дедушка, а ты что нам принес?» И в самом деле хочется их всегда чем-то порадовать.

О-хо-хо. Задремываю. И в тонком сне представляется вдруг, как меня объедают могильные черви. Начиная со ступней и проделывая в них бороздки. Освобождают мой скелет от мягких тканей. Даже, кажется, переговариваются и советуют друг другу, где вкуснее объедать. И ловко же движется у них дело.

Просыпаюсь, вначале в ужасе крещусь, а потом думаю: «Слава Богу, вот ведь как благотворно меня Господь поправил, вот ведь о чем надо думать, а ты о деньгах, да обидах на государство, оно столько раз уже умирало и отмирало, а Россия жива, жива твоя душа. Слава Богу!»

А о книгах тоже договорю. Бывал в книжных хранилищах, выдывал книги, в которых многоходовые катакомбы сделали очень живучие книжные, черви. Небось, они, черви – и книжные, и человеческие – встречаются на своих симпозиумах и обмениваются опытом поедания. И авторов, и их произведений.

На почте

Сижу на деревянном крыльце почты, жду газеты. Старуха сидит рядом. Молчим. Подходит еще старуха, начинает медленно подниматься по ступеням. Увидев, что я встал, машет рукой и говорит: «Ой, да сиди-ко, сиди, еще насидишься, пока доползу».

Взошла и села. Почтальонка, увидев ее в окно, выносит ей открытку.

– Вот хорошо, Сергеевна, зашла. Мне хоть в такую даль не ходить.

– На-ко че вышло, – весело удивляется старуха, – еще и на письмо натакалась. Прочти-ка, Анют.

Подружка громко читает новогоднюю поздравительную открытку.

– Это ведь знаешь кто, – говорит Сергеевна, – это ведь Надя, постоялица. Больше ничего не пишет, поздравляет только?

– Как не пишет, пишет. Замуж, говорит, не вышла? Дак выходи.

Обе старухи хохочут.

– Выйти-то надо бы, могилу некому копать, да жениха-то нет.

– А Иван-то Николаич?

И снова обе смеются.

– Жени-их, – презрительно тянет Сергеевна. – Привез мешок ячменю. В кошевке катал, катал, не знает, как взять, как поднять. Я подхватила под одну руку, потащила. Он за мной идет, к женитьбе подговаривается. Жених – без груза запыхтелся! Думаю, еще помрет у меня во дворе, взяла его под мышку, отнесла, положила в кошевку: «Поезжай, не надо». Откуда ему силу взять, тяжелей карандаша ничего не поднимал. А уж как берегся – будильника в жизни ни разу не завел, чтоб на работу не проспать. И за подол никто не тянул, ись не просил. И на войну – какую-то хворь представил, не ходил. Так, валиком, и прокатился. А все одно – завод кончается. Ой, – внезапно говорит старуха, – ведь надо Наде-то тогда ответить. Не попрошу ли кого написать?

Я наслался помочь, старуха обрадовалась, купила открытку. Переписал с полученной открытки адрес;

– Пиши: «С Новым годом, Надя!» Не, давай уж с Рождеством, до Нового года не успеет. «Спасибо, Надя, не забываешь, а свои забыли. Здоровье вовсе ни к чему, хожу только, чтоб видели, что живая, да за хлебом. Снегу мало, один лед, так и брожу ближе к краю».

– Это на открытке не уместится. Я вот тут остановился: «Свои забыли, а ты, спасибо, не забываешь».

– Ой, да это-то нет, не пиши. «Спасибо, Надя, здоровья желаешь. Ничего, пока еще шарачусь потихоньку. А вот от коровы отступилась. Летом приезжай, конечно, и парня привози, ты же это знаешь».

Кой-как улепив старухину диктовку, я подписал внизу фамилию и промокнул.

– Вот какая везетень, – радуется старуха, – писаря нашла. Так-то я на склад схожу, мне мужики пишут за папиросы. Тебе взять? Не куришь? А и правильно! Ой, не напишешь ли еще одну?

– Да хоть сколько.

– Хоть сколько-то некуда. А уж дочери надо.

Старуха покупает еще открытку, диктует адрес.

– «Здравствуйте, Надя, дочь-то тоже Надя, Леня, дети и сватья. Чего вы ничего не пишете, ровно умерли неживы...»

– Вначале напишу: «С Новым годом».

– Это конечно. «А нужна была, навеличивали, меду всегда наливала, не весила...» Но ты это не пиши, а пиши: «Пока, слава Богу, жива-здоровая, за хлебом хожу сама, а так больше никуда не хожу, корову порушила, одни курицы, доедают за

мной. Завалинку не наладила, боюсь, весной вода подойдет. А приедете, молоко можно брать у соседей, даром напьют, всю жизнь моются в моей бане. Еще жила посторонняя женщина с ребенком, разведенная, им понравилось, просятся еще. Зовут тоже Надя. Навезла мне всего – и платье, и халат, и свое пальто, крепкое еще, и хватит мне всего до самой смерти. А еще кладу на книжку, сколь могу, и написала завещание на тебя, а приедешь хоронить и покажется мало, не обесудь. Была корова, так хоть кто литр возьмет, кто два. Старшего твоего я помню, а младшего совсем не знаю. Пошлите карточку, поставлю в рамку...» – Старуха увидела вдруг, что я не пишу. – Место кончилось? Ты как написал?

– Поздравление с Новым годом и чтоб приезжали.

– Верно, верно. Еще напиши заодно с Крещением, и с Благовещеньем. Раньше-то ответить не соберутся. Вот уж спасибо тебе! Так не куришь? Так, может, хоть пива кружку выпьешь?

Я отказался. Старуха стала расспрашивать меня, кто я, зачем я тут, и все поддакивала и спрашивала о местных родных. И когда я сказал, что тут родных у меня нет, стала звать к себе в гости. «Хоть чаю попьем».

А я не пошел. А сейчас вот стыдно стало, вспомнил ее. Даже имени не знаю. Но Бог знает.

«Ол-райт», – сказал Емеля

Чем сильнее иностранец изучает Россию, тем сильнее влюбляется в нее. В России есть магнитная притягательность женственности, вековая мудрость, добрый юмор и спокойное терпение. Особенно любят Россию те, кто занимается русским языком, – филологи и переводчики. Мне везло на переводчиков, хотя даже лучшие из них часто ставили меня в тупик своими вопросами.

– А что такое голик? А что такое рига? Разве это не столица Латвии? И почему коса для травы – литовка? И почему у вас написано: ограда до Петрограда ветру рада?

Я терпеливо объяснял:

– Ну, значит, нет никакой ограды. Бедность. Или мужик такой ленивый, или пьяница, что даже ограду не может сделать.

Но вообще мы всегда как-то выкарабкивались, находя похожие слова или выражения. При этом, конечно, я понимал, что читатели за рубежом так никогда и не поймут, что подберезовик – это обабок, и что есть еще обабок, бабка – сус-

лон, а что суслон – это снопы, составленные особым образом, а снопы – это связанные связлом колосья, а связла – это те же колосья, скрученные для крепости жгутом. Конечно, видимо, и слово «голик» они понимали как бывший веник. Так оно и было, бывший веник, потерявший листья на службе в избе и высланный на крыльцо для несения героической службы по обметанию валенок от снега. И что еще до работы в избе веник работал в бане, выбивал из хозяев разнообразные хвори. Где уж там было объяснять, что последний ребенок в семье – заскребышек, что это вовсе не от того, что ближе к весне приходится «по амбарам помести, по сусекам поскрести». И почему в амбаре метут, а в сусеке скребут? И как объяснить, что подполье – это не только большевицкое, но и место для хранения картошки?

Это нам, русским, сразу все понятно, до иностранцев доходит медленнее, а чаще всего не доходит, и они ищут облегченную замену для понимания.

– Вот у вас такая фраза, – спрашивала меня немка-переводчик. – «Этот Витя из всех Витей Витя».

– Ну да, из всех Витей Витя.

– Это у нас не поймут. Надо как-то иначе.

– Ну-у, – вслух думал я. – Давайте: этот Витя еще тот Витя. Да, пожалуй, так даже лучше: еще тот Витя.

– Это тем более не поймут. Подумают, что этот Витя похож на того Витю. То есть их два: этот и тот.

– Вот то-то и оно-то, – говорил я, – что он не тот, хотя он еще тот. Он еще тот Витя.

Мы начинали искать общеупотребительное слово, синоним выражения, перебирали слова: шаромыжник, прохиндей, мошенник... Нет, Витя под эти мерки не подходил, это был еще тот Витя, переводу не поддавался и уходил за границу сильно упрощенным.

– Вот я назову повесть, – сказал я переводчице, – и тебе снова не сумеешь ее перевести. Вот переведи: «Как только, так сразу».

Переводчица тяжело вздохнула, а я ее доколачивал:

– И в эту повесть включу фразу: «Шлялась баба по базару распяным-пьяна-пьянехонька», как переведешь? Да никак. Ни по какому базару у вас не шляются, да и базара нет. И она, заметь, не ходит, не слоняется, не шлендает, она именно шляется. И хотя распяным-пьяна-пьянехонька,

но какую-то цель обязательно имеет. Иначе зачем бы шлялась.

– Может быть, – вспомнила переводчица выражение, – она погоду пинает?

– Это для нее пройденный этап. Вчера пинала, сего дня шляется. Да, товарищи немцы, были мы для вас непонятны, такими и остаемся. Но в утешение тебе скажу, что для англичан мы еще более непонятны. Вот сидит у меня дочь, учит английский, обратный перевод русской сказки с английского. Сказка называется «Приказ щуки».

– У вас есть такая сказка? – заинтересовалась переводчица. – Я очень много занималась фольклором, такой не помню.

– Это сказка «По щучьему веленью».

– О да, есть.

– Вот. У них же, на английском, веленья, видимо, нет. Так вот, читает, переводит: «Жены братьев говорят Емеле: «Организуй доставку воды с реки, иначе наши мужья, твои братья, не зайдут в городе в супермаркет, не привезут тебе презента». Каково? Нет у них, оказывается, ни гостинчика, ни ярмарки. «Ол-райт», – сказал Емеля и пошел организовывать доставку воды.

– Трудно, – вздохнула переводчица. – Я бы ближе перевела, но на гостинчике бы запнулась. Хотя гостинец у нас есть. Подарок.

– Нет, тут именно гостинчик.

Переводчица задала интересный вопрос:

– А вот Витя, о котором мы говорили, он мог бы в свое время быть Емелей?

– Вряд ли, – протянул я, – вряд ли. Емеля бесхитростней, он – как Ванюшка. Кстати, слово Ванюшка тоже для вас непереводаемо, у вас только Иван да Ваня. А как же Ванек, как же такая фраза: «Сашка-то, ухорез, ухарь, на ходу подметки рвет, а Петька ваньковатый»? Так вот, Ванюшка из сказки «Конек-горбунок» у вас, наверное, в переводе: маленький конь с большим горбом, а?

– Я не помню, переводили ли ее у нас? – задумалась переводчица.

– Бесполезно и переводить. Так вот, этот Ванюшка говорит братьям, когда они его обманули: «Хоть Ивана вы умнее, да Иван-то вас честнее». И по выводу сказки именно честному Ване достается царство. Для меня в этом Ване одна загадка: когда он достает для царя царь-девицу, то он критически оценивает ее красоту: «А ножонка-то, ножонка, тыфу ты, словно у цыпленка, пусть понравится кому, я и даром не возьму». Вот. А когда превращается в добра молодца, не доброго, хотя добрый молодец, конечно, добрый, так вот, когда

превращается в добра молодца, то эту царь-девицу берет в жены. Ну, тут уж она его сама не отпустит, вкогилась. Она же вкогилась. Сильнее глагол. А у вас спросят: разве у нее когти, а не ногти? Она ж с маникюром.

Переводчица засмеялась.

– Ну-у, – почесал я в затылке, – о женщинах только начни. У вас, наверное, только «фрау» да «вайб», женщина и баба?

– Вайбкляйн – маленькая баба, – добавила переводчица.

– Ростом маленькая, значением? Чем? О, у нас обилие этих баб. Можно сообщить?

– Записываю.

– Записать можно, перевести невозможно. Вот бабенка – это веселая, разбитная. К ней где-то близко бабешка – шальная, может быть, не очень усердная на хозяйство, но на веселье всегда пожалуйста. Бабища – это не обязательно габариты, не полнота, не вес, это, может быть, характер. Не путать с бабехой – это дама бесцеремонная, громогласная. Вот бабочка – это не мадам Баттерфляй, это может быть и аккуратная бабочка, может быть и заводная.

– Заведенная?

– Нет, заводная. Или вот на мужском жаргоне, когда обсуждают достоинства женщин, говорят про иную: «Отличный бабец!» Или: «Бабенция без комплексов». Или ласково: «Веселый бабенчик». Не бубенчик под дугой, а бабенчик. Но почему в мужском роде, не знаю. Может быть, это юношеское про общую подругу: «Наташка – свой парень». Но бабенчик, опять же, не бабеночка, бабеночка постарше. Да, вот, кстати, для улыбки, литературный анекдот. Исаак Бабель написал «Конармию». К командующему Первой Конной Буденному приходят и спрашивают: «Семен Михайлович, вам нравится Бабель?» Он отвечает: «Смотря какая бабель».

Но серьезно хочу сказать, что богатство русского языка – это не так просто, это богатство мышления. Чем у человека больше слов, тем он глубже и разнообразнее мыслит. Так что сочетание «русский ум» – это не пустые слова.

Вот оттого, что переводы русских трудны, Запад переводит не русских писателей, а русскоязычных. Наш пен-клуб, например. Конечно, зная русский, ты понимаешь, что в просторечии он не пен, а пень-клуб.

Всегда мы были богаты, сорили богатством. Вася на Васе, семь в запасе, то есть полно всего, а я вот схватился за полное собрание русских за-

гадок, читаю, а из них три четверти умерли. Не слова умерли, выражения — явления умерли, предметы, только словесная оболочка, идея предметов. Двор, поле, упряжь, сельхозработы, лес, вообще образ жизни, — все изменилось. Страшное нашествие уголовных терминов: вертухай, запретка, пали малину, шлангуешь, замастырить, стибрить, слямзить, свистнуть, стянуть, скоммуниздить... А связанное с пьянством: косорыловка, табуретовка, сучок, бормотуха, гнилуха, стенолаз, вмазать, втереть, жажнуть, остограмиться... Неохота перечислять, срам. А еще срамнее всякие консенсусы, саммиты, ваучеры... Все это, конечно, проваливается в преисподнюю, но возникают всякие менеджменты. А менеджер, кстати, по-русски, это приказчик — прекрасное слово.

И еще нашествие идет, главное нашествие — на язык церкви, церковнославянский. Очень простой, доступный, божественный язык. Называется богослужебный. И на него атаки — заменить на современный. Это же прямая измена всей русской истории: на этом языке молились наши предки. Как менять? Вот это и будет пропасть, в которую нас влекут. Просто ближе к престолу Небесному.

Переводчица, вздохнув, закрывала исписанный блокнот. Утешая ее, я сказал на прощанье:

— А в чем разница между молодухой и молодяшкой? Этот вопрос труден уже и для русских. Молодущка — это недавно вышедшая замуж, а молодяшка — это молодая кобылка. Уже не стригунок, но и не кобылка, еще не жеребилась. А зеленая кобылка — это вообще кузнечик. И это не маленький кузнец, не подручный в кузнице, а насекомое такое, на него хорошо голавль берет.

— Спасибо, — с чувством благодарила замученная мною переводчица.

Я же, войдя во вкус, отвечал:

— Спасибо не булькает. Спасибом не укроешься. Спасибо в карман не положишь. От спасибо не откусишь. Спасибо — много, хватит и рубля. Из спасибо шубу не сошьешь. Спасибом сыт не будешь. Так что — гран мерси.

Японский лифтер

В далекой Японии, на берегу озера Бива, нас поселили в старинную трехэтажную гостиницу. Вся в зелени, с выгнутой по краям изумрудной и очень блестящей после дождя крышей, она смотрелась в озеро витражами стекол и была очень

уютна. А вдобавок, она была и знаменита: в ней, будучи еще наследником русского престола, останавливался император Николай II.

По стриженным лужайкам бродили кричащие павлины, вздымая разноцветные фонтаны своих хвостов, меж павлинов перешлепывали свои жирные тела белые и черные кролики, а на берегу совершенно неподвижно сидели терпеливые рыбаки, на дело которых я ходил смотреть ранним утром и уже с ними здоровался.

Возвращаясь к завтраку, восходил по коврам на резное крыльцо, дверь передо мной кем-то невидимым открывалась, и я входил под звяканье колокольчика на ковры вестибюля. Огромные аквариумы вдоль стен, свисающая с потолка не искусственная зелень, разноцветные бумажные фонарики, — все это было очень красиво. А еще в вестибюле был лифт, в который меня каждый раз вежливо и приветливо приглашал мальчик-лифтер. Но я жил всего на втором этаже, и было как-то странно ехать так близко.

Лифт всегда стоял открытым, и проехать в нем очень хотелось. Очень он нарядно был разубран. Освещался гирляндами огоньков, зеркала во все стены были расписаны такими цветами, что человек, отражаясь в них, чувствовал себя в райском саду. Тем более в лифте были еще и клетки с разноцветными птичками. Лифт, думал я, сохранился как реликвия, в нем возили всяких важных мандаринов или, вот, нашего цесаревича. Но вообще, я видел, лифтом иногда пользовались, и отнюдь не мандарины.

И я решился. Вернувшись после долгой, счастливой утренней прогулки по берегу озера, умывшись его чистой водой и побывав свидетелем поимки двух рыб, я энергично вошел в вестибюль и поздоровался с мальчиком-лифтером. Он звал меня внутрь лифта. И я вошел. И оказался в дивном маленьком шатре. Лифтер приветливо и вопросительно смотрел на меня. Мне по-прежнему казалось, что глупо ехать на второй этаж, и я показал три пальца: на третий. Двери закрылись, как дуновение ветра, птички зачирикали, мы все враз поехали. Поехали так мягко, неслышно, так нежно, даже как-то трепетно, что это был не подъем, а какое-то вознесение на бережных ладонях.

Ну вот — третий этаж. Двери растворились. Растворились в самом прямом смысле, так они воздушно исчезли, и я шагнул на узорные ковры третьего этажа. И что? И, конечно, пошел к лестнице на свой второй этаж. Но тут случилось вот

что: мальчик-лифтер догнал меня и, схватив за рукав, показал на открытый лифт. Мол, зачем ты пошел пешком, если можно ехать. Ну как ему было объяснить, что я живу на втором этаже? Я вернулся в лифт. Снова запели птички, снова я отразился в зеркалах среди райских цветов. И опять же, не ехать же всего на один этаж, я показал один палец: на первый.

Приехали на первый. И я, естественно, пошел на свой, второй. И опять меня догнал мальчик-лифтер и опять зазвал в лифт. И опять привез меня на третий этаж. Я вышел, отошел немного и притворился, что рассматриваю старинную гравюру – битву самураев с кем-то. Скопил глаза – лифт стоял. А время меня уже подпирало, надо было завтракать и идти на конференцию. Я повернул к лестнице. Лифтер выскочил из лифта и кланялся. Тут уж пришлось показать ему два пальца, выдать этаж, на котором живу.

Он, конечно, решил, что русский бородатый дядя не может считать до трех, ибо зачем же он ехал на третий этаж, если его номер на втором? Я понял, что мальчика очень насмешило мое поведение. Да ведь и я смеялся над собой. И в последующие дни мы с ним весело раскланивались, и я уже смело ехал с ним до второго, отражаясь в искрящихся разноцветными огоньками зеркалах.

Я попросил профессора Накамото, который превосходно знал русский язык, сказать мальчику-лифтеру, что русский дядя очень неграмотный, он даже не может считать до трех. Профессор, выслушав мой рассказ о поездках на лифте, очень смеялся. И, конечно, ради шуток перевел мою просьбу. Я это понял, когда увидел, что мальчик, завидя меня, даже стащил с головы свою круглую шапочку и прыснул в нее, скрывая улыбку.

А однажды я увидел его, когда он меня не видел. Он сидел, как маленький старичок, в своем разноцветном укрытии, и был очень печален. Да и то сказать, легко ли: он работал, самое малое, по четырнадцать часов в день, я и не видел, чтоб его подменяли.

Перед отъездом я подарил ему русскую матрешку. Ах, как он обрадовался! Он побежал в лифт, в свой домик, и показал мне, что матрешка будет стоять между клеток двух птичек. И что в его клетке будет теперь повеселее.

А когда мы совсем уезжали и вынесли вещи в вестибюль, он подбежал ко мне и подарил сделанную из легких перышек игрушку-птичку. Подошел автобус. Мальчик вырвал у меня из рук на-

груженную книгами и альбомами сумку и потащил к автобусу. Когда я протянул ему деньги, он прямо отпрыгнул от них. Накамото-сан сказал, что он нес сумку не из-за чаевых, а от чувства дружбы. Автобус тронулся. Мальчик-лифтер стоял на крыльце и кланялся, приложив руку к сердцу. Таким я его и запомнил.

Я улетел из Японии и стал жить дальше. И часто вздохну и вспомню озеро Бива, гостиницу, лифт, этого мальчишку и то, что моя матрешка ездит с ним вверх и вниз. Может, и он иногда вспоминает бородатого русского дядю, который не умеет считать до трех.

Эти непонятные русские

До меня дозвонился японский профессор-руссист и попросил помочь в двух вопросах. Во-первых, помочь навестить одного русского писателя, который был за городом на излечении, а во-вторых, поговорить на одну, как он выразился, совсем не японскую тему. Но и не русскую.

Я этот санаторий, где был писатель, знал и согласился съездить туда с радостью: и с писателем повидаюсь, и за городом побываю, много ли мы на воздухе бываем.

– Давайте прямо с утра пораньше, – сказал я. – Доедем часа за три, много за четыре.

Профессор задал два вопроса:

– Прямо с утра пораньше – это когда? А много за четыре – это как?

– Ну, как выйдет, – отвечал я, – может, и в два с половиной получится. А с утра пораньше надо, с утра электрички лучше ходят.

– Как лучше ходят?

– Ну, особо не капризничают. А после десяти их лихорадит.

Профессор, видимо, решил, что наши электрички одушевленные существа: то они капризничают, то их лихорадит.

– Хорошо, – подвел я итог первой договоренности, – мы вчерне договорились, а конкретно я вам еще позвоню.

Ехать надо было с Белорусского вокзала. До него я никак не смог дозвониться, а в общей справочной давали сведения только на дальние рейсы. Тогда я решил попросить профессора приехать к семи часам, а самому приехать пораньше, разведать. Мы договорились встретиться у памятника Горькому – место заметное.

– С такси не связывайтесь, плюньте, – сказал я, – у вас прямая линия, без пересадок, «Теа-

тральная» – «Белорусская», а памятник среди площади, не растеряемся.

– Не растеряемся, будем находчивыми, так? – спросил профессор.

Утром, примчавшись на вокзал, я увидел в расписании, что есть электричка до Можайска (а нам надо было до Кубинки), электричка хорошая, мало остановок, но она уходила около семи. И если мы только в семь увидимся, то придется полчаса ждать, ехать на бородинской почти со всеми остановками. Зная, что японцы – народ аккуратный, что профессор непременно будет ехать с запасом времени, я купил билеты и помчался к метро «Белорусская радиальная».

Изумленный профессор увидел меня, сходя с эскалатора.

– Мы сейчас, – спросил он, – пойдем встречаться к памятнику Горькому? Ведь это из-за него Чехов вышел из академии?

– Да, из-за него. Но он давно вышел, а электричка сейчас уходит. И потом, если мы уже встретились, зачем нам Горький? – отвечал я, и поскольку объяснять было некогда, тащил профессора на пятую платформу. Именно пятая значилась на табло.

Но когда мы прибежали на пятую, то по радио объявили, что электричка до Можайска прибывает на четвертую. Опять же не объясняя, я повлек профессора обратно в тоннель. Профессор, видимо, решил, что я плохо знаю Белорусский вокзал.

В электричке, отдышавшись, мы стали разговаривать на ту тему, что в России большое пространство.

– Сколько земли! – восклицал профессор, когда между станциями мелькали два-три перелеска.

По проходу шла торговка пирожками, и профессор, несмотря на мой ужас, купил у нее штучку и стал откусывать по мелкому кусочку. Меня же угостил чем-то сушеным, рыбным, в плоском пакете.

– Но все-таки спрошу, – сказал он. Видно, он думал над этим. – Если объявили, что поезд уходит с одной платформы, то почему он пришел на другую?

– А это стрелочник виноват, – ответил я, – стрелки перевел с похмелья, вот и все.

– Как с похмелья? – изумился профессор. – Стрелочнику же совершенно нельзя пить, это же очень серьезная профессия, это же связано с жизнью людей.

– Честно скажу: пьют, – отвечал я. – Это очень большой наш недостаток: пьют стрелочники. Они, они у нас во всем виноваты.

Профессор доел пирожок, я доел сушеные волокна (кстати, очень вкусные), и мы стали говорить о Чехове. Профессор находил сходство между Чеховым и писателем, к которому мы ехали.

– А как вы думаете, – спросил профессор, – Чехов был антисемитом?

– Я до таких тонкостей в Чехове не доходил, но думаю, что не был.

– Да, но рассказ «Тина»... – заговорил профессор. Это и был тот неаппетитный вопрос, о котором просил поговорить с ним профессор.

– В Японии нет евреев, – объяснил профессор, – поэтому мы решили, что именно японцы разберутся в еврейской проблеме. Я этим стал заниматься, но у меня вопрос: почему нигде в мире ни Чехова, ни Пушкина, ни Гоголя, ни Лескова, ни Гончарова – никого из русских мировых классиков не называют антисемитами. Но я прочел их всех внимательно и видел у них многое по еврейскому вопросу. Даже у такого, как Тургенев.

– У него-то где? – спросил я, стыдясь того, что плохо знаю свою классику. А вот японец знает. О, эти японцы все знают.

– А у него в «Записках охотника» помещик Каратаев хвалит свою собаку, говорит, что даешь собаке кусок хлеба из левой руки и говоришь: «жид ел», то собака не ест, а говоришь, что барышня кушала, и даешь из правой руки, то собака возьмет.

– Так, а в чем тогда вопрос?

– Так вот, классиков не называют антисемитами. А я прочел всего Шукшина, Белова, Распутина, у них нет антисемитских высказываний, а их называют антисемитами. Почему?

– Спросите тех, кто называет. Для меня это тоже загадка. Да это еще что, у нас давно ли эти писатели в фашистах ходили, у нас даже слово «патриоты» оплевывалось.

– Это нас возмущало, – сказал профессор. – Японию после войны поднял только патриотизм. Всякое государство можно сохранить и укрепить только патриотизмом.

– Вот спасибо. Вот еще бы это демократам внушить.

– А наши демократы, – сказал профессор, – очень большие патриоты. А у вас патриоты – русские, а демократы – евреи. Может, от этого противоречия.

– Противоречие в вашем суждении. Как же евреи не патриоты, а евреи Израиля? Если б они не были патриотами, разве б туда стремились?

– Тогда вопрос прямой, можно?

– Только так и можно, – отвечал я.

– Есть ли в России антисемитизм?

– Тут я вам плохой помощник, – искренне отвечал я. – Я первого еврея в двадцать лет в армии увидел. Илюха Файбрун – хороший парень. Мы вместе газету выпускали. Я сочинял, он переписывал. Правда, вот на учениях, например, я в противогазе бегу, а он на штабной машине. Но ведь опять же – сочинять-то текст боевого листка можно и на бегу, а ему планшетка нужна, бумага, перо. Почерк у него был хороший. Так что я сам виноват, мог бы и почерк выработать, в писаря бы пошел. Или в институте у нас был еврей, Семен. Тоже парень отличный. А я грузчиком работал на ткацкой фабрике. Он расспросил про заработки, тем более и жил он недалеко, попросил устроить на работу. В грузчики – какая проблема, я устроил. Только уже к вечеру первого дня я тюки с пряжей таскаю, а Сенька их считает. Зарплата у него даже и повыше – учетчик. Но мне интереснее было грузить, чем с карандашом сидеть.

– А серьезнее? – прижимал меня профессор. – Есть антисемитизм?

– Видимо, после революции был, – отвечал я. – Иначе зачем бы появился закон об антисемитизме. Слово «жид» нельзя было произнести...

– Но ведь жид и еврей не совсем одно и то же, я изучал этимологию.

– Да мы слово «жид» не чем иным, как обозначением жадности, и не считали. В детстве, если кто жадный, ему говорили: «А, жидишь!»

– Да, да, – подхватил профессор. – И у Гоголя, когда Чичиков передал Плюшкину деньги, то тот «сразу ожидал».

– Ну вот, тем более, Плюшкин же не еврей, – обрадовался я поддержке Гоголя. – Или у нас была считалка: «Жид, жид по веревочке бежит, веревка оборвется, жид перевернется». Какой тут антисемитизм? Хотя потом, когда я был в Москве, рассказывали про анекдот тридцатых годов о том, как стоит мужчина на остановке, его спрашивают: «Ты что делаешь?» Он хотел было ответить: «Трамвай поджидаю», да испугался и ответил не «поджидаю», а «подъевреиваю».

Профессор, посмотрев в книжечку, продолжал вопрос:

– А не думаете ли вы, что антисемитизм имеет в основе антииудейство? У Пушкина в «Скупом

рыцаре» рыцарь возмущен, что еврей-аптекарь предлагает рыцарю отравить скупого отца. Рыцарь его, еврея, прогоняет, говоря о деньгах, что они будут пахнуть «как сребреники пращура его». Он ведь имеет в виду Иуду и историю с тридцатью сребрениками? Так? Еще у Пушкина, когда пишет про гречанку: «Ко мне постучался презренный еврей». Есть же причина такого отношения.

– Мы почему-то и воробьев называли жидами, – я, к сожалению, не был столь силен в еврейском вопросе, как японец. – Я больше сужу не по науке, а по жизни. Вот опять же анекдот: «Беги, Абрам, погром!» – «А я по паспорту русский». – «А бьют не по паспорту, а по морде». Но это, я думаю, еврейский анекдот.

– Почему?

– У нас, как началась эта свистопляска с ускорением и перестройкой, как пошел свальный грех демократии, так уж сколько про эти погромы кричали, даты называли – все вранье, в русских нет чувства мести. А евреи, что ж евреи, они как в псалмах Давидовых, как же им петь веселые песни в земле чужой. Они из глубины веков подпитываются чувством богоизбранности, превосходства, а мания величия обязательно вызывает манию преследования.

– Да, да, – поддакнул профессор. – Мы – буддисты – братья христианам, мы знаем, что богоизбранность одного народа кончилась на Голгофе, богоизбран тот, кто идет за Богом, а для него нет ни эллина, ни иудея.

Он погрузился в свою книжечку. Скоро доедем, думал я, глядя в мутное окно. Чем бы еще помочь профессору? Он сам все лучше меня знает. Но вот это надо сказать:

– Я вам рассказал анекдот про городской трамвай. Тут заметно, что человек боится, что за слово «жид», даже в корне слова под-жид-аю, его могут замести, забрать, привлечь, в общем. А я в селе вырастал, там, например, такие частушки пели всюю еще безо всякой гласности: «На бочонке я сижусь, а в бочонке кожа. Сталин Троцкому сказал: «Ты жидовска рожа».

– А почему в бочонке кожа? – спросил профессор.

– Для рифмы. Но тут Сталин и Троцкий по разную сторону баррикад, а вот частушка, опять же открыто пели, в ней они объединены: «Сидит Сталин на березе, Троцкий выше, на ели. До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели». Или народная частушка: «Ты Иван, и я Иван, голубые очи. Мы с тобой идем в забой, а евреи в Сочи». Одним

словом, плохой я вам помощник. Вы меня лучше по русскому вопросу спрашивайте. А то кто послушает со стороны и решит, что мы с вами антисемиты. А мы просто занимаемся научными изысканиями.

— Но разве в электричке есть подслушивающие устройства? — забеспокоился профессор.

— Да если бы и были, она так гремит. Не расстроило вас? Подъезжаем.

Профессор захлопнул книжечку.

Выходя, я вспомнил, что и в «Капитанской дочке» есть одно место, там Зурин, обучая Гриневу, говорит: «...придешь в местечко, чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов». Но я не стал напоминать профессору, уже ясно, что и эта цитата есть у него. Да и что это добавляет?

Профессор уже в тамбуре спросил:

— Значит, бывает так, что закон говорит одно, а люди другое?

— Но, господин профессор, вы же занимаетесь Россией, как же иначе?

Профессор сверился с записной книжечкой, вздохнул:

— Даже у Толстого в «Анне Карениной»: «Дело было до жида, дожидался у жида».

— Язык такой русский, — оправдал я Толстого. — А знаете, на Украине Льва Толстого предлагают называть Левко Пузатый. Они против русификации.

Профессор стал торопливо записывать сообщенный мною факт. Но мы уже приехали в Кубинку. Боже мой, вечность назад я служил тут в ракетных войсках. Но, оставив воспоминания, стал расспрашивать, на каком автобусе ехать до санатория. Отвечали: на двадцать восьмом. Вот и указатель: к двадцать восьмому. Мы пришли с профессором на привокзальную площадь и сели в двадцать восьмой. На всякий случай, и как будто кто меня подтолкнул, я спросил:

— Это двадцать восьмой?

— Нет, это сорок четвертый. А двадцать восьмой теперь ходит с другой стороны.

— Как же так? Написано же двадцать восьмой. И на указателе, и на остановке, и на автобусе.

— Все же знают, — хладнокровно отвечали нам.

— Хорошо еще, не успели заплатить, — сказал я профессору, когда мы снова поднялись на мост через железную дорогу.

На площади с другой стороны мы увидели битком набитый двадцать восьмой. Еле влезли. Тут уж я, конечно, спросил:

— Это двадцать восьмой?

На меня посмотрели, как на дурака:

— Вы же сажались, видели, в какой садитесь.

— Но вот мы так же сели в двадцать восьмой на той стороне, а оказался сорок четвертый.

— Так зачем вы на ту сторону пошли?

— На указателе написано.

— Мало ли что на указателе.

У меня хватило ума спросить:

— Мы до санатория доедем?

— Нет, — отвечали нам, — до санатория в другую сторону.

— Как же так, — спросил я, — говорили же, что тут конечная.

— Ну да, в ту сторону конечная, а от санатория в эту не конечная. Да вон он стоит.

Мы снова вылезли и пошли к двадцать восьмому автобусу, но закрытому, без водителя и кондуктора, хотя рядом стояли люди.

Они сказали, что автобус сейчас поедет.

Профессор спросил:

— А что это значит, когда нам ответили: «Мало ли что на указателе?»

— Значит то, что не надо верить указателям.

— Почему?

Я пожал плечами. Профессор стал изучать расписание движения и соображать, глядя на свои японские часы, когда же мы отправимся.

— Бесполезно смотреть, — сказал ему пожилой мужчина. — Когда захотят, тогда и поедут.

— Но для чего расписание?

— Для модели.

— Для какой модели?

Мужчина тоже, как и я недавно, пожал плечами.

— Для какой модели? — спросил меня профессор, когда мы отошли. — Для модели движения?

— Скорее, для всяких комиссий. Придут, посмотрят: расписание есть, все в порядке.

— Комиссия движения? — стал уточнять профессор.

— Всякие бывают, — отвечал я.

Из того, переполненного, двадцать восьмого автобуса вышла кондукторша с сумкой. Автобус немедленно поехал. Видно, из-за нее и стоял. Кондукторша зашла в диспетчерскую, вышла из нее с другой женщиной, и они, открыв автобус, который мы ждали, вошли в него. Сели там завтракать. Хотя двери остались открытыми, нас туда не позвали, мы продолжали ждать. Подошли и водители, сразу трое. Они обсуждали вчерашние события: «А чего Колька сказал?» — «А Колька

сказал: я с вами пить не буду». Это его точные слова. Так и сказал».

– А почему Колька не будет с ними пить? – спросил профессор.

– Разногласия какие-то.

– Но он же из их коллектива? Да? Значит, должен пить с ними.

Наша очередь росла и начала роптать. Но для водителей мы были как пустое место. Кондукторши окончили завтрак, вылезли, мы самочинно заняли сиденья. И стали ожидать отправления уже в сидячем виде. Кондукторша пошла было к нам, но тут ее кто-то окликнул, и она стала говорить о раскаде. Пожилой мужчина осмелился спросить, когда же мы тронемся.

– А будете орать, вообще не поеду, – отвечал водитель, который уже занял свое место.

– Разве мы орем? – спросил я.

– А все равно, – ответил водитель. – Меня из гаража без техосмотра выпустили, я могу вообще не ехать. Или останавлиюсь среди дороги и буду стоять. Имею право.

– Неужели он так поступит? – спросил меня профессор.

– Довезет, – ответил я.

Пришла кондукторша, стала билечивать. Автобус завелся и тронулся. Кондукторша собирала плату, отрывая от катушки билетов на полцены, а то и вовсе не давала билетов. Тот, кто вовсе отказывался от билетов, тот платил полцены. Объяснить профессору такую сложную механику было невозможно. Он, бедный, уже и не спрашивал.

В санатории, у писателя, профессор пытался разобраться в увиденном. Профессор искренне решил, что я тоже ничего не понимаю. Если написано на автобусе – двадцать восьмой, то почему он сорок четвертый? Если объявлено отправление с пятой платформы, то почему отправляют не с пятой? И так далее. И было ли такое во времена Чехова? И если было, то почему нигде у Чехова не отражено?

– Если и было, так он этого просто не замечал. Вы ко мне ехали? Давайте чай пить.

Во время чая мы решили, что классики закрыли тему антисемитизма, но это не нравится современным критикам-стрелочникам, вот они и заставляют русских писателей продолжать эту тему.

А что касается автобусов и электричек, то ничего не было подстроено, все нормально. И если изучаешь Россию, то надо быть ко всему готовым, даже к постоянной смене платформ, номеров, расписаний, критики, законов.

Одно только у нас неизменно – Россия.

Профессор поблагодарил, но все-таки вычитал из своей книжечки самый важный вопрос:

– Русские уйдут из мировой истории?

– Только вместе с ней, – отвечали мы.

Не верь, не верь поэту, дева

Мне решительно неинтересны прозаики. Только поэты могут расцветить серую прозу жизни. Вот давайте проведем опыт: напоим для сравнения поэта и прозаика и выпустим их на трибуну. Прозаик будет возбужденно или пришибленно нести какую-то ахинею, а поэт блистательно рванет краткую речь, талантливо лягнет соперников, искрометно прочтет стихи, сорвет аплодисменты, улыбки и вздохи поклонниц.

Перед нами Александр. Известный поэт, но фамилии не скажу, ибо женат, ибо жена умеет читать. Прочтет, да еще бросит его на старости лет. Кстати, он ее, и только ее, любит. Но не может не влюбляться. И это естественно. Вспомним любой пример из мировой литературы. Да вот и наш современник – Расул Гамзатов: «Дорогая, – пишет он жене (это подстрочник), – ты лучше всех. Но как же я узнаю, что ты лучше всех?»

Итак, Александр в командировке. А в командировке, как сказал кто-то из мужчин, мы все холостые. Позади ночь в поезде, разговоры, махания руками. Утром цветы на перроне, хлеб-соль и красавицы в кокошниках... Вот и прием в администрации прошел, а по программе теперь посещение краеведческого музея. Когда к бригаде писателей подходит красавица-экскурсовод, Александр влюбляется.

– Можно называть просто: Ляля, – говорит она, смущается и сообщает Александру, что поклонница его таланта.

В гостинице он возбужденно рассказывает соседу:

– Старик, ты б видел! Нервная, не понятая провинцией. Я думал, врет, что меня знает, нет, гениально вплела в текст экскурсии вот это, мое (читает), каково? Не могла же специально выучить.

– Могла, – хладнокровно говорит товарищ. – Знали же, что именно ты приедешь. Ой, старик, сколько же у тебя было этих Ляль.

– Было. Стреляй – было. Но Ляля! Ты что! Все под откос! Я уж думал, никогда не смогу завибрировать, а тут!

– На сегодня договорился?

– Естественно. Но чего это стоило! Краснеет. Где еще в мире остались краснеющие женщины? Только в провинции. Не могу. Договорился. Ух, жарко, не выпил, а в жар бросает. В глазах стоит: подошла, ведет экскурсию. Меня прямо трясет. Они ж чувствуют! Старик, мы – мужики, мы же бревна, мы же «здравствуй, дерево», а тут! М-м!

Как у него проходит встреча с Лялей, зная Александра, легко можно представить.

Он вооружен до зубов, то есть у него набор питья и еды. Конечно, шоколадный набор, конечно, кофе. И, конечно, непрерывные атаки на эту Лялю. Поэт любит повторять из Фолкнера, «что человек все может, только нельзя останавливаться».

– Коньяк? Чуть-чуть. Тши кропли, как гуторят поляки.

– Нет, нет, что вы!

– Тогда вина! Белый аист! Летит! Над Бело-вежской Пущей летит. Но из Молдавии. Тончайший букет. Брызги империи.

– Нет, нет, я не пью вина, – Ляля держит оборону.

– Тогда грузинского! Киндзмараули! Любимое, так сказать, товарища отца народов. А кто, дети, товарищ отца народов? Товарищ Сталин? Тогда кто отец народов?

– Не надо, даже не открывайте. Вы же, Александр (отчество), сказали: просто поговорим. Вот кофе. Я могу приготовить.

– Во-первых, если я Александр (отчество), то и вы Ляля батьковна. Во-вторых, про кофе рано и очень телевизионно. Такая светлая головка, как у вас, не может быть замутнена голубоватым пойлом телекоробки. И притом кофе – это разврат, это не по-русски. С кофе и с бритья бород началась гибель России. Вы хотите в ней участвовать?

– Уже поздно, – говорит Ляля, – я уже не успела, все погибло без меня.

– Отлично! – радуется поэт. – Отличный уровень разговора. Выходим на виражи. Ложимся на курс. Ложимся на курс, Лялечка? И вообще, какая дикость, что мы на «вы». Я такой старый?

– Нет, что вы!

– Не утешайте, старый. Если бы вы не считали старым, давно бы было: Сашенька, Саня, Санек! Тебе пора меня гонять, как сапожник гонял Ваньку Жукова. Ляля! Если я не старый, то будем на «ты», так?

– Я не могу так сразу.

– И я не могу сразу. Есть же ритуал, надо же брудершафт.

– Можно без него?

– А протокол? А этикет? А традиция? О, – как бы вспоминает поэт, – у меня ж «Советское шампанское», я же человек из той еще жизни, я же, назло всей демократии, пью только «Советское шампанское» – лучшее в мире. Уже охлаждено, уже несущее. Выпьем, это сближает.

В ванной, где холодит бутылка, поэт осматривает себя в зеркало, корит за медленные темпы ухаживания и возвращается. Опытным взглядом видит, что Ляля поправила прическу.

– Открывать как: по-гусарски или как подпольщик?

– Я громко боюсь.

Поэт все-таки хлопает. Ляля вздрагивает.

– Испуг освежает, – комментирует поэт. – Ну вот, вошел – и пробка в потолок. Выпьем. Это сближает.

– Не наливайте, – сердито говорит Ляля, – я обижусь. Если вам от меня только одно надо, я сейчас же уйду.

– Мне от вас надо все, – заявляет поэт. – И это, и то, и третье, и десятое. Вы что, думаете, что сейчас я брошусь рвать на вас эту прекрасную одежду (Ляля в сиреновом)? Я увидел вас, тебя! Сердце отпало. На разрыв аорты, как сказал Пастернак, хоть я его и не люблю.

– Почему?

– Дачность, литература из литературы, раздутый политикой. Ты возьми Заболоцкого – космос! Тут начитанность. Ладно, не пей ничего. Но минеральную воду ты пьешь?

– Минеральную пью.

– Тогда выпьем минеральной. Это тоже сближает.

Назавтра поэт неотступно душит товарища рассказами о своей любви к Ляле.

– Как она шептала: «Я берегла себя для тебя». Старик, я безумец, я полюбил ее навсегда. Здесь! Такое тонкое понимание! Над ней еще немножко работы, и это русский Сократ в юбке по вопросам поэзии. Я из нее вышибал дурь эмигрантскую, говорю: «Лялечка, Георгий Иванов – хорошо, немного Ходасевича – и хватит! Беглецов, – ей говорю, – не воспринимаю». – «Ах, как вы можете!» Это еще с вечера на «вы». «Дорогая, – говорю, – разлука обостряет чувства. Вот я уеду от тебя, и чувства запылают с новой силой. О, это любовь, лишенная примеси выгод, тут удар солнечный, тут как из-за угла с ножом выскочили и зарезали». Она: «Ах, вы это из Олеси, ах!» Я тут режу: «Какой ужас эта начитанность. Тебе б

детей, было б не до Олеши. Начитанность ведет к глупости. Всюду, на любую ситуацию, клише и штампы. Как у актеров. Они давно расстригли себя на лоскутки ролей». Но я, старик, шел дальше и дальше, нельзя останавливаться. «Рядом с тобой я исчезаю как поэт, зачем? Я хочу нравиться тебе только как мужчина. Я же не могу вслед за Евтушонкой кричать, кричать, что поэт в России больше, чем поэт. Сейчас он сочиняет, что поэт в Америке ничтожней, чем поэт». Она: «Ты это от зависти». Я: «К кому?» Она: «Ты с ним знаком?» Я: «Это он со мной знаком». И тут же: «Ляля! Я шел к тебе всю жизнь, а мы о профессии. Я тебе ни одной строки не прочту»...

– Все равно читал, – хладнокровно говорит товарищ.

– Просила! Потом, когда я, как политрук, позвал себя в атаку и бросился на нее, она защищается: «Ты приехал случайно, ты охмуряешь провинциальную дурочку». Я кричал: «Ничего случайного! Читай Канта, а лучше наших, Ильина! И только Ильина, даже Солоневичем не разбавляй. Все случайное обусловлено причинностью. Детерминизация казуальности!» Вся жизнь моя была залоговой стоимостью, так-то вот и так-то, без такта, эх, старик! Она опять мне: «Пастернак, Пастернак!» Я ей: «Мандельштам на три этажа выше: рыбий жир ленинградских речных фонарей – это пережито». Ляля, Ляля!

Поэт садится в кресло, потягивается, зевает и сообщает:

– Так-то она Альбина.

Пора отправляться в поездку по области. «Как я переживу», – говорит поэт, все называя про Лялю-Альбину.

А в поездке, хоть стой, хоть падай, у поэта еще приключение. Теперь уже Лиля. Она, хохотушка под сорок, сопровождает от управления культуры бригаду писателей, помогает собирать зрителей, продавать книги. Вообще незаменима. С ней проблем у поэта нет. Ему лафа – не надо ничего покупать, заботиться о ночлеге, все готовое, надо только понравиться. Ну, это Александр умеет. Он каждый раз влюбляется искренне, вот чем он берет.

После первого вечера, выйдя в коридор, он обнаружил, что, оказывается, Лиля не слушала его выступление. Утешая его, оправдываясь, она ответила, что ему больше всех хлопали. Разве это не растопит сердце пишущего мужчины? И Лиля ему понравилась. После вечера, как водится у добрых людей, – банкет. Лиля не чинилась.

Когда поэт хлопнул пробкой, сел рядышком, она сразу приняла его ухаживания. Все хохотала, все повторяла:

– Шампанское после водки? Это ра-азврат. Водку заедать шоколадом? Это разврат-ат.

Одно огорчало: не дали поэту отдельный номер. Но соседом его был поэт из местных, который так много пил, так мертвецки спал, что его не могли разбудить даже собственные дикие крики во сне, так что ночи Александра и Лили были спокойны.

И о Лиле вздохнул рассказывал товарищу помолодевший поэт. Он сопоставлял Лялю и Лилю. Любил обеих.

– Лилька проще, та тоньше. Но с той пока невозможность, надо говорить, нести какую-то хреноту о поэзии, здесь все ясно. Земное и вместе с тем не только физическое. Понимаешь? Осязаемое, естественное, проще, но возбудимее. Там полутона, темная вуаль, руки под ней сжимает, читалась, дура, всего. Ах, не выдерживаю, хочу написать сопоставление, например, так...

– Не ври. Не например, а уже написал. Читай.

– Нет, старик, пока слабо, абрис, набросок, мычание, килька воображения... М-м... Рукой онемевшей не двину! На ней ты лежала всю ночь...

– Заросла веревка у колодца выюнком, воды у соседа возьму.

– Время решит, время, кто мне дороже. Время. Люблю, старик, обеих.

Вскоре он прочно забыл и ту, и другую. И когда через год товарищ спросил, звонит ли, пишет ли он Ляле и Лиле, поэт был в недоумении:

– Что это за Ляля и Лиля, что это: Штепсель и Тарапунька?

– Я не обязан лучше тебя помнить твои подвиги. Лиля, Ляля. Поездка в такую-то область.

– А! – хлопнул себя по лбу поэт. – Вот эти два стихотворения? Да, да, да! Хорошо бы, кстати, туда наведаться. Не забыли же! Но как? Сам не поедешь, дорого. Бюро пропаганды зачахло, Союз писателей нищий, командировки не дает. Какой журнал попросить, газету? Так опять – очерк им давай. А я уж не мальчик жизнь узнавать. Да и кто теперь читает эти журналы и эти газеты? Ах, Ляля-Ляля, Лиля-Лиля. Смотри, старик, как смешно сошлось. Может, еще и объединю их. Спасибо, старик, я все вспомнил, все прожил заново.

Так что можно сказать только, что здесь рассказана история создания двух стихотворений.

Два снайпера

В поезде «Москва–Одесса» я ехал в Приднестровье, в Тирасполь. Со мною в купе, тоже до Тирасполя, ехал снайпер-доброволец, а женщина с молодой девушкой ехали в Одессу.

Снайпер был немного выпивши, возбужден, выпоил мужчине, который назвался новым русским, девушке и себе бутылку с чем-то и ушел добавлять. Я залез на верхнюю полку и то дремал, то пытался чего-то читать. Мужчина внизу непрерывно и сердито шептался с девушкой. О чем, я и не прислушивался.

Девушка вдруг вскочила, оттолкнула мужчину, громко сказала: «На первой же остановке!» – и вышла из купе. Я зашевелился, обнаруживая свое желание спуститься.

Совершенно неожиданно мужчина, новый русский, стал говорить, что вот эту девушку он нанял, он даже сказал, что купил, ехать с ним в заграничный круиз.

– Греция, понимаете, Кипр, Израиль. А она – видели? – заявляет, что хочет обратно, мамы боится. Мама! Мы так не договаривались.

– А как договаривались?

– Чтоб без проблем. Путевка, потом еще особая плата и – до свиданья. Мама! Лучше б я ее маму взял. Мне не трудно ее обратно отправить, женщину я и в Одессе куплю, но опасно. Почему? У меня дружок купил, а домой, жене, заразу привез. Это ж Одесса, там любую со СПИДом подхватишь, а справку принесет, что здоровая.

Девушка вернулась в купе, достала огромный специальный ящик для косметики и принялась демонстративно наводить красоту на свое и без того хорошенькое личико. Мужчина опять стал ее уговаривать. Чтоб им не шептаться, я вышел в коридор. Сосед-снайпер вовсю дымил еще с одним мужчиной, который оказался... тоже снайпером. Это мне мой сосед объяснил. Они курили и говорили, что это не дело, когда девчонки идут в снайперы. Вон в Бендерах были «стрелочницы» из Прибалтики, это не их дело, это дело мужское. Видно было, мужчинам не терпелось пострелять.

Из нашего купе вышли мужчина с девушкой. Проходя мимо, новый русский мне, как посвященному в его дела, доложил торопливо и вполголо-са: «В ресторан уговорил!»

Я вернулся в купе, завалился на полку и не просыпался до утра, до самой украинской таможни. В вагон вошли такие гарные хлопцы, такие даже здоровые парубки, что, если бы они не паспор-

та проверяли, а землю пахали, Украина завалила бы всех пшеницей. В Канаду бы продавала. Хлопцы были в форме, похожей на запорожскую, были все с усами, говорили подчеркнуто на украинском. Нам было предложено «гэть из купе», чтоб они обыскали и купе, и вещи. Мужчина успел радостно сообщить, что девушка обещала подумать, что он увеличил ей плату. «Мне ж это дешевле, но даже и не деньги, но чтоб с другой не вязаться, к этой все ж таки привык».

Таможенники «прикопались» только ко мне. Зачем я еду?

– Мне же интересно видеть самостоятельную, незалежную, незаможную Украину.

– Шутковать нэ трэба, – сказал мне усатый таможенник. – Вы письменник?

– Да, радяньский письменник. Царапаю на ридной русской мове.

– Нэ шутковать.

– Какие шутки. Можете записать, что я украинский письменник, пишущий на русском диалекте.

– На яком диалекте?

– На русском. Это следствие, рецидив, так сказать, имперского мышления.

Слово «имперское» могло погубить, но, на мое счастье, таможенника отозвал офицер.

Потом была молдавская таможня, потом приднестровская. Я уж решил лучше молчать. Снайпер тяжело приходил в себя. Он встряхивал головой, поводил мутными, плохо прицеливающимися глазами, наконец, попросил меня выйти и посмотреть, есть ли в коридоре тот снайпер. Я посмотрел – никого. Тогда он соскочил с полки, сбегал умылся, сел напротив и сказал:

– Все очень серьезно, – он закрыл купе изнутри. Соседи наши уже ушли в ресторан завтракать.

– Что серьезно?

– Того снайпера видел вчера?

– Ну.

– Он не к нам едет. Он к румынам едет, понял? К молдаванам. Он с той стороны будет стрелять. Он, гад, за деньги нанялся, я-то из патриотизма, ну, гад! А мы вчера разговорились, а он-то думал, что я тоже нанятый. Ты, говорит, за сколько и на сколько контракт подписал? Тут-то и открылось. Ну, брат, дела. Он дальше поедет, до Кишинева, я до Тирасполя. – Снайпер покрутил головой. – Чего делать?

– А чего ты сделаешь? Вы как договорились: друг в друга не стрелять? Или ты его свалишь, вот и деньги некому получать.

— Семье заплатят, он сказал, семья у него в Москве. Да он, гад, и отсюда бы стал стрелять, но тут не платят. Он говорит: ему все равно, лишь бы бабки. Этим девкам из Прибалтики много платили. Но они даже по детям стреляли. Это-то он не одобряет. — Снайпер опять покрутил головой: — Достань чего-нибудь, не дай помереть.

Тут с завтрака вернулись соседи. И наудачу новый русский прихватил какого-то заморского пойла и щедро стал угощать. Девушка снова углубилась в работу над своей мордашкой. Она решила в Тирасполе выйти, подышать, погулять по перрону. Мужчина ткнул меня сзади в спину и подмигнул, мол, все в порядке, больше, мол, не капризит.

И еще раз пришли какие-то пограничники, а может быть, еще какие таможенники, я уж в них запутался. Нас снова, но теперь на русском языке попросили выйти. Вышли и из других купе. Мы теснились в проходе. Вышел и тот, едущий до Кишинева снайпер. Тоже явно с головной болью. Снайперы обменялись взглядами. Наш, уже опохмелившийся, глядел побойчей.

Поезд стал тормозить. Я думал, нам еще долго ехать, а оказывается, мы уже приехали.

Дунайское похмелье

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в еще более торжественную ночь. Здравниц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего, в Болгарии все, по крайней мере, тогда (это было лет десять назад), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своем номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я еще не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Все в ней незабываемо, все такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Серебряны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Купрившиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная еще надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, все-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал.

Я немножко заправился из посуды под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя — это не мужчины Иван и Петр, это женщины, это имена такие женские в Болгарии — Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними — курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, Петя». — «На воздухе неинтересно, — отвечают Ваня и Петя, — надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да еще обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу прекрасные сухие болгарские вина.

Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером, все равно пить. Все равно говорить здравицы о дружбе. Не тосты, именно здравицы. Тосты — слово, нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «Наздрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, все более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

— Доброе утро, брат! — крикнул я.

— Доброе утро! — откликнулся он.

Вот с кем я выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек — и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течет.

— Эй, эй! — услышал я крик. — Не можно, не можно! Химия, химия!

— Что делать, везде экология, — сказал я, подходя к рыбаку.

Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул.

– Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал.

У него были и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не граненые, пластмасса. Звуку от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

– Слушай, – сказал я, – у меня еще одна есть. Но знаешь чего, давай ее выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелят? А?

– То можно, – сказал рыбак.

Мы столкнули лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

– Вот тут, – кричал я, – наш Святослав, киевский князь – слышал? – сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут.

– То так! – кричал и кивал головой рыбак. Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

– Отсюда – именно отсюда, понял? – от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, – слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Туртукай взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгонял. Его предали, Святослава.

– Предал кто?

Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это несерьезно.

– Гагарин, – кричали румыны, – спутник, дружба! – И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского договора.

Дружба дружбой, а одними словами ее не укрепишь. Мужики смотрели на меня, как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападков империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

– Выдержит твоя лодка пятерых? – спросил я рыбака. – У меня только болгарские левы.

– Хо! – отвечал рыбак. – Левы они любят. Лишнего не давай.

Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принес какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И еще этот румын сбежал. И еще.

– Парни, – сказал я, – меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споем, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венок. Утренней Венгрии дар принимая, дальше помчался цветок. Этот цветок увидали словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венок, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

– Мадьяры – тьфу! – сказал один румын.

– Тьфу мадьяры, тьфу, – поддержали его два других.

– И словаки – тьфу! – сказал румын.

– Хватит тьфу, – сказал я как старший брат. – Давай еще беги.

Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежнев. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и сообщал, что и поляки – тьфу, и чехи – тем более тьфу, а уж немцы – это очень большое тьфу, такая мать. Румын ругался по-русски.

– И сербы, и албанцы...

– Сербы не, – возразил мой рыбак. – Албанцы – то да, сербы – не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами, В знак признательности румыны забежали в воду, провозжая нашу лодку. С меня содрали оброк за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить: русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

– На дружбата на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно. Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашел по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к

концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю – и в Румынию.

– Румыны – тьфу, – сказали Ваня и Петя.

– Тьфу румыны, – подтвердил мой рыбак.

– Да что вы, японский бог! – сказал я. – Варшавский же договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не смей. СССР – одно, Россия, Россия... тоже одно. Вот! – воздел я руки к небу: в подтверждение моих слов по небу проносился сверхзвуковой самолет-перехватчик МиГ.

– О, только без самолетов, – сказала Ваня или Петя, я их путал.

– Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истреблявших? А пляски печенегов и питье из черепа славян, а? Было же. Так само и буде, так?

– Вы, русские, сильно всех учите, вот в чем наша претензия, – сказали переводчицы.

– То так, – поддакнул им мой рыбак.

– Теленка, – отвечал я, – тоже тащат насильно к вымени. А не подтащишь – умрет. Да, диктуем, тащим, значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

– Вопрос из области диктата.

– Какой диктат – пожелание воскрешения церковной жизни. У меня диктат один – чтоб вы не курили, вы же черные уже внутри.

Петя и Ваня молча и оскорбленно пили кофе и курили.

– Хорошо, – нарушил я молчание, – все плохо, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

– Ой, не повторяй, – сказали Ваня и Петя, – ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк...

Она дернула плечом в сторону Т-34.

– И мне произносил, – наступал на меня пьяный рыбак.

– Тогда немного филологии, – повернул я тему. – Вы – русистики, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно, особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии – и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба

ба – это суд Божий. Потом, может быть, со времен Святослава, может, позже или раньше, мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

– То так, – подтвердил пьяный рыбак.

– И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сближаться, что? – спросил я. – Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдет до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя докурили, утопили окурки в чашках из-под допитого кофе и объявили, что мне пора на званый обед.

Так что было пора идти пить за дружбу. Между славянами.

Тихий воз на горе будет

Пилить дрова – это наказание. Но колоть дрова – это радость. Колоть дрова – награда судьбы, продление жизни и полезное ликование плоти. Да, устаешь, хнычет наутро спина, но какое же древнее, мужское дело – колка дров. Сколько удали в этом взметывании топора над головой, сколько силы в ударе. А расчет, а глазомер. Точность удара. Опытному работнику много чего говорит еле заметная трещинка на поверхности тюльки. Ставишь ее, как на плаху, осматриваешь со всех сторон. Где сучок, где извилина, все надо учесть, чтобы, ахнув, развалить ее с одного, много с двух ударов надвое, а затем крошить на поленья.

Вот привезли мне дров, свалили. И среди всех их – сосновых, еловых, березовых, уже напиленных на чурбаки, – выкатили и скинули такой чурбанище. Такой пнище, что земля вздрогнула, когда это чудовище поселилось у меня на дворе.

С утра, по морозцу, звонко разлетаются березовые поленья; кряхтя, раздираются еловые; сосновые всяко сопротивляются, но все равно раскашиваются и поддаются. И вот я колот дрова, колот, а сам понимал, что все это у меня репетиции, все это у меня учения перед боем, перед сражением с этим чудовищем, с этим смоляным, перевитым окаменевшими сухожилиями неохватным комлем. Доставало это дерево, наверное, до облаков, облетали его стороной самолеты, отдыхали на нем стаи перелетных птиц. Как его свалили, какой артелью, не знаю. Но мне предстояло

порубить его на дрова и превратить скрытую в нем энергию в тепло для жизни.

И вот наступил день, когда я вышел к этому единственному оставшемуся пню в одной рубаше, вооруженный до зубов колуном, клиньями, топорами, и сказал:

– Ты понимаешь, что нам двоим не жить. Или ты – или я. Или ты умрешь – или я умру.

Потом я подумал, что надо с ним по-хорошему, и сказал:

– У меня на дрова больше денег нет.

Пень молчал. Прежде я на него только поглядывал и мысленно примерялся, а тут стал колуном легонько потюкивать от трещины к трещине. Но это пню было легче щекотки. Я будто по навальне стучал. Ударил с размаху. Колун отскочил. Хорошо, не в лоб.

У меня были клинья – и дубовые, и два стальных. Я принес из сарая кувалду и вогнал ею клинья по намеченной линии. Но будто гвозди вбил, а не клинья. Стальные вошли целиком, дубовые расщелялись и погибли.

Так прошло полдня. Обедая, я все время помнил о пне, о его булыжниковом спокойствии. Я полежал. В глазах стоял пень. Надо идти. Пень показался мне еще огромнее. Уже и компромиссы стали мне воображаться: ведь какой хороший – можно устроить из него журнальный столик. Или на нем дрова колоть. Такой монолит, он меня переживет. Но нет, отогнал я капитулянтские настроения, этот монолит должен сдаться, иначе я перестану себя уважать.

– А тебя не перестану, – сказал я пню. – Ты должен погибнуть, как боец. Но погибнуть. Иначе как мне жить? Ты чувствуешь, что ты делаешь меня первобытным охотником, я с тобой говорю, как с медведем, которого надо убить для продления жизни племени?

Пень молчал. У меня были топоры, которые я вогнал по новой намеченной линии. Пень и не крикнул. Я два раза ходил менять мокрые рубашки, пил чай и угрюмо чего-то жевал, восстанавливал силы. Солнце пошло на закат.

Спал я плохо. Утром все начало повторяться. И был момент, когда я мог отступить, но вспомнил уроки детства. Я всегда был торопыгой, и мама всегда меня осаживала, говоря пословицу: «Тихий воз на горе будет», то есть надо все делать помаленьку-полегоньку.

Вот я нацелился на выступ сбоку пня и отколол его. Потом другой, третий. Напряжение стиснутости пня ослабевало. Обошел один круг, дру-

гой. Уже гора скорченных, перекрученных смоляных поленьев лежала вокруг, а пень все еще был громаден. Но, уже вогнав рядом с прежними еще клин, помассивнее, я достал первые клинья и с их помощью пробил новую линию по нетронутому месту. Стал бить кувалдой, с наворотом, как мы выражались. И пень треснул. Вначале тихо, потом с утробными звуками раздиранья телесной плоти. Я загонял в щель все новые клинья и топоры, все бил и бил, не заметил, когда и как порвал рубашку, но, наконец, пень раздвоился. И потом еще почти весь день я трудился над гигантскими половинами. Потом сложил разделанные в поленья останки пня и поразился величине поленицы.

Великая эта мудрость – помаленьку-полегоньку. С бока, с краешка, по щепочке, по лучиночке. Топлю печь, смолой пахнет, и с какой же благодарностью я вспоминаю те дни, когда шла битва с пнем.

Так бы нам во всем – помаленьку, потихоньку. Куда торопиться, ведь не под гору катимся – в гору идем. Тихий воз на горе будет.

О языке Богослужения

77

Переход Богослужения на современный язык – это измена Богу, предательство России, позор перед Святыми.

Именно так. Сказано нам, что Церковь Христова всегда будет гонима, и это постоянно сбывается. Атеизм сменился сатанизмом, мир не просто во зле лежит, в нем купается, безумствует. И, как всякий заразный, пытается заразить и здоровых. В данном случае – то последнее, что осталось в этом мире для спасения души, Веру Православную.

Кровь мучеников раннего христианства, кровь страдальцев нового времени вопиет к нам: за что они умирали, шли на Крест? За то, чтобы потомки отказались от главной иконы Богослужения, от языка, на котором свершается Богослужение? Переделывать язык Церкви в угоду современности? Да это позор, кощунство и надругательство.

Какая современность? Ее нет. У Бога нет времени, у Него все враз, а у нас только летящие мгновения жизни от рождения к смерти. И истории никакой нет, есть одно в мире: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Несомненно, реформа языка – это угождение сатане, удаление от Света.

Как можно испачкать икону, как можно искажить, изуродовать язык? Это все равно, что замазать грязью ограненный алмаз и этим погасить его сияние.

«Господь воцарися, в лепоту облечеса». И как вы, очередные реформаторы (о, сколько вас было), как это переведете? Мало вам примера латинян, протестантов, несчастных поляков, пошедших на сделки с духом века сего?

Реформа оправдывается тем, что якобы церковно-славянский язык непонятен. Кому? Только новичкам да лентяям. Новичкам, если они верят в Бога, «со страхом» Божиим приступают к Христовым тайнам, через год-полтора все будет ясно и понятно в Божественной Литургии. Да даже и раньше. Есть теперь, не советское же время, много хорошей литературы, истолкований. Ходи в храм и читай Священное Писание, труды святых отцов, которые, вот уж точно, были бы возмущены новыми нападками на тексты молитв. А подстраиваться под лентяев, которые резво, для успехов в бизнесах, бегают на курсы английского, а свое родное встречают в штыки, — зачем нам? Нет, переделки Богослужения — это тонко рассчитанное нападение на душу православную.

Молчанием Бог предается. И хорош был бы я, первый лауреат Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, если бы стыдливо прикрылся фразами, что священноначалию лучше знать, что мирянам полезно, а что вредно. Больше тысячи лет молились на языке, приближающем нас к Богу, а теперь вот, видите ли, надо к жизни приближаться. Жизнь мимолетна. А Бог вечен. И Россия живет не во времени, а в вечности. Нельзя молчать, когда уже в первых шагах, то есть в первых разговорах по осовремениванию Богослужения слышатся отдаленные раскаты нового раскола. Именно к этому ведут нас теперь уже не просто неообновленцы, а уже нео-нео. И как прикажете тогда называть Церковь? Истинно современная кочетковствующая, католиковствующая?

Наша надежда на мудрость наших пастырей и архипастырей. Ну, как будет возглашать батюшка: «Вонмем!»? «Премудрость прости!»

Хризантемы в снегу

У меня в квартире был пожар, и в нем сгорели все рукописи. Со временем мне стало их не жалко, но вот как вспомню три сгоревшие картины великого художника нашего времени Алексея

Козлова, так даже стон из груди вырывается. Место на стене, где они помещались, заняли другие картины, но разве может что-то заменить те три полотна? Это «Хризантемы в снегу», «Иван-чай» и просто «Хризантемы».

Засилье вещей

Конечно, от людей устаешь, хоть и стыдно в этом признаться, но от вещей устаешь еще больше. Вещи, казалось бы, твари бездушные, а заполняют все пространство вокруг и начинают навязывать свои правила: требуют внимания, обновлений, диктуют даже стиль поведения. Есть холодильник, вроде и работает, но начинает тархтеть: давай замену, давай новый. Чайник фыркает: ты что, не видишь рекламу, какие сейчас новые марки? Машина прямо кричит водителю: смени меня, не позорься. Да на какие шиши я тебя сменю? А укради, а схимишь, а извернись. О, вещи — наши командиры. Закабалившие общество внешними правилами, они посягают и на душу. Вещи же — это все преходящее, мы будто забыли правило, что, угождая плоти, вредишь душе.

Осмелюсь сделать вывод, что материальный мир одухотворен не только присутствием в мире человека, но и сам по себе является мыслящим.

Начнем с деревьев и растений. Когда уборщица Александра Федоровна уходила в отпуск, цветы в учреждении начинали чахнуть. Хотя их и поливали. А когда надолго заболела — все посохло. То есть тосковали по ней.

Деревья помнят обиды. Кактусы умудряются придавать колючкам невесомость пушинок, и колючки эти успешно садятся на того, кого кактусы невзлюбили. А ранки от них весьма болезненны.

Но что деревья, что растения! Мама моя любые вещи одухотворяла и говорила с ними. Стакану, например: «Что ж ты такой грязнуля, и мыться не просишься?» Или приехала ко мне в Никольское, хочет подмести и спрашивает: «Где тут у тебя веник живет?» Не может без работы, села, что-то штопает. «Где у тебя ножницы, не бегают от тебя? У меня такие ли были лодыри. Как ни примечаешь, куда кладешь, все равно сбегут. Не хотят работать, и все. А вот были ножницы, овец стригла, те — труженики. Остригу осенью овец, повешу на гвоздик — и висят до следующей осени. А эти, комнатные — такая неработя. Так однажды и сбежали совсем».

Или еще. Жена недавно потеряла лопаточку садовую, такую в виде совочка. Удобная, привыкла к ней. Любила ее, и вдруг потеряла. Переживала, искала. Все мы искали. Нет и нет. Что делать, купили новую, похожую. И что? И в тот же день прежняя нашлась. Значит, заревновала к замене, захотела еще послужить.

А вот градусник. Был у меня в деревне многие годы простенький такой, но точный. И чего бы, казалось, еще надо. Нет, увидел в магазине, сам он в глаза бросился, такой нарядный, четкий. Прямо не градусник, а целый термометр. Подумал, пусть будут два.

Принес домой, подцепил на гвоздик, стал сравнивать показания. Гляжу, а заслуженный мой прежний вышел из строя. Ртуть в стеклянной трубке распалась на кусочки, расплзлась по делениям. Верхние дольки заползли даже выше шкалы. Что это? А предал старого друга, вот что. Он и обиделся. Столько лет служил, ждал моих приездов, даже и ни для кого, даже и ночью темной показывал температуру, и вот – награда. Каково это – быть на стене рядом с таким красавцем. Красавец этот, кстати, вскоре стал входить в противоречия с прогнозами погоды. Но так как и они врут, пришлось смириться.

Но финал у истории с градусниками счастливый. Я недолго терпел вранье нового термометра, выбросил его. Как-то и без них живут, и я все детство жил. В окно глянешь, на двор выскочишь – вот тебе и температура. Да, выбросил. Подошел к старому извиниться перед ним, а он, он работает!

И чего удивляться? Вспомним Писание, засохшую смоковницу, например. Удивились ученики, а Спаситель им: «Истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, то сбудется по словам его». И случай с апостолом Павлом. Ведь уже шел, шел по воде, «аки посуху», но испугался. И «почто усумнился?»

У Господа не только мы живы, но и вся природа, сотворенная Им. Выражение «неживая природа» неверно. Вот я – человек – венец творения, и вот я спотыкаюсь именно об этот камень, а не о другой, и что думает камень обо мне? Сейчас из камней научились извлекать кислород, вроде бы великое открытие, но камень о кислороде в себе всегда знал. Что ж не намекнул даже? Но камень и помыслить не мог, что венец творения мог чего-то не знать.

Пушкина не перекрестить

Когда много лилипутов вешается на великана, то дело плохо для великана. Вспомним Гулливера: вынудили его лилипуты кланяться лилипутским порядкам. Но он-то жив был и смог спастись. А как с теми, кто ушел в лучший мир, и в здешнем уже не может себя защитить?

В применении к Пушкину лилипутами я называю истолкователей его творчества. И особенно тех, кто по своему разумению, а чаще по велению времени изображал великого поэта. В угоду кому-то или чему-то. К таким лилипутам я отношу авторов книги «России первая любовь». Она заслуживает подробного разбора, но, не имея на то времени, приведу лишь некоторые примеры, показывающие прежде всего ничтожность попыток авторов загнать Пушкина в социальные, идеологические рамки и заодно очернить Россию.

По порядку. Начинается с Тынянова, с его исследования о Ганнибалах и роде Пушкиных. Так, первая жена (далее цитата): «абиссинца-арапа, гречанка, не хотела выходить за него замуж. И он в скором времени замучил ее. Темная кровь осталась в губах, в крыльях носа, в выпуклом лбу, похожем на абиссинские башни, и еще криком, шуткой, озорством, пляской, песней, гневом, веселостью, русскими крепостными харамами, свирепостью, убийством и любовью, которая похожа на полное человеческое безумство, – так пошло русское ганнибалство, веселое, свирепое...», думаю, хватит цитаты. Это все Тынянов ведет к тому, «что и само русское дворянство было и шведским, и абиссинским, и немецким, и датским... Дворянство задумало и построило национальное великорусское государство из великоруссов, поляков, калмыков, шведов, итальянцев и датчан». Дворянство России, по Тынянову, «блюло местничество, шарило в постелях». Главная цель Тынянова, другой не вижу, обгадить «неустойчивый род дворян Пушкиных». «Отцы были женоубийцы, дети стали пустодомы». Пушкин, «минуя востроносого сластолюбца-отца и брюхастого лепетуна (поэта!) дядю, у которого были только карманные долги – он выбирает свою родословную». Нет, не хочется больше цитировать. В конце статьи Тынянов старательно обгадит и жену, и потомков поэта.

Павел Антокольский живописует поэта в Болдино. Размышляет поэт о том, как «миллионы ра-

бов подпирают империю, а вдруг и шатнут колонны: что тогда?» Свершил верховую прогулку, «едва заметил, что у плетня стояли мужики. Они глядели на приезжего барина угрюмо и растерянно... напоминали не то леших, не то фавнов. Это были его рабы». Навещает опального Пушкина арзамасский священник. Кушают. Подает «миску дымящихся пельменей все та же Арина, на этот раз принаряженная, в цветном сарафане, в татарских туфельках, шитых бисером, в бусах... священник ... тут же трижды поцеловал девушкины заалевшие щеки. Совершив нехитрое это дело, он снова захохотал...». Потрапезничали. Благородный Пушкин «шагу не сделал, чтоб его проводить, медленно пошел к себе, в чем был, повалился на диван, лицом в подушку. Откуда только слетаетесь вы, зловещие вороны в рясах и вицмундирах, соглядатаи, наушники, иудино племя?» Приходит позднее «Арина, чтоб постелить ему на диване».

Но дальше уже совсем! На смену батюшке и Арине является император. Живописуется так: «На дворе болдинской усадьбы у коновязи замешкался Медный всадник. Приторачивал (!) запаренного, жарко пышущего скакуна». Но сам всадник не спешит, попыхивает голландской трубочкой, «поплевывает на блеклую бурую траву». Далее встреча. «Александр Сергеич, что у тебя в бочке плещется, уж не брага ли?» – «Да нет, квас. Только боюсь, не протух ли, не угожу». – «Пушай протух. Мне бы только губы смочить, глотку сполосну. Знаешь, я ведь нынче трезвенник». Поэт не верит: «Ой ли? Не жалуешь анисовой в бессмертье, Петр Алексеич?» – «Куда там анисовая или перцовая, когда пожар в груди. Внутри себя ношу свой ад. Это, брат, не шутка».

Далее все такой же бред.

Очень горько и за Гейченко. Так много сделавший для Михайловского, фронтовик, он совсем, оказывается, был темен. Пушкин в его рассказе везет тело матери, томится тем, что служат по дороге панихиды. В Святых Горах Пасха, все пьяны. Стучит в монастырские двери, еле сдерживает себя, чтобы «не заехать в заспанную рожу» привратника. Пожалеем старика Семена, не будем пересказывать далее.

В конце концов можно и поплевать на эти блеклые строчки, но ведь они ушли в среду читателей, они действуют. Вся эта несусветность издавалась многотысячными тиражами. А люди до-

верчивы. И эту их христианскую доверчивость используют такие авторы. И ведь, уверен, все крещеные. И ведь не по глупости писали, сознательно.

Ладно, Бог всем судья.

А особенно обидно за Паустовского. Писатель отрочества, юности, наряду с Грином. Как читали! А и он тут, голос из хора, порочащий священство, царя, Пушкина, то есть Россию. И его, жалея, не буду много цитировать. Как плетется священник в соломенной шляпе ловить уклеек, как, опять же поплевав на ладони, плотники говорят о нем: «Куда только их сила подевалась, и где теперича их шелка-бархата?»

Неужели такими текстами спасались? Показывали лояльность, готовность обгадить все и вся, чтобы угодить духу времени?

Не знаю. Не знаю и не сузу. Но за Пушкина горько. Хотя ему самому от всех таких писак не холодно и не жарко. Он – Пушкин, вот и все.

Как сам себя наказал

У меня долго не было первой книги. Очень я этим мучился. Еще бы, никем, кроме писателя, быть не хотел, писал с десяти лет, печатался с пятнадцати, до армии в газете работал, в армии и в институте всюду писал, а книги нет и нет. Уже и сценаристом побывал, уже и телефильмы шли, в нескольких журналах был своим, и рукопись давно составил, а книга все отодвигалась.

В издательстве было правило: включать рукопись в план издания только при наличии двух положительных рецензий. У меня они были, было даже предисловие, написанное прозаиком Владимиром Тендряковым – честь немалая. Но все-таки что-то не продвигалась книга, вязла. Иногда я осмеливался напомнить о себе редактору. Он успокаивал, но выходил очередной перспективный план, а в нем опять же моей фамилии не было. Наконец, редактор сообщил мнение начальства – послать рукопись еще на одну рецензию. Веселого в этом было мало, но что спорить с начальством? Редактор не скрыл, что велели послать критику Олегу Михайлову. «А он режет всех подряд. Кому-то, видно, хочется тебя утопить».

Но такое решение меня не убило. Даже и хорошо, если прочтет критик такого уровня, как Михайлов. Послали рукопись ему. Потянулось очередное время. Пока-то рукопись по почте до него дойдет, пока-то он прочтет, пока-то рецензию напишет. Сколько ждать? Ждал месяц, ждал два,

три ждал. Звоню редактору. «Я ему вчера напоминать. Он прочел, говорит, понравилось, говорит, что сейчас сильно занят, репетирует пьесу в Ермоловском. А ты сам ему позвони. Не говори, что я телефон дал».

Вот такая была секретность. Робею, но звоню. Это ведь еще и дозвониться надо. Дозвонился.

— Кто-кто? Какая рукопись? — спрашивал критик. Наконец, вспомнил. Даже нашел. Слышно было — папка хлопнулась на стол. После молчания утешающие слова:

— Да, давно лежит, да пора. Я тут из нее читал что-то. Неплохо, неплохо.

Я даже ощущал, как он скользит глазами по наугад выбранной странице.

— Ну-к что ж, на днях намолочу, отошлю.

— Ой, Олег Николаевич, это и долго, и хлопотно. Я приеду, возьму, отвезу.

— Совсем, батенька, отлично. Позвоните через... недельку-другую.

Ясно далее, что звонки были бесполезны, он всегда был занят, «в затыке», «на прогоне», «конференция в ИМЛИ, доклад» и всякое такое. Мне уже и звонить было стыдно, но в издательстве верстали план очередного, послебудущего года. Да и сам Михайлов чувствовал, что затягивает. Однажды сказал:

— Вы можете тогда-то подскочить к Ермоловскому?

Я подскочил. Олег Николаевич достал из портфеля мою рукопись. Но рецензии при ней не было...

— Слушай, — хладнокровно сказал он, — некогда мне читать. Ты же лучше знаешь свою рукопись, напиши рецензию сам. За моей подписью. Смело рекомендую. Давай! Но, конечно, не захлеб хвали, сделай там для виду пару замечаний. Позвони, как будет готова.

— Завтра будет готова!

— Что ж, на том же месте, в тот же час!

Через сутки, у Ермоловского, Олег Николаевич, не читая, что там написано за его подписью, подмахнул рецензию. И я понесся с нею в издательство.

А дальше? А дальше... мою рукопись снова не включили в планы. Ужас! Почему?

— Начальство сказало, — огорчился вместе со мной редактор, — что в рецензии говорится: рукопись нуждается в доработке.

— Но какая же не нуждается? Он же рекомендует!

— После доработки. Видишь — написано: после доработки. И приказали после доработки снова послать ему на отзыв.

— Но ты-то знаешь, что я сам писал эту рецензию.

— Вот и не надо было себя так ругать.

Виной всему было то, что я, собиравшийся и без редакторов и рецензентов что-то в рукописи доделать, что-то убрать, что-то добавить (я же не сидел без дела эти изнурительные месяцы ожиданий), эти свои задумки по улучшению рукописи и изложил. Видимо, перестарался.

Олег Николаевич хохотал:

— Ты потом, как книга выйдет, переделай рецензию в статью, и мы ее где-нибудь тиснем.

Ему смех, а мне было каково? Еще на год отодвинулась моя первая книжечка. А впереди были десятки замечаний, сотни придираков, ожидание чистых листов из цензуры. Все делалось будто специально, чтобы убить радость от появления первой книги. И вышла она, когда мне было тридцать три годика.

Но была радость, была! Вышла книга весной. Печатали в Белоруссии, и я сам ездил получать сигнальный экземпляр. А потом, уже на Курском, видел, как ее купили с лотка. Купили мама с дочкой. И не положили в сумку, а понесли в руках.

А с Олегом мы не то чтобы подружились, но при случайных встречах были рады друг другу. И мне он сказал то, что говорил десяткам других:

— Леонов пишет венозной кровью, а Шолохов артериальной.

Оба тогда были еще живы.

Книга моя называлась «Зерна». Видимо, от этого значительную часть тиража привезли в магазин «Урожай» на Садовом кольце. В отдел «Хранение и переработка зерна». Вначале это даже обидело, а потом оказалось очень удобным. В других местах книга исчезла, но я всегда знал, что «Урожай» не подведет.

Теперь этого магазина нет. Жаль. Может быть, в память о нем одну из книг назвать «Урожай»? Зерна первой книги тогда были засеяны, на каких обочинах, среди каких сорняков колосились они? Колосились ли? В какие закрома попали, кого насытили? И кому эти вопросы? Себе, конечно. Но чего-то вдруг это я умничаю? Или, наоборот, глупею.

А Михайлов — загадка. Пьет без передышки десятилетиями, оставаясь при этом ясно мыслящим, много работающим. Книги выходят, на теле-

видении выступает. Веселый, ироничный. В теннис играет.

Леонова и Шолохова уже похоронили.

Берестяная грамота

Березовая кора, белая береста, конечно, не может состязаться в долговечности с глиняными дощечками, с иероглифами на камнях. Но когда береста попадает в благоприятные условия, то хранится веками. И однажды всплывает из прошлого и являет миру свои письма.

Новгородские берестяные грамоты показывают, что грамотность в Древней Руси была повсеместной. Вот договоренность о привозе таких-то товаров к такому-то сроку, вот наказ жены мужу привезти из города то-то и то-то. Вот мальчик, обиженный на отца, пишет ему: «Хорошо же ты сделал, что не взял меня, а обещал».

Но более всего поразила меня и довела до слез самая короткая берестяная грамотка. Всего четыре слова. Письмо от юноши к девушке. Вот оно:

«Павел Марии. Пойди за меня».

И это все. От Павла Марии: пойдя за меня. Пойди за меня, Мария. Здесь такая высокая чистая нота любви и целомудрия, до какой нам тянуться и тянуться.

О, как любил Павел Марию, как робел признаться в любви. Как высмотрел стройную березу, ходил к ней. Однажды пришел с ножом, аккуратно снял квадратик верхнего слоя, сушил этот квадратик меж гладких дощечек, придавив их камнем, как гладил сильной ладонью поверхность. И вот, оставшись один дома, взял у божницы железное писало и вырезал:

«ПАВЕЛ МАРИИ. ПОЙДИ ЗА МЕНЯ».

Как он волновался, когда завернул послание в чистую холщовую тряпицу, и как послал младшего братишку к Марии.

Братишка понял своим сердечком, что ему поручено что-то огромное в судьбе старшего брата, бросил все свои дела и помчался по улице деревни к дому Марии.

И все бежит и бежит. «Мария, пойдя за меня. Павел».

Последний дом

К моей жизни очень подходит пословица: «Дали белке орехи, когда зубы выпали». То есть все приходило ко мне очень поздно. Все прошел:

казармы, общежития, коммуналки, глухое непечатание, постоянное безденежье. Теща литровую банку борща приносила и с состраданием смотрела на дочь. А дочь, моя жена, учительница, прятала от учеников ноги в худой обуви под учительский стол. Конечно, стыдно было перед ней, ведь часто из всего человечества только она и верила в меня.

Но позднее признание для писателя даже спасительно. Появились бы деньги, слава, привели бы гордыню. А так – всегда бедствовал. Но как-то же выкарабкались. Даже и не успев заметить ход жизни, я стал надеяться на спокойную старость. Мечтал, что мемуарный возраст будет спокоен и длителен. Буду сидеть у камина, вспоминать. Есть что, и есть кого вспомнить. Жена будет в орбургской шерстяной шали на плечах сидеть под зеленым абажуром, вязать мне носки. Буду читать ей вслух... Чем плохо? Ведь заслужили?

И вот – дожили до демократии. И – не один я такой – унижительно и постоянно думаю, где взять какую копейку и какую прежде заткнуть дыру.

А так сейчас, внешне, очень благополучен: квартира, дача, полдомика в ближнем Подмосковье, пристанище на родине в доме детства и юности. Куда с добром! Но как же поздно все это пришло! Всегда блага жизненные обходили меня за версту. Дача – и то не моя: аренда в Переделкино появилась в шестьдесят лет. Да ведь я своими книгами и переводами на иностранные языки своих книг сто раз заработал эту аренду. А этот полдомик в Никольском, стиснутый заборами кладбища и соседей, тоже сумел купить, когда голова вся стала седой. И в дом на родине, где прошло детство, отрочество, юность, откуда ушел в армию, вернулся, когда въехал в старость.

И нигде в этих домах, не говоря о московской квартире, нет мне покоя. Никакого. Все время что-то кому-то должен. Может, это налог какой? Должен приехать, выступить, должен написать статью, предисловие, послесловие, ответить на постоянные письма и бандероли, позвонить туда-то, тому-то, попросить кого-то за того-то. А иначе сколько обид. Жена родная, и та: ты православный человек, должен помогать. А писать кто за меня будет? Тут следует убийственный ответ: хватит, ты уже много написал. Да я еще ничего не написал, только-только начинаю понимать, как надо шевелить пером!

Сил нет, здоровье уходит. И это все естественно, и не ропщу, но сказал же духовник: «Преподать за тебя смогут, писать ты должен сам».

Должен-то должен, а что напишу? Но это опять интеллигентское слюнтяйство.

Во всех домах у меня есть все, что надо для трудов и молитвы. Везде красные углы с иконами и лампы, запасы свечей и подсвечники, везде молитвословы и много духовной литературы. Творения святых отцов. И везде ноутбуки. А когда-то таскал за собой тяжеленную машинку. На столах пачки первосортной бумаги, везде сплошные «паркеры», только пиши. Все есть, времени нет. А нет – сам виноват. Все старался для всех хорошим быть, а надо было прежде себя и близких спасать. Сколько же на меня вешали свои проблемы, но так мне и надо. Уж хотя бы зачлось.

Да, только живи в любом из домов. Но везде достают. Вроде даже и какое-то самолюбование можно усмотреть – какой я знаменитый да незаменимый. И ведь отказываюсь от девяти приглашений из десяти, все равно. Раньше сам лез на все трибуны, сплошная комсомольская пассионарность. Как это – куда-то не пригласили? Как это – не дали выступить? Как это – не упомянули? Сейчас: лишь бы никуда не звали, лишь бы не выступать, не писать, не встречаться. Каждая встреча отягощает последующими обязательствами. Просят прочесть рукопись. «Но у меня же теперь ни журнала, ни издательства». Не прошибает. «Вы только скажите свое мнение». О-хо-хо. Говоришь о недостатках, звонят через неделю: «Я все исправил, посмотрите. Вам же теперь не надо все читать». Если понравилось – еще хуже: «Можно, я в редакции скажу, что вы читали?». Через день: «Они говорят, что напечатают, если вы напишете предисловие».

Такие жалобы турка. Но, усталый раб, и я замыслил кое-что. Созидается в вятских просторах, на высоком берегу родной реки, под тополями и березами избушечка! Кельечка такая. Господи, помоги, чтоб сбылось пожить в ней, помолиться и поработать во славу Божию!

Не надо мне ни палат каменных, ни камней самоцветных, ни кушаний заморских, ни одежд многоцветных, хватит мне избушки с русской печкой, с красным иконным углом, перед которым горит алая лампада. Хватит мне подполья, в котором картошка и капуста, и банка меда. Да коробка с чаем стоит на полочке над плитой. Вот такого я и душа моя чаем. Маленький стол, много хороших книг, которые можно брать наугад и открывать на тех страницах, которые сами откроются.

Да-а. Прибьются ко мне пес с котом. Кот будет лежать в ногах на деревянной постели, зимой громко мурлыкать и просить, чтобы я пустил пса погреться. Конечно, это естественно, да он уже и сам тут, у порога. Яростно чешется, а ночью взвизгивает во сне. Кот будет хорошо ко мне относиться, только жалеть, что я плохой рыбак, никак не накормлю его свежей рыбкой.

Дров у нас будет запасено много. Это все будут бывшие березы и ели, которые выросли на месте бывшей церкви, и их надо спилить, чтобы было место для ее возрождения.

Еще у меня будет евангельская окрестность. Река наша – прямо Иордан. А тут холм – гора Елеонская. Там, где родник (я знаю, где он был, я раскопаю) – там поток Кедрона. Подальше, к востоку, Фавор. К югу – любимый Вифлеем. Это все надо устроить. И ни у кого помощи не просить, только сил у Бога. Там, где подойдет место для Хеврона, тоже пониже по течению к югу, там надо посадить побольше дубов. И из желудей, под зиму, в хорошую землю, и натаскать молодых дубочков.

Будут у меня и рябины, и черемухи, и смородины, и яблони. И я буду с ними разговаривать. Еще, конечно, птицы. Кругом снесенные, уничтоженные, сожженные деревни, тоскливо на холодных развалинах птицам, вот и прилетят ко мне.

А главный мой гость – наш батюшка. Это именно он вывезет меня из города и привезет в эту избу. Уж как я ему буду рад, когда он приедет. Ни за что не отпущу в тот же день. Будем вместе долго пить чай, вспоминать будем многое-всякое, в основном, радостное. Как церковь вернулась в село, как потянулись к ней. Жалеть будем Витю – работника с золотыми руками, да вот и с горлом тоже золотым. Опять, опять сорвался. Будем и за него молиться, когда перед сном встанем на вечернее Правило. Золотыми лепесточками будут трепетать вершинки горящих свечек.

Разойдемся для сна. Батюшка, всегда измученный и уставший, уснет быстро, а я буду лежать и глядеть в окно, на которое все никак не заведем шторы. В стеклах двойное отражение луны. И видны ветви деревьев, и звезды на них, как игрушки. И если ветви шевелятся, значит, ветер. Если луна увеличивается – к холодам, уменьшается – к оттепели. Если потрескивает сруб – тоже к морозу. А все вместе взятое – к весне, к Пасхе.

Нина Харитоновна

В магазине у нас меняются смены, а Нина Харитоновна, когда ни приди, все на посту. Дежурит у входа, моет полы, взвешивает овощи. Раз спросил, почему она такая бессменная.

– А как? Дети-внуки есть, деньги нужны. Идешь: чего ты нам, бабушка, принесла? И самой охота их чем порадовать. А один оклад уборщицы – куда с ним? Да муж весь больной, да сама! Да самой-то нельзя свалиться, все пропадут. Держусь. Вот каждый день с девяти до девяти и без выходных.

Иногда присядет и читает газету. Громко говорит:

– Девки, чего пишут: в колбасе мяса тридцать процентов.

Девки, хохотушки Аля и Рита, прыскают:

– А ты только что узнала?

Они фасовщицы, то есть раскладывают товары. Тоже сидеть некогда. Но обе курят и выскакивают курить на крыльцо. Говорят о том, как бросить курить, и о пьяных парнях, приходящих потрепаться с кассиршами. Нина Харитоновна постоянно ругает Алю и Риту за курение.

– Вы свои груди изнутри представьте. Ведь чернота.

Аля и Рита снова хохочут.

– Чего ржете-то?

– Так представили.

«И еще буду родиться»

Стою в родном селе у родильного дома. Вот именно здесь я появился на белый свет. Дом сохранился, хотя уже совсем-совсем старенький. Помню, мама рассказывала, как мы с ней шли к реке, к парому, и она сказала: «Вот здесь ты родился. А ты, до чего мне это дивно было, ты говоришь: «Я здесь родился, и еще буду родиться!»

Постоял я около дома и осмелился войти. Поздоровался с дежурной сестрой, женщиной в годах. В коридоре красят стены два парня в колпаках, сделанных из газет.

– Ремонт?

– Да хоть немного подмазаться. Их военкомат положил на обследование, а так-то они здоровые, чего им?

– Ну как, обрадовали сегодня страну пополнением?

– Обрадовали. Татарка родила, да узбеченок родился.

– Дед, – уважительно обратились парни, – на сигареты не поможешь?

– Пойдем.

Пошли с одним из парней. Бумажный колпак он бросил под ноги и отопнул.

– В армию, значит?

– А чего тут дождусь? Сопьешься или статья.

– А статья почему?

– Дак как? Выпил – надо продолжать. А на что?

– И в армии можно спиться.

– Там-то все-таки.

В свою очередь и он поинтересовался:

– А вы зачем в роддом пришли? Внучка на сохранении? Это ваша, такая молодая, красивая, все ревет? Ваша?

– Нет, я сам тут родился.

Парень посмотрел на меня, как на ожившего мамонта.

– Так это значит, наш роддом такой капитальный? Да-а. Круто! Я ж тоже тут выскочил. Надо же! Я думал – у тебя внучка на сохранении. Надо же! Ну, дед, ты сигаретами не отделаешься.

– Мне и сигареты-то тебе неохота покупать, а тебе еще и вино. Давай лучше куплю коробку конфет, отнесешь этой девушке.

Парень задумался.

– Ну, а что? А давай! А что? Я уж заговоривал, дичится. Сестра сказала, что сволочуга тут мелькнул, охмурил, она и поверила. Так-то она мне нравится.

– Жалко ее, – сказал я, – она, думаю, хорошая. Видишь, на замужество не надеется, а аборт не стала делать. Хорошая будет мать. А подлецу за нее Бог отомстит.

– Да-а... – парень поскреб в затылке. – А давай и коробку, и... А?

– Нет, – решительно отказался я.

Мы уже подошли к магазину. В витрине парень разглядел красивую коробку конфет.

– Главное, что отечественные, – одобрил я выбор парня.

– Но сигарет ты тоже все ж-таки купи, – попросил парень. – Я же не могу таким рывком, как в сказке. И не пить, и не курить, да еще и жениться. Буду курить и думать.

Мы простились. Он пошел к роддому. Я шел и оглянулся. Гляжу, и он тоже.

Приемник

Хожу по дому, тычусь во все углы, ищу приемничек. Легко ли, уж два часа без музыки, без радио «Орфей».

И три, и четыре часа прошло. Жил, как потерянный. Только что-то читал да чай пил. Наконец, нашел. Лежал он себе под книгами на подоконнике. Включил, и что? И ничего. Видимо, все вызвучало, вылилось, пока искал, остался мне ширпотреб разговоров о музыке, а не сама музыка.

Но надо приемничек похвалить за качество звучания, и вообще за крепость. Как он, крохотный такой, терпит 90 градусов жары в бане, да как неделями, оставшись без меня, упавши под кровать, играет и играет. Вот, правда, в выборе репертуара очень неразборчив. Ему что Свиридов, что кто другой. Но тут уж я очень многого захотел. Чтоб приемник еще и отфильтровывал пошлость от подлинного.

Нет, все-таки перестали говорить. Музыка зазвучала. Да еще и Гендель. Да еще и «Глория. Алиллуйя». Ничего, жить можно.

Опять это кваканье

Лучше бы не включать телевизор, спал бы спокойнее. Нет, позвонили: смотрите, смотрите обязательно. А это была передача о Нобелевской премии. Стал смотреть. Набор говорящих обычный, то есть сильно облибераленный. Ведущий — пишущий телециник, приглашенные — пишущие ценители любых процессов, и литературных, и политических. Конечно, прежнее давление на кнопки тоталитаризма, кагэбизма, сталинизма. Хоть бы кто подумал: сейчас-то, при свободе творчества, что угодно, что же ничего равного произведениям, созданным при советской власти? Нет и близко не видно. И мне усатый батька — не икона, но представить русскую литературу только в борьбе с режимом — даже уже не смешно, а дико. Была Россия, есть Россия, будет Россия — вот главное измерение. А кто ей на голову во все времена садился — дело другое. Вот вы уселись, например, на шею русской литературе и ножки свесили. Да так все умно вещают, да так уверенно.

И талдычат, вбивают в головы свои ориентиры. Лучшие из лучших у них. Возьмем поэзию: Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева. «Да! Да! — кричит, будто кто ей тут возражает, перзрелая критикесса с юной прической. — Да! Это лучшие поэты двадцатого века».

Надо же. Прямо так? Для нее так, для меня иначе. Но что ей до меня, она мнение западников знает. А для меня главное — народное признание, оно безобманно. Запрещали Есенина, народ сохранил. Замалчивают Некрасова, народ не даст забыть. А Пастернак, что Пастернак? Средний поэт, раздутый до политического звучания. Прозаик очень слабый. Как и Окуджава. Почему честно не признать: Николай Заболоцкий на десять голов выше всей названной четверки.

И всегда меня справедливо возмущает молчание о поэзии Александра Твардовского. Это специально, ибо либералам он нужен только как публикатор их якобы смелых антисоветских сочинений. Твардовский Солженицына вывел в оборот разговоров, а тот его так гадко описал потом в своем «Тепенке». Ладно, Бог всем судья. Солженицын был нужен Никите Хрущеву, чтобы перевалить все репрессии на Сталина, вот и вся загадка появления и успеха «Одного дня». Конечно, у Твардовского «Никита Моргунок» неприятен по финалу: конь, которого ищет Никита, оказывается у бродячего попа. Но надо судить по поэмам «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью даль», по стихам, таким, как «Армейский сапожник», а они на такой вершине, что стиходелье с нее не видно. И как бы ни надрывались, с каким бы пафосом ни вещали участники передачи, все их «подзащитные» станут, словами Блока говоря, «достоянием доцента». И только.

Но они, эти участники, они — подельщики в совместном преступлении проталкивания на вершину русской поэзии не духовной, а головной литературы. Разве признаются, что, например, Кузнецов, Рубцов, Горбовский, Сырнева, Кан, Чепурных, Гребнев, Костров, Красников, Скворцов, Иванов — поэты уровня не ниже Пастернака, Мандельштама, более даже народны, чем они? «Скрещенья ног» у них нет, что ж делать, но ощущение величия России, ее единственности, есть.

Умеют хоронить своих, умеют

Вдруг из радио послышалось причитанье знакомого голоса. Это же Борис Ефимович, одессит, предполагавшийся сменщик запойного Бориса. Что-то не сладились у них, и остался Борис-младший без президентства. Но его либералы все равно берегли, как и других своих. Рассовывали по фондам, институтам, кормили, пасли на информационных полях. Так что же Борис Ефимович причитает? Оказывается, умер господин Гай-

дар. Сочувствую его горю и горю родных, только не понимаю, зачем при этом понадобилось, назвав Гайдара «умнейшим, честнейшим, как отец и его дед», еще при этом поливать грязью Россию, в которой, цитата: «не умеют таких ценить, а ценят жестоких, циничных, подлецов, предателей». Лихо. Далее: «Сейчас они (кто?) заткнутся на пару дней», ну, и прочее. То есть и лексика, и ораторские приемы остаются у демократов даже на похоронах прежними, это хамство и наглость. И никак они не отступятся от прежних уверений, что именно реформы, загнавшие Россию в нищету и зависимость от капитала, в распущенность нравов, гибель образования, наркоманию, разврат, проституцию, что именно эти реформы спасли Россию. Как же их им не оправдывать, они же их делали, на них же наживались. Иначе же надо признаваться, что именно они убивали русскость в России. Гнули Россию под Чикаго. А что не по ним, то они быстро забывают. Например, то, что «Союз правых сил» был народом резко отрицателен еще на позатех выборах.

Но что я о них? Будто не о чем другом говорить. Но липнут же!

«Еще и встать надо»

С детства тяга к записыванию всего, что видел и слышал, была во мне очень сильна. От этой болезни меня исцеляли переезды, когда приходилось бросать блокноты и тетради, а также пожары. У меня рукописи горят, и прекрасно горят. Со временем я стал бороться с желанием все записывать, ведь это только кажется, что происходящее сейчас будет важно и потом. Все смывается в черные дыры времени. Может быть, польза записей была в том, чтоб понять – все повторяется. Уж какие там развития по спирали, по кругу ходим, заглатываем все те же наживки. А если спираль и есть, то она выводит не вверх, а утаскивает вниз.

И как же я боролся с сим графоманским недугом? А просто, выходя из дому, не брал с собой ни ручек, ни карандаша, ни бумаги. Что-то встретится: ах, надо бы записать, да записать-то и нечем, и не на чем. Ладно, вернусь домой, запишу. А вернулся – вроде и записывать нечего: измельчал случай, заслонился другими. А тут и благотворная усталость, тут и бумага осталась чистой. Даже и целую теорию в оправдание своей лени сочинил: если что-то помешало записи, и она не

вспоминается потом, то и не надо было записывать.

То же и с замыслом. Возник замысел – хороший, нужный, а что-то мешает сесть и работать. Говоришь себе: не волнуйся, это во благо, идет проверка временем. Забудется замысел, так ему и надо, а если будет помниться, плакать где-то внутри, хочет, значит, выйти в люди. Еще что-то помешало – ничего, крепче будет. А уж если так и не смог выносить и родить, конечно, жаль! Так и будет плакать где-то в полумраке другой твоей жизни, несвершенной.

Сидел в больнице, по какому случаю, забыл, а помнится высокий седой человек. Ходил медленно по коридору.

– Садитесь, – я подвинулся.

Он остановился:

– Сесть-то можно, но ведь надо будет вставать...

Так и ходил. Потом мы с ним стояли в очереди поставить печати на рецептах. Мужчина говорил мне уже как знакомому:

– Это ведь мы сейчас, – он видимо принимал меня за сверстника, – свое геройство лечим. Ведь как было? Ура! Ура! – и в ледяную воду! Ура! – и сутки лежишь в снегу. Ура! – и по неделе есть нечего. И все за великое будущее. За победу.

– Мы же русские.

– То-то и есть, что русские. Служил я потом на дизельных подводных лодках. Когда их рассекретили, пришли американцы. Как на экскурсию. Не то что повернуться, протиснуться невозможно. Нет, они говорят, у нас бы никто ни за что тут служить бы не согласился. А мы считали за честь идти в подводники.

– И во всем так было. Во всем. А нынешние будут так же, а? – спросил я.

Мужчина развернулся ко мне и широко улыбнулся:

– Давай печати поставим, да пойдем на улицу, спросим.

– Давай.

Ну вот, запомнил этого мужчину. Сразу не записал, потом он вспоминался, и вот – записал. И что? А ничего. Хорошо, что не забыл хорошего человека.

«Я стал доступен утешенью»

Ожидание радостей меня оставило, когда начал осознавать свою греховность. За что мне радости? Имею в виду не те, о которых говорят Ака-

фисты, начиная при прославлении святых мучеников каждую строку со слова «радуйся», а о радостях жизни. И это хорошо. Какая разница, осетрину ты ешь или кильки в томате, бархат на тебе или сатин, какая разница? Не все ли равно, сытым или голодным в гробу лежать. Да еще хорошо, если в гробу. А то свалят в общую яму, а то и вовсе не свалят.

Но одна невольная, и она же вольная, радость у меня осталась. Это птицы, животные и растения. И музыка. Приезжаю в Никольское – и чай пить не сяду, пока цветы не полью и пока птицам еды не вынесу. И, конечно, всегда голодной худющей соседской собаке Найде, которая, чуя меня, давно сидит на крыльце.

И какая же радость – пить чай, сидя у окна. На подоконнике растут цветы, и царица среди них Неопалимая купина с Синая. Да, растет. Растет, слава Богу, по милости Его прижилась в наших температурах. По радио вариации на тему какого-нибудь Кончерто грассе, ансамбль, например, Канта э вива, что означает живое звучание. Потом, в течение дня, обещаны и Бетховен, и Глинка, и Чайковский, и Свиридов, и Шуберт, и Гаврилин, Вторая венгерская Листа, а также вводящие их в атмосферу звучания Евгений Светланов, Клаудио Аббада, Герберт фон Караян. Чего больше?

На рынке просил сала несоленого. И вынесли из подсобки длинную, толстую ленту, розовую с одной стороны. Вначале отрезал и подцепил на ветку яблони один кусок. Потом, видя, так сказать, ажиотажный спрос, добавил еще кусок, и еще. Всего четыре. То-то отрадно – видеть, как птички припархивают, как ловко цепляются сбоку и снизу, и тюкают клювиками. Небось, ночью, где-то под крышей, нахохлившись от холода, спокойно все-таки чувствовать, как в животишке живет и греет в морозную ночь полезная пища.

А вообще синицы вредные друг к другу. У людей, наверное, научились. Вот, вроде висит четыре порядочных куса, долби знай, нет, надо вначале других отогнать. Особенно одна синичка. Конечно, это не она, а он, я и назвал его Синец толстопузый. Такой сытенький экземпляр птичьего народа. И такой, о ком говорят: сам не гам и другим не дам. Сам не клюет, а всех разгоняет. Но интересно, что именно он подлетает к окну, укрепляется коготками за раму и тюкает

в стекло. Вроде как докладывает, что рьяно охраняет мои корма.

Найда пасется под кормушкой. Рада и самой малости, падающей от трапезы птичек. В кормушку сыплю измельченные крошки хлеба или покупаю просо. Это для воробьев. Но и их Синец толстопузый гоняет. И опять подскакивает к окну для доклада.

Редкие медленные снежинки. Может быть, и солнышко даже покажется. Нет, день прошел, не соизвоило. Хотя в утешение был такой нежно-малиновый закат. Но такой коротенький. Взглянул в окно – восхитился, отошел к плите, почистил пару картошек, покрошил, поставил сковородку на огонь, вернулся для возобновления любования – нету малиновой нежности. Да, видно, крепко нынче виноваты: живем без сияния небесных лучей. Всю позднюю осень туманы и долгое безснежье, потом глухие снега, потом резкие морозы, внезапные прыжки в оттепель, сейчас обещают метели. Да, а куда ни позвоню, или кто из России позвонит, всегда спрашиваю: как у них за окном? А у них везде солнце. И морозцы для румянца щек и для бодрости. Ну, и чего жалуясь, говорю себе, поезжай туда и живи там, кто не дает? А не дает канатами привязанное сердце к любимым деточкам. Да, так вот, не знал я, не думал, не гадал, что главная любовь меня ждет в старости, что все юношеские и взрослые волнения крови – так все крохотно по сравнению с любовью ко внукам.

Старость моя естественна для них. Они меня молодым не знали. «Дедушка, – говорит Анечка, – ты уже старенький, ты уже можешь ногами шаркать». Или, еще смешней: «Дедушка, а почему ты не учишь английский язык?» – «Я в школе немецкий учил». – «Надо английский учить». – «Мне уже поздно, Анечка». – «Да, – соглашается она, – язык выучишь, а сам помрешь». – «Вот именно: зачем мне потом английский?»

Очнулся я, обнаружив себя в дымовой завесе – сгорела моя картошечка. Анечка, это ты виновата, так я тебя люблю, что и время не замечаю, когда о тебе думаю. Думал: вот бы Анечка любовалась синичками. Да, у них такие крепкие клювики, что отдалбливают даже сильно замерзшее, прямо каменное сало. И скоро, много через неделю, останется от большого куса только легкая шкурка, и синицы, качаясь на ней, будут поглядывать на окна дома: где там хозяин, что не идет на рынок? Мы бы слетали, да у нас денег нет.

Александр ДАВЫДОВ

Рассказы



ПРОГУЛКА

День обещает быть чудесным – осенний яркий солнечный день.

Прозрачное голубое небо бороздят разных форм и размеров, золотые, с темной сердцевинной дирижабли, закручиваются в стаи перелетные птицы, в школьном саду идет неспешный дождь из желтых, рыжих листьев. Здание школы-интерната, на сторонний взгляд мрачное, казенное, негостеприимное, под ласковым солнышком чудесным образом преобразуется. Стены темного кирпича, согреты солнечными лучами, сами, так кажется, излучают теплоту. Стекла окон искрятся, вспыхивают от солнечного света.

Пара дворняг вытянулась у входа, дремлют на солнышке. Поднимают головы только с тем, чтобы зевнуть во всю пасть, лязгнуть зубами на последнюю в этом году муху, после чего опять погружаются в дрему.

Обитатели интерната, те, кто успел позавтракать, высыпали на спортивную площадку, пинают мяч, качаются на качелях, лазают по металлической лестнице, кружатся вокруг столба на канате, висят на турнике головой вниз.

Вадим отворяет калитку в металлической ограде, окружающей интернат, идет по бетонной

дорожке к входу, входит в прохладный сумрак вестибюля и здесь сталкивается с интернатским поваром дядей Васей, стоящим в дверях столовой, мужчиной крупным, розовощеким, с распаренными большими руками. На нем ослепительно белый, до крахмального хруста колпак и припорошенный мукою белый фартук.

– Ты что здесь, Вадим Николаевич? – спросил повар.

– Вот, вызвали по телефону, Марию Васильевну подменить, с ее первым классом. У нее что-то стряслось дома, что-то срочное. Даже не знаю, что с такими малышами делать – не было опыта.

– У воспитательниц спроси, они подскажут. Кстати, я булочки испек на завтрак, советую попробовать. Просто шикарные булочки. Покрыты глазурью, с маком внутри.

– Попробую.

– Нет ничего, знаешь ли, лучше и питательнее для ребенка, чем свежая, с пылу с жару сдобная булочка на завтрак.

– Это верно.

– Не хотелось бы хвастаться, но без ложной скромности скажу: что удалось, то удалось. Испытываешь чувство удовлетворения, даже какой-то гордости, когда вынимаешь из печи

ДАВЫДОВ Александр Николаевич родился 31 марта 1958 года в Прокопьевске. Работал на заводе, служил в армии. Окончил Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии. Работал преподавателем английского языка. В 90-х руководил строительным кооперативом. В дальнейшем работал директором малого предприятия. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.

противень, а на нем одна к одной, с румяной корочкой, булочки.

– По-моему, это замечательно, – вежливо поддакнул Вадим, – когда работа приносит тебе удовольствие.

– Вот-вот! Именно удовольствие! Скажу без лишнего пафоса: я горжусь своей работой. Вы, учителя и воспитатели, учите и воспитываете, мы же, работники кухни, отвечаем за материальную часть. Ведь если ребенок хорошо накормлен, то и знания он будет воспринимать лучше, качественнее. Вот так, сообщая, мы работаем на конечный результат. А какой должен быть результат?

– Действительно, какой?

– Результатом будет воспитание полезного члена общества. Так-то, Вадим Николаевич.

На протяжении всего разговора повар удерживал в своих больших руках (за шиворот, за грудки) семиклассника Сережу Собачкина. Тот изо всех сил старался вырваться – дергался, извивался, но повар испытывал от этих попыток не больше неудобства, чем испытывал бы от курицы, которая трепыхается, предчувствуя свою близкую кончину. Временами Собачкин обессиливал и затихал в лапищах дяди Васи, потом, передохнув, начинал барахтаться снова.

– А с этим что? – спросил Вадим, чтобы уже как-то закончить разговор.

– Представляешь, этот негодяй подкарауливает малышей, когда они выходят с завтрака, и отбирает у них недоеденные булочки. Законченный негодяй! Получит теперь от меня.

Тут Собачкин дернулся изо всех сил, выскользнул из рук дяди Васи и побежал по коридору, заливаясь слезами, на ходу оглядываясь и грозя повару своим кулачишком:

– Ты! У меня! Получишь!

– Убежал, – равнодушно констатировал дядя Вася. – Что ж, пойду работать.

В левом крыле первого этажа, в бытовой комнате, крутится барабан стиральной машины. Среди гор белья восседают Нина Степановна да Светлана Петровна, две воспитательницы, две интернатские мамки, обе полные, дородные, от их натруженных рук словно пахнет печеными блинами и свежесмытыми полами, хозяйственным мылом и глаженным бельем. Сразу дюжина второклассниц, маленьких фей в одинаковых халатиках, помогают им с работой. Маленькие феи сосредоточенны, ответственные: стирка да глаж-

ка дело серьезное, мальчишкам такого не доверить.

Нина Степановна со Светланой Петровной ведут неспешную беседу о том, о сем, не забывая руководить процессом:

– Что вы делаете, бестолковые! В эту кучу колготки, в эту фартуки!

Стараются маленькие феи, стремятся оправдать доверие.

– Смотри-ка, Света, кто к нам пришел, – сказала Нина Степановна. – Вадим Николаевич.

– Проводывать нас решил. И то, с нами-то веселее.

– Человек совсем молоденький, с высшим образованием, с самого Кемерово, и вот, пожалуйста: мается в воскресный день в интернате.

– Так чем ему заняться, Нина, в нашем захолустье? Ни друзей, ни развлечений.

– Вот что я скажу тебе, Света. Жениться ему надо. А женится, и жизнь по-другому пойдет, интереснее. Новые заботы, новые радости.

– Скажешь тоже, жениться. Да где он здесь себе человека найдет? В нашей-то дыре? Никак не найдет.

– Эх, – Нина Степановна оценивающе смотрит на Вадима, – если бы не муж, дети, если бы не внуки, да скинуть годков тридцать...

– Я, так-то, здесь стою, пока вы меня обсуждаете, – сказал Вадим.

– Ты слышала, Света? Он обижается. Скажи ему, чтобы не обижался.

– Не обижайся, Вадим Николаевич. Мы же к тебе по-матерински.

– Я вместо Марьи Васильевны, с первым классом. Подскажите лучше, что мне с ними делать? Я как-то с такими малышами еще ни разу...

– Да очень просто. Посади их у телевизора. Или книжку почитай. А лучше вот что – отправляйся-ка с ними погулять. Погода-то какая – чудо, а не погода.

– Что ты ему советуешь, Света? Грязь ведь кругом. Машка их перестирала, нагладила. Перевозятся все. Машка его убьет.

– Мы погуляем аккуратно, – говорит Вадим немного неуверенно.

– Ну-ну, – говорит Нина Степановна. – Я тебя предупредила.

Поднявшись с табурета и поплевав на утюг, она принимается гладить. Пособляют ей маленькие феи: одна подает вещь, другая принимает, третья уже глаженую складывает в стопоч-

ку. Сосредоточенны и ответственны маленькие феи. Крутится барабан стиральной машины, плещет мыльная вода за стеклом.

– Первый «А»! – объявил Вадим. – Одеваемся, выходим на улицу, строимся. Пойдем с вами на прогулку.

– А Спицын?

– Какой Спицын?

– Наш Спицын.

– Что с ним?

– Марья Васильевна заперла его в бытовке.

– Зачем?

– Чтобы не баловался.

– Спицына берем с собой. Где ключ от бытовки?

– Марья Васильевна Тишкиной отдала.

Тишкина, тихонькая девочка с печальными глазами, роется по карманам и растерянно заявляет:

– Нет ключа...

– Как нет?

– Потеряла...

Остальные девочки окружают Тишкину, торшуют ее и щиплют со всех сторон:

– Куда ключ подевала, кулёма?

– Потеряла...

В замке двери запертой бытовки скрежещет изнутри, словно кто-то пытается открыть дверь.

– Спицын, ты там? – спрашивает Вадим.

Скрежетать прекращают и затихают.

– Он там, Вадим Николаевич.

– Что же делать с этим ключом?

– Где ключ, кулёма? – девочки тискают Тишкину со всех сторон.

– Потеряла...

Ключ находится, наконец: он просто провалился в дыру в кармане Тишкиной и лежал за подкладкой. Вадим торжественно освобождает Спицына – им оказывается совсем маленький мальчик с волосами ежиком, со взглядом исподлобья. Конечно, от такого фрукта можно ожидать чего угодно.

– Одеваемся и выходим строиться! – командует Вадим. – Отправляемся на прогулку.

Ровно тридцать детей выстроились за школьным забором, заученно, без напоминаний разбившись на пары и взявшись за руки. В одинаково серых с бордовым пальто в крупную клетку, в одинаковых резиновых сапожках. У каждого в животе съеденная за завтраком тарелка манной

каши, а еще сладкая булочка с чаем. Они в том счастливом возрасте, когда радуешься всему, особенно неожиданной прогулке.

Впереди отряда Верочка – очевидно, любимица воспитательницы Марьи Васильевны. Вадим понимает, чего она от него ждет, и протягивает ей руку. Верочка выбирает из предложенной руки средний палец, крепко сжимает его в кулачке и тут же расцветает довольной улыбкой.

Отряд шагает за Вадимом – куда? – кто ж это знает? Прохожие женщины бросают на сироток сердобольные взгляды. Те щебечут друг с другом, аки птицы в небе, вертят по сторонам головенками. Настроение у всех приподнятое, да и как может быть иначе, ведь такой чудесный день, и над головами в чистом небе проплывают золотые дирижабли.

– Вадим Николаевич, Вадим Николаевич, – трясет Вадима за палец Верочка, заглядывает преданно в глаза, – я песню знаю. Хотите, спою? Меня Марья Васильевна научила. Только когда поешь, надо плясать и махать платочком.

– Пой так, без платочка.

Верочка до отказа набирает в грудь воздуха и выдает неожиданно громким, звонким голосом:

– Полюбила летчика, думала, лета-ит,

А пришла на эродром – он там пидмита-ит!

– Это всё?

– Всё. Кончилась песня.

Если ты отправляешься в путь в одиночку, без всякой на то разумной цели, то путь твой бессмыслен и иррационален. Если же ты ведешь за собой тридцать маленьких последователей, то поход приобретает смысл, да и цель должна появиться – как бы сама собой.

Совсем немного прошли, и кончаются последние здания, заканчивается асфальт, отряд уже за городом. Шагает по дороге из умятой самосвалами породы, большие валуны отвалены на обочины. Вадиму хватило нескольких минут, чтобы разобраться, как все устроено у Марии Васильевны в классе, понять его, так сказать, иерархию. Впереди отряда, сразу за Вадимом с Верочкой, ступает актив, сплошь из девочек. Девочек активно послушных, исполнительных, немедленно выполняющих указания воспитателя и даже упреждающих оные. За ними шагают все остальные, замыкает же шествие хулиган Спицын. Зорко следит актив за Спицыным, знает, на что тот способен.

– Вадим Николаевич, Вадим Николаевич!

– Что такое?

– Спицын убежал!

Действительно, Спицын успел перелезть валуны у дороги и роется в придорожной грязи, собираясь поднять какую-то заинтересовавшую его дрянь – с тем, чтобы всем назло испачкать свои руки и одежду. Девочки бегут за Спицыным, ловят его всей толпой. Заломив ему руки за спину, ведут назад. У пленивших Спицына девочек на лицах негодование и праведный гнев, у самого Спицына выражение подневольной покорности, но и упрямства. Видно, так уж повелось, что Спицын, поддерживая репутацию непослушного хулигана, время от времени начинает убежать, а девочки привыкли его ловить и вести назад. Он действительно успел испачкать руки и одежду, и девочки, его ловившие, испачкались тоже.

– А я чистая, – сказала Верочка, с радостным изумлением оглядывая себя. – А я – чистая! – повторила она на случай, если Вадим не расслышал. Оставаться всегда чистыми было, очевидно, главной добродетелью, внушенной детям Марьей Васильевной.

Построились – и дальше по дороге, грубо выложенной кусками породы. Что же из достопримечательностей может предложить путешественникам родная сторона? Да вот же оно: справа от дороги, прямо в поле невесть для чего поставлена высокая кирпичная труба. То ли собирались что-то вокруг нее строить, но так и не построили, то ли было что-то построено, что успели разобрать, оставив лишь трубу. Теперь можно всем вместе окружить эту трубу и, задрвав головы, смотреть, как проплывают в небе над ее вершиной облака и вьются стаи птиц.

Вот еще – теперь слева от дороги: уникальное угольное озеро, с идеально черной мертвой водой, где, словно в зеркале, отражается небо. Остов какого-то непонятного громоздкого механизма, с шестеренками и колесами, с рваной транспортной лентой, виден над поверхностью угольной воды – словно древнее чудище увязло в озере в ископаемые времена и здесь истлело до ржавого скелета.

Спицын, конечно же, бросается к угольному озеру с очевидной целью – утонуть в нем или испачкаться с макушки до пят, чтобы досадить Вадиму вместе с Марьей Васильевной. Девочки бросаются в погоню, бегают за ним по берегу, перепрыгивая через куски породы, спотыкаясь и падая, ловят и ведут беглеца назад, привычно, отработанным способом, заломив ему руки за спину. У Спицына выражение лица плененного

полицаями партизана. И он сам, и девочки перемазались во время погони угольной грязью.

– Всё расскажем Марье Васильевне, как ты не слушался! – грозят девочки Спицыну. – Она тебя наругает!

– А я чистая! – говорит Верочка, гордясь и хвастаясь перед Вадимом.

Скорее от угольного озера, прочь от его соблазнов! Вперед и дальше по дороге, туда, где над непонятными кучами тлеют дымы, в дымах блуждают синие тени.

– Там свалка, – говорит бывалый Спицын, – и бомжи.

– Туда не пойдем, – решает Вадим.

Тем более что справа взгляду открываются обширные пространства с невысокими холмами и неожиданными провалами. Свернули с дороги, пошли гурьбой прямо через поля. А какая вокруг сплошная красота! Конечно, всё припорошено угольной пылью, не без этого, но яркие краски осени пробиваются сквозь пыль и сияют под солнечными лучами. Над головой всё плывут золотые дирижабли, вьются стаи птиц; подражая птицам, багровые, желтые листья то здесь, то там под порывами ветра взмывают малыми торнадо, поднимаются в небо. А на самом горизонте встает в фиолетовой дымке характерная для шахтерского города горная гряда – сплошь из правильных, как у египетских пирамид, линий.

Впереди, вниз по склону, отряд замечает кусты, усыпанные красными ягодами. Дети знают, что это такое.

– Боярка! – звучит общий клич, и отряд спускается вниз, к кустам. На склоне под слоем листьев жирная сочная грязь, ноги скользят по грязи вместе с листьями, дети, один за другим, падают, катятся кувырком. Добравшись до ягод, набивают ими рот.

– Стойте! – пугается Вадим. – Ягоды не мытые!

– А я вот как делаю, – говорит Верочка. Она берет в рот ягоду, обсасывает ее и сплевывает.

– Всё! Помыла! – радуется своей находчивости Верочка. За ней и остальные начинают плевать, да так часто, что щеки и подбородки детей становятся грязно-красными.

Неожиданно из кустов вышел старик. Шел, видно, по каким-то своим делам напрямик через поля и набрел на Вадима с детьми. Остановился, явно намереваясь перекинуться с Вадимом парой слов. На старике шахтерские, по колено, резиновые сапоги и неопределенного цвета бре-

зентовая куртка, опирался он на струганую сучковатую палку. На голове – наполовину седые волосы, седая щетина покрывает щеки и подбородок. Лицо красное, крупный нос с багровыми прожилками. Дышит трудно, с сиплым посвистом.

– Интернатские? – старик мотнул головой в сторону детей.

– Да. Вышли, вот, на прогулку.

Старик кивнул. Между тем, не переставая есть ягоду, дети окружили старика со всех сторон. Это был самый настоящий, взаправдашний дедушка – при замкнутой интернатской жизни нечасто такое встретишь. Его разглядывали с любопытством, словно какую чудную диковину. Ощущая на себе пристальное внимание десятков пар детских глаз, старик сообразил, что перед ним ждущая обращения аудитория, и ему просто необходимо что-то сказать.

– Два внука у меня, – сообщил старик, – такого же, как вы, возраста, вот что. Нет-нет, да приедут в гости. «Деда, – говорят, – дай нам варенья!» А у меня уж всё приготовлено, в подполе банки стоят, всё со своего огорода – и варенье смородиновое, и варенье малиновое, еще крыжовниковое, и ранеточное, вот что. Сядут внуки за стол, а я им по вазочкам стеклянным резным варенье разолью: «Вот тебе, вот тебе!» – «Спасибо, деда! – говорят, – очень у тебя варенье вкусное!»

Обступили дети дедушку, внимают внимательно. Очень им интересно слушать про дедушкиных внуков, как в гостях у дедушки угощаются они вареньем.

– Не только варенье у меня есть для внуков, – продолжает старик, – нет, не только. Как только пенсию получу, так сразу иду в магазин, покупаю там конфет самых разных – шоколадных и карамельных, ирисок и помадок, и всё в цветных блестящих бумажках, а еще покупаю печенье, песочное да овсяное, вот что. Высыпаю всё в большие стеклянные вазы, и стоят они у меня в серванте, пока приедут в гости внуки. «Деда, – просят они меня, – дай нам скорее твоих конфет с печеньем!» Тогда я ставлю на стол вазы, внуки едят и нахваливают: «Спасибо, деда! Очень вкусные у тебя конфеты и печенье!»

Стопившиеся вокруг старика дети заворженно слушают, словно им рассказывают какую-то волшебную сказку. Они даже забыли про ягоду и слушают с раскрытыми от восторга

ртами. Неужели жизнь может быть так прекрасна? Неужели бывают такие счастливые дети, у которых есть такой вот добрый дедушка, кто угощает их без меры вареньем и конфетами?

Не слушает старика только Спицын. Подобрал с земли камень, он целит им в сидящую на дереве сороку. Кидает камень, но неудачно. Сорока вспархивает с дерева. Очевидно, сорока не приняла Спицына всерьез (и зря), поэтому далеко не улетает, а садится на соседнее дерево. Спицын берет другой камень и подкрадывается к сороке поближе, чтобы попасть в нее теперь наверняка.

– Что мне не нравится, – сказал старик и неодобрительно покосился на Спицына, – это непослушные дети. Если мои внуки меня не слушаются – никакого им варенья и печенья, никаких конфет. Вместо угощения хорошую трепку они у меня получают, вот что. Непослушным детям ремня хорошего надо давать, вот что. Если не давать им ремня, путного из них ничего не вырастет, вот что.

Ступив на стезю педагогической строгости, старик уже не мог остановиться, словно какой-то тумблер щелкнул у него в голове, и теперь он перестал быть добрым дедушкой и превратился в злого. Он все говорил и говорил, и с каждым словом раздражался все больше. Все об одном и том же, на разные лады. Казалось, теперь его раздражает не только Спицын, но и прочие обступившие его дети, и Вадим, и даже чудесная погода.

– Ваши интернатские по огородам лезят. Ягоду рвут, ранетки обрывают. Да не столько съедят, сколько поломают да потопчут. Если кто-то из вас только попробует залезть в мой огород, если кто-то сорвет самую маленькую ягодку – получит от меня вот этой палкой, вот что.

– Да они же совсем маленькие, – сказал Вадим миролюбиво. – К вам, верно, лезят те, кто постарше.

– Какая разница? Эти вырастут и тоже полезут.

Вадим уже хотел увести детей от старика, но тот сам зашагал прочь, продолжая бормотать что-то раздраженное, неприятное, зло тыча своей палкой в землю при каждом шаге.

Вадим вывел отряд и построил попарно. Выглядели плачевно. Одежда испачкана, лица в пятнах от ягод. Самый грязный, конечно, Спицын.

– А я чистая, – печально сказала Верочка, уже себе самой не веря, огорченно разглядывая свою одежду.

Вадима с детьми встречают у входа в интернат две интернатские мамки, Нина Степановна да Светлана Петровна. Они греются на солнышке, отдыхая от трудов праведных на скамье.

– Погуляли, Вадим Николаевич?

– Погуляли.

– Вот теперь тебя Машка точно убьет, – сказала Светлана Петровна удовлетворенно. – Они же у тебя измазались, словно чертята! Да и сам тоже, прости господи...

– Не пугай его, Света. Видишь, он с лица сошел. Слышь, Вадим Николаевич, ты не пугайся. Ничего она не убьет. Перестирает их, нагладит – будут как новенькие. В первый раз, что ли? Расскажи лучше, как прогулялись, что видели?

– Здесь, буквально в двадцати минутах, шахтный отстойник с угольной водой. Еще кирпичная труба от разрушенной котельной. Видели вдали терриконы, еще городскую свалку. Еще нам повстречался в кустах один чокнутый старик, из местных – нес всякую ахинею.

– Вот видишь, видишь Вадим Николаевич, как у нас тут всё вокруг интересно, стоит только выйти за порог! Ты, небось, у себя в Кемерово такого не видывал.

– Это точно.

– А знаешь что, Вадим Николаевич? Своди-ка и моих на прогулку в следующий раз. Сводишь?

Вадим кивает в ответ:

– Свою. Почему нет? Обязательно. Если только будет хорошая погода.

ТАНЦОР ДИСКО

То, что по воскресеньям старшеклассники устраивают в холле своего этажа танцы – сами по себе, без воспитателей и учителей, – Вадим обнаружил в первый же день своего дежурства.

Он был учителем истории, Вадим Николаевич, недавно прибывший из областной столицы работать по распределению. Согласился же дежурить по воскресеньям он не столько из-за денег (хотя, конечно, лишними деньги не бывают), а просто делать ему в этом захолустье в свой выходной все равно было нечего. За полтора месяца своей первой в жизни работы он свыкся с ее условиями, притерся к существующему рас-

порядку, и уже не вызывал у юных обитателей этого места того острого интереса, каковой неизбежно сопутствует появлению нового лица, прибывшего извне, из окружающего это место мира. Стал, другими словами, своим, интернатским.

Сама школа-интернат представляет собой П-образное трехэтажное здание грязно-красного кирпича за железной оградой, расположенное на самом краю шахтерского города. Дальше уже ничего, лишь бескрайняя пустошь – с нарезками картофельных полей, с чахлыми, покрытыми угольной пылью, зарослями кустарника, да еще разбитая самосвалами дорога, что уходит к горизонту и исчезает в дымах городской свалки. Верхняя часть «П» обращена в сторону дороги и является фасадом, здесь, на первом этаже, расположен вестибюль, где проходят школьные линейки, столовая, а также учительская и кабинет директора. Второй и третий этажи занимают учебные классы, сейчас, до понедельника, они заперты на ключ. В крыльях же здания, на всех трех этажах – спальни и подсобные помещения.

Сегодня выходной, и не гремит через равные промежутки времени звонок, призывая на занятия в классы, не раздаются стук молотков из кабинета трудовика. Праздная воскресная тишина царит в интернате. На улице осенняя слякоть, уныло моросит дождь, так что не поиграть в футбол, не покачаться на качелях. С напряженных в ожидании близких холодов деревьев школьного сада уже опали листья. С безжизненных бескрайних полей в окна лезет скука.

Дети предоставлены сами себе, каждый занимает себя сам – кто и чем может. Большинство сидит в вестибюле первого этажа, смотрит телевизор, рассевшись рядами на стульях. Те, кому не хватило места, сидят прямо на полу. Смотрят всё подряд: мультфильмы, сказки, передачи про животных. Даже если идет что-то совсем неинтересное – новости, «Сельский час» – большинство остается у телевизора: вдруг покажут что-то еще? Старшие, выбрав себе любимчика из младших, сидят рядышком, обнявшись, или гуляют туда-сюда, держась за руку. Кто-то прыгает через скакалку, кто-то играет в «цепи раскованы». Иногда в моду входит какой-либо тренд – начинает один, а подхватывают все: запускать бумажные самолетики, например, или дергать на резинке шарик из жеваной бумаги; теперь вот

новое поветрие – нацепить на карандаш из листа бумаги скроенный пропеллер и бегать с ним во весь дух, чтобы пропеллер крутился от встречного ветра. Сразу несколько интернатских носятся с этой забавой по коридору.

Еще развлечение – кормить бездомных собак. Целая стая местных псов караулит на ступенях входа. Рычат на взрослых, виляют хвостами при виде детей. Дети выносят им после обеда недоеденные котлеты, собаки тычутся им в руки лохматыми мордами, осторожно забирают еду с ладоней.

Бродит Вадим по интернату из конца в конец, иногда присаживается посмотреть с остальными телевизор. Обязанностей всего ничего, это же не уроки вести. Так, присматривать за порядком, следить, чтобы никто никого не обижал.

Вот тут-то, пройдя коридор первого этажа до конца, у подножья лестницы, ведущей наверх, к спальням старшеклассников, он слышит приглушенную, едва различимую музыку. Поднимается выше, на второй этаж, и музыка становится громче, явственней, к ней добавляется ритмичный топот многих ног. Действительно, происходит что-то вроде дискотеки.

Вадим протискивается внутрь помещения. На него смущенно озираются, словно он узнал о чем-то сокровенном, заповедном, созданном самими детьми, без участия взрослых, более того, позволяющем детям самим ощущать себя почти взрослыми. Старенький проигрыватель «Аккорд» на подоконнике, стопка запиленных пластинок. В несколько рук выбирают следующую, ставят на нее иглу.

Мальчики стоят у стен, подпирают косяки, облокачиваются на подоконники. Они только зрители. Девочки танцуют, образовав собой круг, а в центре круга – надо же – выплясывает Сережа Собачкин.

Собственно, фамилия у него Собачников, он из подкидышей, а таким имена и фамилии дают в детдоме (и не особо заморачиваясь, вот почему в интернате много фамилий по дням недели: есть Субботина, есть Воскресенский; называют ребенка в честь дня, когда того обнаружили на пороге, или когда от него отказались родители). Кому-то, кто раздает имена, показалось, что фамилия «Собачников» вместе с именем «Сережа» этому ребенку подходит, вот и стал он Сережей Собачниковым. Впрочем, интернатские переименовали фамилию на более

звучный, ироничный вариант, и теперь иначе, как «Собачкин» его никто не зовет.

И такая фамилия-прозвище ему подходит вполне, ибо Сережа Собачкин – шкодливый, вертлявый, с рассеянным вниманием типчик, не способный усидеть на месте и сосредоточиться на чем-то надолго. Всем своим видом и поведением он напоминает беспокойную собачонку, вроде мелкой кудлатой болонки; сходства добавляют Сережины светлые волосы в кудряшках.

Но сейчас Собачкин являет миру свою артистическую ипостась. Одетый в узенькие вельветовые брючки и цветастую рубашку, завязанную узлом на животе (где, интересно, он взял эту одежду?), Сережа сосредоточенно выплясывает босиком в центре девичьего круга. Мелкий, ниже на голову своих же одноклассниц, он выделяет нелепые па, сверкает голыми пятками. Танцевать, похоже, он толком не умеет, весь его танец состоит из дерганных, невпопад движений, но – какое самомнение! Определенно, ощущает себя звездой.

На губах окружающих его девчонок играет лукавая полуулыбка – Собачкин интересен им, этот шкодливый маленький тип. По крайней мере, в нем есть что-то от кавалера, он выгодно отличается от других пацанов, зажатых, безнадёжно отстающих от взрослеющих девочек.

Их детство прошло здесь – в тесном пространстве интерната, и не было у них взрослых для подражания, за исключением воспитателей и учителей, не росли они в нормальных семьях, где могли бы подсмотреть за отношениями родителей, так что взрослеют они инстинктивно, ощущая. Во всяком случае, им уже не интересно прыгать через скакалку или бегать, как малышне, с пропеллером по коридору. Другое дело танцы, совсем как у взрослых, и в авангарде процесса Сережа Собачкин, любимец подрастающих девочек. Даже пятиклассницы поражены его харизмой, и, завидев, как тот движется по школьному коридору своей дерганой, подпрыгивающей походкой, начинают жеманно хохотать или хихикать, и даже пытаются строить глазки:

– Эй, Собачкин! Куда пошел, Собачкин?

А Собачкин с женским полом довольно нагл. Есть у него такой приемчик – прыгнуть на девочку со спины, схватить ее за грудь. Получит затрещину, да такую, что покатится по полу кубарем, но тут же подскочит и отправится, как ни в чем не бывало, дальше. У кого из его ровесников

хватит духа осмелиться на такое? Немыслимо. Да если бы кто и осмелился, вышло бы неловко, неуклюже, девочка бы заплакала, побежала жаловаться директору. А Собачкину всё нипочем, всё ему сходит с рук. Да и что с него возьмешь, с мелкого паразита? Танцует себе в девичьем кругу, выделяет коленца. Тощий живот под завязанной узлом цветастой рубашкой, тонкие ножки в вельветовых брючках, на детских губах самодовольная усмешка.

Танцами, однако, таланты Собачкина не исчерпываются, Вадим успел в этом убедиться. В дни праздников в интернат приезжают шефы с ближайшей шахты, привозят подарки. В их честь в актовом зале устраивают концерт. После номеров малышей со стихами и танцами настает звездный час Сережи Собачкина. Он выходит перед шеренгой девичьего хора, пригожий мальчик в белой рубашечке, в бордовых брючках и бордовом жакете с золотыми пуговицами, лицо его в обрамлении светлых кудряшек удивительно напоминает портрет на октябрятской звездочке. Конечно, он волнуется, волнуется так, будто здесь и сейчас решается, зависит от этого выступления его судьба, старательно выводит Сережа ломким звонким голоском про «крылатые качели», которые «взлетают выше елей», и еще про оленя, с просьбой «умчать в страну оленью». Пусть голос его дрожит и срывается, это лишь добавляет его исполнению детской наивной свежести, и вздох умиления проносится по рядам слушателей.

Вадим уже собирается покинуть танцпол, чтобы не смущать детей своим присутствием, но тут его тянут за рукав. Это Володя Зеньковский, одноклассник Собачкина, который давно стоит рядом с Вадимом и с неотрывным изумлением наблюдает, как Сережа вихляется в кругу танцующих девочек. Володя – туповатый, заторможенный мальчик. На уроках сидит тихо и, не отрываясь, пристально смотрит на учителя, заглядывая ему чуть ли не в рот, но, задав ему вопрос по предмету, понимаешь, что ничегошеньки-то он не усваивает. Думает о чем-то своем, постороннем, по лицу видно, что думает трудно, и бог весть, какие тяжелые мысли ворочаются в его голове.

Тянет за рукав Зеньковский, смотрит озадаченно:

– Вадим Николаевич, Вадим Николаевич...

– Чего тебе, Володя?

– Почему...

– Что почему?

Мнется Зеньковский, вопрос, что он собирается задать, отчего-то трудно, неловко, даже неприлично выговорить. И только по тому, как Володя то и дело озирается на танцующих, ясно, что вопрос связан именно с ними. Медлит Зеньковский, смотрит в сторону окруживших Собачкина девочек, а те разгорячились, покраснелись, уминают обернутыми в колготки ногами пол. И Володя выдавливая из себя, наконец:

– Почему у девок легкие опухают?

– Не называй девочек девками. Что?!

– Ну, почему у них... у этих, у девочек... опухают легкие?

Чтобы совсем было ясно, Зеньковский сложил ладони лодочками, приставил к собственной груди.

– Ну, ты, братец, даешь... Поражаешь меня... Тебе сколько лет-то, Володя?

– Тринадцать.

– И что? Только заметил?

– Почему? Я давно хотел спросить.

Вадим даже растерялся. Как ответить на такой вопрос?

– Потом, со временем, сам поймешь, – сказал Вадим и почувствовал себя довольно глупо.

Зеньковский отходит, тяжкая, неразрешимая загадка на его туповатом лице. В самом деле, вся твоя сознательная жизнь прошла в интернате, ничего, кроме интернатских стен, ты не видел, а девочки – вот они, росли рядом с тобой, и была у них вполне плоская, как и у тебя, грудь, и вдруг, у всех сразу, грудь стала опухать, разделившись на две половины. Чудо чудное, иначе не назовешь.

А танцы всё продолжают, хрустит тупая игла по заезженным пластинкам, самозабвенно отплясывает Собачкин, колышутся, даже подпрыгивают загадочные опухлости под платьями взрослеющих девочек, что непонятно волнует Володю Зеньковского.

У Собачкина не только вертлявая подрыгивающая походка, движения беспокойные, но и глаза суетливые – ни учителю, ни воспитателю, ни завучу или даже директору невозможно зацепить, остановить этот бегающий взгляд, заставить его сосредоточиться. Если взрослые с ним разговаривают, Собачкин крутит головой по сторонам, то поднимет глаза к потолку, то опустит в

пол, перебирает ногами, чешет голову, но отказывается внимать, что ему говорят старшие, и только ждет момента освободиться и отправиться по своим делам.

Лишь когда что-то конкретно его касается, задевает, стесняет, лишает какого-либо удовольствия, Собачкин реагирует эмоционально, как и положено ребенку, – заливаясь слезами. Чистый, наивный эгоизм живет в его юном сердце.

По воскресеньям в интернате проходят два мероприятия. Во-первых, вся школа отправляется мыться в городскую баню. Во-вторых, все идут смотреть кино в местный кинотеатр. Какие-то классы до обеда в баню, а после обеда в кинотеатр, другие наоборот. Весь день тянутся интернатские, под присмотром воспитателей, через калитку в заборе и дальше по дороге, до бани и кинотеатра: младшие – строем, попарно взявшись за руки, старшие – гурьбой.

В этот раз в кинотеатре идет очередной индийский фильм. На афише, вывешенной на фасаде, красуется чернявый улыбчивый парень, на шее его цветочная гирлянда. Разлапистая и пестрая – каждая буква другим цветом – подпись под портретом чернявого парня гласит: «Танцор диско». Буквам в названии фильма не стоит на месте, некоторые клонятся вперед, другие собираются кувырнуться через спину – буквы словно пританцовывают.

Все должны пойти в кино, но не Сережа Собачкин. За кое-какие прегрешения воспитатель Ангелина Ивановна выдумала Собачкину наказание – не пускать его в кино с остальным классом.

– Поймите, – выговаривает Ангелине Ивановне Собачкин, – вы же не мне хуже делаете, вы себе хуже делаете.

– Нет, Сережа, в кино ты не пойдешь.

– Сами себе хуже делаете, потом не обижайтесь.

Собачкин держит себя независимо, крутит головой, в глаза воспитателю не смотрит.

– Не хотите спокойной жизни, – пожимает плечами Собачкин, – что ж, получите жизнь беспокойную.

– Ты что, мне угрожаешь?

– Нет, не угрожаю, просто, как вы себя по отношению ко мне ведете, так и я буду.

– Нет, Сережа, в кино ты не пойдешь. На уроках ведешь себя безобразно, малышей обижаешь. Нет, в кино я тебя не пущу.

Ангелина Ивановна старается говорить твердо, но все равно со стороны это выглядит, будто она не выговаривает Собачкину, а, наоборот, оправдывается перед ним.

– Вот скажи мне, Сережа, кем ты хочешь стать? Когда школу закончишь?

– Артистом буду.

– Артистом, – кивает Ангелина Ивановна. – Это хорошо, что у тебя есть в жизни цель. Однако, Сережа, по твоим поступкам судя, цели своей ты не достигнешь.

– Это почему?

– Нет, не быть тебе артистом, Сережа.

– Почему это? Почему?

– А потому, Сережа, что у меня для тебя совсем другой прогноз. В тюрьму ты угодишь, Сережа, вот что с тобой будет, если за ум не возьмешься.

– С чего это в тюрьму? С какой это стати в тюрьму?

– А кто три рубля у завуча Виктории Петровны из сумочки вытащил, когда она на пять минут из учительской вышла?

– Не я это, не докажете.

– Тебя же видели, как ты оттуда выбежал! Нет, Сережа, в кино ты не пойдешь.

Тут Собачкин, до того независимый и самоуверенный, вдруг сломался – часто-часто заморгал глазами и заплакал навзрыд, залился слезами. Так возможно рыдать только в детстве – от горькой, невыносимой обиды:

– Ну, пожалуйста, Ангелина Ивановна, пожалуйста-пожалуйста, пустите меня в кино. Я так хочу посмотреть этот фильм! Ведь это мой любимый, самый-самый любимый и замечательный фильм! Пожалуйста, Ангелина Ивановна, я исправлюсь, я буду хорошо себя вести, вот увидите! Вы просто удивитесь, как хорошо я буду себя вести! Только разрешите, разрешите, разрешите мне сходить на этот фильм!

Ангелина Ивановна с достоинством и смирением, растрачивая невозможные нервы, расплачиваясь душевным здоровьем, несет свой крест по воспитанию интернатских детей. Конечно, нести крест ей помогает повышенная зарплата, с солидной надбавкой, шутиливо прозванной «за вредность». С высоты двух десятков проведенных в интернате лет она считает возможным поделиться опытом с теми, кто идет ей на смену:

– Поймите, Вадим Николаевич, здесь, в этом месте, мы не вырастим Эйнштейнов с Ломоносовыми. Человеческий материал не тот. Но полезных членов общества, поступивших после нашей школы в ПТУ и техникум, мы вполне способны воспитать. По крайней мере, часть из них. Можно я вам дам, как старший товарищ, совет? Если вами, Вадим Николаевич, вдруг овладеет раздражение от непослушания, если вы устанете от кропотливой работы с детьми, просто зайдите в кабинет директора, попросите посмотреть личные дела учеников. Полистайте папки, одну за другой. Ужасная истина вам откроется. У кого-то мать повесилась, у кого отец зарезал мать и сел в тюрьму. Дети алкоголиков, опустившихся на дно жизни. За каждым, представьте, за каждым попавшим сюда ребенком та или иная трагедия. Поняв это, вы посмотрите на нашу работу совсем другими глазами.

А ведь трагедия, бывает, случается прямо в интернате. Иногда детей забирают для усыновления. Увы, довольно часто их возвращают назад. Представляете, что чувствует ребенок, обретший долгожданную семью и через некоторое время этой семьей отторгнутый?

Взять Сережу Собачкина. Во втором классе он был, когда его облюбовала одна бездетная пожилая пара. Отчаявшись завести собственного ребенка, эти двое робко привыкали к мысли об усыновлении и, наконец, решились. Их ошибка заключалась в том, что они вначале выдумали себе ребенка, которого хотели бы иметь, этаким идеалом, а уже потом отправились искать его в интернат. Они долго присматривались к его обитателям, но все дети им казались какими-то не такими, пока они не обнаружили Сережу Собачкина. С ангельским личиком, хрупкий мальчик, разве что чересчур подвижный. Это был Он, кажется, это был Он.

Они стали посещать интернат уже специально ради Собачкина. Долго присматривались, кормили его сладостями, усадив промеж себя на скамью в школьном дворе. Стали забирать его на выходные к себе в гости, начали процесс усыновления. Но стать ему настоящими родителями так и не смогли. Разочаровались в Собачкине. Возможно, в этом виноват сам Сережа, хотя можем ли мы говорить о вине ребенка – всего лишь ребенка? Конечно, он не слушался и пакостил по мелочам приемным родителям, оказался этаким чертенком вместо ангелочка, но что с того? Взяли на воспитание, так воспитывайте. Разве не

должны взрослые взять на себя ответственность за того, кого они приручили? Приложить все силы, где-то проявить доброту и чуткость, где-то строгость?

А теперь что по результату? Собачкина нам вернули, и вернули с душевной травмой, и стал он еще менее управляем, чем был до того.

Как-то Сережа поделился с Вадимом своей заветной мечтой. Дело было после уроков. Будучи дежурным, Собачкин прибирался в классе, и у него возник разговор с учителем об индийских фильмах, поклонником коих Сережа являлся.

– Индия – это такая страна! Такая страна!

Собачкин от восторга сжал в руках тряпку, которой он вытирал с доски, и смотрел на Вадима широко распахнутыми, влюбленными в далекую страну глазами.

– Я обязательно туда уеду – вот увидите.

Вадим, отвернувшись к окну, барабанил по стеклу пальцами. За окном шел косой дождь со снегом, скрывая стоящие за забором, через дорогу, одноэтажные дома, разной величины и строения крыш, но одинаково серых. Вдоль забора, приюхиваясь к каждому столбу, бежит собака. От одного вида падающего мокрого снега, хотя батареи исправно греют, становится зябко.

– Ты же понимаешь, Сережа, – сказал Вадим, – ты должен понимать, что то, что показывают в кино, и что на самом деле – это большая разница.

– Какая еще разница? – недовольно буркнул Собачкин, а глаза его светились святой верой, что есть, есть такая страна, пусть и очень далеко.

– Бедно там, в Индии. Бедно люди живут. Понимаешь?

Собачкин смотрел недоверчиво. Эти взрослые вечны хотят разрушить мечту. Они думают оставить его в этой унылой каменной коробке интерната навечно, но он-то точно знает, что есть, есть замечательная страна Индия, где всегда жарко и можно гулять в любое время года босиком, где по улице то и дело проходят увешанные гирляндами из цветов процессии – со слонами, барабанами и флейтами, где бродят разносчики сладостей с большими корзинами на головах и угощают всех встреченных детей, где злодеев, пусть и со страшными усами и кривыми саблями, всегда побеждают. Страна, где все при всяком удобном случае пускаются в радостный пляс. Где молодой человек, умеющий хорошо танцевать и петь, непременно добьется успеха в

жизни. А еще, когда всеобщее преклонение вознесет его на самую вершину, непременно объявятся его богатые индийские родители. Мама, одетая в сари, отец, настоящий раджа – они отказались от него сразу после рождения из-за странного цвета его светлых волос, отправили с глаз долой далеко на Север, в чужую страну, но переживали всё это время, мучились – простит ли теперь их сын? Но Собачкин великодушен, он их, конечно, простит, и останется жить вместе с ними навсегда, в волшебной стране Индии.

Вадим смотрит на унылый пейзаж за окном, в голову лезут разные бесполезные мысли. Вот, например, если пойти по этой дороге, то минут через пятнадцать выйдешь на автобусную остановку. Полчаса на автобусе, и приедешь на автовокзал. Оттуда несколько часов, и ты уже в Кемерове. Там старые друзья и веселье, новая, интересная работа. А еще, это самое главное, любимая девушка Настя, выскочившая на выпускном курсе за юриста с противными усиками, осознает, наконец, свою страшную ошибку и вернется к нему, Вадиму... Увы, это только пустые тоскливые мечтания. Тогда чем он, Вадим, лучше своего ученика Сережи Собачкина? Все мечтают, кто о чем. Вот и Собачкину, верно, веселее жить, представляя себя героем индийского фильма.

– Я закончил, Вадим Николаевич.

– Хорошо, Сережа. Так Индия, говоришь?

В ответ восторженный выдох:

– Индия, Вадим Николаевич. Самая лучшая в мире страна!

Довольно уныло в интернате в воскресенье, особенно если по телевизору вместо мультфильмов, сказок или хотя бы передач про животных идут новости. В футбол не погоняешь, на улице слишком холодно. Кто-то играет, кто-то бесцельно слоняется по коридорам, ожидая от завтрака обеда, от обеда ужина.

Но на этаже у старшеклассников опять веселье, снова крутятся пластинки на старом проигрывателе, снова танцуют девчонки, вставши в круг, снова в центре круга дрыгает ногами и извивается Сережа Собачкин. В этот раз на нем новая тенниска, с горизонтальными синими и белыми полосами, а еще настоящие, фирменные джинсы (и где только он все это достает?). Танцует он, конечно, босиком.

Вопреки непогоде и опостылевшему интернату, назло сиротской доле и сгинувшим без вести алкоголикам-родителям танцует Собачкин и верит в свое счастливое будущее, надеется на шанс, что подарит ему судьба, лишь только распахнутся двери интерната, и он выпорхнет на свободу.

А судьба его гораздо ближе, чем кажется. Как-то в один из обычных учебных дней его судьба открывает калитку ворот забора интерната и ступает на дорожку, ведущую к входу. Твердо и неотвратно, нимало не убоившись зарывавших у входа дворняг, судьба заходит в вестибюль и движется к кабинету директора. У Сережиной судьбы милицейская фуражка с кокардой, а под мышкой папка с бумагами.

Милиционер проходит в кабинет директора, раскладывает на столе бумаги. Потом зовут Собачкина.

– Сережа, было принято решение отправить тебя в спецшколу, – говорит директор. – Поедешь прямо сейчас.

– Я же тебе говорила, Собачкин, я же тебя предупреждала, – поддакивает Ангелина Ивановна. – Ты меня не слушал – вот тебе результат.

Собачкин застигнут врасплох, испуган, испуган так, что не может даже разреваться по-настоящему. Выступившие было слезы немедленно высыхают. Он просто смотрит широко распахнутыми глазами то на директора, то на своего воспитателя, то на милиционера.

– Это же надо до такого додуматься – воровать в бане одежду! Мальчик приходит в баню помыться, попарится с отцом, выходит и обнаруживает, что его вещи пропали! Вместо них интернатские обноски. Ты на что надеялся? Что тебя не найдут?

Сережа лишь хлопает глазами, он озирается, словно загнанный в ловушку зверек. Его посещает запоздалая мысль о побеге – скитаться по подъездам, ночевать в подвалах, пока как-то само собой все не уляжется, забудется, устанет посещать интернат этот милиционер, устареют бумаги в его папке. Но выход из кабинета сторожат большие интернатские тетki, воспитатель с завучем, проскользнуть между ними никак не возможно.

Собачкин не хочет уезжать в пугающую неизвестность, ему страшно. Среди интернатских ходят слухи об этой спецшколе, как тамошние дети издеваются над новоприбывшими. Внезапно по-

стылый интернат стал тем местом, где он хотел бы жить, даже директор с завучем, даже его воспитатель Ангелина Ивановна стали вдруг родными, близкими. Собачкин хотел бы остаться под их защитой, пусть и ценой своего полного послушания.

Вадим заходит в кабинет по своим делам, и Собачкин хватается за него, как за спасительную соломинку.

– Вадим Николаевич! – шепчет он из угла громким шепотом. – Скажите директору, чтобы меня не отправляли в спецшколу!

– Но это от меня не зависит, Сережа, никак не зависит.

Увы, все решено, решено бесповоротно. Не помогут мольбы и слезы. Весь интернат выбегает из школы, все смотрят, как милиционер ведет Собачкина с вещами к воротам, как усаживает в машину. Последний отчаянный взгляд из заднего окна «Уазика», и всё, Сережа Собачкин уезжает.

После отъезда Собачкина Володя Зеньковский снова погружен в раздумья. Он думает день, думает два. Не о распухших легких у девочек, нет, теперь другая мысль ворочается у него в голове, другая загадка гнетет его разум.

Однажды, улучив момент, он подходит к Вадиму:

– Вадим Николаевич, я хотел спросить...

– О чем опять, Володя?

– О Собачкине.

– Что ты хотел узнать?

– Я знаю, это секрет, но я никому не расскажу.

Ведь его вовсе не в спецшколу отправили, так же?

– А куда еще?

– Не в спецшколу, я сразу понял, – говорит Зеньковский убежденно. – Нам так сказали, чтобы никто больше туда не просился.

– Куда же, Володя?

– В Индию, куда же еще. Собачкина туда отправили, чтобы он там стал артистом. Потому что он умеет петь и танцевать.

Вадиму остается только вздохнуть.



Ольга
ХАПИЛОВА

ПОТЕРПИ ОБО МНЕ



* * *

В благодатном саду расцвели благодатные
вишни;
Горевой пустоцвет, что Тебе я на это скажу?
Потерпи обо мне, не секи меня, Боже
Всевышний,
Может случиться, и я этим летом на что-то
сгожусь.

67

Ты воззри на меня: я раба-чужестранца
покорней –
Потрепало изрядно челнок мой житейской
волной.
Только Сам окопай эти жалкие, голые корни,
Только Сам Ты удобри участок земли
подо мной.

И когда в другой раз Ты меня у дороги
приветишь –
От обилия ягод склонюсь у всецелой руки
И Тебе одному протяну я тяжелые ветви.
Потерпи обо мне и покуда меня не секи.

* * *

К закату летний день простыл,
Томлений полный.
Владыка кроткий и простой
Идет по волнам.
И в торжествующей тиши
Склонился вечер.
Ракиты, птицы, камыши
Спешат навстречу.
Их устремление не в счет –
Бредя водами,
Меня Он ищет, вопиет:
«Где ты, Адаме?»

* * *

У доброй погоды не надо выпрашивать
милость –
Весеннее солнце согрело всех щедро и просто:
Неделей одною взошло, расцвело,
распустилось,
И сердце влечет в неурочное время к погосту.
Родные своих у калиток приветствуют стоя,
Пришедших сюда и развевявших вечную дрему.

ХАПИЛОВА (СЕМЕНОВА) Ольга Сергеевна родилась 14 июля 1981 года в пгт Темиртау Таштагольского района Кемеровской области. Окончила Новокузнецкое медицинское училище. Фельдшер-лаборант участковой больницы. Публиковалась в литературных журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Русское эхо» (Самара), «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Сибирь» (Иркутск), «Подъем» (Воронеж), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирский Парнас» (Новосибирск), «Парус» (Москва). Автор двух книг стихов: «Молодое вино» (2012) и «Заповедное русское слово» (2017). Член Союза писателей России с 2018 года. Живет и работает в Темиртау.

И больно, и сладко дышать тополиным
настоем
И смахивать с щек и одежды грустинки
черемух.

И кажется мне, что в начале, за далью иною,
Когда выводил Бог на свет нас с отцовскою
лаской,
Земля так и пахла кладбищенской буйной
весною
И самую малость – подсохшей эмалевой
краской.

Зачем и какие приносим сюда ожидания –
Все те же кресты, обращенные строго
к востоку,
Как будто бы здесь замыкается круг
мироздания,
Как будто отсюда воистину ближе к истоку?

* * *

Шепот истовый: «Господи, Господи!»
Чуть качается зыбкое марево –
По тропинке тяжелою поступью
Я несу чье-то чадо вымаливать.

Ты прими мя со страшною ношею,
Может, той хананейскою псиною!
Положу я и рухну подкошенной
На пригорок сырой под осиною.

«Не молись!» – мне твердили «великие».
Все бежали вдогонку до выселок,
Все вещали кликуши безликие:
«Если выживет – будет он висельник!»

Я не верю в пророчества темные –
По тропинке тяжелою поступью
Я несу свою боль неумную:
Вот я, Господи!.. Господи!.. Господи!..

* * *

Такая тишь и благодать окрест!
И всюду жизнь как спелая малина...
Когда-нибудь мне все же надоест
Приписывать ее своим молитвам:
Я отойду, укроюсь в сень берез –
И дождь прошел, и зорька не погасла,
И так же слышен дальний рокот гроз,
И день рисует солнечное масло.

Умылась светом первая пчела,
И радуга такая, что пред нею
Стою, молчу, но – странные дела! –
Творит молитву сердце все сильнее.

* * *

На пути в небеса я пойму – о проклятье! –
Кто стоял – упадет, и не смей задаваться!
В сумасшедших мечтах крест нести
для пропятья
Так легко до Голгофы в неполные двадцать.
Что на сердце приходит в мои сорок с гаком?
Вот немного еще – и виски побелеют,
Скоро в гору брести со своим Исааком –
Утешаю себя, что барашек заблеет.
И какую же ум убаюкан змеею –
Забываются грезы о пажитях зланных!
Обрастаешь годами – и свылся с землею,
Не прельщает сияньем венец огнезrachный.
Знаю, что совоскресну и камень отвалишь –
Все, как Ты обещал нам, – но чаще и чаще
Из десятка молитв мне опорой одна лишь:
«Да минует меня эта скорбная чаша!»

ИЮЛЬ

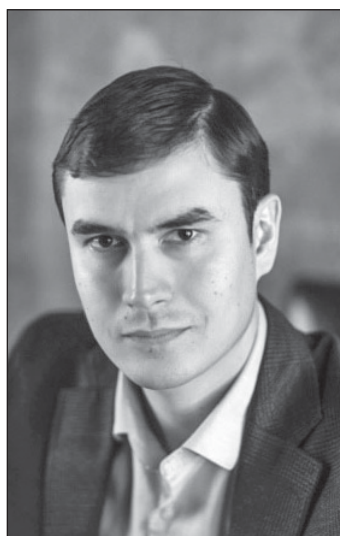
68

Где-то радуга в ручье тонет –
А в ином у нас тонуть не в чем;
И земля гудит-поет-стонет,
И кузнечик под окном певчий
Так старается один, будто
Колесницы из-за гор мчатся.
Юный месяц пеленой спутан,
Ждет, родимый, своего часа,
О свободе вышины молит –
Упованью дураков учит.
И несут в себе грозу молний
Кучевые облака-тучи.
А над тучами просвет ясный
Улыбается тебе лично;
И в просвете том парит ястреб,
За собой взлететь зовет-кличет,
Все бледней, бледней его точка.
В темном небе полыхнет-ухнет –
Зарождается строка-строчка,
Летним ливнем в пыль дорог рухнет.
И покатится поток пенный,
Напоит простор живой влагой
Да разбрызгает стихи-песни –
Станут люди их читать-плакать.

Сергей
ШАРГУНОВ

ДРУЖОК

Рассказ



Нас увозили в Москву в конце августа, и все кончалось. Я, хоть и знал его телефон, не звонил, и он тоже; мы впадали во взаимную спячку, оживая для других, городских людей, чтобы следующим летом, радостно и чуть удивленно оглядывая друг друга, с новой жадностью наброситься на нашу дружбу...

А потом и это кончилось, и теперь тот золотистый промельк летних лет неотделим от той доживавшей свой век страны – ледяной сияющий слиток детства, который уже не разморозить.

Вечером я прибежал к нему, чтобы позвать кататься на великах.

Взлетев на второй этаж, откуда гремели голова, я обнаружил его в ванной. Над ним умиленно склонялась бабушка и энергично двигала руками, пеленая пеной.

Он дрыгал ногой и гримасничал, как будто с него смывают кожу, при этом вода была диковинно коричневого цвета.

Из крана шла ржавая вода, чего я не знал: у нас имелся лишь колодец и баня.

Кажется, меня даже не заметили.

Я бросился от них, полный восторга и чуда, и, ворвавшись к себе, громко закричал:

– Мама! Мишку-негра купают в какао!

Да, я так его называл про себя: «Мишка-негр», резко и весело, со счастливой влюбленностью.

Хотя он был вообще-то мулат – пепельный, но все же не черный.

«Наш Миша», – говорили его дед и бабушка плавно и гордо.

Каждое лето он жил с ними, иногда они угощали меня блинами.

Его маму я видел лишь однажды, и она была не просто белая, а блеклая и хрупкая, как если бы кто-то высосал из нее краски жизни.

Эта дачная дружба возникла из кружения на «Дружках». Обнаружив, что у его велосипеда отвинчены задние маленькие колеса, добавлявшие равновесие, я в тот же день избавился от своих. Несколько раз упал и все же приноровился ездить как Мишка.

Он был меня на год младше, но, думаю, взрослее. И все же в моем к нему отношении был оттенок сочувствия.

Тогда я очень любил книги, в которых страдали черные, а их защищали и не чурались благородные белые: «Том Сойер», «Хижина дяди Тома», и фантазировал, что бы делал, окажись на их месте. А по телевизору шел захватывающий сериал «Рабыня Изаура», где белые делились на тех, кто жесток и кто жалостлив. Там были и мулаты, и кварталеры...

– Мишка, я бы тебя освободил! – вырвалось у меня как-то.

69

ШАРГУНОВ Сергей Александрович – писатель, лауреат многих литературных премий, главный редактор журнала «Юность», председатель Ассоциации союзов писателей и издателей, заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы.

А может быть, я ему немного завидовал, так он был притягателен среди общей обыденности.

Гибкий, ловкий, другой. Дома его обожали и баловали; жилось им хорошо, у бабушки имелась аж черная «Волга», но все равно что-то в Мишке было от Маугли. Он держался отстраненно от всех и совсем редко улыбался.

Мальчишки в поселке его уважали за футбол, в который мы играли на клеверном поле. Он смело атаковал, быстро бежал, метко бил.

Ему нравилось воевать.

– Хукрррр... Хукрррр...

Он жутковато всхрипывал, выплевывая свои выстрелы.

Мы прятались за кустами дикого шиповника, а недруги прикрывались стволами берез.

В каждом отряде было человек семь – местные и дачники. К недругам затесался мальчишка из детдома, а к нам прибилась мелкая девчонка со светлой косой, которая могла лишь топать и грозить кулачком.

Швыряли чем попало: шишками, комьями земли, обломками веток... Плевали бузиной и рябиной из трубочек дудника – кто снайперски точно, кто бестолковыми очередями. Но только у Миши было оружие, похожее на настоящее, – харкалка, отпиленная от раскладушки.

– Хукрррр... Хукрррр...

Мишка решил первым.

Он вышел на просеку, вытянув руку вперед и сжимая саблю-харкалку.

В этом был немой вызов, который принял мальчик покрупнее, рыжеволосый Максим.

– Дай. – Он наплыл с лентой и, ухватившись за трубку, дернул ее на себя так, что дернулся и Мишка.

За березами засмеялись.

И тут же Мишка прыгнул на Макса, повис у него на шее, и они покатались по кочкам.

Несколько раз они менялись местами, но каждый раз Макс опрокидывал Мишку и подминал.

Внезапно, когда уже казалось, что поединок завершен и одно тяжелое дыхание сломало другое, к верхушкам деревьев взмыл крошечный вопль.

Сцепка распалась, Макс подскочил с багровым лицом, почти слившимся с его шевелюрой, потрясая рукой, мокрой от крови.

– Ты че, кусаться? – Он жалобно махнул ногой, отступая.

А Мишка, успев изловить в траве свою трубку и пригнув кудлатую голову, упрямо пер на неприятеля.

Что-то неуловимо изменилось – кто-то из своих крикнул, эхом аукнулся чужой, и вот уже мы бежали вперед и гнали их гулким победным ором...

– Бей белых! – кричала девочка, воображая нас красными.

Вокруг мелькали березы, превратились в ельник, и было всем не до неба, быстро темневшего над верхушками. Вдали настойчиво тревожился горн пионерлагеря.

Он словно накликал грозу, задышавшую шумно и бешено, будто тоже на бегу.

В лиловых тучах сверкнула молния, ослепляя белозубым оскалом, и вместе с грохотом посыпались колкие и крепкие, как зубы, капли.

Бежали опять, но уже обратно – свои и чужие вперемешку.

Мы с Мишкой подлаживались под бег друг друга и все время обменивались веселыми взглядами сквозь буйную воду.

Я завернул к своей калитке первым, он обернулся, махая ладошкой, не выпуская из другой руки алюминиевую харкалку.

Он махал, терпеливо ожидая, дождь ускорял его взмахи, как старая киноплёнка, а я все не мог отвернуться...

Грязное дельце накрепко склеило нас.

Немного словно, едва ли не полунамеком, мы сговорились на грабеж. Возможно, вдохновил перочинный ножик, подаренный крестной на мои именины.

В придачу мы схватили тупые мамины ножи на кухне. И, оседлав «Дружки», понеслись по дороге. Инстинкт преступления гнал нас древним вихрем, окрыляя и обгоняя.

Жертвой выбрали добрую набожную Марию Андревну, хозяйку козы. Быть может, мстили ей за вкус молока, которое нас принуждали пить. Пролезли под калиткой и тихо пересекли сад. Возможно, встретив козу, мы бы попытались ее зарезать. Но коза паслась на поле, а в доме, мелькая в раскрытом окне, что-то напевала старуха. Мы забрались в сарай, где Мишка сразу схватил медный тазик для варки варенья и сзади за пояс штанов втиснул деревянные щипцы. А я сунул в карман брусок хозяйственного мыла и пнул ведро с водой, видимо козье, – по земляному полу поползла лужа.

Мы выскользнули из сарая, и вдруг Мишка подскочил к клеткам с кроликами. Ловким движением фокусника он повернул все ржавые задвижки, выпуская ушастых пленников, которые будто его и ждали и, выталкивая друг дружку, запрыгали вниз.

Зачарованно мы смотрели, как они белоснежно сигают и уносятся стремглав в зелень...

Марья Андревна так и не узнала, что за сила повыпускала ее кроликов.

Тазик, мыло и щипцы мы через несколько минут выкинули в колодец на дороге, воду из которого употребляли лишь для полива огородов. Украденные предметы падали в темень с плеском и превращались в ничейные.

В совместном преступлении было что-то интимно-бесстыдное. На закате мы сидели на высокой куче песка, который неудержимо перебирали пальцами.

— А ты видел своего папу?

Мишка на миг замер.

— Он приезжал. Я, когда вырасту, к нему улечу.

— В Африку?

Он кивнул.

— Да ну, — бесхитростно сказал я, — там же крокодилы. И до сих пор есть людоеды.

— Там такие фрукты, которых ты никогда не видел. Там всегда лето.

— Там слишком жарко.

— А я люблю, когда жарко! — раздраженно возразил он.

— Тебе что, здесь не нравится? — спросил я ревниво.

— Почему? — Он держал горсть песка в розовой ладони, и муравей-перебежчик уже сновал по его коже, где пульс.

Мишка мечтательно сверкнул глазами:

— Там даже флаг как у нас: серп и молот. И звезда.

— Тоже красный? — не поверил я.

— Красный. — Он кинул горсть песка на дорогу. — И черный...

Теперь я знаю, он говорил про Анголу, которая впервые участвовала в Олимпиаде в 1980-м.

Может, его папа был спортсмен. Метатель копья или боксер, да хоть пловец — это же зыко. Хотя Мишка не говорил мне, кто его папа. Я тоже скрывал от посторонних, что мой папа — священник, и, наученный этому дома, всегда говорил: переводчик.

Я догадался, что Мишка отца не видел, потому что он добавил:

— Я нашел у мамы портрет и спросил: «Это папа?» А она сказала: «Нет, это Пушкин».

В какое-то лето наши «Дружки» сменились «Аистами».

Мы неслись, окруженные счастливыми ветерками, оба без рук, то есть не держась за рули.

— Стой! — Мужик выпрыгнул на дорогу, большой, как дерево.

Он затормозил Мишку и ссадил в пыль, а я, сам тормозя и слезая, немедленно заметил, какие у него опасные, крупные пальцы.

Он зацепился этими пальцами за Мишкино плечо, а другими пальцами хватанул воздух, подзывая пухленького мальчика. Тот приблизился бессловесно.

Мы все молчали, кроме мужика, который улыбался, нависая над Мишкой, покачиваясь и выбивая нетрезвую ноту на его плече, повторяя слово, звучавшее сейчас неприятно:

— Негр, а негр. Можно, негр, тебя мой Васятка потрогает? Потрогай давай, не бойсь. — Он ухватил мальчика за ручку и притянул ее.

Мальчик вяло коснулся Мишкиного рукава.

Мишка брезгливо вздрогнул.

— А зимой тебе... — мужик дружелюбно ширил улыбку, — зимой тебе холодно, негр? Он че, порусски не это? — Он перевел улыбку на меня.

Улыбка была влажной и кособокой.

— Отстань! Ты чего пристал? — заголосила прохожая с темным кирпичом хлеба, который она угрожающе подняла повыше. — Иди, Миша! Иди, золотце!

Мишка подхватил велосипед.

— Погоди, — опомнился мужик. — Так зимой тебе че, холодно?

Женщина замолчала, на мгновение победенная любопытством.

— Да не, в шапке нормально.

И вот уже мы неслись наперегонки, бессмысленно смеясь и отрываясь от рулей.

Впрочем, я никогда не видел их вместе — Мишку и снег.

— Скотина! — Мишка побледнел, будто в его кофейное лицо плеснули побольше сливок, и я понял, что это он про мужика и обиду, которую, может, только осознал. — А где твой нож? — спросил он обвинительно.

— Дома.

– Надо, чтобы с собой был... – Он круто развернул велосипед: – Я собрался в Африку.

– Прямо сейчас, что ли?

– Почему? Можно завтра. Я туда давно хочу.

– А как?..

– У меня карта... и компас... Пойдешь со мной?

Я не возражал против приключения. Ну хотя бы до границы. Ведь Том и Гек в любимой книге тоже отправились путешествовать, да и любимая пластинка обещала все лучшее друзьям, бродящим по белу свету.

Время отбытия назначили на десять утра.

На дне моей большой плетеной корзины лежали перочинный нож и яблоко, накрытые свитером. Мишка собрался куда основательнее, с дедовским брезентовым рюкзаком за спиной, который был ему великоват.

Пошли через лес в сторону шума шоссе и снова обсуждали план: будем ночевать в шалаше, есть грибы и ягоды, воровать кур, жечь костры.

На мостике из бревен и железного листа он нагнулся к мелкому ручью, умылся, первобытно фыркая, как бы заранее репетируя предстоящее каждое утро, и вытер руки о волосы. Прислушавшись к далекому гулу и, изумляя меня чем-то, чему я не находил названия, вероятно природной грацией, скрылся в высокой траве. И через миг вынырнул с большим белым грибом!

Гриб полетел в мою корзину.

Так и не понимаю: он его учуял, что ли? Или знал место?

Конечно, я воспринимал наше странствие как игру. Ну да, ушли, но, может быть, всего-то на полдня.

– Не отставай! – Мишка продирался сквозь колючие ветки быстро и упрямо, чуть согнувшись под рюкзаком.

С каждой минутой все больше хотелось отстать. У него был строгий, незнакомый вид. Он пах чем-то тревожащим, как теплый пластилин. За деревьями нарастало гудение. Ближе и ближе с шуршащим посвистом мелькали железные тени...

– Миш!

Он недовольно оглянулся, поняв, что я встал.

– Миш, а мы куда?

– А?

– Ну, там же дорога.

– Перебежим... – Он изогнул бархатистую бровку.

– Погоди, пописаю... – Я отступал за кусты.

– Писай тут!

Этот приказ остался позади. Когда его фигура скрылась из виду, я, хоть и правда хотелось писать, не теряя ни капли времени, на цыпочках заспешил полупризрачной извилистой тропкой. Еще немного, и побежал, не заботясь о хрусте под ногами...

Он догнал меня там, где поваленное дерево торчало черными корнями во все стороны, словно раззявив волосатую пасть. Налетел сзади, больно ткнул пальцем в спину, но сразу отпрянул, загнанно дыша и изучая насмешливыми яркими глазами:

– Я с тобой больше не дружу.

– Да ладно тебе...

– Клянусь сердцем матери!

Это звучало слишком страшно, чтобы возражать.

Дальше мы шли молча. Когда я свернул не туда, он ткнул меня пальцем в бок и жестом, как глухонемой, показал путь. Потом вырвался вперед, и мне оставалось следовать за его рюкзаком.

На нашей улице я первым шагнул к своей калитке. Но чего-то ждал, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– Миша, а гриб?

Теперь съемка была не ускоренной, а замедленной, он удалялся безразлично и плавно, так и не обернувшись.

Больше он со мной не говорил.

Мама восхитилась белым и похвалила за такую находку. Вечером я уплет его с жареной картошкой – гриб слегка горчил. По заграничному радио сквозь помехи читал проповедь епископ Родзянко.

Несколько дней спустя я метал в старые доски забора ножик. Иногда он вонзался, дрожа как струна, иногда отпрыгивал в сырую канавку.

Издалека пробился пионерский горн, и сквозь мелодичные бодрые оклики, пытаюсь разгадать какой-то простой, но непонятный шифр, какую-то важную и простую тайну, которая затерялась в этих настойчивых звуках, я посмотрел вдаль, туда, где серая дорога достигала темного леса. А когда вернул взгляд, обнаружил Мишку.

Его ладная фигурка скользнула возле забора. Перемахнув канаву, он побежал по-охотничьи резво.

В этом было что-то колдовское и невзаправдашнее.

«Где нож?» – с ужасом осознал я утрату.

И опять призывно задудел горнист.

Когда я догнал Мишку, он уже сидел на пыльных ступеньках магазина и невозмутимо улыбался, показывая розовые десны.

– Отдай мой нож! Ты чего молчишь? Отдай! Я знаю: он у тебя! Встань! – Я хлопнул его по карману.

Мишка вскочил. И, ожидая, что он ударит ответно, может даже и ножом, я хлопнул его по другому карману. Но он все так же улыбался и подставлялся моим отчаянным хлопкам, которые так и не вернули потерю...

– Где он?

Уловив направление его мерцающего взгляда, я подскочил к зарослям крапивы. И, крикнув: «Дебил!», полез в обжигающую гущу.

Я бил и топтал эти стебли ногами и щурился в надежде на проблеск стали, а потом, ошпаривая руки, стал шарить у земли.

А Мишка стоял и надзирал.

То последнее лето нашей дружбы неожиданно заглянуло в сентябрь. В конце августа я заболел и еще неделю проторчал на даче, а Мишку, как оказалось, привезли на выходные.

Об этом мне рассказала мама, встретившая его бабушку.

– Сходи к нему! Он теперь знаменитость. Его по телевизору, оказывается, показали, в программе «Время». Весь их класс, и он за партой.

Странный жаркий поток подхватил меня, и вынес на улицу, и повлек в сторону знакомого дома. Я спешил, радуясь его славе и знакомству с ним, позабыв о своем драгоценном ножичке, почему-то уверенный, что теперь в сиянии этой славы все будет как раньше.

Он сидел за столом у окна, подкрашенный золотистым светом. Повернул голову, холодно и пусто глядя.

– Миша, это правда, тебя по телевизору показали? – выпалил я, уже ощущая унижительную нелепость своего появления и вопроса.

Он смежил веки – лениво и презрительно.

Засуетилась, звякая чем-то настольным, бабушка:

– Мишенька, ну что же ты так? К тебе гость пришел...

Я шел от него и клялся, что-то шепча, едва сдерживая натиск слез. Ну ничего, я тебе еще отомщу, меня еще покажут по телевизору тысячу раз.

Мы сторонились друг друга.

Он сдружился с рыжеволосым Максом, который приделал моторчик к своему велику.

Несколько лет спустя, зимой, когда не стало Союза, умерли Мишкины дед и бабушка. И он перестал приезжать.

Дом его стоит пустой.

Может, он уже давно в Анголе.



Виктор КОВРИЖНЫХ

ДО СВИДАНИЯ...



ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнем,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своем.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажурные листы.

Чудный месяц на теле и звезды.
В честь высоких заморских гостей
вспыхнут росы, как чистые слезы
в небеса унесенных детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханным простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели
ни себя, ни родных — никого.

Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальской кровью
вышиванки вишневых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золоченый державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалежный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждет жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоюет
и откроет всем виама глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...

77

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич (1952–2022) родился в селе Старобачаты Беловского района. Служил в армии. Работал на разрезе, электросварщиком, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов, пожарным. Публиковался в журналах «Смена», «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), альманахах «Поэзия» и «Истоки» (Москва), антологии «ПоЗЫВной – Победа!» (Москва). Автор поэтических сборников «Я, наверно, родился не зря...», «Непонятно, куда мы спешим...», «Зеленая дудка», «По токовинской дороге», «Избранное время», «Сказание о народном счастье», «Черемуховый Спас». Член Союза писателей России. Жил в Старобачатах.

В ЗАБРОШЕННОМ ХУТОРЕ

*Погасших окон выцветшие ставни,
глухой заплот, поваленный в осот.
И тишина, как будто слово тайны
сейчас Господь с небес произнесет.*

*Покажется, что жизнь людей бывшая
из этих мест бесследно не ушла.
Как память сокровенная, живая,
здесь в тишину незримо проросла.*

*И ощутишь ознобно чьи-то взоры,
лишь дунет ветер, травы шевеля,
и оживут обрывки разговоров,
мельканье лиц и запахи жилья.*

*Здесь постоять как заново воскреснуть
с щемящим чувством грусти и вины.
Всплакнет ли птица над судьбой окрестной
и снова станет частью тишины...*

* * *

*Я со многими в жизни простился.
Все родное осталось в былом.
Но опять этой ночью приснился
Над рекою родительский дом.
И хоть близких давно уже нету,
Сон обратно приносит к родным:
Дом пронизан пронзительным светом,
Словно ангелы кружат над ним!
Мать с отцом у калитки садовой,
Братья белят известкой забор.
И все молодые, живы-здоровы,
О житейском ведут разговор.
Белый голубь воркует на крыше.
Я кричу, я машу им рукой...
Но не видят меня и не слышат,
Словно я невидимка какой.
Лишь обломок далекого грома
Проворчит незлобиво в ответ.
Свет погаснет – и нет уже дома,
И родных тоже нет...
Пробуждаюсь с душою ненастной.
Хлещет в комнату свет из окна.
И такой день пронзительно-ясный,
Словно он продолжение сна.
Льет зной из распахнутых весей,
Лишь подсолнух, как скорбный пиит,
Через изгородь голову свесил
И задумчиво в землю глядит...*

75

* * *

*Тихий ветер вечернего поля,
на душе так светло и легко,
братья: Гена, Сережа и Коля –
мимо дома идут моего.
Вот прошли палисадники улиц,
вот проходят речной перекал.
Вот на холм поднялись. Оглянулись,
помахали рукой, улыбнулись
и ушли в невозвратный закат...
Есть, наверное, память иная,
что живет над селеньем любимым.
И чего мое сердце не знает,
языком объясняет своим:
ветром с поля, и шелестом листьев,
и виденьем за ветхой избой
с голосами далеких и близких,
что когда-то здесь жили с тобой.
Всхлипнет ветер, как птица в тумане,
и возникнет, что было в былом:
вяжет мама носки на диване,
чинит лампу отец за столом...*

ВРОДЕ БЫ СОНЕТ

*Вне мечты о высокой зарплате
Я пишу об обычном таком:
Ходит муза в рабочем халате,
А Пегас мой с телегой знаком;*

*Об исканьях в шахтерском формате,
О слесарке с висячим замком.
Там о сущей своей благодати
Я простым говорю языком.*

*И удачу нашел не в столице,
А в забоях, где мрак и вода.
Загрузил трудоднями страницы –
Свет с теплом понесли в города,
Чтоб кормились и божи птицы
От насущного хлеба труда.*

НАПАРНИК

*Вытирая ветошью ведро,
скажет, хитровато щуря глаз:
– Не спеши, писака, крюк не дергай.
Это ж кран тебе, а не Пегас...*

*Я молчу. Он крановщик со стажем.
Вроде высшей лиги крановой.*

Он в работе ловок, быстр и сложен.
Я ему завидую порой.

Наградил Господь его смекалкой
да ехидством тож не обделил.
Вот опять не быть смешным и жалким
изо всех пред ним стараюсь сил.

Говорит язвительно и гордо:
— Твой бы евтушенка здесь зачах.
Вы, поэты, никуда не годны,
хвастаться горазды лишь в стихах...

На педаль спокойно ставлю ногу
да на крюк внимательно гляжу.
Докажу ему: поэты смогут!
Вот лишь наловчусь — и докажу.

И работал я не так, как прежде, —
подавал увереннее груз.
И казалось, что глядит с надеждой
на меня писательский союз.

ОДИНОКИЙ ТРАКТОР

Неуютно, сиро и убого
во дворах заглохшей МТС.
Через поле вязкая дорога
уползает в сумеречный лес.

Непогода. Трактор, стар и грязен,
бороздит плугами косогор.
Брызговик веревкою привязан,
черным маслом кашляет мотор.

Дух упадка над Россией всею,
бесполезен хлебобоба труд.
Это поле если и засеют —
урожай в закром не уберут.

А в селе разруха да сивуха,
трын-трава у ветхой городьбы.
На скамье печальная старуха
будто призрак горестной судьбы.

Только трактор, вопреки резонам,
тарахтит с надрывною тоской,
нарезая плугом горизонты
новой жизни, светлой и простой.

Тыща лет пройдет!.. В ночи глубокой
я услышу, как в краю родном

пашет поле трактор одинокий,
словно мир весь держится на нем...

АНГЕЛ ТРУДА

Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
будоража неясной тоской.

Мне мерещились вещие знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.

Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся, растаял туман.
И две женщины — в черном и белом —
привели, указали на кран.

Он стоял у карьерной дробильни,
ни величья, ни Бога следа.
И я понял: его не любили
ни хозяин, ни ангел труда.

Рычаги его к сердцу приблизил,
но инструкциям всем вопреки
пел зеленою дудкою дизель,
откликались в стреле огоньки.

И свистел производственный ветер,
вторя лязгу тросов и колес.
Есть здесь промысел горного света?
Не ответил никто на вопрос...

* * *

Вот сижу у окна и горюю,
и вздыхаю, и думаю тут:
вот уйду, а страну разворуют
и в аренду китайцам сдадут.

Понаедут восточные орды,
воцарится скуластая знать.
На юань повернут наши морды
и заставят кузнечиков жрать.

Так что, родина русского слова
и родной деревенский народ,
берегите поэта такого,
что сегодня в Бачатах живет.

Нет, на долю свою не пеняю,
мне достойную выдали жизнь.

*Вот сижу у окна, охраняю
государственные рубежи.*

*Я не вечен... А небу – не жалко!
Буду там я не ваньку валять,
а стоять на посту с длинной палкой
и движением туч управлять.*

*И не просто направо-налево,
где с телятами не был Макар, –
чтоб одни поливали посевы,
а другие тушили пожар!*

*Ведь не слова красивого ради
Бог на небо меня приволок.
Оглядел, по головке погладил
и сказал мне: работай, Витек!*

*Знайте: буду всегда я при деле.
В руках моих гром и гроза.
Если смысл этих строк не узрели,
попросите другие глаза.*

ВЕСНА КАРАНТИННАЯ

*Сижу за решеткой в квартире своей
в угоду властям, карантину.
(Решетки на окнах, железо дверей –
чтоб воры не лезли в квартиру.)
Смотрю телевизор, гоняю чай,
пишу чепуху, а снаружи –
чирикают птахи, грохочут ручьи
и солнце валяется в лужах.
Такая сочится с небес благодать,
так радостно, звонко искрится!
Как будто безногие стали плясать
и в рифму писать верлибристы.*

* * *

*Вспыхнул май! Засиял куполами,
словно вывели в свет королев.
Захлестнуло зеленое пламя
ветви, кроны кустов и деревьев.*

*Запестрели цветами опушки,
огороды грачами кричат.
И скворечники как погремушки
с голосами скворцов и скворчат.*

*Одуванчики будто цыплята
по траве-мураве разбрелись.
И плывут вдохновенно, крылато
облака в колокольную высь!*

*Ну и хватит в рабочей обновке,
рот разинув, глазеть у ворот:
надо грядки вскопать под морковку,
под картошку пахать огород.*

*А земля черна, словно уголь.
Вдоволь будет щедрот и красот.
Посади в ней морковку на рубль –
в сентябре соберешь на пятьсот!*

ДО СВИДАНИЯ...

*Небо и роща, колодец с водою.
Рядом идут с двух сторон:
«Утро туманное, утро седое»,
Справа – «малиновый звон».*

*Милая анна полей васильковых,
Утренний голос любви.
Вымыты дали водой родниковой,
Плачут в лесу соловьи.*

*Нежный мой праздник из сумерек синих,
Пусть же тебя обойдет
Светской хулы перламутровый иней,
Губ силиконовых мед.*

*Память живая, дорога рассветная
Там, где наличник резной.
Хоть на закате судьбы моей ветреной
Не расставайся со мной.*

*Дай побродить по зеленым просторам
В облаке песенных слов,
Без виртуальных огней мониторов,
Без телефонных звонков.*

*Милая анна заветного слова
Из ненаглядных времен.
В сумерках зябких пространства иного
Гаснет малиновый звон...*



**Владимир
ИВАНОВ**

РАССКАЗЫ У КОСТРА



Задушевные беседы на привале. Людей разных профессий, возрастов, социального положения собирает у костра общее увлечение – походы на природу, рыбалка, охота... На природе человек преображается, стряхивает с себя рутину, путы повседневности. Раскрепощается, становится ближе к самому себе изначальному.

И течет речь рассказчика сообразно его характеру. У одного подробно, извилисто, как лесная речка. обстоятельное повествование обрастает интересными деталями. У другого – бегло, штрихами, будто рассказчик пунктирно расставляет вешки вдоль повествования. Порой собеседник, подхватывая эстафету от предыдущего рассказчика, развивает, расширяет, дополняет сказанное. Но чаще привлекает внимание слушателей совсем новый, неожиданный поворот разговора. А иной так увлечется, что свои фантазии и сам принимает за действительность. Уже притчей во языцех стал привирающий рыбак: вчера я во-о-от такую рыбу поймал! Нет, он не привирает. Он приукрашивает. Чтобы вам было интереснее слушать. И сам в это верит.

Понятно, что у костра речь заходит не только об охоте да рыбалке. Так о чем же говорят в мужской компании? Ожидаемо – о женщинах. О текущем моменте, о житейских ситуациях, о пре-

даньях старины глубокой, о случаях необычных, даже с мистицизмом – да мало ли о чем!..

ИЩЕШЬ ЛЮБОВЬ – НАХОДИШЬ ОПЫТ

Я парашютист-пожарный лесной охраны. Обычно с мая у нас напряженный сезон. Не все же сознают, какую грозную опасность представляет огонь. То весенний пал пустят, то костер не потушат как следует, то тлеющий окурочек кинут в траву. В такую пору пожарная авиация совершает облет подконтрольной территории. Если выявлен очаг пожара, по радиации вызывается оперативная группа. Тогда мы летим на тушение. На такое жаркое дело направляется обычно группа из трех-четырех парашютистов-пожарных. Но изредка на задание могут направить лишь одного, когда многие привлечены на другие точки, а новый огонь замечен недалеко от населенного пункта. Обычно это костер, который тоже запрещен с мая по середину июня. Тогда задача парашютиста – прибыть на место, выявить нарушителей и составить протокол. В крайнем случае привлечь местное население для ликвидации очагов возгорания. Я уже имел опыт одиночного вылета. Почему об этом рассказываю? Речь пойдет как раз о таком вылете.

Поступило сообщение, что выявлено лесонарушение у моего родного села. Ну, я и вызвал-

ИВАНОВ Владимир Васильевич родился в 1948 году в деревне Макаровке Башкирской АССР. Вырос в селе Банново Крапивинского района Кемеровской области. Окончил Уральский государственный университет, учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Работал в совхозе «Банновский», сотрудничал в газетах Кемеровской области. Автор девяти поэтических сборников и книги прозы, вышедших в Москве и Кемерове. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

ся. Прыгнул с самолета, парашют раскрылся, падение замедлилось. Но странное дело! Земля должна приближаться, а я этого не вижу. Попал в восходящий воздушный поток. Под ярким солнцем черная пашня хорошо прогревается, и теплый воздух устремляется вверх. Удачный случай обозреть родные окрестности! Я над озером. Из него вытекает к Томи наша речка. Здесь еще подростком рыбачил удочками и ставил мордушки. Надо бы приехать порыбачить, но все недосуг. Особенно после начавшейся семейной жизни. Над озером и речкой воздух прохладнее, и меня потянуло вниз. Управляя стропами, направил парашют к пашне, откуда парило, и в восходящем потоке поднялся выше, чтобы приблизиться к селу.

Любопытно посмотреть на родное село с такой высоты. Вот дом родной, где прошли лучшие детские годы. Его кровля от времени почернела, но две надворные постройки выделяются новыми крышами. Эти постройки возвел уже новый хозяин. Наш дом продали, когда отцу, как участнику войны, выделили квартиру в городе. Пока с женой Верой живем там вместе с родителями.

Вот школа, где в юном возрасте читал хрестоматию. Познание мира, первые чувства – все незабываемо, все связано с родной школой!

Вот клуб наш сельский, куда мы вечерами торопились как на праздник – смотреть фильмы, а позже на танцы.

Вот магазин. У крыльца две бабы. Видать, стоят и судачат. Говорят, женскому полу потребно выговорить в день порядка двух тысяч слов. А двум женщинам, выходит, четыре тысячи. Они не скоро еще расстанутся.

Дом Вани Наумова. Во дворе мотоцикл с коляской. Скорее всего, мой школьный кореш сейчас дома. Вот и ладненько! Попрошу его доставить после приземления на лесонарушение.

Вот дом моей тещи. Вера сейчас как раз в гостях у матери. Может, она в эту минуту во дворе или в огороде. Вроде знакомая бейсболка мелькает в подсолнухах. Пригляделся – точно, она! Приземлюсь-ка сейчас прямо в тещином огороде, и будет сюрприз так сюрприз!

Но меня самого ждал еще больший сюрприз. Еще пристальнее вгляделся – жена милуется с кем-то! Мне-то сверху все видно, а они меня не замечают.

Приземляюсь, иду в подсолнухи и говорю ей:

– Сейчас я буду складывать парашют, а ты дуй домой в город и складывай свои манатки! К моему приезду чтоб духу твоего не было!

Хахаль ее через подсолнухи ломанулся за огороды в талинник. Догонять его я не стал. С ней выяснять отношения, скандалить тоже не стал. Сам удивился своему спокойствию. Озарил момент истины. Все встало на место.

Я и раньше ощущал нелады в наших отношениях. У молодоженов как? Вначале порой сплошные недоразумения. Пристрастия, интересы, привычки не притерлись еще, не пришли к консенсусу, как говаривал первый и последний президент СССР. Из-за этого и конфликты, и ссоры. Но потом обычно все больше взаимопонимания, все меньше конфликтов, верно? А у нас такого нет, хоть и прожили почти два года. Я все чаще стал подмечать, что Вера так и ждет, чтобы я где-нибудь в чем-нибудь да оступился. Она тут же ткнет меня носом в мою оплошность, и лицо ее оживает. Что уж все такие подробности перечислять? Хотя жизнь как раз и состоит из мелочей. Особенно семейная. Да подробности все и не припомнишь. А в целом: то не так взглянул, то не то сказал, то не так сделал. Только после женьитьбы я с удивлением узнал, что молоко, оказывается, можно поставить в холодильник неправильно. Чувствую, жизнь семейная идет как гайка не по резьбе. С каждым оборотом все туже и трудней. Задумывался над этим и не находил ответа. Даже ночами думал, лишаясь сна. А теперь, когда сверху узнал больше, сплю крепко. В моем случае известная пословица вышла наоборот: больше знаешь – крепче спишь.

С Верой мы расстались. Легко сошлись, легко расстались. Была недолгой любовь – была разлука без печали. Теперь ищу свою половинку, размышляю о странностях любви. Как только не определяют любовь! Считается, что любовь – окультуренное влечение для продолжения рода. Но разве только окультуренная? Вы замечали, что если муж толстый, то жена обычно тонкая, и наоборот: жена – полная, муж – худой. Не замечали? Присмотритесь. Скажем, стоишь на остановке, а рядом худая женщина. Думаешь: у нее наверняка муж полный. И точно! Выходит из автобуса, идет к ней очень солидный дядя, подтверждая твои наблюдения. По повадкам и репликам видно, что муж. Ну и какое тут «окультуренное влечение»? Загадка сия мраком покрыта.

Или другой пример. Проводили эксперимент. После тренировки потные майки первого и второго состава команды футболистов сложили в одну кучу. Минимум двадцать две майки. Приглашенным женам футболистов предложили определить в этой куче одежду мужей. Куча большая, на тренировочных майках нет номеров. Но жены практически не ошиблись. Определили по запаху футболки своих мужей. Есть научное мнение, что запах тоже играет свою роль при выборе партнера по жизни. Запах дает сигнал, твоя это половина или нет. Такой сигнал тоже называть окультуренным влечением? Ну и что здесь культурного? Нет, кажется, на первом плане – базовый инстинкт. Не культурное влечение, а базовые инстинкты определяют – кого выбрать. Но тут на сцену выходит окультуренная часть твоего существа. У вас с невестой уровень развития, предпочтения, вкусы, взгляды на жизнь могут быть разные. Я уже говорил, это ведет к непониманию друг друга, это почва для конфликтов. Но конфликт еще и внутри тебя. Глядишь на подругу – инстинкт сигнализирует: «да, да!», а твоя окультуренная часть упрямится: «нет, нет!» Такое же противоречие и у подруги может быть. Вот и начинаются странности любви. Вот и разберись тут, создай из всего этого единое гармоничное целое! Такая вот тонкая материя. Но материя материей, а, по-моему, первый важный шаг – определиться, кто ты сам есть на самом деле. Узнать свою сущность. Выявиться самому. Если не знаешь, кто ты сам, то как же узнаешь, кто тебе нужен? И не факт, что до женитьбы жених и невеста уже определились.

В общем, есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, наука не знает. В вопросах любви наука тоже помочь не может. Блуждать в лабиринтах любви, искать, находить приходится самим. Непростое это дело. Ищешь, ищешь любовь, но обретаешь лишь опыт. Так уж случилось, так вышло. Порой думаешь: наконец-то, вот она – любовь! Нет, не любовь. Это опять опыт.

ПСИХОЛОГИЯ НЕ НАУКА, А ПРАКТИКА

Вот ты затронул науку. И у меня есть что сказать на этот счет. Я решил часть крыши своего авто сделать панорамной. Но это требует затрат. А у меня денег кот наплакал, и в перспективе финансы поют романсы. Занял у одного кореша,

занял у другого – все равно не хватает. Нет, можно было, конечно, пойти на более упрощенный, бюджетный вариант. Ну, скажем, вместо панорамного прочного стекла поставить автомобильное обыкновенное, а вместо тонированного варианта – защищаться от солнечного света элементарно шторками. Но если раз за разом так упрощать, то вся затея сведется к нулю!

Опускать руки я не привык. Еще раз обдумал ситуацию. Про план тюнинга авто я никому еще не говорил. Поэтому о моем решении никто не знал. Приезжаю в свой гаражный кооператив. Меж собой у нас там такая атмосфера: шутки-прибаутки, подкалывание друг друга. В общем, мальчишество сплошное. Почему так? Вроде уже мужики. А достают взрослые заботы и обязанности в быту и на производстве. И гараж – вроде отдушины.

Так вот. Приезжаю в кооператив. Под вечер, когда у гаражей побольше народу.

– Мужики! – говорю. – Хочу устроить аукцион.

Народ стал подтягиваться к моему гаражу:

– Какой аукцион? Ты что, машину продаешь?

– Да нет, не продаю. Спорим, я крышу своего авто ломиком одним ударом проломлю!

– Тогда это не аукцион – аттракцион получится! Ну и при чем здесь аукцион?

– Да у него крыша поехала!

Подобные реплики только подогревали ажиотаж.

– Видать, мухлюет, фокус какой придумал. А если я проломлю?

– Пожалуйста, – говорю. – Только фокус в том, что проломит тот, кто больше заплатит – как на аукционе.

Народ верит и не верит, что это я не в шутку, а всерьез.

– Правда, что ли?

– Правда! Аукцион начинается! Стартовая цена – пятьсот рублей. Пятьсот – раз, пятьсот – два...

Желающие попортить чужое имущество, да еще всего за пятьсот рублей, тут же нашлись.

– Я! Я! Я! – раздались голоса.

– Претендентов за пятьсот – трое. Победит тот, кто даст больше.

Народ уже входит в азарт:

– Тысяча!

– Тысяча пятьсот!

– Две тысячи!

Торг дошел до четырех тысяч, на том и завершился. Но этой цены мне было достаточно. Победителем вышел Леха-бузила – парень очень даже нехилый. Такой размахнется и вдарит – не только крышу проломит, но и коробку передач. Я и это предусмотрел. На крыше авто обозначил кружком, куда бить. А если победитель перестарается и вгонит ломик совсем глубоко, то в салоне ему преградой толстый металлический лист. Но Леха силу удара и прицел рассчитал верно – аккуратная дыра появилась в обозначенном круге. Этот круг я заранее начертил в той части крыши авто, которую предстояло вырезать и выкинуть, а вместо нее установить панорамное стекло.

Подивился я, что так легко повелся народ. И стал размышлять о человеческой природе и людской психологии. По моему разумению, психология никакая не наука, психология – практика.

Приведу еще пару случаев из своей практики.

На работе поспорил, что вынесу четырехметровую трубу-нержавейку с территории завода.

Мне:

– Спорим, не вынесешь! Охрана-то стоит вон какая!

Ладно, поспорили. Иду к проходной, на плече труба, завернул за угол – там уже будка охраны. Я начал этой самой трубой мерить территорию по направлению к проходной да в книжку вроде результат записывать. Приближаюсь к воротам. Охранник стоит и наблюдает за моими действиями.

Охранник при исполнении – он кто? Царь и бог! Пущать или не пущать – он решает. И это, конечно, льстит его самолюбию. Важно в разговоре с ним взять нужный тон. Чтоб ни одна нота в голосе не сфальшивила. Не пустить петуха. Уверенный командирский голос принуждает других подчиняться. Такой голос в иных случаях содействует карьерному росту больше, чем ум и профессионализм.

– Открывай давай, чего стоишь?! – приказываю охраннику повелительно. – Видишь, измерение, рекогносцировку производим!

«Рекогносцировку» я вставил намеренно. Скорее всего, охранник не знает, что это означает. Если слышишь что-то выше твоего понимания, значит, тот, кто это говорит, выше тебя. Значит, ему надо подчиняться. Такова подсознательная логика, а человек ее, может, и не осознает. Психология!

Охранник открывает ворота. Я за территорией завода продолжаю мерить. Завернул за угол, трубу на плечо – и был таков! Казалось бы. Но, выиграв спор, трубу занес обратно.

Или другой случай. Моя теща живет на окраине города в частном доме. Это, конечно, хорошо, когда своя зелень, свои овощи и картошка в огороде. Да и нам с женой все это не на рынке покупать, пасемся на тещиных грядках. Но как весна – так проблема вспашки огорода. Тестя нету, эта забота, стало быть, ложится на мои плечи. Обычно выручали калымщики на своей технике. Но в этот сезон – никого не доискаться. А теща все зудит и зудит: ты же сам тракторист, неужели не можешь вспахать? Вон за баней старый плуг уже который год лежит ржавеет!.. Тещу понять можно: пропустишь сроки посадки – и всходы будут позднее, и урожай не тот. Решил рискнуть – воспользоваться своим рабочим трактором «Беларусь». Хотя далековато до тещино дома, но другого выхода не вижу. А как трактор выгнать за территорию завода? Тоже вышел из положения, опять помогла психология.

Подцепил после смены к трактору пустую бочку и еду-гремлю к выездным воротам.

Охранник строго:

- Ты куда это бочку вывозишь?
- Домой под воду. Да она пустая!
- А разрешение на вывоз есть?
- Нету.
- Не положено! Отцепляй!

Я отцепил и с чувством удовлетворения за удачный психологический трюк поехал до тещи, а охранник с чувством удовлетворения за проявленную бдительность остался у ворот.

Это было в субботу. Вспахал я тещин огород да еще подкалымил на пахоте ее соседям. Вечером трактор пригнал на завод. Охрана, конечно, запустила! Не могут же они в журнале записать мое самовольство. Тогда они зафиксируют и свое ротозейство. С них спросят: зачем выпускали? Так ведь получается? Психологию разумать надо!

ШАТУНЫ-ОХОТНИКИ ПОДПОРТИЛИ СТАТИСТИКУ

Не в наше время это было. Тогда еще не полиция была, а милиция. В городе выборы проходили. А наш сибирский городок со своей спецификой. Создан недавно. Из трех шахтовых поселков и деревень, разбросанных по тайге.

Как-то прикинули: наш городок по площади поболе Москвы будет. И попробуй на такой территории явку электората обеспечить!

Перед каждым председателем избирательной комиссии поставлена задача: кровь из носу, а должный процент явки избирателей обеспечить, не то голова с плеч! Но глава нашего избиркома Долгов – мужик тертый и смекалистый. Его учить не надо.

Настал день выборов. Воскресенье. Значит, в субботу народ набрался, наутро похмеляться надо. Мужики к магазину. А там объявление: магазин сегодня на участке голосования. И стрелка – в каком направлении шагать. А для подстраховки – участковый милиционер навстречу. Чтобы, значит, за самогоном или бражкой в сторону не свернули, свой гражданский долг не забыли.

– Голосовать идешь?

– Какое «голосовать»? Колосники горят. Мне бы похмелиться!

– Правильно идешь! Там нальют.

– Ой, правда? Только не дойду я. Сил нету!

– Сейчас налью, и шагай куда надо.

Мужик дико смотрит на милиционера. Где это видано, чтобы сам страж порядка предлагал похмелиться? Но грех упускать возможность.

– Товарищ участковый, мне сейчас так скверно! Налейте – готов проголосовать хоть за президента Америки!

– За Америку не надо! – говорит участковый, аккуратно наклоняя поллитровку, вынутую из сумки.

Опохмеленный электорат бредет в сторону избирательного участка. А там не только для страждущих, но и для женской части населения магазин развернул ярмарку товаров. Голосование идет как по маслу! Без сучка и задоринки.

Нет, вру. Был сучок один. В нашу глухомань на выборы напросился наблюдатель столичный. Видать, таежной экзотики захотелось. А куда его деть? Наменяли ему – да он вообще в рот не берет. Но нельзя же ему знать внутреннюю механику выборного процесса! Смекалистый Долгов и тут вышел из положения.

Заходит на избирательный участок милиционер. Нет, не местный, тот бегаёт по деревне – обеспечивает явку. А заходит другой милиционер, направленный блюсти порядок.

Заходит, значит, зыр-зыр глазами – и выцеливает среди народа московского гостя:

– Гражданин, пройдемте со мной.

– Да нельзя мне! Я тут наблюдателем за голосованием.

– Пройдемте, пройдемте. Это ненадолго. До выяснения личности.

– Какое выяснение? Вот мой документ.

– Вижу. Но есть недоразумение. Вы схожи с одним нарушителем. Все выяснится – и вы сразу свободны.

Наблюдатель с досадой следует за милиционером. В конторе они располагаются в отдельном кабинете. Но час проходит, другой проходит и сколько-то там еще проходит, а вопрос с нарушителем все не проясняется.

Ситуацию меняет приход местного милиционера. Он заходит и мельком кивает своему коллеге, тот тоже кивает незаметно. Но наблюдатель заметил! А что он мог сделать? Тут закон – тайга, медведь – хозяин.

– Вот все и выяснилось, – говорят ему.

– Личность нарушителя установлена. Простите за беспокойство и пожалуйста на избирательный участок. Там как раз подсчет голосов начинается.

Наблюдатель идет на избирательный участок и следит за подсчетом голосов. Стопроцентное голосование! Но председатель избирательной комиссии Долгов в сомнении. Не чересчур ли? Уж больно красивая цифра. Надо бы чуть-чуть уменьшить, чтобы выглядело достоверней. Эх, не успели до появления наблюдателя!

А столичный наблюдатель против такой корректировки. Он злорадствует. Пусть увидят очковитительство!

И тут неожиданно явка электората вообще поползла выше стопроцентной отметки. В последний момент на участок заявили два приبلудившихся охотника – прямо как два медведя-шатуна. Они, может, и прошли бы мимо избирательного участка, если бы магазин работал на прежнем месте. Надо же им отметить свое чудесное спасение!

Вошли они, значит, а столичный наблюдатель сразу к ним:

– Как невольно заблудившиеся, в виде исключения можете проголосовать тут на участке. Как граждане страны, имеете законное право.

А сам с ехидцей смотрит на председателя Долгова.

Охотники-шатуны согласны. Вдруг при существующем дефиците все товары сегодня только для голосующих, особенно жидкая валюта?

Так благодаря столичному наблюдателю явка на выборы у нас оказалась выше ста процентов.

АТУ ЕГО, АТУ!

Вот ты рассказал про случай не в наше время. А я расскажу про случай не в нашей области. Я жил тогда в другом регионе. Выбирали главу района. Район богатый, земли плодородные, тайга, угольный разрез, золотишко драгами намывают по таежным речкам. Да и прииск по добыче золота имеется. Ну, надо выбрать главой района своего человека. Его так и назовем – Свой. А другого претендента выдвинул совет ветеранов района. Назовем его – Ветеран. Раньше он тут был первым секретарем райкома партии. Фактически – был главой района.

Начинается предвыборная кампания. Ветеран выезжает в деревни, встречается с сельчанами. Многие его узнают, расспрашивают. Он рассказывает, что в его бытность было сделано, каким он видит дальнейшее развитие района и где он теперь живет, трудится. А живет в областном центре, работает в крупной компании начальником отдела. Проведя немало встреч, отбывает восвояси. Дальнейшая подготовка ложится на плечи совета ветеранов.

Областной штаб по продвижению Своего тоже ведет подготовительную работу. Но в ином направлении. Вызывают директоров совхозов, сельхозпредприятий и прочих руководителей. Все они слышат одно и то же: если ваши люди проголосуют за Ветерана, слетите с руководящих кресел.

Дальнейшая подковерная борьба ведется в том же духе. Доверенный человек отбивает с областного главпочтамта телеграмму. Дескать, Ветеран замешан в махинациях, находится под следствием, и такой человек не может быть главой района. На основе этой телеграммы печатается листовка. Эта листовка – на каждом заборе и столбе района.

Страсти накаляются. Ходоки – в областной центр к Ветерану. Так, мол, и так. Но мы не сдадимся, а ты не снимай свою кандидатуру. Теперь демократия. Указка сверху нам не указ.

И вот начинаются выборы. С избирательных участков докладывают – сколько за кого подано голосов. Выясняется, Ветеран даже несколько опережает Своего. Но глава предвыборного штаба Своего спокоен: сколько бы голосов Ветеран ни набрал, ему все равно не быть главой

района. На то и туз в рукаве! Голосуй не голосуй, а выберут кого надо.

Все же как ни старался административный штаб – должного процента голосов за Своего не обеспечил. Его опередил Ветеран. Только и ему для полной победы голосов не хватило. Должен быть назначен второй тур выборов. У народа есть время подумать. А за этот срок может всплыть правда и о подметной телеграмме, и о подпольной типографии, и о вызовах руководителей на ковер. Да мало ли что всплывет!

И тут вынимается припрятанный туз! После подсчета голосов объявляется, чего никто не ожидал: поскольку голосование велось до двадцати двух часов вместо положенных двадцати, выборы считать недействительными.

Они все предусмотрели! Победи Ветеран – результаты выборов можно вполне законно аннулировать. Победит Свой – ну кто же обратит внимание на такую малую неточность в режиме работы избирательных участков? Тонкая казуистика!

Целым штабом не обеспечить победу Своему с первого захода – это, считай, поражение. И слетели с кресел! В первую очередь в департаменте сельского хозяйства. Специалист, главный специалист, начальник отдела, сам начальник департамента. И даже сам самый главный – замгубернатора, глава выборного штаба по продвижению Своего. Не оправдали доверия, не выполнили задачу.

А кто виновник всего? Конечно, Ветеран. Ату его, ату! На него спустили всех полканов. Сверху звонок руководителю компании, где он трудится, – уволить! Руководитель компании вызывает на ковер начальника юридического отдела: «Как хочешь увольняй – не то сам уволен!»

Начальник юротдела – к Ветерану со слезной просьбой уволиться. Но тот мужик упертый. Ни в какую! Тогда отдел его сократили, отсадили под видом ремонта помещения в кабинетик для уборщиц, где нет ни внутреннего, ни городского телефона, лишь стол, стул да голые стены. Ну прямо узник Петропавловской крепости! Ходит в эту клетушку на работу. А какая работа, когда изолирован и никакой связи с миром? Походил, походил Ветеран, помаялся, помаялся, видит: плетью обуха не перешибешь. Подал заявление. Думал, этим все ограничится. Нет, не ограничилось! Потеряли работу и сын его, и дочь. Чтобы понял, куда полез, против кого попер. Чтоб не посмел впредь высунуть свою кандидатуру. В

итоге все волнения и переживания, особенно из-за детей, всерьез подорвали здоровье Ветерана. Не до выборов – быть бы живу!

Вот такие пироги, такие выборы на альтернативной основе, такая демократия. Воистину, все со временем переходит в свою противоположность. Взять Европу. Демократия превратила ее в проходной двор. На глазах она перекрашивается в оттенки черного и шоколадного. Выходцы из Африки и с Ближнего Востока наводнили страны и диктуют свои порядки. Демократические принципы не позволяют европейцам в своей же стране самих себя защитить. Скорее всего, точка невозврата уже пройдена. Так что какую Европу с ее хваленой демократией! Видать, демократия – палка о двух концах. Скажем, проходит какой-нибудь конкурс. Стало хорошим тоном опрашивать общественное мнение, проводить по интернету онлайн-голосование. Вроде бы это подчеркивает демократичность выявления победителя. Но, говорят, есть специальная компьютерная программа: нажал на кнопку – и программа сутками сама по себе вбрасывает голоса за кого надо. Может, чудеса еще впереди. Научно-технический прогресс не стоит на месте.

А что творится в США, где мнят себя оплотом демократии? Взять там выборы президента. На что только не идут ради победы своего кандидата! Выборная кампания с каждым разом все причудливей и причудливей. Уже мертвецы встают из могил и голосуют. Несколько лет, как усоп, а все равно голосует. Такого кладбищенского электората выявлено тысячами. А у нас про такое я не слышал. У нас выборы проходят гораздо лучше.

ВАКЦИНАЦИЯ, или СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ

Коронавирус по планете косит... Положение все тревожней. Для коллективного иммунитета хорошо бы иметь процентов восемьдесят вакцинированных. Во всех средствах массовой информации все настойчивее убеждают прививаться. И правильно! Но и антипрививочники не дремлют. Везде долдонят свое: мол, это нас планомерно уничтожают. Они создают свои сообщества по борьбе с вакцинацией. А на Западе что делается! Устраивают демонстрации протеста и погромы. У нас до этого не дошло, но гласное и негласное сопротивление налицо. Из-под полы торгуют фальшивыми сертификатами о прививке. По телевизору показали, как врач за взятку

вместо вакцины ставит витамины или дистиллированную воду, а вакцину сливает в раковину. Бороться надо со всем этим! Надо заставить подобный порок жизни работать на благое дело. Но как?

Я работаю в пункте вакцинации. Нам главное – уберечь людей. Для этого годны любые средства. Так я для себя решил. И пошел на вербовку малосознательных граждан.

Прихожу на собрание антиваксеров. Высматриваю среди них, по моему мнению, самого подходящего. Отвожу его в сторону, начинаю доверительную беседу. Вы же понимаете, говорю, что гайки закручиваются все туже. Теперь без сертификата мало куда пустят. Купленные сертификаты о вакцинации чреваты большими неприятностями: штрафами и судебным преследованием. А оно вам надо? Я же предлагаю безопасный вариант со стопроцентной гарантией. Какой? Вы приходите на прививочный пункт, когда я там на смене. Мы предварительно согласуем по телефону, я свой номер вам оставляю. В означенное время приходите, я вам вместо вакцины введу витаминку, поддержу ваш организм. А официально по документам вы как бы прошли прививку. И получите на законных основаниях сертификат.

Его такой поворот вполне устраивает. И резонный с его стороны вопрос: а сколько это стоит?

Я бы этим антиваксерам с радостью объявил: бесплатно вам всем вместо вакцины витаминки проставлю! Но могут не поверить, не поймут и не придут. Как это – бесплатно? Мы к этому не приучены, тут явный подвох. Подозрительно это! Вот и выходит, что самый убедительный аргумент – взятка. Как ни крути, все равно придется брать.

А куда потом эти деньги девать? Тут я особо голову не ломал. Самое подходящее место – детдом. И детям будет счастье, и мне вдвойне благое дело: стране помогу укрепить коллективный иммунитет и детям помогу.

Антиваксеру на вопрос, сколько это будет стоить, я назвал сумму за каждый укол. Если вакцину вводить в две стадии, скажем «Спутник V», то вдвое дороже. Но сумма, которую я назвал, все равно была вдвое меньше, чем у других взяточников, которых изобличают и показывают по телевизору. Такую детализацию озвучил я человеку для пущей достоверности и убедительности. И кажется, убедил. Дал ему номер своего телефона и попросил другим его единомышленникам тоже

замолвить словечко. Но только по секрету и только надежным людям. Сами, мол, понимаете, с этим теперь строго! Я себя подвергаю большому риску: можно и медицинского диплома лишиться, за взятку и служебный подлог под суд загреметь.

Судебные последствия я тоже хорошенько просчитал. А за что меня судить? Я же не собираюсь колоть этим антипрививочникам витаминки. Они получают настоящую вакцину по полной программе! И если что-то и пойдет не так, они что – жаловаться пойдут? Мол, с медиком мы так не договаривались. Он обещал витаминки вколоть, а вместо этого всадил вакцину. А я против!

А-а-а, ты против?! Зачем же тогда анкету заполнял, добровольное согласие на вакцинацию подписывал? Получил то, что просил! Еще вопросы есть?

Есть. Он еще взятку взял. Я ему незаметно, как он и сказал, в карман халата сунул.

Скажут: это хорошо, что сам сознался! За дачу взятки ответишь по закону!

А кто взятку взял, тоже ответит по закону?

Нет, не ответит. Он написал заявление: неизвестный, желая его скомпрометировать, сунул ему в карман деньги. Он их обнаружил позднее и передал детскому дому, что подтверждается документом о благотворительном взносе.

Так что мое дело верное, мое дело правое!

Посыпались мне звонки от желающих вакцинироваться. В нашем прививочном пункте прежде людей бывало не особо много, а тут как плотину прорвало! Народ валит и валит. И детдому радость: денежка течет и течет.

Остальные медработники стали подмечать, что желающие привиться почему-то именно меня спрашивают. Очередь ко мне растет, и любопытство медиков тоже растет. Поначалу на все вопросы я отшучивался: мол, волшебное слово знаю, гипнозом владею. Но вскоре за мной закрепилась репутация умелого организатора вакцинации. Пригласили меня в горздрав, предложили возглавить эту работу в целом по городу. Отчего же не возглавить? На новой должности и горизонты новые: можно привлечь надежных однокурсников, соратников, единомышленников. А заодно просветить насчет детского дома.

В городе за короткий срок показатели улучшились. Меня выдвинули в министерство здравоохранения области. В итоге наш регион оказался первым в стране по показателям вакцини-

рования. Тут дело, конечно, не в одних только антиваксерах. Разработали комплекс мер, включая кнут и пряник, психологов, менеджеров... Меня пригласили поделиться опытом в Министрство здравоохранения страны. Там я изложил свои соображения и поставил ряд вопросов. Мне говорят: эти вопросы вне нашей компетенции, мы вас направим на заседание правительства. В назначенный день изложил, какие нужны меры, какие законы, чтобы сберечь здоровье народа и вообще улучшить жизнь. В правительстве выслушали и сказали: предложения интересные, но мы законов не принимаем, вам надо в Госдуму.

В Госдуме речи и прения, конечно, идут в жарких спорах, там всю демократия. Можно и не стесняться в выражениях, резать, так сказать, правду-матку в глаза, невзирая на лица. Как это делают депутаты. Но вдруг только им одним так позволено? У них же иммунитет! Нет, не против коронавируса, а от судебного преследования. Им-то можно остро критиковать все и вся, им за это ничего не будет. А если я так начну? Не выведут ли меня под белы ручки в наручниках?

Эх, была не была! Смелее, раз уж добрался до главной народной трибуны! Дальше Сибири не сошлют, я и так там живу. Ну, я и начал.

Граждане-товарищи-господа думцы, сказал я. Еще не забыто, как в этих стенах принимались законы о приватизации всенародного имущества. Как устраивались залоговые аукционы, где доверенные лица, не вложив своего ни рубля, становились владельцами заводов, фабрик и других общенародных предприятий. Это справедливо?

Это было несправедливо, признавался потом в теледебатах олигарх Прохоров. Но тогда законы были такие, говорил он, а мы действовали по закону.

Конечно, по закону! Но будущие олигархи эти законы сами же и пролоббировали. Понятно, что приватизации обратного хода не будет. Уж об этом постарались. Так и будет углеводород перекачиваться по трубам за кордон, а оттуда уже денежный поток направится в офшоры на счета олигархов. Бюджету страны достанутся остатки. И с этим теперь уже ничего не поделать. Или можно?

Возьмем другую беду – коррупцию. У нас нет смертной казни, и взяточник знает: если сядет – откупится, деньги есть, чтоб скостили срок. Поэтому ему не смертельно страшно. Так какие же

вам нужно принять законы, чтобы коррупционные преступления пресекались эффективней? Вы, конечно, работаете в этом направлении. Один из принятых законов позволил снизить число преступлений мелкими коррупционерами более чем вдвое. Но в чем суть закона? Им реальные сроки заменили судебными штрафами. С освобождением от уголовной ответственности. Мелкий, понимаешь, коррупционер. Ну да! Это он сейчас мелкий, а как заматерееет – и отца родного, и мать Родину заложит. Залоговый аукцион, понимаешь. Надо наступать на коррупцию более широким фронтом. А это непросто. Коррупционеры то и дело защищают свои интересы путем подмены: выставляют борцов с ними нежелательными элементами и преподносят угрозу своему личному благополучию как угрозу стране. Господа думцы! Так примите такие законы, которые давали бы борцам с коррупцией неприкосновенность. Как вам, депутатам. Чтобы они имели всяческое содействие в работе. Как вы, депутаты. Вот это с вашей стороны будет такой же неожиданный ход, какой я предпринял в борьбе с антиваксерами.

...Да что ты все встреваешь! Лучше дров в костер подбрасывай, а фантазиям не мешай!

В КОНЦАХ УЛИЦ – ПО АЛЕКСЕЕВУ

В жизни бывают такие совпадения, такие странные случаи! В этом убеждался неоднократно. Что-то происходит так, как не бывает, не должно быть или же такое почти невозможно...

Мой дядя Ваня переехал в Банново. Вслед за ним потянулась и наша семья. В то время я перешел в четвертый класс.

– Ты уже взросленький, – сказала мать. – Поедешь к отцу. Будешь коней пасти с напарником вместо отца, пока он нас перевезет. Поплывешь, сынок, на катере, найдешь дом Ивана Алексеева, брата моего, там сейчас отец твой и квартирует.

Мама довезла меня на телеге до Елыкаева. Ждем, когда подойдет катер из Кемерова. Я знал, что будет возможность порыбачить на Томи, и прихватил с собой удочку. Взял хлеб из узелка с едой на дорогу. На хлебный мякиш и червей надергал с отражателя из бревен плотвичек, окушков, несколько пескарей да ершей. Так что мама повезет домой рыбки на ушницу.

Клев прекращается, я сажусь на телегу рядом с мамой. Пока нет катера, она еще раз дает

мне наставления. Я должен доплыть до Ивановки, там попросить, чтобы меня переправили (может, и паромная переправа действует), а потом на другом берегу добраться пешочком до Баннова. Моя дорога будет вдоль электрических столбов. Так что не заблужусь. Если будет попутка, не стесняться попросить, чтобы подвезли до деревни. Первый дом справа и будет моего дяди Вани.

Сел на катер, отчалили. Мать долго еще машет мне прощально, не заворачивая Лысанку домой. Я поплыл навстречу неизвестности. Тогда еще не было быстроходной «Зари»; катер по Томи, да еще против течения, тащится медленно. Мне все интересно, любуюсь видами. По правому берегу взбираются ввысь хвойные деревья, а на левом – поля и перелески. Временами нет-нет да мелькнет беспокойная мысль: как же я переплыву через Томь, как доберусь и как найду в чужой деревне своего отца? Расспрашиваю у попутчиков, далеко ли до Ивановки. Скоро уже, скоро. А сколько километров от Ивановки до Баннова? Километров шесть. Вполне можно дошагать до темноты.

Вот наконец приближается Ивановка. Пристально вглядываюсь вперед, отыскивая паром или лодку, которая может меня переправить на другой берег. Но ничего не вижу. Да и столбов что-то не видно. Может, мать что-то перепутала? Может, мне не рисковать с переправой, а причалить где-то на левом берегу, а там по-любому доберусь до Баннова, язык ведь до Киева доведет. Вновь расспросы у попутчиков. А после Ивановки какая следующая остановка катера? Змеинка. Дорога оттуда до Баннова имеется? Конечно! А сколько от Змеинки до Баннова? Километра три. Так это вдвое ближе, чем от Ивановки! Лучше сойти в Змеинке, все одно в Ивановке нечем переправляться, а в Змеинке, может, повезет да и путь вдвое короче, можно быстрее добраться до темноты.

Вот отчалили от Ивановки, плыву дальше. Змеинка. Тоже что-то не внушает доверия. Ни лодок, ни паромов, ни людей на берегу. А следующая деревня какая? Крапивино. На каком берегу? На левом. Уже теплее! Переправляться не нужно. А, была не была, поплыву-ка до Крапивина!

Сошел на берег к вечеру, часов в семь. Оказалось, катер причаливает в одном конце Крапивина, а дорога на Банново – в другом конце. Когда пересек весь поселок, уже повеяло вечерней

прохладой. Вышел на окраину. Электрические столбы уходят вдоль дороги. Может, мама что-то перепутала? Может, она имела в виду не Ивановку, а Крапивино? Тем более встречные прохожие сказали, что именно эта дорога вдоль столбов ведет до Баннова.

Начало июня. Грунтовая дорога довольно сухая. Земля прогрета. Мой брат двоюродный Володя жил в Баннове. Когда он приезжал к нам в гости, какой только жути не рассказывал про его окрестности! Беглые тюремщики подкарауливают людей, грабят их, могут даже убить. Они мстят за свою неудавшуюся жизнь кому ни попадя, и ночь темная укроет их преступления. А засветло и я сейчас вряд ли доберусь. От Крапивина до Баннова, как сказали, двенадцать километров! Это вдвое длиннее, чем от Ивановки. Зачем я не послушался маму и не высадился там? Уж не заночевать ли мне под придорожным кустом? Лучше уж здесь, поближе к жилью, чем где-то в неизвестности.

За околицей, пройдя метров пятьсот, замечаю подходящий куст, под ним можно соорудить подобие шалаша. Надергиваю травы, наламываю веток. Какое-никакое укрытие. Устраиваюсь. Прокоротать ночь можно. Сижусь, жду неизвестно чего. Но вот напасть – комары! Отмахиваюсь, отмахиваюсь, озираясь по сторонам. Да я же расположился на ночлег неподалеку от кладбища! Всплывают в памяти жуткие кладбищенские истории, которые рассказывали ребята постарше. Нет, прочь, прочь отсюда! Пока не стемнеет, сколько пройду – столько пройду. А там видно будет.

Иду, невольно убыстряя шаг. Вот речушка с мостиком. По бережкам высокая трава, талинник, березки и даже есть жидкие пихточки. Слева впереди видна деревянная вышка. Отличное место наблюдать за дорогой беглецам-разбойникам. Может, стоит мне остановиться здесь? Если меня уже заметили, будут искать. Тут можно надежно спрятаться. Лезу в талинник. Но там болото! Не разночущесь! Хоть и страшно, но надо двигаться дальше. Шагаю, невольно косясь на вышку. Что делать, если меня заметят и окликнут? Отозваться или дать деру? А куда убежишь в открытом поле? Вот на вышке вроде что-то мелькнуло. Не убыстряй шаги, могут подумать, что я их заметил, и кинутся вдогонку, чтобы никому я не рассказал, где они прячутся. А так откуда они могут догадаться, что я их за-

метил? Главное, не трусить и не терять выдержки. Чтобы отвлечься, лучше считать столбы. Но взгляд так и тянет в сторону вышки. Напряжение спало, когда с верхушки слетела стая ворон. Прибавил шаг. Облегченно вздохнул, когда вышка осталась позади. Стало веселей. Уже и мыслей нет заночевать в чистом поле. Комаров, что ли, кормить? Шагаю и шагаю.

Наконец в отдалении обозначилась водокачка. Дошел, значит! Вот строения скотной фермы стали различимы. Точно так, как рассказывала мама. Вхожу в деревню. Уже пригнали пастухи стадо по вечерней зорьке. Коров разбирают по дворам. У первого встречного спрашиваю, где живет Иван Алексеев. Человек указывает на дом. Так и есть: первый при входе в деревню по дороге вдоль столбов, как и рассказывала мама! Она, выходит, перепутала Ивановку с Крапивино!

Захожу во двор. По каким-то мрачным темным коридорам из поленниц и досок добираюсь до сеней. Никого нет. В полумраке нащупываю дверь в дом, открываю – где-то в боковой комнате голоса. Наконец-то добрался! В сердце радость, в душе гордость оттого, что я сам, самостоятельно впервые пропутешествовал на такое дальнейшее расстояние и, несмотря ни на что, добрался до цели. Сейчас увижу отца, дядю, его семью. Они наверняка вечеряют. Чувствую, что и сам здорово проголодался. Прислушиваюсь к голосам. Отца что-то не слышно. Может, он еще не вернулся с работы? Да и другие голоса какие-то чужие. Заглядываю в дверной проем – точно, чужие люди! Что делать? Повернуться и потихоньку уйти? А вдруг они заметят, получится, что я прокрался незаметно. Для чего? Они, конечно, подумают, что зашел что-то своровать. Неудобно получится. Лучше объявиться.

– Извините, – говорю, выходя на свет. – Я ошибся. Не туда зашел.

Быстро покидаю дом. Стою потерянно на улице. Может, это совсем другое село? Может, меня разыграли? Но зачем? Прохожих на улице не видно. Раз зашел в дом, надо было хорошенько расспросить, люди подсказали бы, помогли. А теперь назад возвращаться неудобно. Что делать? Чужое село. Никого не знаю. Вечер. Может, я не в то село попал?

– Это село Банново? – спрашиваю у очередного прохожего.

– Да, Банново.

– А в этом доме кто живет? Иван Алексеев? –
указываю на дом, откуда только что вышел.

– Да, Иван Алексеев.

Да что это такое? Голова кругом! И тут я неожиданно вспоминаю мамины слова, что мой дядя Иван Алексеев живет на улице Боярке!

– Это улица Боярка? – спрашиваю.

– Нет. Та улица за мостом через Банновку. Направо, за сельсоветом.

Получив наставление, шагаю дальше.

Дохожу до моста. А тут навстречу пацаны. Увидев чужака, стали кидать в меня камешки. Их трое, я один. Я – под мост, где и галечника больше, и для них меньше шансов попасть в меня. Они в меня пуляют, я – в них, близко к себе не подпускаю. Наконец они ушли. Я выбрался из

укрытия и пошел до сельсовета, а потом на конец улицы Боярки. Точно, вдоль по улице, а потом и дальше за околицу, как я догадался, до Ивановки, уходят столбы! Теперь я уже легко нахожу дядин дом.

Вхожу. Ужинают. Отец мой за столом, дядя Ваня с семьей.

Так началась новая страница моего детства...

В это трудно поверить. Как такое может быть? Входишь по дороге вдоль столбов с одного конца села – первый дом Ивана Алексеева. Входишь с другого конца села по дороге вдоль столбов – первый дом тоже Ивана Алексеева!..

Улица полна неожиданностей, жизнь – странностей.

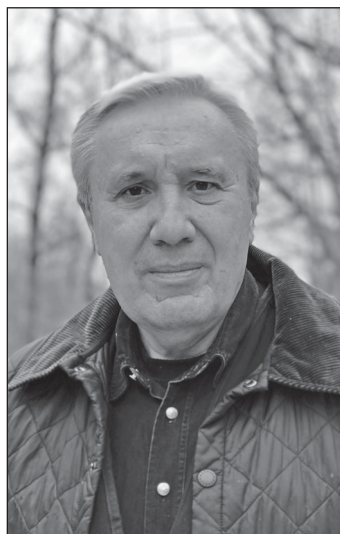


Поздравляем Андрея Владиславовича, замечательного поэта, неутомимого труженика и подвижника русской поэзии, с 70-летним юбилеем!

Желаем сибирского здоровья и творческого долголетия!

Андрей ШАЦКОВ

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ – ЭТО НА ВЕКА!



ЗАВЕЩАЮ РОССИЮ

Задолго до Светлого праздника вешнего
От комля столба, у заставы стоящего,
Под кашель простуженный старого лешего
И шорохи льда, переправы мостящего,

Метет по дорогам пурга-околесица.
Но дело немётно, как водится исстари.
Опять начинается месяцев лествица
От печки, где ели горят серебристые.

Беременна прошлого года загадками,
Пришла января суетливая проза.
Опять Рождество с надоевшими Святками.
Опять на Крещение не будет мороза.

Под утро опять одолеет бессонница
И скрип половиц под шагами неслышными.
И дело к разлуке негаданной клонится,
Печальной разлуке под старыми вишнями.

И Виевы веки сомкнутся усталые.
Века разомкнутся в пространстве и времени.
И лишь снегирины сполохи алые
Рассыплются искрами в траурной темени...

Но звон колокольный густою октавою
Разбудит вчерашние сумерки синие.

Я в них остаюсь за чертой, за заставою,
А вам, сыновья, завещаю Россию,

Где никнут березы над прахом отеческим,
Над зимником, битым стальными полозьями,
В края, где не пахнет жильем человеческим
И звезды висят самоцветными гроздьями

Над русской землею, как ворот распахнутой
От скал, где бушует волна океанная,
До степи полынной, нагайкой распаханной,
Где Разина песня звучит окаянная!

ДВАДЦАТЫЙ

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Перышко скребется по бумаге.
Словно вновь пришел двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевюот официоза...
Елка настоящей была –
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нес свою метлу,
Деревенский дворник – дядя Федя.
Теплый хлеб давали ко столу
И компоты – школьникам в буфете.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор тринадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург). Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Живет в Москве и Рузе.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сражение.
И в хоккейной шапочке Бобров
Поражал игрой воображение...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчеей в квартире,
Где ты, мой двадцатый, золотой,
С орденом Победы на мундире?!

Где ты, черно-белое кино?
«Огоньков» эфирная программа?
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека
В деревянной рамочке-квадрате...
Век двадцатый – это на века!
На другие – времени не хватит!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Полуночный шелест ледостава.
На деревьях иней бахромой.
Ельник как последняя застава
Между чернотропом и зимой.

Я еще стою на чернотропе,
С белою щетиной в пол-лица.
Замерзая, всхлипывают топи,
Так и не поверив до конца

В смертный саван, тот, что без обмана
Расстилает первая метель...
Но выходит месяц из тумана,
Словно детства солнечный апрель.

Обернусь назад, где за холмами,
Там, где дым Отечества плывет,
Я бежал босым навстречу маме,
Начиная в будущность полет.

И, кружа со стаей снегириной
Над страной, где зреют зелена,
Нес на шее образок старинный,
Тот, что мать надела на меня,

Веря в то, что, совладав со тьмою,
Сполохами звездного венца
Снегири вернутся в дом – зимою,
Чтоб остаться с прошлым до конца.

ЗВЕЗДА ДЕКАБРИСТА (монолог поручика Анненкова)

Французская шляпка, вуаль,
Фигура, обвитая флером...
Гори же, моя этуаль,
Гори над острожным забором.

За Нерчинском – только Восток.
А мысли уносят на запад,
Где в прошлом – шампани глоток,
Где в прошлом – волос твоих запахов.

Но Бог не услышит молитв.
Отплясана жизни мазурка.
Он крепок пока – монолит
Гранитных столпов Петербурга.

Штыков ошестиненных сталь,
Халат арестантский, куртина.
Гори же, моя этуаль,
Звезда декабриста – Полина!

До самой последней черты
Не будет лукавей кошмара:
Острог предвесенней Читы,
Венчание в церкви старой.

Кольцо из чугунной цепи.
Взахлеб поцелуй на морозе.
Конвойного оклик: «Не спи!»
И сани невесту увозят.

Я клятву свободе сдержал.
Имперская служба постыла.
Всеобщего счастья желал,
А счастья себе – не хватило.

Кандальная злая печаль.
Набухшая почками верба...
Гори же, моя этуаль.
Даруй вдохновенье, Эвтерпа!

НОЧНАЯ СТОРОЖА

Памяти старшего сына Димитрия
(10 марта 1980 – 21 июня 2016)
с горечью посвящает автор

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждешь?
В пойме реки Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь полсотни
Прапором осенить?

Да не поглотит темень
Нами зажженный трут.
Семка, Игнатий Кремень,
Гридя – не подведут!»

«Сыне, тебе не пришло
С воями в пекло лезть».
Скажет Боброк: «Не дело!»
Скажет Бренок: «Не в честь!»

Взгляд его светлый строже
Сделался и синей.
«В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем –
Смертным грехом отца.

Души летят, как кряквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж в оконной раме: «Руза спит».
Морозной вязью – на стекле название.
И даже вьюга – Божье наказание –
Затворницей ушла в еловый скит.

Завороженный кистью января,
Я не оставлю пост свой полуночный.
На городок из прошлого лубочный
Еще не пала робкая заря.

Собака спит. Чело печи в золе.
И Спас глядит пронзительно и строго,
Как утопает в замети дорога,
Как без движенья стилос на столе

Лежит поверх нетронутых бумаг
Предвестником поэмы о печали,
Которой, очевидно изначале,
Название будет: «Горе от ума».

97

На сотни верст, на сотни дней окрест
Лежит загадкой белое пространство.
И светит с неба полумесяц ханства
На птичий след – на русских вранов крест.

Я эту ночь, что минула без сна
С бесшумною повадкой снежной рыси,
Возьму с собой в заоблачные выси,
Когда придет последняя весна!



**Анатолий
КИРИЛИН**

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО, В РОССИИ-МАТУШКЕ...



1

Вроде не время еще приступить к мемуарам, возраст не вышел. Однако оглянешься на каких-нибудь пять – семь лет назад – и оторопь берет, как много поменялось за это время во вне и в нас самих. Не буду льстить себе, что многим интересно вместе со мной вспомнить, а кому и узнать заново то, к изложению чего приступаю. Да и зачем – многим? Заблуждение, будто художник творит для масс, истаяло. Кстати, в этой связи и оценка графомании, величайшей из эпидемий, поменялась. Не для славы, оказывается, пишут – какая она теперь, слава у литератора? Два десятка модных имен на всю великую, самую читающую до недавних пор страну. Стало быть, пишут из неистощимой любви к самому процессу. Ну да ладно, это разговор отдельный.

А предмет сегодняшнего разговора – давний спор о патернализме в области литературы. Рассмотрим здесь ее как отдельную отрасль культуры и искусства. Хотя до сих пор считаю ошибкой (случайной ли, умышленной – не будем сейчас разбираться) Алексея Максимовича Горького, впервые употребившего соединительный союз «и» в сочетании «литература и искусство». Тем самым великий

пролетарский писатель не соединил, а отделил одно от другого.

Итак, патернализм, или, более по-русски, покровительство, поддержка государством литературы через оказание финансовой, издательской и прочей помощи труженикам в области изящной словесности. В прошлые, не такие давние времена, называемые советскими, необходимость сего оспаривалась в основном нашими зарубежными недругами и так называемыми писателями-диссидентами, среди которых, к слову сказать, по-настоящему талантливых художников было не меньше, чем среди обласканных властью.

Для любителей забежать вперед с опозданием выводов сразу скажу: нет у меня однозначного ответа – про или contra. Тогда не было, и сейчас нет.

1982 год. Новосибирск. Всесибирский семинар молодых литераторов. По масштабам, представительности и количеству участников, пожалуй, ни до того, ни после в Сибири такого не было. Достаточно сказать, среди поэтов-руководителей был замечательный русский стихотворец Юрий Кузнецов, критиков возглавлял известный литературовед Александр Михайлов. Замечу, что впервые на литературном семинаре главенствующую роль играли именно критики, а не, как обычно, маститые или более

КИРИЛИН Анатолий Владимирович родился в 1947 году в Барнауле. Автор семи прозаических книг, изданных в Барнауле и Москве. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай» и др. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

менее известные писатели. Критики приехали из Москвы молодые, «неочлененные» (не вступившие еще в Союз писателей), под стать участникам семинара. В нашей делегации из молодых были Владимир Соколов, Владимир Бровкин, Стас Яненко, Евгений Гаврилов. Из руководителей, а скорее это была группа поддержки, – наша мощная артиллерия: Евгений Гущин, Владимир Башунов... Невольно вскринешь, назвав имена: да большинства уж нет! Еще и поэтому считаю возможным сегодня обратиться к тем дням. А что касается группы поддержки – никакого преувеличения. Евгений Гущин настолько проникся необходимостью своей миссии, что, опоздав на два дня, явился с двумя караваемы хлеба и парой бутылок водки. Все оказалось кстати: к тому времени у казначея алтайских семинаристов Жени Гаврилова украли все общественные деньги. Да, у писателей все как у людей.

В нашей группе прозаиков были в основном омичи: Юрий Виськин, Анатолий Чепкин, Павел Брычков, Алексей Декельбаум. Да нас двое из Барнаула – Владимир Бровкин и я. Понятное дело, землячество не могло не сыграть свою роль. Лупили нас с Бровкиным превосходящими силами. Руководители – те самые, «неочлененные», москвичи Владимир Куницын и Александр Неверов. Сейчас, по прошествии десятилетий, они давно уже члены Союза писателей, авторы книг, сборников критических статей и серьезных монографий. Куницын возглавляет секцию критики в Московской писательской организации, Неверов – заместитель редактора одной из столичных газет. Наверно, повзрослев, они стали терпимее и мягче, а тогда кулаки зудились по-молодецки и не было пощады ни дружным омичам, ни разрозненным барнаульцам. Приходил Жень Гаврилов, попавший в другую группу, пытался отбить Владимира Бровкина с его замечательно не похожими ни на что рассказами (чего стоит одно название – «Корова на Луне»!), досталось заодно и Жене. Хотя московские критики оценили его великолепную филологическую подготовку и дар ритора. К слову. Сегодня, разбираясь в современном потоке новоизданий и рукописей, диву даешься, как низок не то что культурно-исторический, филологический, но даже попросту общеобразовательный уровень авторов – будь то проза или поэзия. Жень Гаврилов, прожив все-

го двадцать восемь лет, был высокообразованным, начитанным литератором. Он успел издать всего одну небольшую книгу рассказов. Тонкая, пронзительно-чувственная проза его выросла из природного таланта, орошенного глубокими знаниями. Бывает знание без таланта, бывает наоборот. Думаю, и то и другое, существуя порознь, разве что за редким исключением, литературе не сулит ничего хорошего.

На этом семинаре не раздавали куличей. Бескомпромиссные обсуждения, литературные баталии об уровне современной прозы и поэзии принесли куда больше пользы, чем поиск неопитов. Впрочем, были и открытия. Помню утро, когда наши руководители (наши же сверстники, напомним) явились с помятыми лицами и объяснили свой недосып знакомством с удивительным писателем и исполнителем собственных песен Николаем Шипиловым из Новосибирска. Именно тогда впервые услышали мы это имя, ставшее впоследствии в моей жизни очень важной ее частью.

– Он куда сильнее Высоцкого! – заявил Владимир Куницын.

93

Вряд ли кто тогда всерьез отнесся к этому заявлению, но Куницын оказался прав, имея в виду силу любви и великодушие. Да и силу таланта.

Сегодня замысел и организация того семинара видятся по-особому. Прежде всего, особенность эта в том, что молодые обсуждали молодых. Им вместе входить в литературную жизнь – поэтам, прозаикам, публицистам и критикам, вместе набивать шишки и праздновать успех. Когда у кого случится то, другое, третье и случится ли вообще – как кому судьбой положено, однако первый шаг они все уже сделали.

И разъехались семинаристы по домам, каждый со своим уроком за плечами, со своей головной болью и планами. Кто, казалось бы, стал думать о выполнении поставленной задачи, того самого замысла? Разъехались – работайте. Все так, но вместе с этой работой, главной, конечно же, для творца, шла другая – там, в Москве. И разворачивали ее в первую очередь те молодые, жестокосердные критики, которые свою жизнь в столице использовали не только для развития собственного успеха.

Впрочем, кто и каким образом успех этот самый для себя оценивает – вопрос.

Но я опять забежал вперед. Первым после семинара написал мне омич Юра Виськин. Случилось это не сразу, может год спустя. Очевидно, всем нам понадобилось время для осознания того, что было на встрече в Новосибирске. Приведу несколько фрагментов из того письма. «Перечитал твою книгу, заново все переосмыслил. Какие глупые все мы были на том семинаре! С нетерпением ждал выхода твоей повести в «Литературной учебе», дождался... Вычитал свою верстку в «Молодой гвардии», отослал. У Брычкова скоро выходит исторический роман, но до книги его еще обещают напечатать в журнале «Сибирские огни». Молодец, он теперь заканчивает второй и уже сидит в архиве, набирая материал на третий... Декельбаум напечатался со своими вещами в коллективном сборнике, сейчас этот сборник отослали в Москву на рецензию... Денег катастрофически не хватает. Родилась дочь, ей сейчас уже четыре месяца, сам понимаешь, не до работы. А так было бы здорово получить приличный аванс из издательства и бросить свою инженерную каторгу. И засесть за письменный стол... У нас образовалось литературное товарищество, в него вошли те, у кого уже есть книга или серьезные публикации. В общем, это уже повыше, чем литобъединение... Видел в «Литературной России» твою подпись под письмом писателей России. Это письмо я поддерживаю полностью и подписался бы под ним, не задумываясь ни на секунду...»

Написал и Алексей Декельбаум. «Тебе мое письмо как снег в июле. Четыре года прошло. Давно уже хотел написать, выпросить твою книжку. Честное слово, старик, мне она нужна. Моя первая книжка вышла еще в 1981 году, вторая в плане на 88-й, но до сих пор нет заключения Госкомиздата. Времена меняются, а сатира как была, так и остается под колпаком у множества ответственных паразитов, которые отлично понимают, что запрет ни к чему не обязывает, а разрешение чревато ответственностью...»

Пришли письма от Павла Брычкова, Анатолия Чепкина, давно перешедшего возраст «молодых писателей». У всех – работа без края, бытовые, издательские и прочие трудности, и ни у кого паники, нытья, жалоб.

Я здесь упомянул лишь об омичах, но были еще новосибирцы, красноярцы, томичи, побывавшие на том семинаре и хотя бы изредка, но напоминавшие о себе в письмах. К тому времени прошли подобные семинары в других регионах страны, уже состоялось VIII Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве (май 1984 года), где встретились старые знакомые и у многих появились новые. Об этом совещании я расскажу далее.

Мы почувствовали, что появились некие нити, связывающие нас, разбросанных по всему великому Советскому Союзу. Да, мы сами хотели того, мы жаждали этих связей, но, как сейчас я это отчетливо понимаю, одних лишь наших желаний и стремлений было недостаточно. Что поделаешь, большую часть своей жизни замкнут писатель в ограниченный круг общения и самого жизненного пространства. А теперь, скажете вы, ответь нам на вопрос: зачем вам и прочим, вам подобным, эти самые связи? Писатель индивидуален, обособлен, одинок – и слава богу! Помнится, было время, у нас в Барнауле пытались на праздничную демонстрацию выстроить колонну писателей. Да они не выстраиваются ни в какие колонны, ни в какие сообщества, разве что объединяются по некоторым признакам, далеким от литературы. Как, например, в Союз писателей, который рассыпался, распылчился на несколько союзов, едва только заштормило в обществе, залихорадило страну... И правда – зачем? Очень трудно сейчас ответить, признаюсь. Сейчас, когда поэту и литературному деятелю из Оренбурга Геннадию Хомутову вряд ли пришла бы в голову мысль читать и предлагать другим стихи барнаульского поэта Владимира Башунова. А потом взывать в письмах к его друзьям: остановите Башунова, что он делает, он же накликает на себя беду!.. (Останови поэта, как же! Это он властелин мира, он читатель судеб!) И разве стал бы сейчас замечательный прозаик из того же Оренбурга Петр Краснов заставлять не очень внимательных руководителей московских семинаров вчитаться в рукопись молодого писателя из далекого Иркутска? Поднялся бы сегодня со своего тихого писательского места удивительный прозаик из Омска Александр Плетнев, чтобы защитить от партийно-издательского произвола безвестного литератора, живущего за тысячу верст? Они это делали тог-

да, в те времена, о которых сегодня идет речь. И, уверен, то самое они делали бы и сейчас. Да вот беда, взывать не к кому. Нет даже тех трижды проклятых злодеев, держащих в идеологической узде литературный процесс. Нет гонителей, нет гонимых, нет судей и посредников. Другие ценности, другие ориентиры...

И вот письмо Владимира Куницына из Москвы. «Дорогой Толя! Большущее спасибо за твое письмо. Такие письма заставляют вновь и вновь пристально всматриваться в свою работу, а главное, они поддерживают и укрепляют в мысли, что, может быть, не напрасно все. И еще – это большая радость ощущать, что где-то далеко в России-матушке живет твой товарищ по делу, который понимает тебя и думает о том же. Возникает дорогое чувство трудового братства. Нет расстояний, когда одна Родина. Я все же перешел на работу в «Литературную газету» и первое, за что я там взялся, стал организовывать дискуссию о прозе молодых. Считаю, что пора всесоюзному читателю знать о вашем существовании. Не хочется повторять тех ошибок, что привели в свое время ваших предшественников сразу на скамью «сорокалетних». На этот раз я хотел бы сделать разговор как можно более широким, с привлечением не только писателей и критиков, но и редакционно-издательских работников, а также вас самих. В той анкете, что я тебе высылаю (передай ее с той же целью Н. Шипилову), – вопросы, постарайтесь ответить на них умно, толково, а главное, откровенно. Пока я заказал статьи В. Кожинovu, В. Бондаренко, А. Михайлову, А. Неверову, Л. Барановой-Гонченко... Эх, проверить бы это дело! Было бы дело! Тираж то у газеты миллионный. Страна должна знать своих героев...»

У В. Куницына свой ответ на сакраментальный вопрос – зачем? И он, уверенный в своей правоте, взялся за дело. Не стоит говорить, что Владимир Георгиевич несколько опоздал, не его в том вина. Да и при чем здесь вина вообще? Однако к тому времени Николаю Шипилову уже исполнилось сорок, мне – тридцать девять. Но что такое годы писателя, если читателю, открывшему книгу, абсолютно неинтересно, в каком возрасте автор текста, его интересует совсем другое. Вскоре Владимир Куницын публикует великолепную обзорную статью в журнале «Наш современник». Статья называется

«Редкая птица долетит...». Недосказанная фраза Н. В. Гоголя: «Редкая птица долетит до середины Днепра...» Без всяких натяжек многие назвали эту статью программной. В ней перечислялись имена, анализировались тексты, причем Куницын, как всегда, ни словом не погрешил против истины, ни разу не покривил душой. Статья была посвящена творчеству тридцатилетних, большинство из которых стали уже сорокалетними.

И обещанная дискуссия состоялась. Вот что написано в редакционной вступительной статье одного из номеров «Литгазеты», где полоса посвящена этой дискуссии под общей шапкой: «Проза молодых: новые имена – новые проблемы?» «Нам бы хотелось, чтобы наша дискуссия приняла более деловой, более конкретный характер. Все мы заинтересованы в том, чтобы сохранить, поддержать, объединить наиболее талантливое, сильное, честное в нашей литературе, дать ему возможность с максимальной отдачей послужить Родине. Но все ли для этого делается нами? Каждая наша потеря в этой работе – потеря общая. Как избежать этих потерь, как помочь истинному таланту, облегчить его, так сказать, бытовое существование? Понятно, что творческие трудности останутся всегда...» Вот так, ни много ни мало – «с максимальной отдачей послужить Родине». Это стиль В. Куницына, но он всегда искренен в своей пафосности, пользуется которой в исключительных случаях.

Один из участников дискуссии – известный прозаик, эссеист, критик, ученый-литературовед Владимир Гусев. Его выступление озаглавлено так: «Сначала дайте дорогу». Надо сказать, В. Гусев изначально сомневался в успехе дискуссии. «Очень трудно говорить о молодых писателях, когда до них, собственно, никому нет дела. На съезде писателей, от которого те или иные «новые» так много ждали, о молодых практически речи не было. Словом, вот уже год говорят о молодых и заботятся о них, но кто они такие, забыли выяснить. А раз эдак, то и читателю разбираться неохота... Положение с молодыми по-прежнему беспокоит. Представительных их книг так и нет, по разрозненным публикациям судить об их силах трудно. Те, кто у нас считается молодым, по классическим критериям давно уж не молоды. Им от 30 до 40, а то и более. А собственно молодых вообще нет.

Всем известно, что редакторы с куда большей охотой печатают «безответственный» рассказ или даже серию рассказов и боятся тех заветных, главных произведений, в которых человек и его мир раскрываются полностью. Можно хвалить «Тамань», если уже прочел «Княжну Мери», «Тамань» же как таковая, сама по себе – хороший, пластичный рассказ, и не более. Мы еще не знаем «Княжон Мери» этих наших молодых. Может, все это значит, что их просто и нет, этих произведений? Я думаю, они есть, но выявление их, повторяю снова и снова, – дело кропотливое. Что запущено годами, то в литературе не восполнишь одним ударом... За плечами тех молодых-тридцатилетних, что уже мелькают в обоях, смутно маячат новые, неизвестные – как бы безликие. Они лишь тени и силуэты... Надо надеяться, где-то там среди них бродит гений...

Вот так, извечная надежда на где-то и когда-то. Вечный русский авось... Это к разговорам в современных литературных кулуарах (они-то уж точно мимикрировали, переродились, в большинстве мест растворились вовсе из-за отсутствия предмета разговора) о том, что молодых в советские времена холили и лелеяли. Нет, как видите. Но вместе с тем существовал целый отряд энтузиастов – критиков, прозаиков, поэтов – которые боролись с вековым безразличием к молодым талантам. В некоторых центральных издательствах даже существовали отделы по работе с молодыми. Руководитель лучшего в стране литературного объединения, оренбуржец Геннадий Хомутов за несколько десятков лет работы воспитал целую плеяду замечательных поэтов и прозаиков, помог им проложить дорогу в Москву, где для многих кончилась пресловутая безвестность. А сам он, поэт редкого таланта, издал первую книжечку своих стихов лишь к пятидесяти годам. Ученики настояли... Современный классик Виктор Астафьев, берегший каждую минуту, прочитывает стихи Ольги Казаковцевой из Барнаула и присылает отзыв на рукопись. Многие уж и не помнят, что в нашей «Алтайской правде» существовала должность литературного консультанта. Около четверти века ее занимал М. Юдалевич, последним литконсультантом газеты был автор этих строк. Как бы там ни было, маленький кусочек государственной заботы о молодых, причем случайно обнаруженных

(литконсультанту приходилось работать в основном с самотеком) молодых литераторов. Некоторые из этих, явившихся самотеком, стали впоследствии неплохими писателями.

Несколько слов самих «тридцати-сорокалетних», виновников той самой дискуссии. «Литературная газета» за 30 июля 1986 года. Привожу ответы участников дискуссии всего на один вопрос: «Есть ли, по-вашему, существенная разница между тем, что делает ваше поколение, и тем, что привнесли в литературу ваши предшественники?»

Владимир КУРНОСЕНКО. Думаю, есть. Вампилов, Высоцкий, Матевосян – самые сильные из предшествующего поколения, кто сумел устоять от компромиссов. В массе же своей большинству из большинства писателей кому-то чего-то не хватило: кому ума, кому таланта, кому уверенности, что цель не оправдывает средств. Мы в более выгодных условиях оказались. Ты знаешь «можно», и уже вроде бы грех жаловаться. А до Шукшина мне, к примеру, по моей провинциальности, казалось невозможным сказать то, что мне хотелось сказать. Все вроде бы как совсем в другую игру вокруг играют.

Татьяна НАБАТНИКОВА. Есть ли разница между поколениями писателей? Относительно той цели, какую я признаю у искусства, разницы нет. Но нашим предшественникам в 70-е годы пришлось постепенно и трудно, по капле добавляя в тон искренности, простоты и человечности, возвращать прозе доверие читателей, потерянное задолго перед тем. Они делали работу неизвестного солдата и безымянного художника.

Анатолий КИРИЛИН. Несколько частных замечаний по поводу предшественников. Прежде всего о некоторых их героях, кто дал обильную пищу для критиков, героях-мужчинах, мягко говоря, не очень мужского склада. А. Григорьев говорил, что художник увековечивает только жизненно законные типы. Можно ли считать это высказывание полным оправданием «родителей» этих типов? Не думаю, но я лично благодарен старшему поколению литераторов уже за то, что своего уставшего бродить по жизни героя они довели до усталости смертельной, тем самым расчистив в какой-то мере путь для нас, последователей.

Владимир ПШЕНИЧНИКОВ. Какими бы ни представляли мы себе частные задачи литературы, самые главные, неподвластные конъюнктуре и моде, личным потребностям пишущего, — они одни для тридцати-, сорока- и пятидесятилетних. Надо только поставить законом для себя, что литература не кормушка, к которой несложно пробиться при очень средних способностях... Литература — чистое и мужественное дело, требующее высокой самоотдачи, большой культуры души, честности, большой любви к человеку и веры в человека. Писатель неизбежнее любого «простого» человека не может быть счастлив («как можете вы быть счастливы, если у вас благородное сердце?»). И что тогда все наши беды, все наши проблемы?

Отчасти ответ на наш изначальный вопрос не в сути высказываний участников дискуссии, но в самой возможности публично высказаться, явить, так сказать, свое слово собратям по перу и услышать другое слово, согласное с твоим или нет. Мы общались, преодолевая тысячекилометровые расстояния, общались так, как сегодня не общаются в одном городе, через улицу, через дом. А надо ли? — возникает очередной вопрос. В том же номере «Литгазеты» опубликована речь тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в его поездке на Дальний Восток. «Товарищи! Нынешние поколения получили в наследство много трудных, мучительных проблем. И для того, чтобы продвигаться к их решению, нужно избавляться от груза прошлого, искать новые подходы, руководствуясь ответственностью перед настоящим и будущим». Первое лицо в государстве, очевидно, тогда не предполагало, как мучительно и долго впоследствии тем самым и последующим поколениям придется разбираться, от того ли избавились и не слишком ли скоро.

Замечу, что в ходе нашего непростого поколенческого единения в начале и середине 80-х ветры перемен увлекали многих и многих. И они, эти ветры, уж точно не звали молодых писателей становиться в единый строй и выполнять единый соцзаказ. Мы уже почувствовали запах воли. Но... В нас прочно поселились некоторые уроки, взятые у мудрых, опытных, маститых, а также друг у друга. Уроки гуманизма, стремления к правде, патриотизма. Бар-

ственный, мягкий, иногда высокомерный и циничный Куницын до сих пор каменеет при слове «Родина». Хомутов, Краснов, Шипилов, Пшеничников, Байбородин, Башунов и многие другие, до кого сегодня уже не докричаться, бережно отнеслись к грузу прошлого, не поспешили избавляться от него чохом.

Меня часто обвиняют, будто палю из пушек по воробьям. Вот и сейчас. Ясно же всякому, что государству нет дела до национальной культуры, ему хватает интереса к культуре суррогатной. А коль ясно, стоит ли говорить о каком-то патернализме, покровительстве? Мы уже убедились, что особого покровительства со стороны государства и не было никогда. Выявление талантливых имен, запуск их на орбиту — дело одиночек, кому определено это профессией, кому зовом сердца, кому тем и другим, вместе взятым. Потом уже, под давлением этих одиночек, часто авторитетных имен, подключались издательства, называемые государственными. Однако для справки должен заметить: издание художественной прозы в Советском Союзе, за редким исключением, было делом прибыльным.

97

Но что самое интересное (если не сказать — парадоксальное), сегодня литературного покровительства куда больше, чем в прежние времена. Речь, правда, здесь идет об объеме, не о качестве помощи. Я не знаю ни одного литератора — а большинство из них близко не подпустили бы к порогу издательства три десятка лет назад именно по творческим мотивам, — кто при желании не издал бы свою книгу на деньги «добротного дяди». «Дядя» не обязан быть сведущим в литературном творчестве, ему, может, это вообще не надо, а денег — нате, благому делу помогаю, расцвету отечественной словесности. Воистину, добрыми намерениями выстлана дорога в ад! Я сегодня не собираюсь анализировать поток литературы, изданной на спонсорские деньги, задача не та. Но в оценке ситуации, уверен, не ошибаюсь. И, как это опять же ни странно, в этой ситуации невольно оглядываешься в сторону бывшего государства, точнее, издательско-редакционных институтов, утвержденных им для фильтрации не только инакомыслия, но и всякой литературной нечисти. Где вы, неподкупные рецензенты, завлиты, редакторы, корректоры, техреды?..

Нет, кто-то большой однажды решил: пусть все идет как идет.

Новые времена, новые герои, новые песни. Владимир Куницын опять исследует очередное литературное пополнение. Впрочем, книге, лежащей передо мной, уже больше десяти лет. Называется она «Свет человеков».

«Некоторые представители этой, условно говоря, «третьей волны» зачастую наделены ярким филологическим талантом, великолепным чутьем слова (на мой взгляд, лидер здесь Виктор Пелевин). Однако удивительно именно то обстоятельство, что при всем своем недюжинном филологическом даре они не верят не только в евангелическую суть слова, во многом, если не в главное определившую основную традицию русской православной культуры («В начале было Слово...»), но, используя свою изощренность и набор классических отмычек, не боятся взламывать слово, лезть внутрь его, выгрызать его начальные суть и смысл, творя подлог и подмену. Вместо божественного меда они оставляют в сотах слов свою слюну и чернила. В пустоте вскрытых ими слов – холод. Через них свистит ветер, но этот художественный подчас свист подобен голосу сирен. Шутовство, пародирование, самовлюбленное кривляние поверх трагической почвы жизни, абсолютное отсутствие сострадания и боли вне себя любимого – все это признаки, отводящие эту литературу от русской реалистической традиции, как бы широко мы ее сегодня ни понимали».

Одно могу сказать в качестве комментария: наши не сдаются.

Юрий Виськин, несмотря на возросшие потребности растущего семейства, бросил свою службу инженера, которая в перспективе сулила ему неплохую карьеру и деньги. Не одного тебя сгубила страсть писательства, торжествовали «доброжелатели». Поехал в Москву на Высшие литературные курсы, открытые для членов Союза писателей, не имеющих филологического образования. Еще одно серьезное испытание – взрослому человеку, отцу семейства жить на стипендию... Мы встретились в омской писательской организации, дело было к полуночи, через пару часов мне улетать в Барнаул. Из множества омских друзей и знакомых нашелся один Володя Балачан, с ним мы и распивали болгарский коньяк в пустом писатель-

ском Доме. Он и помог разыскать Юру, приехавшего с учебы домой на побывку. Еще он поведал, что горячо любимый мной, близкий друг, прекрасный писатель Александр Плетнев никак увидиться с нами не сможет, поскольку уже несколько лет живет в деревне, обзавелся там хозяйством, не желая ничего ждать от государства и писательского сообщества. Он не обиделся на обвалившееся вдруг всемерное безразличие всех и ко всему, он всего лишь не согласился с ним, возроптал. Как смог.

Юра явился усталый, зачумленный какой-то и... голодный. На вопрос, как там, в Москве, кого из наших видел, он только махнул рукой. Шел жестокий 93-й, инженеры торговали тапочками на углах, большинство писателей не умели делать и этого. Бросай, возвращаясь, дома стены помогут! Юра поднял на меня обведенные черными кругами глаза и неожиданно улыбнулся. С этой улыбкой разом вернулось все: наши споры до хрипоты, наши надежды, наши ночные бдения и счастливое безрассудство.

Нет, наши не сдаются.

2

Я написал о новосибирском семинаре молодых литераторов 1982 года с той целью, чтобы обозначить участие тех или иных структур, подразделений государственных служб, отдельных лиц и личностей в национальном литературном процессе. Как выясняется, сегодня это дело пущено на самотек с величайшей широтой, на которую способны только мы, только в нашей стране. Не знаю, каков оборот от книжной торговли в России сейчас, нет под руками такой статистики. Но, думаю, вряд ли больше, чем в доперестроечные времена. Основания для подобного утверждения? Книга прозы, изданная нашим местным, Алтайским книжным издательством тиражом в тридцать тысяч, как правило, больше двух недель в магазинах не залеживалась. Сейчас самые распространенные тиражи – от 500 до 1000 экземпляров и лежат эти экземпляры на книжных прилавках годами. Предлагаю исключить из разговора два десятка модных имен, раскрученных в Москве.

Не буду останавливаться на качестве нынешнего письма, оно разное, как во все времена. Не стану говорить и об изменении статуса

нашего согражданина, когда-то самого читающего в мире. Напомню один из приездов в Советский Союз замечательного колумбийского писателя, нобелевского лауреата Габриэля Гарсиа Маркеса. Человек широкой души, он лишь слегка посетовал, что стотысячные тиражи его книг выходят с печатного станка многих и многих издательств нашей страны без всякого согласования с автором. Рассказывал, как тронут был, когда какое-то заштатное периферийное издательство прислало ему его книгу, сигнальный экземпляр. Ни о каких гонорах, разумеется, речь не шла. А когда восторженные советские издатели стали рассказывать ему, с какой скоростью разлетаются его книги и как их не хватает, удивленный Маркес сказал:

– Так продолжайте печатать дальше, увеличивайте тираж.

На что писателю стали говорить о планах, утвержденных Госкомиздатом, о нехватке в стране бумаги...

– У вас не хватает бумаги, чтобы печатать деньги? – еще больше удивился колумбиец.

Борьба за новую экономику страны, за новое качество жизни порой напоминала кропотливую работу по улучшению березового ствола до полного его сходства с древком. Во всяком случае, интеллектуальный уровень большой массы наших сограждан усовершенствован именно таким образом.

Сетований на эту тему нынче достаточно, не будем добавлять. Да и речь, собственно, о другом. О продвижении молодого автора в годы, предшествовавшие великой перестройке, от литературного объединения к профессиональному письму. Да-да, я не оговорился, к профессиональному, ибо нормально издаваемый писатель (прозаическая книга один раз в пять – семь лет) худо-бедно мог прокормиться своим ремеслом. О поэтах речь не ведется: это самые необеспеченные художники слова во все времена.

Предвижу высказывание оппонентов. Тот самый «профессионализм» писателей, завидная периодичность их изданий, распространение, а стало быть, и невиданная востребованность литературы были вызваны всего-навсего нехваткой ее, искусственным сдерживанием зарубежных изданий, эмигрантской и прочей необходимой многим книжной продукции. Соглашусь лишь отчасти. Иначе придется нам

всем безоговорочно согласиться с тем, что сегодняшнее отсутствие интереса к книге – результат перенасыщенности книжного рынка. И всего-то.

Еще раз хочу подчеркнуть: не о качестве тех или иных произведений здесь речь. Как же так, возмутится взыскательный читатель. Ведь это есть и было главным мерилom литературы во все времена! Безусловно. Однако не перестану утверждать: безнадзорность литературного процесса – первый и главный удар по этому самому качеству. Свято место пусто не бывает, и место радетелей, попечителей, проводников заняли литературные нувориши в лице целых издательств, мощные пиар- и бизнес-команды. Сегодня все, имеющее право на жизнь, – это бизнес. В издательском мире он весьма причудлив. Знакомая писательница, одна из руководителей Союза российских писателей Светлана Василенко получила за свою книгу, изданную в столичном, весьма раскрученном издательстве «Вагриус», аж шесть тысяч рублей. И тому рады писатели, которых не издавали десятилетия и, естественно, вообще не платили никаких гонораров. Нашла она свою книгу на прилавках, цена – сто рублей с небольшим. Но каково же было ее удивление, когда из Нью-Йорка передали: видели твоё творение за 25 долларов. Из Токио – за 18. Переведите по нынешнему курсу доллара – разница впечатляет. Вот, скажете, зарубежные акулы-капиталисты, какие проценты накручивают! Смею уверить вас: у них там, за рубежом, не хватит фантазии эдак размахнуться.

Не стану здесь раскрывать механизм получения сверхприбылей отечественными книгоиздателями, об этом замечательно написал в своем романе один из модных авторов А. Маринина. Да так ярко, живо, доходчиво и правдиво, что ясно стало: где-то личные интересы писателя задеты. Впрочем, все сказанное относится к столичным издательствам, и то далеко не ко всем. В провинции сие невозможно из-за узости рынка, разорванности межрегиональных связей. Другими словами, провинциальные издательства существуют благодаря различного рода заказной литературе, нехудожественной, пущенной в производство под собственный риск – это точно. О том разговор

серьезный, отдельный, не будем его замешивать в нашу тему.

1983 год. Бийск. Краевой семинар молодых литераторов. Вроде ранг пониже, чем в Новосибирске накануне, в 82-м. По уровню организации, количеству участников, качеству рукописей и ответственности руководителей семинара, подобный бийскому, вряд ли сегодня удастся собрать даже в столице. Запомнились руководители: Вячеслав Сукачев, Евгений Гущин, Владимир Башунов, Виктор Горн. Но больше всех – рослый, крепко сложенный и удивительно добродушный писатель из Омска Александр Плетнев. Вопреки сложившимся правилам, он, не дожидаясь обсуждений в секциях, громко хвалил понравившиеся ему рукописи и их авторов. Потом друзья из Омска писали, что при любом удобном случае он упоминал имена талантливых ребят с Алтая. Давая интервью столичным журналистам, обязательно упоминал участников бийского семинара. С некоторыми из них он переписывался более десяти лет...

Впрочем, не стану задерживаться более на бийском семинаре, потому как речь в основном пойдет о Всесоюзном совещании молодых писателей (обратите внимание: уже писателей) в Москве, в 1984 году. Еще не успели в полную силу развернуться молодые критики В. Куницын, А. Неверов, Л. Баранова, В. Бондаренко, Е. Шкловский, но были их старшие коллеги, которые задолго начали подготовку к совещанию. В «Литературной газете» открыта рубрика «К VIII Всесоюзному совещанию молодых писателей». У меня сохранился номер апрельского выпуска газеты, где под этой рубрикой опубликовано интервью с директором издательства «Молодая гвардия» В. Десятериком. «...Мы выпустили не один десяток книг, авторы которых проявили себя на предыдущем совещании. Можно сказать, что практически все его участники вышли к всесоюзному читателю в молодогвардейских альманахах, сборниках, журналах. Хочется, чтобы читатели сразу же познакомились и с произведениями тех, кто вскоре станет «открытием» восьмого совещания, – мы уже готовимся к этому, читаем рукописи, представленные будущими его участниками, оставили специальный издательский резерв, чтобы наиболее интересные из них смогли увидеть свет без промедления. Совещания – это важ-

ные вехи всей нашей работы с молодыми. Во многом на них нацелена деятельность редакции по работе с молодыми авторами. Прочитаны сотни произведений, отобраны лучшие – и пятнадцать человек рекомендованы издательством для участия в совещании».

В свое время с особым тщанием пестовал молодых Александр Трифонович Твардовский, но, как ни странно, именно ему принадлежит фраза, произнесенная на владивостокском совещании молодых: топи котят, пока слепые. На самом деле ничего странного, в этой фразе не призыв, а упрек в ироничной обертке тем многим из маститых, кто первым делом при соприкосновении с молодыми так и поступал.

VIII Всесоюзное совещание молодых писателей проходило в журнальном корпусе «Молодой гвардии», несколько сот участников разместилось в гостинице «Орленок» на Ленинских горах. С Алтая трое: Людмила Козлова из Бийска, Евгений Гаврилов и автор этих строк – из Барнаула. В Москве ранняя весна, каштаны в цвету, одуревшие от восторга соловьи, пьяное счастье молодости...

Мне «повезло», на двенадцать семинаристов пятеро руководителей: Евгений Сидоров, впоследствии министр культуры, критик Вячеслав Сахаров, прозаики Анатолий Курчаткин, Алесь (Александр) Адамович, Даниил Гранин. И сразу не заладились отношения с мэтром, Граниным. Он объявил меня и прозаика Юрия Никитина из Астрахани перестарками (нам обоим исполнилось по 36, а ценз совещания – до 35) и предложил отнести нас за черту. Что это такое, я не совсем понял, но обиделся и ушел. Забегая вперед, скажу, что на заключительном заседании, где подводились итоги, тот же Гранин объявил: как всегда, самыми сильными оказались те, кто за чертой. Да, нас все-таки обсудили, правда, не без помощи со стороны. Вступились оренбургский писатель Петр Краснов и наш земляк Александр Родионов, он тогда посещал Высшие литературные курсы в Москве.

А тот мой уход с семинара был назначен судьбой, за что я ей премного благодарен. На выходе из журнальной «свечки» познакомился с Геннадием Хомутовым и Петром Красновым, оренбуржцами. Они не были семинаристами. Петр, хотя и моложе нас, к тому времени уже становился известным, давно вступил в Союз

писателей. Геннадий – его учитель, руководитель старейшего и известнейшего в стране литературного объединения. Великолепный поэт без единой книжки, без всякого членства и без малейшего о том сожаления. Бывало и такое, сколько угодно...

В гостиницу пришли через магазин. Хомутова поселили в четырехместном номере, где кровати были устроены шконцами, на манер казарменных; Краснов в то время жил в Электростали, в часе езды от Москвы на электричке. К моему удивлению, номер был полон народом. Познакомились. Георгий Саталкин, Антонина Юдина, Анатолий Тепляшин, Владимир Пшеничников – все из Оренбурга и области. Остальные на семинарах. Поначалу я удивился столь представительной делегации по сравнению с нами, а потом выяснил, что неутомимый руководитель литобъединения привез с собой в Москву всех, кого посчитал нужным, выбивая деньги для этой поездки почти год. Возьмут их в семинар или нет, воспротивятся количественному избытку руководители или не станут – для Хомутова это не было важным. Он-то, опытный и искушенный, знал, что в подобных поездках и встречах действительно важное. Вскоре и многие из нас поняли – что.

Выпили за знакомство, и тут же начались стихи. Мне не упомянуть теперь, кто был инициатором этого пиршества поэзии, одно осталось бесспорным и памятным на годы и десятилетия: первые сутки были заполнены стихами без перерыва. Потом эти сутки незаметно перетекли во вторые, третьи... Сменяя друг друга, в хомутовском номере побывали почти все участники совещания.

– Читай, Гена!

Хомутов охрип через первые два часа и потом едва находил в себе силы произносить хоть какие-то звуки. Но появлялись все новые и новые лица: читай!

*Все до единого улетели,
Словно по осени семена.
Вы улетели, когда повзрослели
Ваши юные имена.
Вот я и стала домашним сторожем,
Только владенья мои пусты.
Вы разлетелись в разные стороны,
И встали на ваши места цветы.
Было ли это – самой не верится,*

*Как вы с цветами бежали под дождь...
Вспомню – и пошатнется сердце,
Вспомню – и душу осыплет дрожь.
Цветы переняли от вас доверчиво
В детстве вашем, тогда, давно,
Привычку с утра и до самого вечера
Глядеть в окно.
Смотрю я на них, и кажется: выбежит
Сердце мое из груди сейчас.
Ждут они вас и, наверно, не выдержат,
Пойдут по дорогам разыскивать вас.*

«Песня нашей матери»... Ясные, точные, пронзительно-нежные стихи Геннадия Хомутова были ценным дополнением к официальной программе совещания. Если уж говорить по совести, из таких дополнений в основном и складывалось все московское совещание. На второй день появился замечательный писатель и бард Николай Шипилов. К тому времени он перестал быть оседлым новосибирцем, перемещался между Москвой, Питером, Новгородом, но все больше приближался к столице.

– Передовая проходит здесь, – говорил он не раз.

Речь, конечно же, шла о литературе. А почти десять лет спустя я вспомнил эти его слова, когда узнал, что он на баррикадах защищал Белый дом...

Пришли в гости москвичи: Лариса Баранова, Владимир Куницын, Александр Неверов. Критики, все те, с кем мы познакомились на семинаре в Новосибирске годом раньше. Они знакомились, знакомили, и так было со всеми. В записных книжках после совещания адреса новых друзей, единомышленников, добрых и злых критиков заняли куда больше места, чем заметки, сделанные на семинарах. Я уже упоминал о помощи своих старых и новых друзей. Старый друг и земляк Александр Родионов убедил прочитать мою рукопись Евгения Сидорова, в ту пору ректора Литературного института имени Горького. Владимир Куницын отнес ее критику Всеволоду Сахарову, сотруднику Института мировой литературы. Только что познакомившийся со мной Петр Краснов попросил прочитать мои рассказы и повести прозаика Анатолия Курчаткина. То есть благодаря друзьям-писателям большинство руководителей нашего семинара были готовы к обсуждению моей рукописи. Нашлось и время.

Уже тогда, на совещании, я начал замечать некоторые странности в отношении к написанному молодыми со стороны ряда маститых писателей. Неоправданных, на мой взгляд, похвал заслужили прибалтийские литераторы. Их было четверо из двенадцати (не правда ли, многовато для одного семинара в центре России?), изъяснялись они на плохом русском и, представляясь, предупреждали: у нас другая культура, вряд ли вы что поймете. С текстами знакомились на слух, поскольку неизвестная россиянам культура, очевидно, не предполагала рассылку и прочтение их заранее. Некий поток сознания без сюжета, без всякой логики в построении – что-то одинаково далекое и от реализма, и от авангардизма. Но... Видимо, их все-таки поняли, коль хвалили. Или очень старались сделать вид: как же, нам все культуры освоить нипочем. Как оказалось впоследствии, сигналы того времени были неслучайными.

Евгений Гаврилов обсудился блестяще, Людмила Козлова – хорошо. Мы праздновали, переходя из номера в номер: от Жени ко мне, от меня к замечательно добрым и хлебосольным якутам, от них к питерцам, а потом, все вместе – опять к Хомутову. Того уже щадят свои, прячут за спины и сами, выручая учителя,¹⁰² читают.

*Мне бабушка прежде всего
Весною пекла жаворонка.
Узорчаты были и тонки
Хрустящие крылья его.
Но птица ладонь обжигала,
И в детском упрямстве своем
На улицу я выбегала
И небом студила ее.
О, как бы сейчас я прижала
Горячую птицу к груди,
Чтоб бабушка вслед прокричала:
«Куда понесла? Улетит...»*

Это Антонина Юдина. За ней Анатолий Тепляшин и все-все-все, и гости в том числе.

А соловьи сходили с ума. В один из вечеров (стемнело уже) мы вышли на улицу с Владимиром Куницыным. Задумчив был московский критик, ставший впоследствии одним из лучших моих друзей. Начал говорить об отце, крупном ученом-философе, докторе наук, профессоре, написавшем замечательную кни-

гу, перешагнувшую все границы мира, – «Общечеловеческое в литературе». Потом он напишет об отце: «Я горжусь им и сегодня, после его смерти. И внуки тоже будут гордиться. Его великолепной цельностью, несокрушимым мужеством и способностью заплакать от восторга и восхищения другим человеком...» Владимир вспомнил, как однажды ночью отец привел в дом Эрнста Неизвестного, незадолго до эмиграции того. Уже были навеселе, но через пару часов стали еще веселее, и Неизвестный вдруг стал крыть всю русскую культуру, а потом отлучать от нее Пушкина по генетическому факту. Отец впал в ярость и пообещал, что выбросит скульптора в окно. Физически мощный, самонадеянный ваятель опешил, но предложил помериться силой на руках. И Георгий Иванович положил его сначала искалеченной на войне правой, а затем дважды – левой. За Пушкина, за себя и за торжество всей русской культуры.

Совещание закончилось. Для каждого участника итоги его, наверно, определились по-разному. Новые друзья, единомышленники и противники, издательские контакты, обостренное ощущение себя как части поколения. Но более глубокое понимание события и всего связанного с ним придет позднее. Тот же Владимир Куницын пятнадцать лет спустя напишет: «Сейчас, во времена глобального предательства, обожают клеветать на годы, когда в литературу входило мое поколение, именно те, кто пытается оправдать свою личную подлость тогда и ныне. Не одному мне повезло набираться ума в разных семинарах, студиях и на больших «молодежных» совещаниях от И. Золотусского и А. Ланщикова, В. Гусева и М. Лобанова, Е. Сидорова и В. Дементьева, В. Огнева и Ю. Селезнева, Л. Аннинского и Ал. Михайлова. И я могу свидетельствовать, что все эти люди и многие еще так или иначе, но разжигали в нас потребность в правде, свободе и воспитывали честь и достоинство не только в профессиональном смысле. Вот еще почему нынешний писательский раскол так драматичен...»

Имею право присоединиться, потому что в различных «штудиях» и семинарах мне тоже довелось учиться у названных критиков, литературоведов. И еще. Очевидно, до последнего часа предстоит мне сожалеть о том самом времени, когда входил в разряд молодых литера-

торов, потому что никогда более я не знал такой заботы о себе, не видел такого интереса к тому, что я делаю, не мог даже предполагать такого искреннего желания сторонних людей видеть меня растущим. За предыдущие и все последующие годы я не побывал и в половине российских регионов из тех, что удалось проехать по командировкам молодого автора. Отечество не скупилось, не экономило на уроках для меня.

Не надо заблуждаться, думая, что все писатели, воспитанные тем временем, были вышколены под шаг в едином строю. Что верно – заряд на агрессию был куда менее ощутим, истеричность и отчаяние в доказательстве своего творческого «я» не столь масштабны, желчь в описании своей Родины не так ядовита...

И еще. Практически все участники VIII Всесоюзного совещания молодых стали просто писателями, теперь-то уж точно – не молодыми. Более удачливыми, менее, замешанными в политику или нет, плодовитыми или не очень... Большинство из них, как и раньше, живет и творит не в Москве. Велика наша столица – но на всех не хватит. Да и надо ли? Во всяком случае, я знаю: несколько дорогих мне лиц в главном не изменились с тех московских времен, крепко стоят на ногах и вспоминают обо мне «где-то далеко, в России-матушке»...

Закрываю эти заметки словами того же Владимира Куницына: «Очевидно: не время оподляет людей, а люди оподляют время. И они же выпрямляют его своим благородством».



Виктор
ШАГИАХМЕТОВ

ПЕЙЗАЖ С ПУСТЫРЕМ



* * *

моих стихов ни мертвым ни живым
ни школьникам поселка кышкыдым
ни девушкам в воздушных кимоно
ни бабушкам торчащим в районо
ни украинцам выжившим в Крыму
ни эльфам ни кентаврам никому
не доверяйте не читайте их
таких дурацких и таких моих

* * *

Покидая окраиной этот сон,
озаренный неласковым, резким светом,
повернись напоследок к нему лицом,
преисполнись летом.

На краю огорода – фантом шоссе,
реденький частокол, давленная малина.
Там тропинка расходится на все семь,
вновь сходящихся около магазина.

Местный хор одомашненного зверья
завывает то жалобно, то свирепо.
В отражении мыльного пузыря
придорожная зелень смешалась с небом.

У соседей на заднем дворе – бассейн,
где купаются девочки, а над крышей –
реет ястреб. Опасности нет, но все
поднимают взгляд выше.

Это – русская готика, сторона,
окруженная дымчатыми лесами.
День сгорает и где-то внутри меня
отзывается детскими голосами.

* * *

река закрывается на карантин
в локдауне стайка ундин
амур замурован в тюрьму для сардин
и ты моя радость один

в простые силки изловив соловья
отчизна берет на слабо
исчезни давнишнего страха струя
струись под мостом мирабо

довольно печалиться гоголь идет
а с ним и красавец апрель
он снимет с проспекта крутой гололед
сорвет продувную шинель

довольно кручиниться Пушкин идет
бессмертный как тайный агент
он спрятал жену у никитских ворот
и сердце под бронежилет

бросай или правь свои строки до дыр
но жизнь не оценивай в грош
уснули джон донн и уильям шекспир
и ты моя радость уснешь

107

так чтобы склоняясь дуб темный шумел
и голос таинственный пел
по небу полуночи ангел летел
не знающий физики тел

ПОДРАЖАНИЕ А. П. ЦВЕТКОВУ

небо твердеет почти достигая схождения
с елочным шаром и мы у него внутри
будем как звезды молчать о своем сиротстве
черные дыры космические нули

тление цвета и остановка звука
время бесследно как по воде веслом
дальше феномен не приведи наука
пряжки в лесную глину и быть цветком

пусть коченеют в этом мирке без бирки
вечно живые в замершем январе
пальцы березы запертые в пробирки
злые стрекозы спящие в янтаре

прах возвращайся к праху а голос к хору
кто-то идет в дозор озирая льды
если у смертной души и отнимут форму
то сохранится хотя бы форма воды

* * *

Я истекаю степью и именем...
В. Хлебников

1

тихо-тихо душа
тихо-тихо дыша
слово замерло на устах

о продли ему жизнь
о замедли шаг
ты всего
торжество и крах

еще раз позволь
из летейских волн
встать во весь
великанский рост

лицедей и волхв
он узнал закон
языка лебедей и звезд

он держал миры
как песок в горсти
но пусты чужие глаза

тихо-тихо степь
тихо-тихо стих
его голос сто лет назад

2

я спускаюсь в подвал
бедной памяти день
находя где бреду одинок
терпкий запах смолы
благодатная тень
хруст валежника
легкий упрек

лес оставлен и вот
утонул в ковыле
отголосок звериной тоски
как единый народ
припадая к земле
дышат вольные колоски

и воздушной волной
омывается взор
и стихами приходят
сквозь мир
мерный топот копыт
голубиный простор
таляниковая ветвь
велимир

* * *

Вся белая,
ты отвернулась –
и нашу постель
накрыло поземкой.

Прежде зрячий,
я сбит с дороги.
Тьма разверзла пасть
и выпустила
белый рой.

Сновидениям стало холодно,
и они вошли в нас,
как в темные глубины пещер,
переждать бурю, греясь
у цветка керосина.

Утро – уже в дороге –
оглашает окрестность гудками света,
и все тело – сердце и слух.

Инна
КИМ

РАССВЕТ

Рассказ



Утренний луч пощекотал губы, нос. Будто мамка перышком. Вообще-то она ругалась, что Тася раздербанивает подушки. Но уж больно манко! Ухватить за колкий кончик да и вытянуть из крепкого льняного наперника мягко раскрывающееся парашютом перышко. Словно хвостик пестрой птички. Вроде ржанки. Только сказочной.

А иногда мамка, смеясь, сама подхватывала такое с подушки и ласково щекотала соню Тасю. 106 Чтобы шла кормить поросят.

Те пофыркивали и повизгивали, суетливо тыкаясь сопливыми пяточками в дающие руки, топясь, обливаясь из корыта и отпихивая друг друга. Ну что тут скажешь? Поросята да и только.

Мамка накрывала завтрак. И пока батя орудовал ложкой, весело перекидывая обжигающую разваристую крупеню из миски в топку-рот (он работал на железной дороге и, к восторгу детей, изъяснялся по-паровозному), успевала собрать для него «ссобойку». Раздав наказы большим Паше и Тасе (чтоб не лодырничали), мамка уходила в поле. Брала с собой грудничка Илюшку да узелок с едой и пеленками. А двухлеток Аленку и Янку оставляла на старших ребят.

Строжилась на дорожку: из хаты ни ногой! Но только хлопала калитка – Пашка перемахивал плетень и усеркивал быстрыми босыми пятка-

ми. Может, купаться или в село по соседству, где недавно построили клуб и было радио.

А Тася до вечера нянькалась с маленькими – одна! Хотя ей до смерти хотелось на речку и поиграть с подружками Алесей и Марийкой.

Она возила двойняшек на закорках, читала им сказки, кормила обедом. Деревенский пастух пригонял стадо, и умная Доча поддевала рогастым лбом калитку, заходила во двор. Взрывая, звала мамку. Бултыхающееся вымя было туго-натуго надуту молоком. Тася ее жалела, но не знала, как к ней подступиться.

Вернувшись с колхозного поля мамка гладила Дочу, называя ее ласковыми словами. Мяла и тянула мягкие сосцы, выпуская в ведро звонкие молочные струйки. Подоив, шла курарить. Приходил усталый батя. Ерошил золотистые коски ластящихся двухлеток, вручал им и Тасе по облитому сахаром прянику, играл с проснувшимся братиком. И уже в сумерках в хату прошмыгивал нагулявшийся Пашка.

Не выдержав несправедливости, Тася пожаловалась на старшего брата. Тот украдкой от родителей пригрозил ей злым мальчишеским кулаком. Зато наутро мамка взяла Тасю на первый укус. А Пашку, обидно обзывающегося ябедой, оставила дома за няньку.

На укусе собралась вся деревня, кроме тех, кто работал на станции и в городе. Мужчины ша-

КИМ (Степанищева) Инна Юрьевна родилась 9 октября 1971 года в Осинниках. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Работала на ТВ, в новокузнецких газетах «Фронт», «Кузнецкий рабочий», «Седьмой день». Освещает тему культуры на NK-TV.com. Живет в Новокузнецке.

брили литовки, и те весело вскрикивали и вспыхивали на солнце. Женщины перешучивались, проходя внаклонку с волынками по мохнатым травяным кочкам. Ух как пахла трава на косовице! Соком и солнцем. Скошенная, она лежала на поле влажными зелеными кружевами, сохла.

Илюшка, братик, спал в тени, разметавшись в пеленке круглыми голыми ножками. Тася сбегала в соседний лесок – принести мамке холодной воды из ручья. Наелась земляники. На обратном пути встретила ежика. Тот стоял на тропинке и задумчиво чесал пузико когтистой задней лапкой. Никуда не убегал. И Тася хорошо разглядела, какие смешные у него хвостик и мыска-мордочка.

А тут и время обедать пришло: умаявшаяся мамка достала вчерашние комы с «воробьями» – кусочками зарумяненного сала. Попила водицы. Покормила грудничка. Да и легла с ним в сладко шелестящей березовой прохладе переждать жару.

Девушки затянули длинную песню. Тася послушала, послушала. Повертела головой по сторонам. Заскучала.

Наблюдала, как скользят поверху мягкие перышки облаков. Будто мамка неба своего дитенка щекочет. Фыркнув от смеха, Тася принялась мечтать. Как вырастет и станет балериной. Тоненькой. В белом платье. И в туфельках с атласными лентами.

Тася видела такую на концерте: та приезжала из города. И очень похоже изображала лебедя. Артисты из Витебска выступали в пахнущем деревом и побелкой сельском клубе. Там вообще было весело. То кино привозили. То устраивали танцы. Все ребята бегали в соседнее село. Когда не было кино и концертов, слушали радио. Большая черная тарелка висела на стене – и мамила мальчишек слаще саладухи.

Пашка как раз был в клубе, когда объявили войну. Прибежал домой с круглыми глазами. Мамка не поверила вначале. Даже хлестанула пониже спины только что постиранной Илюшкиной пеленкой, чтобы попусту не брехал. Но соседская девушка Варя все подтвердила. Она забирала книжки в сельской библиотеке и сама про войну слышала.

Да и батя в тот день вернулся позднее привычного (клецки успели простыть). И полночи шептался с мамкой о том, что же теперь будет.

Когда Тася потом думала о войне, она всегда вспоминала страшное, белое, перепуганное мальчишеское лицо летчика из падающего на хаты самолета. Внизу стояли попеременно мальчишки и девчонки – и среди них Тася. Все задрали головы да так и застыли. Не могли отвести глаз. Не пытались убежать.

Ребятня высыпала на улицу, когда высоко в небе появилась будто игрушечная тупоносая машинка с пятиконечными звездами на боку и хвосте. Ее преследовали черные самолеты с белыми крестами. Как стая голодных лютозимних волков – беспомощную ушастую добычу. Вдруг один из крестов словно прыгнул на загнанный самолетик со звездами – и тот начал падать.

Все случилось в минуту, а запомнилось на всю жизнь. Самолет взорвался за огородами. Никто тогда не пострадал. Только ближние крыши сдуло огненным сквозняком. Словно и не бывало.

Война пришла прямо к ним. Гремели взрывы. Ревела и визжала скотина. Пули – как купающиеся в пыли стрижи – взметывали на дороге высокие желтые фонтанчики. Деревня была в черном дыму. Горели хаты, горел хлеб.

Батя все время пропадал на станции. Появлялся дома редко: поест – и сразу спать. Говорил, проснувшись и торопясь на железную дорогу, что на восток идут нескончаемые эшелоны с эвакуируемыми из Витебска заводами. А как закончились заводы – он пошел воевать.

Мамка вырыла в огороде землянку. И когда начинался новый налет, Тася хватала двойняшек и сломя голову бежала туда прятаться.

Тася все прокручивала в уме ночной сон. Ей приснилась их хата. Нарядная. Беленая. В комнате было темновато и тихо, будто за окошками сплпшмисья хлопьями валил снег. Только мамка почему-то не зажгла ни лампы, ни даже свечки.

За столом – смутно угадываемые – сидели родные. Чего только перед ними не было! Зажаристая бабка. Драчена. Налистники. Медовая саладуха. У Таси аж слюнки потекли. Она примостила с уголка и потянулась за румяным колдуном. Но тут подскочила рассерженная мамка и погнала Тасю из хаты.

Проснувшись от солнечной щекотки, Тася поняла: это мамка ее от смерти отгоняла. Пока еще никак нельзя ей умирать. Рано еще. Чего-то она недоделала.

Перед Тасей будто проплывали любимые лица пировавших в ее сне умерших людей. Среди прочих за столом сидел совсем маленький хлопчик. В льняной рубашке с заботливо вышитым горлом. С васильковыми глазами. Крошил прозрачными пальчиками масляный цыбрик.

Вдруг Тасю обдало жаром и жалостью: так ведь это Илюшка! Когда началась война, он был еще грудничком. И мамка брала его с собою в поле (чтобы покормить, когда проснется). Там-то на женщин и спикировали два белых креста – будто играющие друг с другом в догоняшки.

Воздух выл и визжал. Взорванные бомбы поднимали огненно-черные облака. Мамка прикрыла Илюшку, вжалась в землю. А когда натешившиеся немцы улетели, оказалось, что она придавила сыночка и тот задохнулся.

Вокруг кричали криком оставшиеся в живых. Раненые – от боли, а невредимые – от ужаса. Мамка ошалела. Не отдавала, трясла Илюшку. Соседки думали: повредила в уме. Но ничего, отошла. Только почернела от горя.

Потом Тася сама навидалась белых крестов – ужас сколько. Они летели в сторону города – и обратно. Каждый день. У, ненасытные!

Из-за того что кругом все погорело, деревня начала голодать. И дети искали на колхозных полях прошлогоднюю картошку. Завидев в небе белые кресты, они сразу падали на землю и зажимались. Казалось, от этого страх становится чуть меньше.

Однажды сверху зашел немецкий самолет – и начал расстреливать детей. Василька убил. Алеся. Марийку. Рев в деревне был несусветный.

Во время налета в их хату попала бомба. Только не взорвалась. Крышу пробило, вылетели стекла, но кормилица печка уцелела и стены устояли. Мамка с Пашкой расчистили все, подлатали. Бомбу волоком оттащили за околицу. Да и стали жить дальше.

А тут немцы пришли. Переловили визжащих поросят. Те отчаянно сопротивлялись. У Таси от жалости захолонуло сердце.

Чужеземные солдаты подчистую выгребли деревенские запасы. Всю колхозную скотину увели. Заняли самые большие и красивые хаты. А на хату Тасиной семьи никто не позарился (выходит, повезло им с той бомбежкой).

Еще то хорошо, что немцы не тронули Дочу. Правда, мамка теперь сдавала надоенное старосте, бывшему в колхозе счетоводом. Тот заби-

рал для немецкой армии яйца, цыплят, сало, огурцы (и не лопались, гады!). Но не лютовал. Когда жбанчик молока забудет или прикопанные в огороде картохи не углядит.

Ребята ходили собирать горелое зерно. Старики делали ручные мельнички – и из этой муки пекли хлеб. Только все равно очень хотелось кушать. Неугомонный Пашка пытался наловить зайцев. Но те все куда-то как сгнули – испугались войны.

Мамка посылала Тасю за лебедой. Еще она рвала крапиву, обдирала кору с деревьев. Из этого напаривали похлебку. А когда всю лебеду в округе поели, Варя-соседка позвала Тасю на другой берег реки. Они шли по лесу, потом переплывались на лодке. Домой вернулись только вечером. Тася так далеко еще не ходила и поэтому не чуяла ног. Сомлела. И лишь поутру вспомнила, что забыла распустить мешок. А набранная лебеда задохнулась. Превратилась в бурое месиво. Пришлось все выкинуть. Это было ужасное горе.

Однажды мамка накопала в огороде молодой картошки. И послала Тасю в село к зажиточным дальним родственникам за рассолом: те солили огурцы в больших бочках. Хозяйка зачерпывала душистую укропчатую жижицу, а Тася про себя умоляла: хоть бы она один огурчик проморгала. Может, тетка Вера ничего не заметила (или Тасю пожалела), но в миску попало аж четыре штучки маленьких пупырчатых огурцов.

До дома Тася мчалась счастливым стрижом! И когда делили горячие картошки, каждому из детей достался ароматный соленый огурчик. Глядя на уписывающую вкуснятину ребятню, мамка даже всплакнула. И чего она, когда такое богатство?

Как-то под вечер Тася побежала за водой. Колодец стоял на другом конце деревни. По пути она встретила подружку, и девочки заболтались. Тася и не знала, что начался комендантский час. Крутанула колодезный ворот – и вдруг услышала странное чириканье. Что-то маленькое звенькнуло на дорогу, подняв фонтанчик пыли. Еще чирикнуло. Еще. Пули-воробышки весело скакали у Тасиных ног. Девочка обмерла. Упала наземь и поползла к кустам. Лежала там до темноты. Не шелохнулась. Только впотьмах осмелилась пробраться чужими огородами до своего двора.

Мамка была ни жива ни мертва. Уж не чаяла Тасю невредимой увидеть. Утром пошли вместе

за водой. Мамка ножичек взяла – выколупнула из березовых бревен оголовка три увесистые пульки.

Настала страда. Пашка и даже Тася работали вместе с мамкой. За двойняшками приглядывала беззубая бабка Богуся. Всех маленьких, кого некому было нянчить, раздали соседям-старикам.

Лошадей в колхозе не осталось, и в косилки впрягали коров. Дочу тоже приспособили. Она послушно шла по полю, бултыхая выменем. А сзади попевала мамка. Вязала снопы. Рядом шнырял хмурый бригадир. Налетал коршуном староста. Они надзирали, чтоб никто не отлынивал. Тася волокла мамкины снопы по свежекошенному жнивью. Те были тяжеленные. Еле как поднимались. Девочка тянула их по самой стерне. Руки выворачивало. Босые ноги кололо и жгло.

Тася ойкала, сдувала со лба прилипшие волосы. Было жарко. Тугие пучки колосьев подхватывали женщины, крутившие копны, чтобы зерна оказались спрятанными от непогоды. На току управлялись девушки с завязанными платками лицами. Пыль стояла непроглядная. Во все стороны летела колючая солома.

И тут помогали ребята, подтаскивая снопы поближе к молотилке. Среди них мелькал Пашка. Золотое зерно весело бежало в мешки. Молотьба начиналась с раннего утра и продолжалась до голубичных сумерек. За кухарку была Варя. В обед она варила похлебку на разведенном из соломы костре. Взрослые и дети обтрясали пыль, утирали рукавами потные лица. А Тася от усталости даже кушать не могла. Падала без ног.

В сентябре (мамка называла его верасенем) убирали подсолнухи. Вот эта работа Тасе нравилась! Дни стояли золотые – как подсолнуховые короны. Но не жарило. Шли рядами, срезая большие цветочные шляпы и вешая их на родные стебли кверху семечками. Чтобы просыхали. А спустя два дня опять проходили по рядам уже с палками, выбивая пузатые семечки в звонкие ведра.

Бригадир следил, чтобы женщины не набивали карманы. Но на детей он не смотрел, и Тася с Пашкой торопливо пихали за пазуху шершавые жмени. А на уборку гороха мамка нашла внутри Пашкиных штанов большие накладные

карманы, в которые брат украдкой ссыпал веселую добычу.

Последней выкапывали картошку. И вот поля опустели. Посыпался густой дождик. Пашка повадился в лес по грибы. Тасю не брал.

Той осенью Тася должна была пойти в четвертый класс. Семилетка, куда бегали ребята, была в селе. Но школу заняли немцы. И все уроки отменили. Тася сама читала истрепанные школьные книжки – не хотела отстать. Двойняшки Аленка с Янкой, прижавшись плечиками, бережно слушали. Будто что понимали!

Деревенских часто сгоняли к сельскому клубу. Но не на концерты и не на танцы. Там староста-счетовод, щурясь сквозь толстые кругляши очков, зачитывал приказы от новой власти. В селе уже расстреляли несколько семей, которые подкармливали партизан. Пашка говорил: на бастиной станции они взорвали длиннющий поезд с немецкими боеприпасами. За одного раненого фрица хватили по случайным хатам и прилюдно казнили пять человек, а за убитого – сто.

Однажды страшный немец в каске схватил мамку за горло. Чуть не задушил. Подскочила Варя. Залопотала непонятно: герр офицер, герр офицер! Она немецкий в школе учила, круглой отличницей была. В общем, объяснила фрицу, что мамка не партизанка и не коммунистка. И что у нее четверо детей, двое маленькие совсем. Варя выдернула из ушей неприметные золотые коцики. Сунула немцу на раскрытой ладонке – не пожадничала. Тот Варины сережки цапнул. И только после этого выпустил мамку из гибельной конопатой лапищи.

Голод никак не отступал. Царапал кишки. Жег. Мамка кормила маленьких – и уж остатки давала большим. А сама ложилась спать на пустой живот.

Но крепче всего Тася запомнила страх. С ним она просыпалась – и засыпала. Было страшно, что выгонят из хаты. И что убьют или уведут Дочу. И что расстреляют Пашку, заподозрив, что он бежит до партизанского отряда (вместо грибов). А самый страшный страх – что мамку угонят... Как Варю!

Сначала-то немцы привозили в село патефон и крутили на площади заграничные пластинки, а староста рассказывал, какое сладкое житье ждет молодых в Германии. Как их будут белыми булками кормить, а девушкам подарят фильдеперсовые чулки и шелковые отрезы на

платья. Но добровольцев было мало. Никто не хотел разлучаться с родными. Парни, девушки хмуро переминались, не поднимали глаз. Тогда их окружили, как скотину. Тыкали автоматами. Погнали.

Когда Варю вместе с другими вели, Тася все видела. Но кричать и плакать боялась. Девушка жалобно озиралась. Искала глазами своих. А Тася даже руки на прощанье не сумела поднять: та будто отнялась. Стала чужая.

Варина мать как узнала про дочку – несколько дней собакой выла. Во многих хатах тогда выли. В деревне вообще только старики да женщины с детьми остались.

Мамка все тряслась, что Пашку заберут. Брат был рослым, плечистым (в батю). И когда люди заговорили, что немцы развернули в городе большой лагерь для наших пленных, мамка туда Пашку не пустила. Чтоб не поймали. А послала до Витебска Тасю – батю искать. Завернула в платок вареных картох, краюху, малюсенький шматец сала. Покрестила лоб. Пошептала горячо дощечке-иконке. Когда батя ушел на войну, мамка вынула такую из расписной старой скринки и все время о чем-то уговаривала большеглазую грустную женщину с младенчиком на руках.

А Тасе что? Она и до войны шустрая была. А теперь так полегчала – ай, взлетит! Косточки проступили. Позвонки. Шумнет какая опасность – под листочком укроется.

В общем, взяла узелок, побежала до Витебска. Шла больше лесом, болотцами. Землю уже приморозило. А Тасе нипочем: мамка калошки дала. Трава лежала волнами, желтая с сединой. Хрустела под ногами. Воздух был сладкий и острый. Будто сбитня с медом напилась. Хорошо!

Ближе к городу надо было выходить к дороге, по которой тарахтели немецкие коляски. Тася заробела. Взяла калошки в руки и перешла вброд речушку, впадавшую в солнечно-небесную Лучосу. Вода хватала злющим холодом голые ноги. Зато немцам на глаза не попала.

И вот она в Витебске. Кругом руины. Разбомбленные большие дома. И виселицы с покойниками (девочка огибала их стороной). По развалинам ходили люди. Что-то искали. Наверное, вещи, догадалась Тася. Спросила, где держат пленных. Ей рассказали.

Лагерь сторожили немцы с автоматами. Тася стала канючить, чтоб пропустили. По щекам по-

катились крупные горошины-слезы. Сторожа засмеялись, по-своему залопотали. Показали дулами: проходи! Тася кинулась к шипастой проволоке. Глазами рыскает. А там наших бойцов видимо-невидимо. Оборванные. Серые. Худющие. Тянут к девочке дрожащие руки.

Ближе всех к проволоке стоял усатый пожилой дядька – Тася у него про батю спросила. Может, видел тут Илью Андреевича? А тот башкой мотнул. Сказал, мало кого по именам знает: здесь у всех номера. Тася разревелась. Рванула собранный мамкой узелок, высыпала в дядькины торопящиеся ладони холодные картохи и сальце (хлебушек она еще в лесу весь выщипала). Наказала, чтоб он с другими поделился. Дядька странно на нее поглядел – и заплакал.

Повернула Тася домой. Как старушка по дрыгве чавкала. Медленно-медленно. Ничему больше не радовалась. Ни блеску мелькающей из-за деревьев Лучосы. Ни хрусткой траве, похожей на космы бабки Богуси. Тошно было: батю вспоминала. Как маленькую в небо поднимал. Как пряники приносил. Его смеющиеся глаза. Ссутуленные плечи. Руки. Мамка Тасю увидела – сразу все поняла.

Лихо, голодно дожили они до весны сорок четвертого. А Пашку мамка не уберегла! Еще в предзимье его поймали с партизанами. Несколько дней измывались. Потом повесили. Мамка ходила на сельскую площадь, где стояла высокая шыбеница и длинный, худой Пашка висел, черный от побоев. Страшный. Чтоб не выть, мамка руки в кровь изжевала. Дома об стенку головой бессловесно стучалась. Пашку жалела. А еще боялась, что их выдадут. Тогда всех убьют.

Но никто не донес. А Пашкину виселицу долго не убирали. Чтобы неповадно было партизанить. И зимой трупы на ней звенели и трещали от мороза. Однажды пьяные немцы изрезали уже мертвых партизан: двух парней, старика и Пашку. Бросали в них ножички на меткость. И только после этого разрешили закопать изуверченные тела у дороги за околицей.

Снова приблизились бои. Вокруг горело, грохотало, взрывалось. Немцы лютовали страшнее ошалелых зимних волков. Все вытаскивали из хат загребушими лапищами. Хватали подушки, ложки, платья. Батин шевиотовый костюм нашли. Мамка его очень жалела (загадала: сохранит – тогда батя вернется).

Немцы резали по деревне кур. Жгли клетки. Вытрясли до зернышка бывшую колхозную житницу, где хранились запасы посевных семян.

А самое горькое горе – свели со двора Дочу! Мамка убивалась по ней. Свет из ее глаз будто вычерпали алюминиевым ополоником. Затосковала она. Обессилела. Боялась, что оставшиеся дети теперь перемерут.

Однажды женщин с ребятами погнали на станцию, а там погрузили в составы и куда-то повезли. В Тасиной памяти остались яркие вспышки: переполненный душный вагон, несмолкающее чухчуханье колес. В Белостоке их эшелон отбила Красная армия. Бой был ночью. Тася с мамкой лежали во ржи, освещенные прожекторами. Рядом копошились и попискивали двойняшки. Боялись в голос реветь. Земля дрожала от взрывов, было жутко, живот жгло от голода.

Домой они добрались только к зиме. Хата стояла разбомбленная. А печка опять уцелела! Да варить было нечего. Не осталось ни живности, ни припасов. Жили в землянке, выкопанной мамкой в начале войны. Кругом разруха. Все голодали. Как перезимовали, страшно вспоминать. Мамка опухла (такой потом и осталась). Но наступила весна. Кое-как засеяли огороды. Вышли в поле. А скоро лебеда разрослась – счастье! Грибы, кору, 111 корешки в лесу – все кушали.

Мамка сказала, чтобы Тася шла в город учиться на фельдшера. Там давали хлеб. Еще девочке выдали тяжелое длинное пальто со свисающими плечами и мужские ботинки, в которые она подкладывала скомканную бумагу, чтоб не спадывали. В Витебске было без счета голодных грязных беспризорников. Кто попрошайничал. Кто подкарауливал пьяненьких – чистил карманы.

Тася долго не могла наесться. В том лагере, где она искала батю, теперь были немецкие солдаты. И девочки покупали у них в складчину хлеб, когда получали стипендию. Он был белый. Сладкий. Не то что в их фельдшерской школе.

Самым главным в Тасиной жизни стал голос Левитана. А когда он объявил о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, на улицах обнимались даже незнакомые. И Тася обнималась. Было солнечно и тепло. Из черных тарелок на столбах лилась красивая музыка. Прохожие пели и плакали.

Из эвакуации вернулись артисты, и Тася ни одного концерта не пропускала, особенно когда выступали, словно невесомые, балерины. Ви-

тебск наводнили инвалиды. Безногие и безрукие, ослепшие, контуженные выпрашивали хлеба да рублик на водочку. Тасе думалось, что человек зараз с двумя руками и двумя ногами – это какая-то диковина.

После выпуска восемнадцатилетнюю Тасю направили в Сибирь. Перед отъездом она повидалась с мамкой и сестричками. Те вытянулись тоненькими золотоволосыми былинками. Учились в четвертом классе. Школу в соседнем селе распочали еще в сорок пятом. К счастью родни, нашелся пропавший на фронте учитель. Колхоз полегоньку управлялся. Мамка работала в поле. Двойняшки зорили за хатой, огородом. На сбереженные Тасины стипендии семья прикупила добрую телушку.

А батя так и сгинул без весточки. Уж как мамка горевала! Все грешила на костюм.

Дома Тася подскакивала ни свет ни заря. Даже жаворонки еще спали. Сердце стучало – как шальное. Что ждет ее в чужой стороне? Девушке было боязно, но одновременно сладко и весело.

Ехала Тася долго, с пересадками. Тюпала яички, клевала картофельные колдуны, сгоношенные мамкой на дорожку. На станциях выбегала за кипятком. Казалось, наслушалась чухчуханья на всю долгую жизнь. Однажды оказалась в симпатичном деревянном городке с резными окошками. Прозывался он ласковым девичьим именем Мариинск. На станции было много людей, стояли запряженные подводы, фыркали медовоглазые лошади.

Но в Мариинске Тася не осталась – получила разнарядку ехать дальше. До места ее повез словоохотливый деда Гриша на валкой, дребезжащей телеге. Он рассказывал чужой улыбчивой девушке о сыне, который не вернулся с войны. По воспоминаниям старика тот выходил каким-то невиданным сказочным богатырем, в одиночку валившим вековые сосны. Путь был неблизким – по веселым проселкам мимо молодых березняков и смеющихся солнечной рябью сизых речек. Тасины глаза радовались простору, солнцу, лесу. Только донимал злющий гнус – лез в лицо.

Наконец-то приехали! Тася нетерпеливо соскочила с телеги, огляделась. Бревенчатые домики паслись небольшими улочками. Важные толстые пеструхи лениво обмахивались хвостами с длинными волнистыми метелками, обирали

шершавыми языками заросший одуванчиками луг. А пеструшки дети поднимали из высокой травы испуганные облака капустниц.

Деда Гриша определил приезжую Тасю к своей невестке Лене. Та как раз вернулась с вечерней дойки и елозила по полу мокрой тряпкой. Дала молоденькой фельдшерице умыться. Угостила сладкой паренкой из печи. Налила парного молочка.

Передохнув с дороги, Тася пошла до начальства доложить о прибытии. У входа в двухэтажный барак трепыхался на слабом ветерке призывающий к труду кумач. В распахнутой окошкми комнате висели старые фуфайки и шинели. С голой бревенчатой стенки шурился вождь. Немолодая стриженная женщина с худым подвижным лицом лупила по черно-золотым кнопкам ундервуда. Попыхивая вонючей папиросой, она прочла протянутую девушкой бумагу. С сомнением окинула взглядом Тасину воробынью фигурку, непонятно вздохнула.

Клавдия Ивановна – так звали женщину – выдала Тасе ключи от фельдшерско-акушерского пункта. Тот построили еще в тридцатых годах при большой колонии-поселении.

Вольнонаемные жили в поселке Рассвет: там был клуб, магазин, библиотека и баня. Зэки выращивали зерно и овощи, занимались животноводством, а зимой шили телогрейки и рукавицы, валяли валенки. У зоны было богатое хозяйство, имелся даже свой маслозавод. Осужденные ходили повсюду без охраны, держали при себе деньги, носили обычную одежду. Парни гуляли с девушками. Бегали на танцы, в кино. Среди вольнонаемных встречались бывшие поселенцы, которые обзавелись тут семьями и остались работать на полях и фермах.

Тася сошла на крылечко. Улыбнулась солнцу, любимому ельничку. Рослые елочки, глядевшие на Кию, обрадованно замахали в ответ вихрастыми макушками. Вокруг Тасино дома стояли высокие созревшие одуванчики, надули свои невесомые парашюты. Ой, полетят! А над ними уже мышковал зависший в синеве коршун. Шарил по земле внимательным взглядом. И Тася будто перебирала пальцами шершавые нитки запаха, вплетенные в диковинный узор из солнца, неба, ветра, деревьев, реки, облаков.

Она привыкла думать о себе как о Тасе. Так ее звали батя и мамка. Сестры. Петро. Поселковые старухи.

Но и на Таисию Ильиничну она откликалась. Хотя в восемнадцать лет от такого обращения ей было нестерпимо смешно – как от щекотки.

Тогда Тася чуть свет прискакала на фельдшерский пункт нетерпеливым воробышком. Даже не завтракала. Отокнула двери, осмотрела и потрогала сияющие холодным металлом акушерскую кровать и инструментальный столик. В распахнутое окошко заглядывало утро – свежее, как сливки. Девушка открыла тетрадку и написала наверху странички число. В общем, приготовилась к приему больных.

Но вместо пациентов явился Адам Карлович. Он был хирургом, отбывал наказание по довоенному делу, на зоне пользовался громадным уважением.

Стали знакомиться. Белобородый старик с веселыми жгучими глазами поинтересовался полным Тасиным именем и с тех пор величал ее только Таисией Ильиничной. И прозрачная, юная Таисия Ильинична, походившая на фарфоровую балеринку, ассистировала своему учителю при самых сложных операциях. А приходилось делать даже трепанации черепа.

Вместе и порознь они кесарили зэчек, которые на сносках ходили за коровами и свиньями, убрали овощи. Женщины рожали прямо в коровниках, на поле, по дороге на фельдшерский пункт. Роды были трудными, но Тася научилась справляться. И когда Адам Карлович вернулся в родной Ленинград, она не пропала.

По выходным в поселковом клубе были танцы. Только Тася там редко бывала. Как Адама Карловича освободили, на ее попечении оказалось несколько тысяч человек. Больных она проводывала пешком и за день пробежала десятки верст. Скинет обувку и, как в детстве, шлепает босиком по пыли или по лужам. Вечером сильно ныли ноги. А утром фельдшерский чемоданчик в руки – и тем же кругам по полям да лесам. Так бы и вековала холостячкой. Да помог страшный случай.

На отдаленном участке зоны, куда Тася ходила лечить поселенцев, сидели зэчки с огромными сроками. Они могли убить ни за что: им было плевать. Однажды к молодой фельдшерице вразвалочку подошла женщина. Ощерилась: «Тебя щас резать или потом?» И выхватила из Тасиных рук чемоданчик. Вытрясла таблетки (за ними и охотилась, чтобы кайф словить). Прижа-

ла к шее заточку. Тася поняла: это смерть. За-
жмурилась.

И вдруг чувствует: не держит ее никто. Открыла глаза, а напротив стоит перепачканный мазутом парень. Озабоченно заглядывает в Тасино лицо: «Испужалась?» А Тася только головой мотнула: то ли да, то ли нет – не поймешь. Вот с тех пор и начали они встречаться – фельдшерица и механизатор с Рассвета.

Петро был не особо видный. Невысокий. Юркий. Как воробей. Под стать птичке-невеличке Тасе. Родом со станицы Старолеушковской. Его родители работали в большом колхозе. Растили четверых детей. А когда началась война, старший Петро должен был пойти в девятый класс.

Фашист быстро наступал, взял Дон. И всех старолеушковских ребят отправили рыть траншеи. Ночью они шли, а днем прятались в сараях от самолетов. Двигали в сторону Сталинграда, но их развернули на Ростов, который наши сумели отбить у фашиста. Петро копал противотанковые рвы, пока ему не стукнуло восемнадцать. И тогда парня направили в стрелковую дивизию, оборонявшую Крым.

Та понесла большие потери и прибыла для пополнения состава. А из кого его пополняли? Из мальчишек. Три месяца Петро проучился в саперном училище – и сразу на передовую. Им даже не объявили званий, это потом он узнал, что теперь сержант. Его дивизия сначала воевала за Краснодар. Оттуда пехоту отправили в Новороссийск. И кораблями – десантом в Керчь. Петро определили в саперный взвод при командире полка. В пятидесяти метрах от окопа находился командный пункт. Ночью копали ходы, по которым доставлялись боеприпасы и продовольствие. Днем сидели в окопах.

Немцы силы подтянули огромные: и авиации, и танков. Пришлось откатиться до Керчи. Уже почти весь Крым был под фашистом. Шли жестокие бои за Севастополь. Полк, где служил Петро, Гитлер зажал на берегу залива. Продуктов нет, патронов нет, сверху вражина самолетами бомбами утюжит. Головы не поднять! Какие наши катера прорвутся – чуток продуктов, боеприпасов подбросят. Да раненых заберут. А живые и целые оставались стоять на берегу.

Кто на чем пытался переплыть. Автомобильные камеры на себя надевали, какие-то лодчонки из кустов вытаскивали, вязали плоты. Только

мало кто даже до середины залива живой доплывал: фашистские самолеты над головой висели. А кому удавалось доплыть – течение в море уносило. Оно там очень быстрое. Много товарищей потонуло.

Топтался Петро на берегу. Тут кто-то рыбацкий баркас в скалах нашел. Все туда набились. Баркас еще не отплыл, а вода уже через борт хлынула. Петро видит, дело – дрянь. Вскочил. Метров тридцать проплыл, выполз на землю. Но тут рядом снаряд разорвался, и парня накрыло. Глаза забило землей. Оглушило. Очнулся оттого, что кто-то в бок со всей дури толкает. Глаза открывает: немцы! Так Петро в плену оказался. Это было в мае сорок второго.

Немцы гнали пленных через Крым. Жара стояла страшная, хоть и май. Пить не давали. Все отобрали. Вот бежит Петро по какому-то ручейку, на ходу пилотку с головы стянул, черпнул воды и пьет. А сверху по течению раздутая лошадь лежит... Многие тогда брюшным тифом заболели, Петро тоже. Уже больного его в Житомир пригнали. Там здоровых от больных отселили и в Германию повезли на работы. Остальных погнали дальше – умирать. Везде были фашистские концентрационные лагеря.

Все лежали в конюшне – на соломе вперемежку тифозные и раненые. Наши пленные врачи, как могли, без лекарств больных выхаживали. А может, и материны молитвы помогли Петру. Только как-то начал он поправляться, и врач, который за ним ухаживал, стал его понемногу подкармливать. Немцы к тифозным боялись заходить. Так наши врачи об умерших только на следующий день докладывали, а пайку, которую на них выдавали, между выздоравливающими делили.

Той пайки-то было – пол-литра жидкого супа из турнепса, кусочек хлебца пополам с опилками, двадцать граммов маргарина да кофе. Только лишняя ложка супа, ломтик хлеба – это не просто еда. Это был шанс на жизнь.

Петро стал ходить, и его записали в гробовую команду. Эсэсовцы были злущие, сволочи. Но встречались среди немцев и те, кто отворачивался, когда местные хлеб пленным кидали. Когда хорошие охранники попадались, парень собирал с земли кусочки, запихивал в рот. А если злой эсэсовец охранял, то бил прикладом по горбу. И мало гаду, что хлебушек выбьет. Еще и ногой ломоть растопчет.

Было в их гробовой команде десять человек. Дали им телегу. На нее мертвых с ледника вытаскивали и потом на себе эту телегу за город тащили. Там могила была вырыта: метров двадцать длины, шириной в человеческий рост. Складывали мертвецов штабелями, немного земель присыпали. На следующий день новых притаскивали. И так, пока могила не заполнится. Кажется, тысяч пятьдесят так уложили. Сверху деревянный крест ставили.

А как наши в наступление пошли, Петро с другими в Белосток перегнали. Двухэтажные нары там были, матрацы, одеяла, подушки, сплетенные из соломы. Кормили худо – на вид пленные мало от скелетов отличались. А работали тяжело: разгружали вагоны на железной дороге, носили шпалы и рельсы, которые немцы на Украине награбили. Одну шпалу тащили вчетвером. У каждой четверки был свой конвоир. Попадались очень злые. Кричит: «Ты русская свинья!» И прикладом двоих из-под шпалы выбивает. Упадут, как подкошенные, сверху еще шпалой придавит. Лежат, двинуться не могут, а фашист прикладом лупасит. Петро чудом живой остался.

Однажды пленных снова погнали. Петро-то думал, что расстреливать. Но, видимо, немцам они были еще нужны. Набили людей в вагоны, все стояли – не шевельнешься. Снова многие умерли – не выдержали дороги. А Петро опять среди выживших оказался.

В концентрационном лагере в Германии он тоже вагоны разгружал. А как наши к Берлину подошли, всех пленных прямо ночью поднимали. С нар прикладами выбивали. Петро подумал: теперь-то точно будут убивать. Но людей опять незнамо куда погнали. На дороге народу ужас сколько: беженцы из местного немецкого населения, власовцы. Все от нашей армии драпали. Боялись мести. Власовцы на подводах ехали. А пленные, «шкелеты», пешком, с конвоирами. Если отстал, упал, то просто пристреливали, и все. Много кого пристрелили.

А с неба обстрел из американских самолетов. Они не разбирали по кому – по власовцам или по немцам. Как самолет идет, охрана раз – и на землю. А пленные должны в кучку сбиться и стоять. Но американцы их перелетали – не трогали. Петро со своим другом Иосифом Емельянычем суматохой воспользовались – и ну оттуда деру. Они в лагере сдружились. Иосиф Емелья-

ныч был с Полтавы, на десять лет старше Петро, хороший, добрый.

Думали затеряться среди гражданских. Да куда им, таким полосатым? Не промахнешься. Охранник за ними бежит. А сбоку власовские подводы проезжают. Это беглецов и спасло. Сначала фриц не стрелял, чтоб своих не задеть. А когда автомат на «шкелетов» навел, то власовец с последней телеги – свой наставил: не трогай. Кто знает, какие грехи отмывал. В общем, спас. Потом посадил друзей на подводу и они вместе в американскую оккупационную зону приехали.

Американцы всех в лагерь загнали. Власовцы лошадей стали резать, обед варить. Петро и Иосифа Емельяныча тоже накормили. Неделя прошла или больше. Вдруг слух: власовцев отправят в Данию. Друзья всполошились: а их-то туда зачем? Они же не предатели. Эх, была не была. Решились на новый побег. Подняли ночью проволоку, пролезли и скрылись между частных домиков. Вышли на центральную улицу – а там американский патруль.

Отвели Петро и Иосифа Емельяныча на какой-то сборный пункт, где их полосатого брата было полно. Кормили очень хорошо. Потом приехал советский офицер, стал агитировать, чтоб на родину возвращались. Они же на американской территории были. Американцы их в вагоны посадили, продуктовые подарки дали, перевезли в советскую оккупационную зону. Там всех по возрасту разделили. Пожилых поездом на родину отправили, а Петро опять пешком потопал. Так он всю войну и проходил.

Шли от самого Берлина до Волковыска. Все лето шли. По тридцать верст в день получалось с привалами. Там елок наломают, постелят, отдыхают. Кухня впереди ехала, еду готовила. Ничего. Нормально шли. Только по домам не пустили, а разбили на группы и послали восстанавливать страну. Петро оказался в Сибири разнорабочим на шахте.

Уже на месте парня вызвали в особый отдел на допрос. Как в плен попал, почему не застрелился? Спрашивали про предателей из пленных, про полицаяв, которые у немцев выслуживались. Петро их очень хорошо запомнил. Особенно много было украинцев. Они на вышках стояли с автоматами, чтобы пленных охранять. Только люди попадают разные. Иосиф Емельяныч тоже с Украины был.

Петро разгружал вагоны, укладывал шпалы. В сорок седьмом бывшим пленным разрешили повидать родных. Он-то своих семь лет никого не видел. Только письмо написал, когда до Белоруссии дошли. Всем желающим тогда бумагу выдали, чтобы семьям могли весточку послать.

Когда Петро до дому приехал, две сестры уж замуж вышли, а меньшая школу заканчивала. Станица во время войны под немцем была, но сестренки и мама живые остались. А отец на фронте без вести пропал.

В родном колхозе разорено все было, голод-но очень. Петро пошел выхлопотал младшей сестренке паспорт. Она в Днепропетровск к родне уехала (потом семья у нее появилась, дети).

Мама говорит: назад возвращайся, если там лучше. Так Петро окончательно стал сибиряком. Тут пригнали немцев, наших заключенных. Парня охранять их отрядили. Только эта работа не по нему была. Хоть и остался Петро в Рассвете, но выучился на механизатора, трактор водил. Был незаменимым человеком. Его уважали, премировали всегда, награждали.

И невесту себе он в Рассвете нашел – от смерти отбил.

Зажили Тася и Петро на загляденье. Дочку Любочку родили. Собаку такую звонкую завели. Петро, как выходной был, все картинки малевал. Он с детства хорошо рисовал, мечтал в художники выйти. Только Тася маленькая тоже думала, что будет лебедя на сцене танцевать. Война помешала. А потом что? Торопилась, летела жизнь. Тася полюбила Рассвет, работу. Заботилась о муже и дочке. Радовалась.

А было всякое. Злое. Еще не раз и не два на нее с заточками и ножиками кидались. И выплакаться к ней приходили. Кто жаловался, каялся в страшных делах. А кто и бахвалился. От чужой черноты и боли Тася боялась надломиться. Тогда брала удочку и шла на Кию рыбачить. Не заметила, как прирадовалась.

Ее любимое место находилось за ельничком. Там речка была самой говорливой. Дышала и шумела на разные голоса. Тешила. Успокаивала. В просвечивающей до донных камушков водичке плавали шустрые рыбки. Манило погладить их прямо по спинке, от головы до хвоста, как котят.

Осенью Кия парила густыми туманами сквозь рубиново-изумрудный, словно летящий, солнечный лес. Зимой надевала толстый белый пан-

цирь. Весной шуршала шугой, берега обсыпали кандыки. Они выглядывали длинными опущенными головками из сахаристого снега, который рассыпался в горсти крупными зернышками-лединками.

Летний дождь барабанил по тугой листве в ярком лесном лабиринте, нанизывал невесомые алмазы на липкие паучьи сети. И Тася чувствовала такую радость, какая бывает только в детстве, когда все тело звенит-поет от роста, от легкости бытия, от всеобщей и частной чудесности: вселенной, бега, плавания, лета, слепого ливня, запахов, вкуса свежих огурцов с хлебом.

Прислонялась спиной к истекающей терпким смолистым медом шершавой елочке. Поднимала лицо. Ощущала каждый запах, цвет, звук, каждое движение и прикосновение этого мира, пуская в себя его силу. Потом возвращалась в Рассвет. Доверчиво-ласковые поселковые лошади тянули к ней свои замшево-нежные морды. Суетливые дворняжки тоже подбегали за Тасиной лаской.

...Непоправимое горе пришло за большим счастьем. Любочка привезла в Рассвет маленького Илюшку. Сама-то она давно жила в райцентре, была учительницей, рано овдовела. Муж убили, перевернувшись на машине, и Любочка одна поднимала Илюшку. Каждое лето она привозила сына в поселок. Деда Петя рисовал внуку коровок, лошадок, собачек. Баба Тася приохотила малыша к рыбалке. Они как раз были вместе на Кии, когда случилась беда.

С зоны бежали заключенные, ворвались в дом фельдшерицы, все перевернули в поисках наркотиков. Под руку им попались женщина и старик...

Тася похоронила Петро и Любочку. Но не озлобилась. Как и раньше, навещала больных, была ноги десятками верст. Илюшка воспитывался в детском саду, потом перешел в школу. Был лучшим учеником. Выучился на компьютерщика. Остался в городе. Только никак не женился, сколько его Тася ни уламывала.

Тасин фельдшерский пункт упразднили за ненадобностью. У колонии были свои врачи. А десяток живущих в Рассвете старух в расчет не взяли. Но Тася по собственному почину продолжала ходить по дворам. Приносила собранные на берегу Кии чабрец, ромашку, птичий горец, кровохлебку, пижму. Кому давление померяет,

таблетки посоветует. С кем чая попьет за неспешными разговорами, послабляя тоску чужого одиночества.

Иные поселковые старухи были помоложе фельдшерицы, но хвори донимали, ноги-руки не слушались. А Тася и в старость вошла прежней шустрой птичкой-невеличкой. Проснется от солнечного луча, затопит печку, надергает чего надо в огороде (если не зима). Потом идет проводить больных. Еще на могилки заглянет.

Вот и в это утро Тася рано была на ногах, обежала Рассвет, навестила Петро и Любочку. Возвращается, а у калитки Илюшкина машина стоит.

Незнакомая девушка по двору ходит: внук привез знакомить. Ничего, хорошая девушка. Глаза от улыбки расцветают – как пролеска. Синие-синие. Все норовит к Илюше прижаться, голову на плечо положить, а узенькой ладошкой живот бережет.

И не загадывала Тася столько радости: Илюшкина-то невеста на восьмом месяце оказалась. Посидели на крылечке, пока солнце не спряталось. Аня все выпрашивала Таисию Ильиничну про жизнь.

Ночью Илюшиной девушке стало худо. Воды отошли. Начались преждевременные роды. Тася велела внуку дозваниваться до скорой, а сама помогала напуганной Ане. Ту выгибали сильные болезненные схватки.

И вот показалась головка ребенка, которую Тася подхватила умелой ладонью. Ловко сняла с крошечной шеи петельку пуповины. Обрезала ее ножницами. Очистила ротик от слизи. Растерев младенчика, укутала в одеяло и положила на маму. А тут и врачи подоспели, увезли Аню и новорожденную девочку в райцентр.

В роддоме сказали: малышка могла бы погибнуть, если б роды принимал неопытный человек. Но все обернулось удачно. Илюшина дочка быстро набирала вес. Их с мамой выписали домой. Рядом хлопотала счастливая Тася.

Она давно перебралась к Петро и Любочке. Пирует теперь за одним столом с родными. И чего там только нет! Зажаристая бабка. Драчена. Налистники. Медовая саладуха. Аж слюнки текут.

Мамка прижалась к батиному плечу – и не дышит от нежности. Меньшой братик в нарядной

льняной рубашке крошит прозрачными пальчиками масляный цыбрик. Двойняшки о чем-то говорят – не наговорятся (всегда болтушками были). Петро рисует новую картинку, Любочка читает книжку. В хате тихо-тихо. Будто за окошками падает снег. От этого небо белым-бело.

Только это не снег – просто летят одуванчики. Вбегает Пашка. Зовет на укос. Там уже все собрались. Навстречу Тасе выкатываются хохочущие подружки Алеся и Марийка.

Ух как пахнет трава на косовице! Соком и солнцем. Мужчины шабрят литовки, и те весело вскрикивают в их руках. Женщины, перешучиваясь, проходят внаклонку по мохнатым кочкам. Скошенная трава сохнет на поле зелеными кружевами. Над прохладным ручьем сладко шепчется березовый лесок.

Притомившаяся Тася уткнулась макушкой в копнушку – наблюдает за скольжением облачных перышек. Вот бы вытянуть такое из неба – как из наперника. Она протягивает руку и крепко ухватывает за колкий кончик. Облако мягко раскрывается белым парашютиком.

Когда летят одуванчики, в Рассвет приезжает Илья. Они с Аней убирают могилки, моют и чинят старый бабушкин дом, косят траву в огороде. А десятилетняя Тася играет на крылечке. Вокруг дома стоят еще не скошенные высокие одуванчики. А над ними мышкует зависший в синеве коршун. Шарит по земле внимательным взглядом.

По улице ковыляют поселковые старухи: каждой хочется поглядеть на фельдшерицыну правнучку. Сама-то она Таисию Ильиничну почти не помнит. Но по рассказам взрослых все-все про бабу Тасю знает.

С крылечка виднеется вихрастый ельничек, глядящий на Кию. Папа, когда был маленьким, ловил там рыбу. Вот окончит работать, и они пойдут на речку гулять. В просвечивающей до донных камушков водице плавают шустрые рыбки. И манит погладить их прямо по спинке, как котят. А может, Тася встретит на лесной тропинке ежика. И тот никуда не убежит.

Солнечный луч щекочет губы, нос. Будто кто-то ласковый водит по ним сказочным птичьим перышком. Тася принимается мечтать. Как вырастет и станет балериной (она ходит в балетный кружок). Или врачом. Девочка еще не решила.

Мозаика мемориала сибиряков-гвардейцев, воинов-освободителей в г. Кемерово







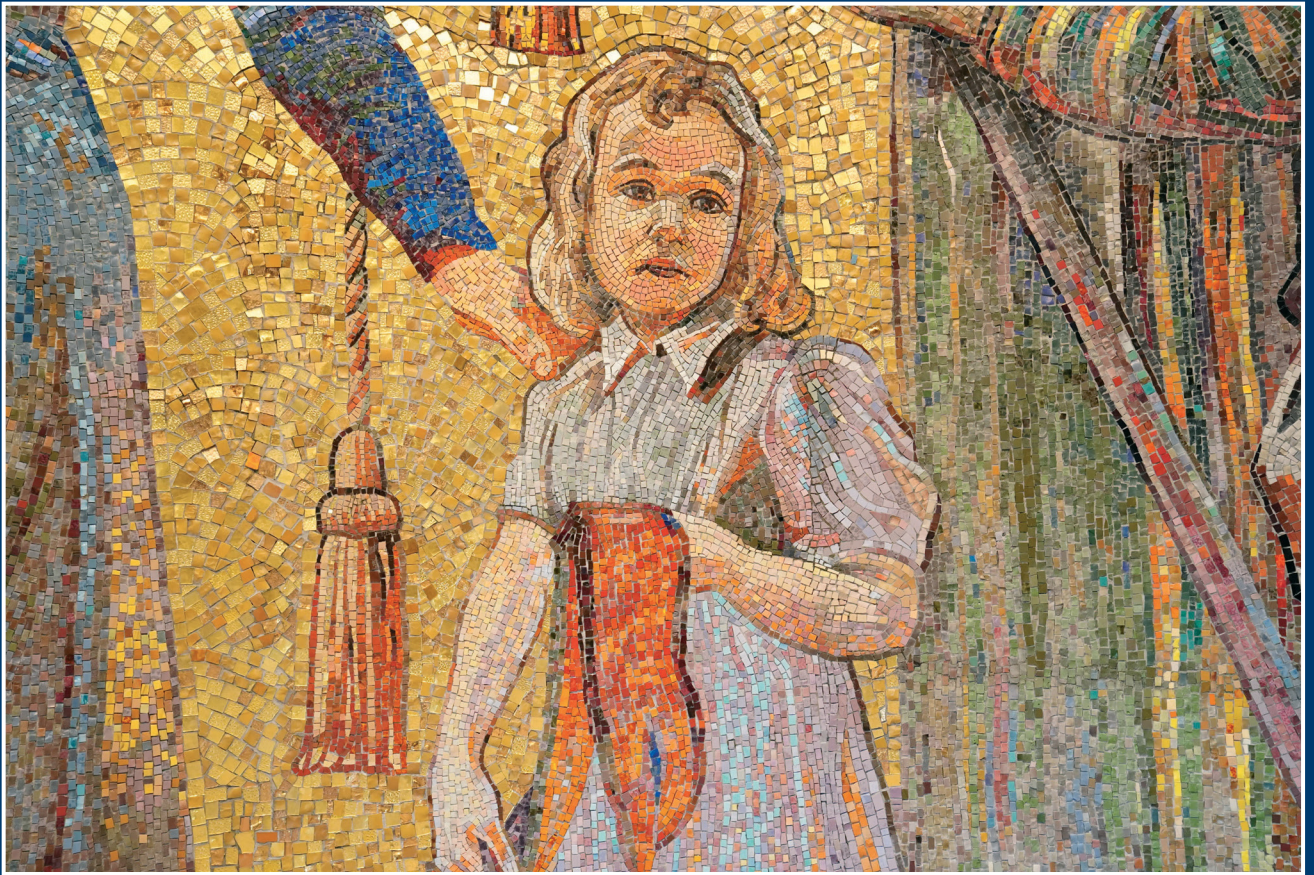


Фото К. Полюцкого

**Владимир
ЩЕЛКАНОВ**

**С ТЕХ ПОР ПРОШЛИ
БОЛЬШИЕ ГОДЫ**



* * *

Иду по красной мостовой
Сухой безоблачною ранью.
И лист с осины золотой
Летит к ногам покорной данью.

Багряной роздыми река
Течет в объятиях рассвета,
И чья-то властная рука
Уносит розовое лето.

Еще немного светлых дней,
Еще глоток небесной сини,
И засвистят, как сто чертей,
Ветра по пастбищам России.

И, распахнув в ненастье дверь,
С одной лишь мыслью, что не струшу,
Рванусь, встревоженный как зверь,
Искать свою родную душу.

* * *

Мчался поезд по желтым просторам
Звездопадного августа. В ночь
Вы смотрели таинственным взором,
Чар которого не превозмочь.

Спал вагончик, луной осиянен.
И, умаявшись, вдалеке
Мирно грезили россияне
В деревеньках, сбежавших к реке.

Озарялось огнями пространство.
Вдруг споткнулся и замер вагон.
И сошел я на маленькой станции
На отчаливший в сумрак перрон...

И теперь на перроне житейском,
В мокрой завязи пасмурных дней
Все мне мнится как чудное действо
Образ спутницы давней моей.

СОБАКЕ ЧАКРЕ

Впадаю в озноб я, когда
с приглушенным минором
Глядит на меня немигающим
взором собака.
Как будто плывет над осенним
и мгlistым простором
Серебряный месяц обсевком
пшеничного злака.

Как будто у Времени в горле
 застряла протяжная нота,
 Молчит часовой механизм –
 золотая пружина разжалась...
 Как волки, мы чуем смертельную
 близость далекой охоты.
 И мышью в дырявой сухарнице
 в сердце скрежещется жалость.

Но предков мучительный зов
 посильнее свинцовых горошин,
 И в хищной груди закипает
 симфония волчьего гнева,
 Что алым багрянцем распишется
 густо на чистой пороше,
 Когда разыграется драма
 в соломенном сумраке теплого хлева...

Не меркнет холодное пламя
 во взгляде у друга и зверя.
 Мы оба ничтожны под властной
 пятою железного рока.
 И вычислить трудно, кто шибче
 страшится потери...
 Кому из нас больше –
 ему или мне? – одиноко.

БАЛЛАДА О ГАЛКЕ

В тревожный час, когда не спится
 При фантастической луне,
 Мне силуэт знакомой птицы
 В ночном пригрезился окне.
 Пред ним, растерянный и жалкий,
 Сидел не я, но мой двойник
 И вспоминал о некой Галке,
 Носившей прозвище Кулик.
 И в детство веющем норд-весте
 Опять ладью мою несло
 Гольфстримом вольности и чести,
 О, флибустьеров ремесло!
 Мы все мечтателями были,
 И лишь Кулик среди детворы
 Любила пуще странствий пыли
 Свои болотные дворы.
 Ах, Галка, Галка, все насмешки
 Сносил от нас твой кроткий нрав.
 Как медвежонок в зимней лежке,
 Не знал он игрищ и забав...
 С тех пор прошли большие годы,
 Пустая схлынула вода,
 И уголь жаркий от породы
 Мы отличаем без труда.

А та, что всех была бессильней
 И неказистой средь подруг,
 Ушла на штурм своих бастилий,
 У страха вырвавшись из рук.
 Следили мы замороженно
 За взлетом Галкиной судьбы,
 И наши «кухонные» жены
 Порой вставали на дыбы.
 С глазами, грустными, как осень,
 Им было, видно, невдомек –
 Какой девчонка преподносит
 Нам дерзкой доблести урок.
 Она валила лес на БАМе
 И с мужиками наравне
 Хлестала спирт. А в письмах к маме:
 Мол, на войне как на войне.
 До срока ангелом хранима,
 Неслась по лезвию ножа...
 А ей бы просто быть любимой,
 А ей бы мальчиков рожать.
 Но комсомольская путевка
 Не путеводная звезда,
 И ты идешь как под винтовкой
 Сквозь дождь неведомо куда.
 Идешь, пока не грянет в спину
 Слепого случая обрез...
 В непроходимую трясицу
 Увлеч ее маньчжурский бес.
 Застыл в осенней позолоте
 Тайги предсмертный Галкин крик...
 И настоящий на болоте
 Ее оплакивал кулик.
 С тех пор прошли большие годы,
 Пустая схлынула вода,
 И уголь жаркий от породы
 Мы отличаем без труда.
 Но иногда, когда не спится
 При фантастической луне,
 Мне силуэт знакомой птицы
 В ночном является окне.

СОНЕТ

Теряется вкус к табаку и к вину.
 Взрываются нервы
 замедленной миной.
 Я мог бы покинуть и дом, и страну
 И только тебя никогда не покину...
 Со щек твоих бледных
 слезинки сотру,

Когда ты, к ночной не поспев
электричке,
Вернешься, пытаясь
зажечь на ветру
Бенгальские свечи
по старой привычке.

Потянет гостей захмелевших ко сну.
 Померкнут огни на рождественской елке.
 Пускай ты полюбишь у моды в плену
 Того, кто одет с новогодней иголки.
 Пускай тебе будет по вере твоей
 Блаженных от Бога отпущено дней.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Хрустальная мелодия карниза,
Сосулек двух мажорный перезвон...
Одна из них кокетливо капризна,
Другой в нее без памяти влюблен.

Янтарною истомой истекая,
Он так прекрасен, светом обуян!
В лучах весны им птицы подпевают,
И катится небесный океан.

Ни страха, ни упрека, ни сомнений
Не знает их арктическая плоть.
И он упал пред нею на колени,
И страсти ей уже не побороть.

Как будто перевернутые свечи
Они горели, плача и лучась.
Но содрогнулись худенькие плечи,
Рассыпалась мистическая связь.

А новый день настанет как реприза:
Воскреснув с жаром из небытия,
Напомнит нам мелодия карниза
О том, что это были ты и я...



Виктор КОНЯЕВ

АНГЛИЧАНКА ОТГАДИЛА (заметки неравнодушного)

Давно хотелось записать некоторые мысли о подлинной роли англосаксов в мировой истории, о Британии и ее родной дочурке, плоть от плоти и дух от духа мамы, Северо-Американских Штатах. Не научный труд задумывался, а заметки по итогам ночных размышлений о путях человечества. И поверьте, мой добрый читатель, здесь не праздное любопытство и не любительское увлечение исторической наукой руководили автором, а тревога и великое беспокойство за судьбу Отечества, потому что именно история очень уж убедительно показывает нам, в какие трагические обстоятельства погружали Россию англосаксы. И она же, история, доказывает, что Россия всегда, когда она едина народом и правящим классом, бьет врагов и в хвост и в гриву, и в пух и прах. Потому и надобно учить исторические уроки – дабы упреждать врагов в их коварных замыслах.

Уже автор и начал потихоньку работать; происходило это еще в другой исторический период, до начала нашей специальной военной операции на Украине. И в набросках были такие строки: «Автору думается, настоящую правду об англосаксах сейчас редко кто осмелится написать: страшно приобрести от Запада санкции, не получать гранты и вообще стать врагом западного мира, а значит, и внутри нашего государства для подавляющего большинства российской интеллигенции прослыть отщепенцем и нулевым человеком». Здесь нет гордыни вроде «а вот я такой смелый, написал». Просто праведный гнев уж переполнил сердце, а бояться провинциальному литератору нечего, и плевать он хотел на всю прозападную прослойку людей интеллектуального труда.

Это они сладкой слюной исходили при одной мысли о западной помощи, и потерять ее, а также публикации в американских и европейских изданиях для них было подобно покладанию во гроб. У нас же буквально несколько месяцев назад и высшая власть боготворила все забугорное, и региональная, даже вплоть до городской и районной, за редким исключением. Весь почти бизнес в России сросся с иностранными компаниями. Все телевиде-

ние, вся шоу-культура (тьфу на нее) – у всех в глазах стоял доллар. Было.

Будем надеяться, что после 24 февраля это проходит, а если не пройдет, тогда нам гроб без музыки, всем: и народу русскому, и государству российскому. Должны мы отряхнуть прах западного либерал-фашизма с ног своих. И уже отряхиваем, значит, можем спокойно проанализировать прошедшее и происходящее.

* * *

Рим умер. Да здравствует Рим! Здравствует и процветает – в сытости и довольстве, в верных своих последователях.

Он же первый в человеческой цивилизации покусился на мировое господство и достиг в этом больших успехов. А такого человеческого сообщество не забывает, ибо порочная природа людей всегда толкает их к власти над подобными себе и к богатству, и в обеих этих страстях она ненасытна. Именно благодаря своей военной мощи и предельной жестокости при достижении поставленной задачи Римская империя и стала образцом для подражания для возросших на ее останках европейских государств.

Далекий, по древним понятиям, туманный остров Британия хотя и не весь попал в орбиту римских интересов, но наглотался сполна кровушки от римских мечей, тем и полюбился ему гордый Рим на всю дальнейшую жизнь. Да, такой парадокс существует в межгосударственных отношениях на протяжении многих столетий: чем больше и сильнее могучий бьет слабого, тем больше и сильнее слабый преклоняется перед ним. Но и мечтает при этом набраться сил и самому бить слабейших. Это даже стало нормой в странах, подпавших под владычную руку англосаксов. Во многом это и определило судьбу всей Западной Европы. Кстати, в человеческих отношениях преклонение перед бьющим тебя сильным тоже имеет место быть.

Первые века после гибели античного мира в Европе шло становление наций и формирование государств, кроваво шло, жестоко, да иначе в человеческом сообществе и не бывает.

Минула эпоха Крестовых походов, в которой правители европейских держав обкатывали технологии ограбления уже других, далеких народов и племен и создания на чужих землях вассальных образований.

К XIV веку Франция вошла в пору бурного развития, она богатела, усиливалась и тем создавала угрозу ближайшим соседям, особенно Англии. Ее надо было остановить, затормозить ее рост, в противном случае Франция вскоре стала бы самым могучим государством континента. Англия, к тому времени имевшая некоторые (скорее, иллюзорные) претензии на французскую корону, развязала вой-

ну, одной из причин которой можно считать и оскорбленное самолюбие англичан за норманнское покорение острова тремя столетиями раньше. Англия тогда потерпела поражение в войне, но за сто лет ее ведения на территории Франции сопернице был нанесен громадный урон, заторможен рост экономики, а зачинщица обрела неоценимый опыт замораживания развития опасных конкурентов. Она, совместно с дочерью своей – Штатами, будет с переменным успехом применять его на протяжении полутысячелетия к самому опасному своему врагу – России.

К началу колонизации Нового Света испанцами, португальцами и французами Англия припоздала: она занималась внутренней колонизацией, надо было покорить Уэльс, Шотландию и Ирландию, только после этого, укрепив свой тыл, можно было начинать широкую экспансию в других местах. Тяжело давался англичанам процесс объединения всего острова под их главенством. Ирландцы и шотландцы – вояки добрые, они оказывали мощное сопротивление, и лишь к началу XVIII века, насильно принудив Шотландию к совместному жительству, Англия провозгласила себя Великобританией, хотя от Ирландии ей удалось оторвать лишь небольшой кусок, и за это мстительная англичанка позже жестоко отомстила ирландцам, устроив им настоящий геноцид.

Припоздала Англия к захвату и грабежу нового континента, да не опоздала. Она быстро наверстала отставание, сильно потеснив испанцев, португальцев и французов. На начальном этапе колонизации англичане действовали осмотрительно и очень своеобразно.

Первопроходцами у них были пираты, имеющие неофициальную поддержку правительства и самой короны. Это много позже иных флибустьеров стали называть первооткрывателями, путешественниками, но они всегда сначала были пиратами, которые нападали на испанские грузовые суда, на индейские поселения, на приморские города. Кстати, некоторые из морских грабителей, накопив капитал, стали государственными чиновниками, со временем составили свои кланы, переквалифицировались в добропорядочных банкиров и промышленников. Потомки, например, пирата Моргана и поныне богатые и почтенные люди. А Дрейк и Кук вошли в историю своими открытиями, хотя сущность у них была грабительская.

Но главная задача всех английских мореплавателей состояла в разведке: находить новые земли, насильно приводить туземцев к повиновению и утверждать английский флаг. А если остров или какая-либо территория, богатая ресурсами или имеющая стратегическое расположение, оказывались заняты другим колонизатором, необходимо было выявить

его силы и продумать возможность отъема собственности в свою пользу. В этом англичане весьма преуспели.

Как вы уже, надеюсь, заметили, мой добрый читатель, автор неизменно говорит в своих материалах о нераздельности в жизни людей земного и небесного. Так вот, если и далее следовать этому принципу, то должно признать и влияние дьявола на судьбы человеческие. Оно, безусловно, присутствует: враг рода человеческого ищет тех, кто ради славы, власти и богатства готов ему служить; находит их, выделяет и помогает им в достижении желаемого, разжигая при этом в них самые губительные страсти, делая невольниками пороков, а значит, своими вечными рабами.

При помощи князя тьмы, изощрившего ум захватчиков, Англия только в Новом Свете захватила множество прекрасных островов Карибского моря, овладела почти всем Северо-Американским континентом, практически вытеснив французов из восточной части современных США и Канады.

Затем английские власти начали ссылать туда, на далекие земли и острова, своих уголовных преступников; именно руками кандалников и солдат колониальных войск началось освоение новых, неслыханно богатых территорий.

Это уже потом потянулись по необозримым прециям караваны повозок с переселенцами из «старой доброй Англии». Но дело-то в том, что все они несли с собой и свои пороки, и пороки своих родителей, свой генофонд.

Преступники шли в новые края с моралью насильников и убийц, солдаты – с привычкой убивать безоружных аборигенов, и это оставалось в их генной памяти, передаваясь потомкам. У каждого переселенца была мечта разбогатеть легко и быстро в местах, где не действует закон и отсутствуют какие-либо нравственные нормы, препятствующие разнузданности нравов.

Английский язык, на котором разговаривали пришельцы, не был классическим английским или литературным, не был даже в полной мере разговорным, он был скорее жаргоном, смесью тюремного, армейского и говора низших слоев английского общества.

И это скажется на языке новой, позже сформировавшейся нации, потому что в нем изначально были заложены основы, зиждущиеся на насилии, обмане и высокомерии, смягченные впоследствии лингвистами, писателями и поэтами, но оказавшие огромное влияние на всю историю будущего государства, как это делает язык любого народа. Так и сама мамаша, Англия, сильно уже изменилась ко времени рождения дочери, и процесс изменения шел неотклонимо к цели, поставленной хозяином из ада.

Жители туманного острова уже стали привыкать жить хорошо, пользуясь всем, что привозили торговые суда из заморских стран, и со временем желание жить слаще только возрастало. В Англии уже никто и не помыслил бы возмутиться тем, что благосостояние простого англичанина во многом зависело от того, сколько человеческих существ умрет там, в неведомых странах, от голода, потому что их лишили пропитания белые господа. Вот так воспитывали население собственной страны правящие группы: через желудок и промывку мозгов их делали соучастниками убийства целых народов. Простые англичане нанимались надсмотрщиками на плантации в Новом Свете, где работали привезенные из Африки негры, шли матросами на невольничьи корабли и загонщиками «живого скота», потому что за это хорошо платили.

* * *

К эпохе захвата колоний в Лондоне практически была создана своего рода элитарная группа, реально управляющая не только Англией, но уже и протянувшая щупальца во многие подвластные и неподвластные страны. В эту группу входили представители королевского дома, видные аристократы, крупные землевладельцы и банкиры, а также хозяева крупных мануфактур, то есть промышленники.

Да, к XVII веку банки уже вовсю работали, банкиры создавали капиталы, основанные не на реальном производстве, а лишь на ссудном проценте.

Замысел был на большую временную перспективу. Это ведь лукавый надоумил род человеческий изобрести частную собственность, сделать ее основой всей жизни людей, чтобы они всегда из-за обладания этой собственностью грызли ближнего, обманывали и предавали, убивали друг друга. А для управления и приумножения собственности князь тьмы и подкинул идею частного банка. Идея понравилась, еще бы: не надо трудиться, создавать заводы, что-то производить – давай деньги под проценты и живи припеваючи. Вот сейчас мы и наблюдаем власть банков, они правят миром; без займа в банке ни один промышленник не сможет начать строительство и даже не получит разрешения.

Если кто-то из читателей сомневается в том, что банкиры есть услужители дьявола, автор советует им найти в интернете высказывания не так давно издохшего Рокфеллера-внука. Это сатанизм в чистейшем виде. Так что слово «издохшего» здесь вполне подходящее.

Итак, в Англии был создан орган управления империей с перспективой управлять всем миром.

Посмотрите на важнейшие события прошедших пяти-шести столетий. При всех мировых катаклизмах, при свержении королей, премьеров и правителей в разных странах, даже при крушении империй

внешняя и внутренняя политика Великобритании не претерпевала существенных изменений. Россия упала почти до полного распада за эти века не один раз, исчезали гигантские государства, страны меняли идеологии кардинально, вплоть до совершенно противоположных, а Британия лишь ужалась (формально) до островного размера, однако и при этом сохранила ведущую, но притаенную роль в странах Содружества! Почему?

Да потому, что за эти века вырастила мощные структуры для удержания и умножения власти. Сначала на базе «Комитета 300», куда кроме представителей богатейших и влиятельнейших кланов входили главы спецслужб и армейские высшие чины, привлекались лучшие ученые, философы, аналитики; позже даже были созданы свои научно-исследовательские институты. То есть делалось все для сохранения незыблемости существующего порядка. И притом эта элитарная группа постоянно воспроизводила саму себя, воспитывая отпрысков по образу и подобию своему и в поклонении золотому идолу и его хозяину...

* * *

С сатанинской жестокостью приступила Британия к освоению новых территорий. Там же, оказывается, жили то ли люди, то ли человекоподобные существа.

И их было много: по данным некоторых ученых, население обеих Америк к началу колонизации составляло около ста миллионов человек. И они не захотели вот так запросто отдавать свои охотничьи угодья, свои стада, свое имущество: это поначалу колонизаторы выменивали у них небольшие участки земли за топоры, бытовой инвентарь и блестящие безделушки, но довольно скоро местные племена начали понимать настоящую цель белых людей и стали оказывать сопротивление. Тогда англичане повели войну на полное и окончательное уничтожение индейцев. Это был первый серьезный экзамен для учеников и слуг дьявола. Англичане сдали его на отлично. Туземцев уничтожали проданными им недорого одеялами, зараженными носителями болезней, неизвестных на этом континенте; снимали у живых людей кожу с головы, и эти скальпы правительство Англии принимало за деньги, как шкуры пушных зверей (такое злодеяние дотоле в больших масштабах не практиковалось нигде и никогда!); отстреливали целыми племенами на местах стоянок из артиллерийских орудий; натравливали их друг на друга; угоняли домашний скот, обрекая на голод и смерть женщин и детей... Так скреплялась кровью колониальная империя Великобритании.

Позднее, когда в южных штатах Америки во множестве возникнут плантации сахарного тростника и других культур, туда завезут из Африки сотни тысяч негров. Тех из рабов, которые не повиновались или

пытались бежать, травили собаками и вешали на ближайших деревьях. Оттуда, из тех времен, родом и суд Линча, ныне забытый (почти забытый; думается, он скоро возродится в Соединенных Штатах, потому что становится востребованным, только вешать теперь начнут, скорее всего, черные белых, а не наоборот).

Поколения англичан и американцев возрастали с грузом преступлений против беззащитных людей, этот груз оседал в их генной памяти, отравляя новые поколения тяжким грехом, а бороться с ним никто и не помышлял. Поэтому их далекие потомки без малейшего угрызения совести вознесут грибы атомных взрывов над японскими городами. Методы, замечательно показавшие себя в деле уничтожения индейцев, англичане в дальнейшем применяли по всему миру, куда могла дотянуться их беспощадная рука. Они вымаривали голодом и болезнями жителей острова Тасмания, полностью истребили туземцев в Австралии и Новой Зеландии, применяли все способы убийства в Индии.

Британия, становившаяся уже владычицей морей, грабила целые континенты, проворачивала аферы гигантского, мирового масштаба, такие, например, как сколачивание акционерного общества для строительства Панамского канала задолго до его реального сооружения. Тогда она обманула десятки стран, вложивших деньги в это предприятие, попросту «кинула» их. Гордой Англии все сошло с рук, никто и не пискнул. Ее боялись, она это знала и успешно пользовалась внушаемым страхом.

Когда автору говорят о невинности народа американского или английского в захватнической политике своего правительства, он категорически не согласен с таким утверждением, ибо это есть оправдание соучастника и исполнителя всех зверств, совершаемых его государством.

Англичане, от лордов до обитателей лондонских трущоб, прекрасно понимали, откуда и почему неиссякаемым потоком приходят на остров диковинные плоды и растения, ремесленные изделия, драгоценные камни и металлы, пряности (которые тогда стоили не дешевле золота). И осознавали, что источник их благосостояния не есть купленное, а есть отнятое у коренных жителей Америки, Африки и Азии.

Понимали и принимали это как должное, оттого что у всех обитателей метрополии уже гигантскими темпами развивалась гордыня, родительница всех пороков человеческих. И уже последний лондонский бродяга, не имеющий и фартинга в кармане, счел бы оскорблением для себя, если бы его посадили за один стол с индийским магараджей, потомственным аристократом своей страны.

И эта гордыня вздувалась как горловой мешок у жабы, вздувалась от безнаказанности, от вида того,

какой страх внушают английские армия и флот всем племенам и народам, находящимся на более низком уровне экономического развития. Они ощущали себя людьми высшего порядка, почти как небожители, и кровь свою ценили выше крови прочих полчеловеков.

Англиканская церковь, выживший выкидыш протестантизма, собственно, и созданного для борьбы с христианством и оправдания всех преступлений ради власти и богатства, уже постановила, что души у небелых жителей Земли не существует (а если существует, то она сродни душе животного).

Здесь собственная церковь Англии шла по пути Римской курии, подстраивая религию под задачи империи и покрывая своим авторитетом любые злодеяния.

Ведь Римская церковь, когда Рим стал христианским, шаг за шагом начала вести борьбу за главенство над всеми поместными церквями, и эта борьба была политическая, а не религиозная. У римских пап гордынюшка, в потрохах сидящая, от римских патрициев передающаяся, не позволяла никому встать вровень с ними. История показала, к чему это приводит.

...Если англичане, считай, большую часть человечества относили к существам низшей расы, то и методы приведения их к повиновению нужно было изобретать и применять самые жестокие. У них и была изобретена, теоретически обоснована и обкатана расовая теория, позднее названная нацистской.

Да, концлагеря впервые были созданы в Америке во время войны Севера и Юга, но это же дочка тортила свой путь по маминым урокам. Мамаша технологию расправы с непокорным населением «расширила и углубила», и в начале XX века во время Англо-бурской войны в концлагеря англичане загоняли женщин, стариков и детей сопротивляющихся буров.

Человек, сообщество людское или государство, если они сознательно принимают дьявольские пороки, становятся вечными, покорными и счастливыми рабами князя тьмы. Великобритания есть надежный и преданный избранник. Оттого, что пороки сладки и приятны, они приносят власть и прибыль, прибыль и власть, и уже не различить, что здесь первично, а что вторично. Да и неважно, главное, что все это есть и, кажется, будет вечно. Очень понравилось англичанам жить за счет чужого труда, империя росла и ширилась – колониальная, вознесшаяся и растущая на слезах, поте и крови миллионов людей во всех частях света.

Англия наладит очень хороший бизнес на завозе в Новый Свет негров-невольников, на их продаже и эксплуатации. А там, где она будет чувствовать

угрозу своим интересам, станет провоцировать войны, но без своего непосредственного участия.

Против России Англия ведет комбинированную войну уже лет шестьсот, понимая, что именно это государство представляет для нее смертельную опасность своими громадными территориями, насыщенными таким природным богатством, коим не обладает ни одна страна, и мужеством населяющего эти территории народа. Значит, Россия – самое главное препятствие на пути к всемирному владычеству.

Один раз, в Крымскую войну (на самом деле фактически в Первую мировую), они попробовали военной силой сломать нас. Да не одни, в одиночку кишка тонка, а в коалиции с французской и турецкой империями, при вооруженной готовности Австрии и Пруссии в случае успеха нападения поучаствовать в грабеже и дележе русского государства. Однако успехи были столь малы, а потери столь велики (только под Балаклавой тогда легла очень немалая часть молодых офицеров из аристократических семейств), что в дальнейшем Англия предпочитала натравливать на русских всех, кого не жалко, а в борьбе за собственные интересы не жалко никого, кроме себя. Она не гнушалась устраивать в России заговоры, готовить убийства высших сановников и даже государей. Вот тогда, скорее всего, и родилась в русском народе сентенция: «англичанка гадит». Очень точная именно по глубинному, сущностному смыслу.

С момента поступления на службу к хозяину геены вся история Англии, затем Великобритании – это путь преступлений против всего человечества. Прошло время, дочка от мамашки с кровью отодралась, создала свое государство, Северо-Американские Штаты. И, видя, как мамаша купается в золоте, восхотела того же. Накопила силенок и рьяно кинулась завоевывать свое место под солнцем, сытное и изобильное. А опыт мамочки доча повторяла очень даже неплохо, совершенствовала его, используя провокации как повод к войне. Для начала Штаты развязали войну с Мексикой, отторгли у нее благодатные земли Калифорнии и Техаса. Понравилось, и они спровоцировали войну с дряхлеющей Испанией, в результате отобрали у Мадрида Филиппины и Кубу. А позже и все бывшие испанские колонии в Южной Америке отойдут в сферу влияния США.

Опыт агрессии как средства прирасти территорией, нажиться отныне войдет в моральные нормы молодой нации самым естественным образом и будет служить руководством к действию в любых подходящих ситуациях. Правда, Штаты ведут себя более прямолинейно и нагло, не в пример мамаше, чувствуя свою экономическую и военную мощь, которую они постоянно наращивают, и ощущая безопасность за огромным водным пространством. Тог-

да как Англия отделена от прочей Европы лишь узким проливом и, имея тяжелый опыт кровопролитных конфликтов, к тому же не обладая такими человеческими, природными ресурсами и территорией, как Штаты, привыкла действовать не столько силой, сколько коварством и подлостью.

Но, что интересно, и Штаты за всю свою историю ни разу не напали на сильное государство, способное дать такой отпор, что можно кровью захлебнуться.

Они и Вьетнам не считали достойным противником, но так получили там по сопатке, что пришлось утекать с позором, утирая кровавую юшку. Но это уж от гордыни они сунулись туда, почувствовав себя непобедимыми.

* * *

Однако даже всех этих дел, натворенных Англией и Штатами в слепой преданности князю тьмы, мало. Надо исполнять его волю по отвращению от Бога других народов и племен и по наставлению их на путь богоборчества, на путь уничтожения христианства. Для этого у владыки преисподней имеется целый набор инструментов, и один из важнейших – деньги.

Не зря же Господь сказал, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Следовательно, человек, ставящий наиглавнейшей задачей обогащение, осознанно исключает из своей жизни Бога. Точно в такой же степени и государство в лице власти ответственно за выбор своего народа, пустившегося во все тяжкие ради денег, имущества и прочих благ, вмиг забывшего свою недавнюю великую и прекрасную эпоху.

Со времени изобретения денег как мерила стоимости материальных ценностей (но все же думается автору, что это было не изобретение, а подарок из геены поврежденному духовно роду человеческому) они прошли большой путь, постоянно возрастая в цене для всех, постепенно, исподволь подавляя волю людей к сопротивлению адскому пороку – алчности.

Вся мировая история состоит из войн: за обладание территорией, ресурсами, рабами, водами, плодородными землями, лесами, пастбищами... То есть люди всегда воевали и воюют за материальные ценности, имеющие денежный эквивалент, и за власть, являющую собой самый главный источник всех благ.

Скоро деньги совсем уйдут в виртуальное пространство, но от этого они обретут еще большую ценность для людей. По сути, деньги станут золотым божеством, которому будут поклоняться рабы его – вечные, покорные и счастливые. В этих трех определениях заключен основной смысл служения владыке ада.

Вот это и есть путь, который провидел и четко определил православный мыслитель и писатель И. С. Аксаков: «Отвергая образ Божий, человек неминуемо совлечет (и уже совлекает. – В. К.) с себя образ человеческий, а затем возревнует об облике зверином».

Мы часто читаем Евангелие поверхностно, не вникая глубоко в смысл написанного. А это тоже идет от нашего легковерия, от духовной неспособности принять истину во всей ее полноте. Беда это наша. Но стоит лишь принудить себя, погрузить разум свой в Священное Писание, как оно тут же открывается куда шире и полнее. И мысли рождаются очень интересные. Например, Иисус говорит ученикам своим, что, если бы у них была вера хотя бы с горчичное зерно, они смогли бы словом передвигать горы со своего места в море. Когда Господь шел по воде к лодке, Петр пожелал совершить такое же и совершил, но, убоявшись волн, стал тонуть, а Иисус назвал его маловерным. Значит, если бы человечество избрало путь обретения и укрепления веры Христовой, то история мира была бы совершенно иной. Ведь даровал же Иисус ученикам дар исцелять болящих, говорить на других языках, быть невосприимчивыми к укусам змей и разных гадюк, а некоторым – и воскрешать умерших. И это все по вере их. По силе веры Мария Египетская могла ходить по воде, значит, такие возможности могли быть у любого человека, живущего по Заповедям Христа. Это был бы путь развития духовных дарований, а к нему бы приложилось и земное благоденствие, по словам Иисуса. Но люди выбрали путь совершенствования технологий по добыче хлеба насущного и создания условий для все большего комфорта в земной, единственно любимой жизни.

Способы обогащения избранных (не Богом) до астрономических величин и непостижимого комфорта для них же технократическая цивилизация довела до совершенства, доступного современной науке, а природа планеты находится на самом остром грани, за которой неотвратимая и мучительная гибель всей жизни на Земле.

Осознает ли человечество, что оно творит? В массе своей не осознает точно, потому что в западных странах обычного человека уже довели почти до травоядного состояния. А вот в среде правящих групп этих стран вполне отдают себе отчет в близящейся катастрофе и выполняют задачу по уничтожению всякого творения Божьего на планете, хотя сами уверены, что они будут жить очень долго и править миром, а потом передадут власть своим отпрыскам. В США уже сейчас есть немало абсолютно закрытых поселений, где живут истинные хозяева, по их убеждению, всего сущего. Поселения

эти совершенно автономны во всех сферах бытия человека, и никакие законы Америки там не действуют.

Но к этому надо было прийти, и дорога была нелегка.

Шли века, заканчивалось Средневековье, человек неспешно жил: плодился, воевал, жрал и пил и по-своему верил – кто в кого. Но многие простые люди в Европе, невзирая на раскол христианства и превращение католицизма в трансконтинентальную корпорацию с вывеской религиозной конфессии, все еще искренне верили в Иисуса Христа. А это нестерпимо для Антихриста, требовались более изощренные способы для отрыва масс людских от Спасителя, благо уже сформировались группы наиболее подготовленных и стойких исполнителей.

Автор уверен, что эпоха Возрождения, так лукаво называли ее историки, была сконструирована конкретными людьми при содействии и финансировании банками. Никакое это не было возрождение, просто насильно внедрились культ земного человека, его тела, его пороков, его самодостаточности, а такому человеку Бог не нужен. Да, конечно, случился взлет искусств, родилось тогда немало шедевров мировой культуры, но в целом по христианству был нанесен мощнейший удар.

125

Затем веру Христову попытаются уничтожить Реформацией и Контрреформацией, это уже будет не удар, а спланированная кампания по извращению основ христианства.

Потом будет масштабнейшая так называемая эпоха Просвещения, при которой открыто порочили все святое для христианина, глумились над верой, искажали ее, выворачивали наизнанку важнейшие церковные догматы. Будут и в дальнейшем операции по расколу и дискредитации христианства.

Позднее, когда католицизм и протестантство окончательно уйдут от Бога и поступят на службу к теневым властям мира, вся сила удара сатанистов будет нацелена на православие – единственный островок истинной веры во всем человечестве. Не надеясь победить его открыто, враги применят однажды уже опробованное в Византийской империи оружие – унию. И, надо признать, оружие это окажется очень эффективным. Вспомним недавние события на Украине.

Принять унию куда проще, чем отказаться от нее, потому что суть ее – предательство. Ведь что такое уния? Объединение католицизма с православием, но (!) под руководством Папы Римского. Ну вроде бы что тут такого? Униаты сохраняют (внешне) все православные обряды, а это же главное. А нет, панисты неуклонно и методично начинают изнутри разлагать чуждую им веру, переиначивать ее на свой лад и в конце концов отрывают униатов

окончательно от матери своей – Православной церкви. Измена всегда кончается бедой и смертью. Так что в борьбе с православием враги находят все новые, более изощренные, более изуверские методы и способы.

* * *

К XIX веку Британия уже была самой могущественной военной и морской державой, а после победы России над Наполеоном она, интригами присвоив себе большую часть материальных выгод от поражения Франции, еще более вознеслась в своей гордыне.

И лишь одна страна, раскинувшаяся по всему евразийскому субконтиненту аж до самого Тихого океана, страшная и непонятная, раздолбавшая армии объединенной Европы и ушедшая опять в свои сонные пространства, внушала гордой Британии страх.

Англия, как тать в ночи, начала пытаться поджечь Россию по периметру ее границ: в Средней Азии, на Кавказе и на Дальнем Востоке. Делать это она старалась неявно – подкупом, угрозами, посулами натравливала на русских соседних правителей. Но интересы Британии охватывали весь мир, и подошел черед Китаю почувствовать на себе англосаксонскую хватку. Китай и тогда уже был самым населенным государством мира, обладал обширной территорией, развитой экономикой и трудолюбивым населением, но он переживал цивилизационный упадок. К концу первой трети XIX века большинство территорий Африки и Азии, вместе с населением, было поделено между европейскими державами, в основном между Англией и Францией. Оставался только Китай, если не считать Японию, но там была своя мощная цивилизация, готовая дать отпор, к тому же небольшая территория не представляла особого интереса. А вот Китай был очень лакомым куском, во-первых, как огромный рынок сбыта европейских товаров, во-вторых, как источник неиссякаемой дармовой рабочей силы да и природных ресурсов тоже.

Однако справиться в одиночку со страной с огромным населением даже Британии было очень затруднительно, скорее, даже непосильно. Начали колонизацию совместно с Францией. Но и применяя вооруженные силы, поначалу особых успехов не достигли. Думается, отец их, дьявол, и подкинул оккупантам идею совершенно новую, еще не опробованную в больших масштабах.

Китайцев стали подсаживать на наркотики. «Оплоты демократии и человеколюбия», Великобритания и Франция (особенно Франция, возвестившая миру новые принципы человеческого общежития: свобода, равенство и братство), в сороковых и пятидесятых годах XIX столетия развязали в Китае две опиумные войны! Опиум изготавливали в

Юго-Восточной Азии, завозили в Китай и распространяли. Вот так Китай грабили, за наркотики забирали и вывозили буквально всё: сельхозпродукцию, рыбу, лес, ремесленные и промышленные изделия, предметы искусства и древности, уникальные технологии. Сколько миллионов китайцев тогда умерло, никто не возьмется подсчитать. Думается, помогло спасти Поднебесную империю только то, что все огромное население просто невозможно было наркотизировать. А еще был могучий духовный потенциал Китая, опирающийся на многовековую традицию. Кстати, это помогло и власти страны осознать масштаб беды и организовать сопротивление. Между прочим, и Россия оказала соседу помощь, понимая, что если угробят такую державу, то следом «смерть в грезах» принесут и к ней.

Китайцы в конце концов принудили «демократизаторов» убраться восвояси, но маленький кусочек китайской земли, Гонконг, Англия все же за собой удержала. И хотя официально он вернулся в родное государство, население там проанглийское, оттого и смердит место сие. Но это ненадолго, переварит его Китай без следа.

Злобная дочурка мамашкин опыт всегда внимательно изучает, и действуют Штаты соответственно: куда американский солдат вошел, оттуда ни шагу. Станут пинками вышибать – так хоть за порог зубами уцепиться.

* * *

Неудача в Крымской войне превратила Россию в ночной кошмар для Британии. И тогда была поставлена задача по окончательному решению русского вопроса. То есть нужно было большинство населения убить, а оставшихся превратить в рабов – чтобы государство русское никогда более не восстановилось. Не могли англосаксы жить с нами на одной планете, для них это было невыносимо. В 1890 году был разработан план развязывания мировой войны по уничтожению России руками немцев, даже было продумано разжигание двух мировых войн – в случае, если первая не достигнет поставленной цели. Но в любом случае вместо России должна остаться пустыня. Даже карту составили, предполагавшую другие границы государств после первой войны. Вот только результат оказался совершенно другим. Великая Британия после 1945 года стала стремительно терять колонии, а Советский Союз превратился в самое могучее государство на планете. Именно так. Когда говорят, что самым могучим государством была в те годы Америка, автор очень скептически к этому относится. Ну, хотя бы потому, что американская статистика всегда была и есть очень лукавая, она постоянно учитывает вместо реальных фактов свои «хотелки», а проверить эти дан-

ные ни у кого нет возможности. Ну вот, например, оплату аренды жилья или коммунальных услуг они считают ростом ВВП. Это как понимать? И так во всем у них, везде лишь пускание пыли в глаза и надутые щеки. Вся жизнь в США базируется на рекламе и шоу, шоу и рекламе. Полеты американцев на Луну – павильонное шоу и реклама.

Да, сразу после войны у Штатов было преимущество в возможностях экономики, но СССР очень быстро сократил отставание. А вот потенциал по наращиванию экономической и военной мощи у Советского Союза был неизмеримо выше, особенно если учитывать огромный опыт Союза по индустриализации, энтузиазм народа, готового не за деньги, а из любви к Родине работать день и ночь.

Сразу после мая 1945 года американцы и британцы надумали, считая СССР ослабленным после тяжелейшей битвы с немцами, одним ударом сокрушить русских, ибо поняли, что потом это будет сделать невозможно. Однако знающие люди объяснили Черчиллю, автору плана «Немыслимое», что в случае начала операции через месяц в Лондоне будет создана Английская Советская Социалистическая Республика, а Америка начнет с опаской собирать на шотландском побережье и на Гебридских островах остатки своих разбитых дивизий, в то время как посол США в Москве будет заискивающе просить Молотова устроить ему встречу со Сталиным, дабы передать срочное предложение Трумэна о мире.

И не помогла бы даже созданная в Штатах атомная бомба. Думается, в случае войны СССР с Западом летом 1945 года нашлись бы люди (может, это были бы наши разведчики, а может, американцы, понимающие все безумие политики своего правительства), которые уничтожили бы все атомное производство в Америке, да так, чтобы она долго не смогла его восстановить, по крайней мере до 1949 года, когда Союз испытал свою бомбу. Слабоваты духом англосаксы, и коленочки у них жидкие: чуть что – подгибаются. А как иначе оценивать их, зная реальную историю? До 1949 года США обладали монополией на ядерное оружие, владели самой большой и оснащенной армией, могучей авиацией, не сопоставимым ни с каким другим флотом, неограниченными финансами (сами же печатали деньги). Однако, несмотря на все материальное превосходство, не осмелились напасть на Советский Союз, хотя англичанка поддерживала. Черчилль слюной брызгал, уговаривал Трумэна на войну, сама-то Англия на это была уже не способна. Планов нападения у Америки было громадье, да в животе у Трумэна, зная, шибко бурчало от одной мысли отдать такой приказ, а могло и вовсе дурно запахнуть. Но в Корее все же насмелились повоевать, зудело уж очень показать свою силу. Ну и чтобы в мире забыли, как они

позорно драпали от немцев в Арденнах, и если бы не человеколюбие Сталина, они бы точно стирали подштанники в Ла-Манше на английском берегу.

Кого угрозами, кого посулами, многих деньгами, но притянули немало стран, сколотили ватагу. И там, на Корейском полуострове, Штаты освоили новые методы войны – совсем бесчеловечные и ранее массово не применявшиеся даже немцами (правда, те и не имели еще таких технологий).

Впервые они стали выжигать мирное население Северной Кореи напалмом – страшным, изуверским оружием – и уничтожать плотины, вызывая наводнения. Фактически Америка ясно дала всем понять еще тогда, что для достижения своих целей она в прямом смысле не остановится ни перед чем. Это был второй посыл миру о претензии США на мировое господство.

Есть у автора предположение, что именно тогда сложился симбиоз правящих слоев США и Англии, в котором Британия выполняла роль мозга, а Америка – вооруженного громилы, исполнителя. В те пятидесятые годы Америку остановили, и сделал это Советский Союз, историческая Россия. Она и живет в мире, скорее всего, с главнейшей задачей – не дать человечеству сгинуть в кровавых распрях.

Автор убежден, что, не погибни Сталин раньше естественного срока, вся Корея была бы советской и не было бы той раны, что столько лет сочится кровью на корейской земле.

127

Остановили тогда Америку, кровушкой она умылась вдосталь, но не вразумили. Да и невозможно было это сделать, не победив ее окончательно: в генах людей из правящих кругов США агрессии накопилось столько много, что не выплеснуть ее в окружающий мир было невозможно.

Да и не дали бы никакому президенту Америки ее настоящие хозяева вести миролюбивую политику – все эти Морганы, Рокфеллеры, Шифы и прочие, располагающие деньгами, немыслимыми для простых людей, и компаниями, работающими в военной промышленности. Кто же позволит посадить их на малую прибыль? Нет, шалишь! Ради прибылей военно-промышленного комплекса президент демократичнейшей Америки возжиг войну во Вьетнаме, очень уж хотелось захватить Юго-Восточную Азию с ее природными богатствами и рабским трудом аборигенов. И до того возгорелась гордынюшка у правящих кругов США, что и Корея забылась, и они даже не захотели искать более-менее правдоподобный повод к войне. Просто пьяные американские офицеры с катера открыли огонь по вьетнамским рыбакам, а, чтобы оправдать расход патронов, заявили, что их обстреляли вьетнамские пограничники и они отстреливались. Этого хватило для десяти лет кровавой бойни!

Но и здесь янки получили такой отпор, которого совершенно не ожидали. В ослепляющей ярости здорового грабителя, которого вдруг начинает лупить вроде бы тщедушная жертва, США кроме варварских ковровых бомбардировок стали использовать тот же напалм и изобретенный «оранж» – химический препарат, уничтожающий не только все живое на земле, но и саму землю. Уж сколько десятилетий минуло с той войны, а в некоторых местностях Вьетнама не растет вообще ничего и никакая живность не водится, даже букашек нет, одна мертвая земля!

Это уже преступление против всего человечества, а оно промолчало, только СССР обличал за океанских убийц.

А как иначе расценивать поведение американцев во Вьетнаме, если и там, как в Японии, до сих пор рождаются дети-уродцы? Это последствия применения «оранжа» и других препаратов.

Лаос за поддержку Вьетнама американские летчики засыпали миллионами тонн мин и снарядов. Наши саперы и сейчас помогают лаосцам обезвреживать давнюю «гуманитарную» помощь заморских «благодетелей». Не зря, совсем не зря Штаты после войны приютили у себя сотни тысяч нацистов, тут интерес большой и прицел дальний. Во-первых, природа нацизма и империализма родственна: и тот и другой базируются на превосходстве одного народа или одной нации над всеми прочими недоносками, а также на гордыне; можно сказать, это близость по мерзости духа. Во-вторых, очень важен бесценный опыт немцев в психологии и медицине войны, в управлении людскими массами, уничтожении огромных групп населения.

Близость по мерзости духа очень наглядно себя показала еще во Второй мировой. США и Англия, воюя с Германией, одновременно поставляли ей военное снаряжение и технику. Здесь не только дух торгашества играл роль, но и родство, то самое, мерзкое, сатанинское. Для подтверждения факта помощи нацистам в войне против СССР достаточно посмотреть советскую военную хронику, там часто показывали идущие под откос немецкие составы, и на цистернах с горючим для фашистских танков была надпись «Шелл» – название англо-голландской компании, добывающей нефть и производящей топливо. В Америке нашли теплый прием и японские военные преступники, даже «врачи» из известного своими запредельными для человеческого разума экспериментами в области биологического оружия отряда 731.

Все, кто достиг каких-либо успехов в деле быстрого умертвления населения неугодных, сопротивлявшихся новому порядку стран, были приняты американским правительством. Это даже и выгодно было со всех сторон, ибо военные преступники из

страха быть выданными в те государства, где они кроваво наследили, работали в полную силу, а платить им можно меньше, чем своим, да и рта они лишний раз не откроют.

А нацистскую практику массово сжигать людей живьем в каком-нибудь общественном здании и расстреливать всех жителей поголовно, вплоть до самого малого ребенка, brave американские вояки полноценно применили во Вьетнаме. Деревушка Сонгми стала символом зверств заокеанский солдаты, а командир подразделения, непосредственно исполнявшего кровавую работу, лейтенант Келли, не только не понес на родине никакого наказания, но и пользовался почетом. То есть и здесь полное соответствие нацистским законам: на территории, которая приводится к повиновению, американский (как и немецкий) солдат не несет никакой ответственности за любые преступления. Так будет в дальнейшем во всех странах, которые Америка сгибала под свое ярмо: в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии. Так они намерены действовать и впредь до установления полного, тотального контроля над всем людским муравейником.

В общем, с вьетнамской войны Штаты абсолютно недвусмысленно дали понять всему миру свою нацистскую сущность. Тут важно отметить одно обстоятельство. После 1945 года Британская империя, юридически входящая в число стран-победительниц, начала стремительно рассыпаться и к середине шестидесятых годов фактически ушла в небытие, то есть стала побежденной. Черчилль это чувствовал, оттого и молил Трумэна сбросить атомную бомбу на Москву. Но не сбылось, Британия стала терять вес экономический, военный и дипломатический. Но весьма вероятно, она сохранила вес финансовый и идеологический, и центр принятия важнейших международных политических решений находится в Лондоне – в силу его огромного опыта по подрыву мировой стабильности. Приход Америки к фашизму (в либеральной упаковке) закономерен, так же как и стран Европы, но он немало лет утаивался на официальном уровне. И лишь наша специальная военная операция на Украине окончательно сорвала маску очаровательно улыбающегося джентльмена с хари убийцы и насильника. У США и Европы одни корни, одна кровь и одна судьба, и они сами создавали свою историю: в ней четко прослеживается пройденный путь насилия, грабежа и лицемерия.

Скорее всего, именно с вьетнамской войны, с учетом применения новых видов оружия, у настоящих господ западного мира вызрела идея основательно прополоть земной шар, проредить его население. Им уже тогда стало понятно, что человечество плодится слишком быстро, а ресурсы планеты ограничены и в ближайшей перспективе предсто-

ят битвы за хлеб, за воду, за чистый воздух, если не уменьшить количество ртов – жующих, пьющих и дышащих. Однако открыто затевать глобальную войну было смертельно опасно: Советский Союз стоял на пути. Ах, эта Россия, всегда она встает колом в жадно распахнутой пасти Америки. Вот бы уничтожить ее совсем и даже вымарать из истории, будто никогда и не было такой державы. Вот была бы радость для США и Европы! Можно было бы задарма десятки лет пилить тайгу, а она бы все не кончалась, черпать неиссякаемые природные ресурсы, оставляя после себя пустыню, чтобы аборигены, которые как-то выжили, не смогли ничего воссоздать или заново обустроить.

Вот бы – да ручки у Запада хоть и загребушие, а слабоваты. Как вспомнят в Вашингтоне май 45-го и красное знамя над Рейхстагом, так и заходят эти ручки ходуном, никак их не унять. Значит, надо по-другому убивать Советский Союз, исподволь, исподтишка.

Так наши враги и действовали до самой насильственной кончины ненавистного им СССР.

Кусали нас по-шакальи и пакостили в разных местах планеты, там, где были наши друзья и союзники, и втихую вживляли в сознание советских граждан идеологию брюха, заменяя ею нашу, родную идею Духа, идею Созидания. И у них были помощники в СССР. Семечко всех саморазрушительных процессов, происшедших в СССР, посеял, конечно же, Хрущев. Именно с него началось гниение правящей партии страны. Это он опорочил Верховного главнокомандующего, он унизил партию, а та смолчала. А народ не возроптал, а это есть потакание предательству. Но из мировой истории давно известно, что сим поведением навлекается, по духовным законам бытия, страшная беда на самого предающего и его потатчиков, беда неотвратимая и гибельная. Хрущев, «кукурузный папа», действовал как открытый враг своей страны и своего народа, хотя он и клялся в верности КПСС. Но дела его говорят об обратном, и очень наглядно.

В 1955 году Хрущев добился проведения широкой амнистии всем, кто участвовал в массовых казнях нашего мирного населения, но по каким-то обстоятельствам не был повешен или расстрелян в свое время. Причем были освобождены не рядовые боевики или полицаи, а руководители среднего звена, среди них «проводники» доновских отрядов, офицеры формирований Власова, главари прибалтийских «лесных братьев», немецкие каратели и венгерские фашисты. И СССР получил восстание в Венгрии в 1956 году, всплеск бандеровского движения на Украине, в Прибалтике оживились уже было добитые «лесные братья»... Это ошибка или акт гуманизма? Нет, это удар ножом в спину собственному государству.

Коварное внедрение чуждых идей привело к тому, что власть в лице КПСС сама (!) отправляла перспективных молодых людей для учебы в вузы США, где из них готовили ликвидаторов советского строя и управленцев колониальной администрации. Самый яркий пример – Чубайс.

Когда закончил существование Советский Союз, Запад, почуяв полнейшую безнаказанность, распоясался окончательно. В 1999 году США и НАТО устроили публичное избиение сербского народа, а униженная Россия молчала, думала о собственном выживании. Тогда вопрос стоял именно о существовании России как государственного образования русского народа и других, населяющих наши просторы. В точь как в начале XVII века. И корень обеих страшнейших трагедий в нашей истории был в слабости власти, оторвавшейся от истоков своих, переродившейся и взрастившей в лоне своем первертышей, которые ее, власть, и погубили.

Как тогда, в горчайший, тягчайший момент нашей жизни, Лжедмитрии, «Семибоярщина», царь Василий Шуйский продавали Русское царство ради личной власти, ради своих вотчин, ради злата и серебра, так и в наше время Горбачев, Ельцин и семибанкирщина продавали Советский Союз ради личной власти, ради вилл в благодатных заморских краях, ради злата и серебра.

Предательство вечно, как мир, и, зная, нужно оно, как нужно и наказание его, дабы Истина восторжествовала и жизнь земная не пресеклась безвременно. Но пока иудино деяние не осуждено публично, будет существовать эпоха предательства, в которой мы, к огромному сожалению, и поныне находимся.

На Горбачеве и Ельцине кровь миллионов граждан великой страны. И на них же кровь жителей Донбасса, кровь гибнущих наших воинов, сражающихся сейчас с нацизмом. Да и кровушка одурманенных солдат киевской колониальной власти.

Это они, Горбачев и Ельцин, работая в паре, резали, кромсали живую плоть единого организма, рассекая неразделимое, ибо, отделенные от России, ни Украина, ни Беларусь не выживут. Господь сказал ученикам своим, что ветвь виноградная не даст плода, не будучи на лозе, и что Он для них есть лоза. Так же можно сказать, что Россия для Украины и Белоруссии есть лоза, и только вместе мы сможем выстоять в борьбе с жестоким и коварным врагом, и не в каком-то союзном государстве, которое может быстро испариться при смене президента, а в одном, едином и неделимом.

На Украине наш народ, русский, но его немало лет, как неразумную дочку, злые дядьки учили не слушать свою мать, все делать во вред ей. И как только ослабевшая, временно впавшая в безумство мамаша махнула на дитя свое рукой, та и понеслась

вскачь, как ошалевшая кобылка, не разбирая дороги, по рытвинам, ухабам и оврагам и доскакала до смертного обрыва.

Да, Россия виновата перед дочушкой своей кровной Украиной в том, что бросила ее, никогда не жившую самостоятельно, не имеющую опыта государственного строительства, в бушующий океан современного мира, кишасший могучими хищниками.

А та все предпринимала попытки нажить опыт «самостийности», и все они кончались печально, потому что в этих случаях доча всегда возгоралась ненавистью к матушке и искала покровительства среди ее врагов. Вспомним, в начале 1918 года независимая Украина добровольно обязалась уплатить Германии и Австрии гигантскую контрибуцию, одного крупного рогатого скота согласна была отдать (и отдавала), по-моему, 43 миллиона голов, и стать вечным вассалом! Если бы тогда не случилась революция в Германии, немцы успели бы выморить голодом украинцев.

Все годы до кровавого Майдана Россия не занималась Украиной, не работала с прорусскими организациями. Посол России на Украине Черномырдин не очень открыто, но поддерживал украинских националистов, на это с возмущением обращали внимание лидеры русских движений. Да, мы до сих пор живем в эпоху предательства. И чтобы закончить эту эпоху, надобно в числе прочих еще одно важное дело совершить. Ельцин-центр в Екатеринбурге должен быть переориентирован на разоблачение и осуждение злодеяний первого президента России по отношению к своему народу.

* * *

С девяностых годов ушедшего века англосаксы много крови неугодных им народов пролили, реки наполнить можно было. Они уже были уверены в своей окончательной победе над Россией и всем миром, Россию они даже удалили из списка потенциальных противников. Да это и можно понять: эйфория от казавшейся легкой победы мутит неглубокий ум и туманит взор, если нет в правящем слое мудрецов, промыслительно охватывающих историю народов на века вперед. А их в скрытой группе управляющих людей всего Запада наверняка нет, потому что если главной целью для них является абсолютная власть над человечеством, то это как раз и является их самым уязвимым местом, ибо в предвкушении хруста разрываемой России не слышны были тихие, но грозные звуки пробуждающегося и копящегося гнева ее.

* * *

Волей нашего президента Крым вернулся на родину, его же волей началась титаническая битва со всем охамевшим от осознания своей непобедимости Западом. Битва за само существование России. За жизнь наших жен, детей и родителей.

Он стал востребован Россией, униженной после 1991 года и желающей снова обрести свое собственное лицо, – и он пришел.

Скорее всего, Путин заставлял олигархов работать на страну, точнее, пытался с разным успехом, денежку на развитие у них изымал, думается, немало, да вот где, к примеру, сейчас Абрамович, бывший губернатор Чукотки? А средства-то он народные, наши увез за границу. Сейчас его там перевернули вверх ногами и вытрясли все – так, может, его назад принять и опять дать возможность грабить русский народ? Принять обратно можно, конечно, но направить прямиком на БАМ с кайлом и кувалдой и без права занимать руководящие должности, даже бригадира. Только так и никак иначе.

За годы, когда Министерством обороны рулил Сердюков, в тени его потешной фигуры серьезные люди, получив деньги и производственные мощности, начали конструировать и производить самое совершенное в мире оружие. И не только оружие. Да, мы терпели многое, скрипели зубами, но молчали, когда Запад открыто нам хамил. Зато отвечали точными и мощными ударами, когда терпеть уже было нельзя: стоит вспомнить Саакашвили, жующего галстук, когда русская армия стояла под Тбилиси. А Крымская весна 2014 года!

Но мы стерпели кровавый Майдан в Киеве, хотя тогда власть уже точно знала, что войны с бандеровским режимом не избежать. Однако сил на большую битву со всем Западом тогда не хватало. Наш президент действует со стопроцентной гарантией. И вот наконец Россия твердо заявила, что англосаксы управлять человечеством по своему хотению больше не смогут. Армия России начала специальную военную операцию – первую фазу глобальной борьбы с мировым злом, с мировой империей лжи.

Автор убежден, что денацификацией и демилитаризацией Украины дело не закончится. Мы это уже проходили в свое время, мы так же лишали армии и фашистской идеологии Германию, особенно Восточную, причем в ГДР достигли в этом больших успехов. А кончилось все плохо, когда мы предали свое советское Отечество. Тогда предали и всех друзей в мире.

Поэтому, чтобы исключить любую возможность, даже гипотетическую, хоть на квадратном метре какой-то «незалежной» Украины возродить нацизм, нашу блудную дочурку необходимо возвращать домой, в наше общее с Украиной и Беларусью Отечество. А то в разных ток-шоу (противно даже писать это словосочетание, так и приходит на ум сравнение с токованием, например, глухарей на таежной поляне) иные «эксперты» уже делят Украину, отдавая ее кому-либо. Горазды разбазаривать землю нашу русскую. Лучше бы свои дачи дарили желаю-

щим хапнуть на халяву чужое добро. Галиция и Волынь есть исконное наше княжество, русское, и называлось оно Червонная Русь. Это Даниил Галицкий за обещание королевской короны из рук Папы Римского предал свою отчизну, за то с него в истории спрос, а нам негоже даже думать так.

Избавление западных областей Украины от бандеровского морока – путь известный, только надо довести его до самого конца, до самой конечной точки раз и навсегда. А вот здесь сомнения большие одолевают автора, оттого что государство наше по факту вступило в войну с коллективным Западом, не подготовившись ни идейно, ни духовно. Мы до сей поры не имеем собственной идеологии, то есть образа будущего и методов для его достижения. Что же мы сможем предложить всему западному миру? Очень уж мы благодушно к войне относимся, и это чревато большими неприятностями. Мы после победы над нацизмом будем по-прежнему строить капитализм, который у нас был до начала операции? Нет ответа.

А у нас даже правительство в своем составе ни на одного человека не изменилось! И вообще в высшем чиновничестве никаких перемен! Они что, всегда, с молодых ногтей были патриотами России? Как бы не так! У нас экономический блок правительства весь прозападный, кожей приросший к либеральным ценностям, и все они будут хоть втихую, но точно будут саботировать любые попытки экономического рывка России. Никак не может президент избавиться от них, видимо, за долгие годы работы привык к ним. И не замечает, что они от блеска злата кардинально изменились и стали тормозным башмаком под колесом набирающего ход локомотива. Бедой бы это не обернулось!

Автор уверен, что все высшее управленческое звено государственного аппарата надобно продрать железной щеткой, выскребая все прозападное, корешки глубоко пустившее. Взамен нужно подтягивать из провинции свежих, патриотичных людей, специалистов в разных отраслях, и встраивать их во власть. Это так, к слову, но наиболее нужное.

И еще относительно искоренения бандеровщины хотелось бы добавить несколько своих предложений. Понятно, что идеологов и самых главных руководителей неонацистского режима должно уничтожить по приговору суда Донецка и Луганска; исполнители, которые по ноздри в крови мирного населения, последуют туда же. А вот всех остальных, даже в малой степени причастных к делам нацистов или хоть на толику зараженных преступной идеологией, желательно высылать с Украины – кого по суду отбывать срок на строительстве БАМа, а других на хорошую работу или учебу, но тоже восточнее Красноярска. И это будет в разы гуманнее, чем потом опять огнем выжигать проросшие всхо-

ды нацизма. Если же наша власть на самом деле пожелает сделать из Украины нейтральное государство, ей необходимо вспомнить недавнюю историю, когда мы давали самостоятельность Польше, Финляндии и прочим прибалтикам в надежде на их нейтральность. И что мы получили?! А земли Червонной Руси следует заселить жителями Краснодарского края и ближайших областей (конечно, всемерно им помогая и финансами, и материалами), а то там уж скоро повернуться будет невозможно из-за перенаселенности.

Вот так видится автору наше будущее, а стало видеться еще лучше, когда он посмотрел недавно по телевизору один сюжет. Группа бойцов народной милиции ДНР захватила штаб нацистского батальона «Правый сектор» в деревне Верхнеторецкое, если не ошибаюсь. И нашли там ребята сатанинскую символику. Мерзко было даже на экране это видеть, а каково бойцам, многие из которых воспитаны в православном духе?! Так вот, они собрали всю эту пакость (причем не руками, а палками), сгребли в кучу, разожгли костер и спалили, при этом один боец держал в руках большую икону Луганской Божьей Матери в золоченом окладе. Ребята сердцем почувствовали, как надо поступить с символами Сатаны. С такими воинами России ничто не страшно, всех одолеем!

131

Мы знаем, для чего англосаксы породили нацизм – как очень эффективный инструмент для захвата мировой власти. И они его возродили сейчас, причем не только на Украине, а во всей Европе. Она, старушка, и так уж на ладан дышала от всех этих смрадных гомосексов и лесбиянок, новейшего изобретения князя тьмы для пресечения рода людского, а тут ее еще и повторно нацизмом оплодотворили. Опять нам его уничтожать, желательно бы теперь в утробе.

Но мы справимся, не привыкать.

США нам крайне необходимо загнать в свой дом, за атлантическую речку, чтобы не разгуливали по миру, не сеяли войны и раздоры, сидели тихо. И чтобы не было у них никакой возможности вблизи наших границ готовить пакости.

Далее весьма и весьма вероятен примерно такой вариант дальнейшей судьбы Америки. Потеряв свое влияние на мировые дела, Штаты очень быстро начнут деградировать в экономическом плане, потому что с потерей влияния доллар перестанет быть мировой валютой и доходы от печатания этих фантиков иссякнут. Подвластные ранее страны откажутся платить дань бывшему сюзеру; в государстве, быстро нищающем, начнутся беспорядки; население, привыкшее поколениями сытно жить грабежом всего мира, озлобленное, хорошо воору-

женное, разодранное по расовому признаку, погружится в беспредел гражданской войны. Тогда России придется брать под контроль атомное оружие Америки. А следом Штаты развалятся на несколько образований, и это обязательно случится, ведь власть в США, наверное, уже целое столетие опирается только на силу полиции, нацгвардии и армии, это полицейское государство с жесточайшим контролем над населением. Еще одна причина будущего развала – глубокая духовная болезнь американского народа. Вспомните массовые расстрелы школьников в Штатах, ведь это стало нормой американской жизни. Добавьте сюда дикий феминизм, разгул ЛГБТ-активистов, черный расизм – это все приведет к кровавому хаосу похлеще ливийского. Об этом красноречиво свидетельствует даже Голливуд: американские фильмы последних десятилетий в большинстве своем показывают грядущий апокалипсис. Это же симптом, внутреннее ощущение близкой и неотвратимой расплаты.

Бумеранг скоро возвратится к запустившему его и поразит. А все оттого, что нация эта не имела при рождении своем доброго морального основания, лишь сатанинские пороки. В одном из осколков бывшей империи мирового гегемона возможно оформление фашистской диктатуры, и России придется наводить там порядок, вводить временную военную администрацию.

И тогда лишь, вероятно, после нескольких лет, когда погибнут в гражданской усобице все радикальные элементы, появится возможность построить на месте бывших Штатов несколько нормальных государств.

А Англию за многовековую политику гадить всему миру мы вынуждены будем запереть на ее собственном острове, лишив атомного оружия и спецслужб и контролируя все ее внешние контакты. Хватит! Англичанка столько уже нагадила!

Так автору видится результат нашей войны с англосаксами. Автор знает, что в Писании сказано о власти Сатаны в последние времена. Да, это будет, но если мы англосаксов придушили до полузадоха, то человечество хоть сотню лет проживет в мире и спокойствии. До той поры, когда народ русский ослепнет от блеска золота и встанет на путь служения владыке ада. А так будет (об этом написал святой Игнатий Брянчанинов). Ну а пока наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

18.06.2022

P. S. Просто вынужден написать небольшое дополнение. Тошно стало ходить и ездить по родному городу. Названия магазинов, разных центров, контор компаний и даже небольших шарашек часто на английском языке!

А в Москве каково с этим?

На майках и куртках у молодых людей надписи на каком языке?

И сплошь татуировки у молодежи и даже у степенных вроде дам и мужей. Эта поганая субкультура пришла с Запада, не пришла даже – принесли ее колонизаторы, а наша бездуховная молодая поросль с удовольствием ее приняла. В этих картинках часто замаскированы, а даже и не очень спрятаны символы оккультизма, язычества, нацизма и открытого сатанизма.

132

Вспомните плененных в Мариуполе азовцев.

Не пора ли жесткими мерами начать уничтожать эти внешние, казалось бы безобидные, но по сути смертельно опасные признаки холопского заискивания перед гнилостно смердящим Западом? А способ есть единственный и действенный – воссоздавать свою, родную систему ценностей: человеколюбивых, нравственных и духовных, служащих процветанию Родины своей и всех иных государств, цветению жизни на Земле и согласию всех сущих на ней.

г. Новокузнецк



Эдуард АНАШКИН

ЗАВЕТАМ СУВОРОВА ВЕРНЫ

19 августа, в день праздника всех христиан – Яблочный Спас, в Иркутске в музее имени В. Г. Распутина состоялось вручение Национальной литературной премии имени Валентина Григорьевича Распутина.

Лауреатом 1-й премии стал Николай Федорович Иванов за роман «Реки помнят свои берега».

И вот на днях в подарок я получил от Николая Федоровича новую его книгу «Суворовец Воевода. Боец республики» (выпущенную в Москве издательством «Вече») с таким автографом: «С поклонением моему другу Эдуарду Анашкину». Очень тронут...

Это первый в новейшей истории Вооруженных сил России роман о суворовцах. Несколько раз, с карандашом в руках прочел книгу и решил написать о ней.

Пишу это эссе в непростые для всех нас дни – в 133 первые дни объявленной в России мобилизации. И вижу глубокий смысл в том, что роман Николая Федоровича Иванова «Суворовец Воевода. Боец республики» попал ко мне именно в это без преувеличения судьбоносное для России время, когда каждый мужчина делает свой осознанный выбор: он гражданин, ответственный за ее будущее, он мужик и защитник или же просто заживевший от потребительства обыватель? Но и таких я осуждать не берусь, ведь, быть может, прочитай эти люди в юном возрасте роман про своего ровесника Артема Воеводу, бойца Донецкой республики, то и на обывательство они бы пересмотрели свои взгляды. И судили бы о мировых событиях не с позиций отвлеченной общечеловеческой гуманности, а как потомки великих победителей, что на протяжении многих столетий отстаивали право жить по заветам предков и говорить на родном русском наречии. Может, потому и наблюдаем мы сегодня порой протестующих юных оппозиционеров-пацифистов на улицах больших городов, что не те книги читали эти дети поколения маткапитала, поколения нулевых. Потому и понятие о патриотизме у них нулевое!

Роман читается буквально на одном дыхании. Никакого менторства, за что особое спасибо автору: он не поучает читателя, а приглашает его к размышлению на равных. Это, несомненно, роман-исповедь, потому что главный герой – суворовец и автор в юности был суворовцем. Это и роман-покаяние с попыткой осмысления юных заблуждений. Это и роман-преодоление, мотивирующий читателя не плыть по обывательскому течению. Он написан так, что поневоле примеряешь на себя обстоятельства судеб самых разных его героев. И живо вспоминаешь свою юность и ощущение сиротства (как в моем случае), ведь будущий суворовец и боец Донецкой республики Артем Воевода – сирота.

Мать его, как многих мирных жителей республики, забрала война. Прямо возле дома на огороде, где она старалась вырастить хоть какой-то урожай, несмотря на близкие разрывы снарядов... Отец Артема, служивший в Советской армии во времена афганской войны, а впоследствии шахтер, сгинул в неизвестности, не смог вписаться в мирную действительность, став жертвой пьянства. Мальчишка хоть и жалел сбившегося с пути родителя, все равно не мог забыть, как тот обижал кроткую мать, а сам он прятался от «родительской любви» под кроватью...

Но полбеда, что отец-афганец сгинул. Беда в том, что, как выясняется по ходу повествования, отец сгинул, чтобы обнаружиться в войсках ВСУ в качестве особо жестокого палача под кличкой Афганец. И когда Артем в плену был в шаге от пыток, он мог попасть в кровавые руки именно к своему родителю... Спасибо сердобольному повару-вэсэушнику, подсказавшему пареньку, как бежать из подвала.

Осиротевший мальчишка обретает второй дом на «Тэшке», где свист пуль и разрывы снарядов – каждодневная реальность, где бойцы Донецкой республики защищают землю отцов от озверевших укров. Там у Артема старшие товарищи, там и его крестный, там любимый пес Шнурок... И все они, несмотря на ужасы военного времени, вопреки этим ужасам вроде бы неизбежного «расчеловечивания», живут в любви и заботе друг о друге. Наверное, так и полагается истинным соратникам по делу, которое они почитают правым. Именно эта забота и опасение за неугомонного юного разведчика в итоге заставляют их, надев на Артема наручники (чтобы не сбежал опять на привычную войну!), отправлять его в город Тулу, в недавно открывшееся Суворовское училище, готовящее кадры для будущей элиты армии. А элита нашей армии – она из-

вестно какая! Это «войска дяди Васи», воздушно-десантные войска, осененные именем геройского генерала Василия Маргелова.

А начинается роман с очередной бесшабашно-смелой вылазки Артема в тыл противника. В огневое «логовище» взсэушников, откуда регулярно совершаются обстрелы. Он решил проникнуть туда, прикинувшись невинной овечкой, а точнее, местным бездомным пареньком, ищущим хоть какой-то еды. Надо отдать должное умению мальчишки перевоплощаться, из него определенно вырастет отличный разведчик. В итоге Артем так пришлось по душе увешанному оружием майору, оставившему дома сына, ровесника Артема, что местного «недокормыша» накормили и в его легенду поверили. Налили вкусного супа, и в процессе еды Артем наметанным глазом считал огневые точки противника, говоря при этом, что ему бы только «жратвы раздобыть бабуле». И тут мальчишка не лгал. Бабуля у Артема действительно имелась, это добрейшая соседка тетя Клава. Она явится в книге позже, чтобы согреть повествование женской народной мудростью и помочь нам вспомнить своих матерей и бабушек, на чьи плечи грузом легла война...

Есть жестокая справедливость в том, что, защитив эту пожилую женщину собой, закрыв ее от пули «соратников по борьбе за независимость», отец Артема, вернувшийся домой в составе батальона ВСУ, словно бы вновь вернет себе на мгновение перед смертью звание человека. И совсем немного он разминется со своим сыном Артемом, который именно в это время приедет с сокашниками-суворовцами на побывку в родную Донецкую область. А побывка эта выдастся такой, что похожа будет на разведку и атаку одновременно. Чтобы накрыть взсэушников, Артему придется давать координаты для стрельбы по родному дому, занятому украми...

Но это будет потом. А акценты автор расставляет еще в самом начале, говоря даже не о войне, а о... литературе. Осененные жовто-блакитными флагами люди воюют вовсе не с нами. По самому большому счету, они воюют с русской культурой, русским языком, русской литературой – как воплощением лучших качеств русского характера. А мы идем в зачистку, как ее носители и наследники.

«— Хочешь почитать Чехова?

Майор, увешанный оружием так, словно собирался воевать вечно, выставил на остаток кирпичной стены книгу «Три сестры».

— Самостоятельная, сама стоит, — не забыл похвалить автора за толщину написанных пьес.

Отошел на десяток шагов и с разворота, практически не целясь, выстрелил из пистолета в книжную мишень...»

Что ж, фашисты жгли книги – нацисты, наследники их идеологии, книги расстреливают. И это пан майор (как его окрестил Артем), почти по-отечески отнесшийся к Артему, накормивший и отпустивший его, пан майор, далеко не самый оголтелый представитель войска незалежности! А есть такие, про которых сам этот майор говорит как о вовсе потерявших все понятия о человечности, показывая на болтающийся невдалеке черный флаг с острокопечной свастикой. Это ставка прибывшего из Луганска (а по слухам, просто изгнанного из родных мест за мародерство) батальона «Азов», привилегия которого – не скрывать своей любви к Гитлеру. С азовцами Артему по ходу повествования доведется встретиться, и снова – будучи в самовольной разведке, никак не согласованной с руководством родной «Тэшки».

Отчаянный он парень, этот Артем! Из таких и вырастают лучшие разведчики, лучшие десантники, лучшие летчики... Но непросто таким ребятам вписаться в коллектив. Потому что по сути своей столь отчаянные парни – одиночки. Но это одиночки по русской пословице: «И один в поле воин, если порусски скроен». Вот и та первая разведка Артема, с которой начинается роман, закончилась тем, что пришлось ему одному уходить в дымовой завесе подожженной им самим степи... Да потом еще получить по шее от начальства «Тэшки», ведь самовольный личный героизм на войне порой чреват гибелью товарищей. В итоге Артема в наручниках ссылают в Москву (а иначе как ссылку разлуку с родной землей и боевыми товарищами он и не воспринимает), чтобы уже оттуда по личному распоряжению министра обороны отправиться в Тульское суворовское училище...

Один из самых ярких характеров, выведенных в романе, – это руководитель училища Карагодин, заставляющий сразу вспомнить суворовские военные заветы, когда командир хоть и строг по отношению к подчиненным, но строгость эта воистину отеческая. Карагодин – пример того, что бывших офицеров не бывает. Очень интересен связанный с ним эпизод спецоперации наших военных в Арктике. Туда были срочно призваны опытные офицеры, сослуживцы Карагодина, и он сам. Отвлекая на себя внимание иностранных разведок и армий, эта спецоперация стала некой «дымовой завесой» для другой – возвращения Крыма в состав России. В романе несколько подобных кратких историй, которые

больше расскажут о современной стратегии наших вооруженных сил, чем многотомные концепции со специальной терминологией.

Сын за отца не отвечает... Потому и награда за боевые заслуги нашла талантливого юного разведчика Артема Воеводу. Несмотря на то что он сын пыточных дел мастера Афганца, самого страшного истязателя пленных в харьковской службе безопасности Украины... Разве редкость, что гражданские войны делают врагами даже самых близких родных? Георгиевский крест, врученный Артему, помогает ему заслужить уважение однокашников, считавших ранее, что поступил он в училище по блату.

Очень непросто бойцу с передовой Артему Воеводе найти общий язык с ровесниками, которые о войне знают лишь понаслышке. Ему привычнее на войне, чем в мирной жизни. А еще Суворовское училище – это строгая дисциплина. И тут уже геройская «отсебятина» в виде самовольных разведок – никакая не доблесть. Надо привыкать жить в коллективе, уметь понимать других, не тянуть взвод назад своей слабой учебной успеваемостью... Но именно такая, вроде бы лишенная военной романтики, каждодневная рутина и воспитывает характер. Настороженное отношение однокашников поневоле приводит Артема к мысли о побеге из училища. Но от себя не убежишь! Возвращение Артема – и в 135 училище, и в родной Донецк – неизбежно, как судьба. Донецк научил Артема боевой инициативе и храбрости. Училище призвано научить его управлять собой. Думаю, суворовское воспитание станет надежной прививкой от повторения судьбы отца, у которого несомненная храбрость и молодечество без должной самодисциплины привели к пьянству и хулиганству, а впоследствии и вообще к потере человеческого облика... А уж когда Артему поручают шефство над младшими суворовцами, под влиянием этой ответственности за других у нашего героя обнаруживается недюжинное умение находить общий язык с младшими, зажигать их позитивными идеями. Офицеры училища с радостью видят, как

буквально за пару недель подшефные мальчишки младших суворовских курсов буквально влюбляются в Артема...

Думаю, что молодым (и не только!) читателям будет интересно сравнить свою штатскую жизнь с военной судьбой Артема Воеводы, чтобы потом задать себе несколько непростых мужских вопросов. Это роман, конечно, о войне и о военных. Но куда же военным без любви? Ведь и войны-то в мире происходят от оскудения в людях любви друг к другу. А потому без трепетного чувства любви – к Родине, к женщине, к тем, кто слабее тебя, – военному человеку никуда. Без этого всего военный становится просто орудием убийства. И наглядные примеры мы с вами сегодня видим в ходе спецоперации – в том, как ведут себя укронацисты, гораздые по-мародерски воевать с детьми, женщинами, стариками, мирным населением.

Немало страниц в романе посвящено трогательному пробуждению первого чувства любви в молодом человеке. Подготовка к балу для суворовцев даже более важна, чем сам бал. Это не просто уроки танцев, которые дают им две приходящие девочки. Это воспитание души и рыцарского отношения к женщине, без которого нет мужчины. Артем еще так молод, что готов влюбиться во многих девчонок, но постепенно он понимает, что самое важное – красота души его избранницы, то, какие чувства девушка пробудит в нем.

Роман «Суворовец Воевода. Боец республики» – это первый и, хочется верить, не последний в истории Вооруженных сил России роман такого рода, рассчитанный на самую широкую читательскую аудиторию. Но в первую очередь – на подрастающее поколение. Нельзя отдавать на откуп всевозможным гарипотерам нашу молодежь. И противоядием всевозможным гарипотерианам должны стать именно такие книги, через которые наши дети ощутят себя потомками героев и победителей, обязанными пронести эстафету не только памяти, но и защиты своей земли.

Самарская обл.



Нина ВОРОНИНА

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «РУССКОМ СЛЕДЕ»

Произошел взрыв газопровода в Европе. И тут же в этом обвинили Россию и усиленно стали искать так называемый «русский след».

С выражением «русский след» мы знакомы давно, я аж с 1963 года.

В 1963-м американцы тоже отличились, расправившись со своим президентом Джоном Кеннеди, но усмотрели в этом преступлении «русский след». А сколько статей и книг было написано, сколько версий выдвинуто! Сейчас можно с уверенностью сказать, что за 60 лет ни одна из версий не подтвердилась, улики не найдены.

Но американцы на этом не успокоились. Где бы что ни случилось, они всегда первой выдвигают версию «русского следа» либо утверждают, что это «хайли лайкли» (перевод – «весьма возможно»).

Но давайте разберемся, мы же не американцы, чтобы валить с больной головы на здоровую.

Еще в январе 2022 года Джо Байден сказал среди прочего, что «Северного потока» не будет. Есть такие возможности. По мне, так Байден просто допустил утечку конфиденциальной информации, не зря ведь его личная «переводчица» с байденовского языка на английский Карин Жан-Пьер так суетилась, так «размазывала кашу по тарелке», заявляя, что мы не так поняли Байдена. Да, случилось, что Байден нес откровенную пургу, но не в этот раз. При этом сообщении он держался уверенно, логически мыслил и отвечал на вопросы. Так что никаких разночтений. Да и через некоторое время эту информацию подтвердила известная американская «тетка с печенками» (я имею в виду пресловутую Викторию Нуланд).

Тем более что у США уже имелся опыт подрыва газовых магистралей. Так, в 1983 году был взорван подводный трубопровод в Никарагуа. И тот же Блинкен был предельно откровенен и рад, что перед США с подрывом «Северного потока» открылись прекрасные возможности. Все по Марксу: старик Карл писал, что нет такого

преступления, которое не совершил бы капитал ради большой выгоды. Это – близко к тексту.

Это, как я и предполагала, была большая, заранее просчитанная и подготовленная афера по получению миллиардных доходов от продажи в Европу американского сжиженного газа. Они устранили конкурента – Россию, Европа сдалась без единого выстрела, и США теперь могут спокойно стричь купоны. Величайшая афера XXI века! За три года доход американцев приблизительно составит более пяти триллионов долларов – это по самым скромным подсчетам.

Ну а пока США испытывают наши нервы, вооружая Украину своим оружием, украинцы бомбят свои же города, убивая людей. Они не жалеют ни взрослых, ни детей.

Это мы скорбим о каждом ребенке.

Американцы же не жалеют даже своих детей. Напомню давнюю историю. Через несколько лет после убийства Джона Кеннеди его брат решил принять участие в очередных президентских выборах и был убит летом 1968 года. Убит одним выстрелом, и этот выстрел одномоментно осиротил 11 детей: Роберт Кеннеди был многодетным отцом. И его детей не пожалели.

Так что убийство братьев Кеннеди – это чисто американские разборки.

Об этих преступлениях много написано. Лучшая книга, по-моему, принадлежит перу советского американиста Анатолия Громыко. Это сын одного из высших руководителей СССР, многолетнего министра иностранных дел А. А. Громыко, прозванного Господином Нет за свою бескомпромиссную позицию, не дававшую никаких послаблений в различных международных переговорах.

А вот в истории современной России был министр иностранных дел, которого прозвали Синьор Да: он без каких-либо колебаний сдавал интересы России Западу, и многие россияне это понимали, ужасаясь. Помню статью того времени в одной из газет, статья называлась «С Козыревым и без козырей». Автора не помню, но снайперское название врезалось в память. Хорошо, что среди нынешних руководителей России таковых нет.

И еще.

Последнее время меня особенно напрягает выражение «дешевый российский газ». Вот я и задалась простейшим вопросом, насколько он дешев и для кого, этот самый «дешевый газ».

Нам, россиянам, хорошо известно, что самые крупные месторождения находятся на Ямале. Это зона вечной мерзлоты, и за бортом часто минус 40 градусов. И приезжают туда работать вахтовым методом простые русские парни, креп-

кие и здоровые, чтобы выдержать полгода жизни без семьи, в самых скромных бытовых условиях, добыть из-под земли газ, для того чтобы обогреть чванливую и снобистскую Европу и чтобы какая-нибудь немецкая домохозяйка могла без проблем приготовить завтрак для своей семьи. И ответы на вопрос, дешев ли российский газ, могут быть очень разными. Многие европейцы наивно полагают, что наш газ типа манны небесной – упал к нам с неба. Но суровый мужчина, вахтовик с Крайнего Севера, который, рискуя здоровьем, добывает этот газ, ответит иначе.

И в связи с этим вот что еще хочется сказать.

30 лет назад три мужика в сауне подшофе совершили чудовищное преступление против 260 миллионов людей. Они разломали на 15 кусков территорию великой страны, занимавшей ни много ни мало одну шестую часть суши! Так Украина получила свой кусок с газовой трубой. А ведь это сооружение строилось всей страной, и Украиной в том числе, но Украина была только одной пятнадцатой частью СССР. А самый значительный вклад вносила Россия, самая крупная

республика Союза. И тут бы, пользуясь добрым отношением России, ремонтировать постоянно трубу, устраняя врезки для воровства из нее газа, может быть, построить еще одну нитку, стать европейским хабом. Но украинцы повели себя, мягко говоря, некорректно, начали «снимать пенки» с трубы, установив сумасшедшую цену за транспортировку газа в Европу. А для себя от России требовали мизерную оплату за газ, да и ту не всегда платили. Газпром даже вынужден был иногда отключать газ до оплаты некоторой суммы.

Здесь можно много рассуждать, но вывод один: нужно пересмотреть право собственности на эту газотранспортную систему, как это сделали с Запорожской АЭС. И это справедливо. Хватит грабить Россию!

Вот американцы провели финансовую аферу, повредили газопроводы СП-1 и СП-2, избавив себя от конкурента. Мы тоже должны что-то сделать!

А именно – установить справедливость на Украине.

г. Мариинск



Юбилей

Дорогой Юрий Дмитриевич Дубатов!

Поздравляем тебя, учителя истории и рисования, члена Союза писателей России и постоянного автора нашего журнала, с достойным 75-летним юбилеем!

Будь здоров и творчески щедр!



Владислав ЕМЕЛЬЯНЕНКО

* * *

Надеваешь однажды
Утром пальто
И мелочью забытой
Чувства
Звенят

* * *

Память скисла
Даже комната морщится
Бабушка
Смешная
Сидит за столом
В руке стакан
На лице
Усы
Молочные

* * *

А смерть все поет
Мол
Молчи
Молчи
Мол чего пересказываешь
Мой шепот в ночи
Листку
За столом
С ним не место тебе
Ты прислушайся
Чайник уже зашумел
И припрятаны пряники
С имбирем
Нерожденный твой братик
Их нам
Приберег
Ты же знаешь
Ты знаешь
Что он
В ночи
Смотрит из зеркала
И молчит
Ты же помнишь
Ты помнишь
Как в шесть утра
Я
Убаюкивала
Тебя
При рождении
Мол
Молчи

Молчи

Голосов здесь и так хватает в ночи
Но
Немоту пространства разрезал плач
Будто бы не ребенок
Мир
Закричал

* * *

Подходит поэт к реке,
И странная просьба
С ним:
– Мол,
Река,
Нареки,
На речном наречии
Нареки.
Только молчит река,
Что-то шумит.
А ей
Просьба
В ответ:
– Мол,
Не молчи, река
(Бьется о берег речь).
Изреки
На речном наречии,
Ну хоть что-нибудь
Изреки.
Только молчит река.
Плещется окунь в ней.
Плюнул поэт,
А с ним
Плюнула просьба
Вслед.
Только молчит река.
Бормочут в бреду
Ветра:
– Дурак ты, поэт,
Дурак.
Не река это вовсе, а
Земля,
Захлебнувшаяся
Водой.

г. Кемерово

Дмитрий ЯЧМЕНЕВ

* * *

Внеси хоть капельку добра
В тот мир, что миром не назвать,
Где завтра хуже, чем вчера,
Где в правде принуждают лгать,

Где неба черного режим
 Нам заслоняет солнца свет,
 Где не живем мы, а бежим
 За жизнью той, которой нет,

За чистым воздухом и сном,
 В котором тишь и благодать,
 За счастьем, ждущим за углом,
 За ролью, что нам не сыграть.

* * *

Всю жизнь мою вмещает чемодан,
 Он полон тем, что было, пуст – что будет.
 И все мое богатство – чудный хлам,
 Палитра чувств, эмоций и иллюзий.

Для сотни жизни хватит и одной,
 Коль чемодан твой бережно наполнен.
 Играй, артист! В партере слезы, вой.
 И горький чай в уютной грим-уборной.
 г. Прокопьевск

Марина ХУДЯКОВА

* * *

Читать забытые стихи
 Как беречь могилы,
 И строки, скрыты и тихи,
 Вновь проникают в жилы.
 И как фантомы люди те,
 Что были на страницах,
 И в этой странной темноте
 Их воскресают лица.

* * *

Дикий запах тайги,
 Мед цветочных полей,
 До еловой руки
 Я тянусь все сильнее.
 Ветер в легкие влил
 Сладость хвои и рез,
 И свободу дарил
 Мне ручей горных слез.
 г. Ленинск-Кузнецкий

Татьяна ПАНАРИНА

* * *

Ребенок, убежавший от снарядов,
 Живущий в полосе прифронтовой,
 Не зная, оказался в центре ада.
 И некому скомандовать: «Домой!»

Глядит, по обе стороны стреляют.
 Сидит себе тихонечко в траве,
 Рукой от страха уши закрывает
 И хочет убежать к своей семье.
 Они его давно, наверно, ищут.
 Им выстрелы сегодня не страшны.
 Иначе уже завтра СМИ напишут:
 «Ребенок, не вернувшийся с войны».

МОЛЧАТ ПОЭТЫ

Молчат поэты. Нечего сказать?
 Отнюдь не потому молчат поэты,
 Потупив взгляд и отведя глаза
 Как-будто от всего земного света.
 И если в горле ком, а в сердце вой,
 То, маскируясь под любым предлогом,
 Молчат они наедине с собой,
 Ведь высказать им надо слишком много...

* * *

Когда ты брел с потухшими глазами
 По улицам ночным, считая звезды,
 Ты все же верил, что любить не поздно
 И жить не поздно. Но, вдыхая воздух,
 Надежду вместе с листьями ногами
 Безжалостно пинал ты от досады,
 Что в этом мире никому не нужен,
 Что редкие снежинки в небе кружат
 И падают в чернеющие лужи,
 Разлитые по краю эстакады.
 Как зверь душа рычала и кричала,
 Не отыскав привычного уюта
 В озябшем теле. Но одним маршрутом
 С тобой незримо я прошла как будто
 И, как малютку, на руках качала.

г. Тайга

Елена АНДРОНОВА

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Бывает, что рикошета ноль, а ты
 выложились на пятерку.
 Так больно о стену режешься, будто целуешь
 терку,
 Так обжигаяешься, будто тоннами глыбы
 греешь.

Остается надеяться, что все пройдет.
 Ты надеешься, но не веришь.

Пропускаешь немного дней.
 Совершает обход Земля,

*Наступает весна, градус уже чуть выше ноля.
Его сердце снова бурлит Катунью, разбивая
все льды Алтая.*

*Он в объятьях твоих воскрес.
Ты улыбаешься, расцветая.*

ЭМОЦИЯ

*Малое можется, многого хочется.
Тянутся годы, не успеваю опомниться.
Глохну от тишины,
Дохну от одиночества,
Пухну от голода по эмоциям.*

*Нужно больше людей, больше ярости и любви,
Утопиться в политональности и дисгармонии.
Я наконец познаю себя и мир,
Мир наконец узнает, о чем мне больно.*

*Оваций требует смелое творчество,
А робкому сердцу от страха бы уколотся.*

*Я
Глохну от тишины,
Дохну от одиночества.
Доктор, скажите, как называется эта эмоция?*

г. Березовский 110

Марина СЫЧЕВА ТИГРИЦЫ

– Мам, ну есть же водопровод! – крикнула Алина в глубину дома и перевела взгляд на экран. – Она опять с речушки воды натаскала. Смотри, два полных ведра. – Развернула телефон так, чтобы стоящие в сенях ведра было видно. – Ты бы поговорил с ней...

– Привычка, старикам сложно перестроиться. Позже мама оценит. – Экранный Дима поправил оранжевую каску и улыбнулся; глаза под тяжелыми веками превратились в две треугольные щелочки. – Как ты? Справляешься?

Алина опустила на ступеньку (интернет стабильно работал только на крыльце, в доме связь прерывалась) и вздохнула. Грузить мужа-вахтовика жалобами не хотелось.

– Приходится... Слушай, тут поговаривают, золотодобычу откроют. И набирать персонал будут из местных...

– Папа! – зазвенело в недрах дома.

Зашлепали босые ноги по половицам, на Алину накатило детское, обнимательное.

Ева повисла на спине Алины, ткнула в улыбающееся лицо экранного папы альбомом:

– Смотри! Я нарисовала!

Дима сделал испуганное лицо, закрыл глаза ладонями:

– Боюсь-боюсь! Какой страшный тигр!

– Пап, тигра не страшная! (Алинино замечание: «Ева, не коверкай слова!» – потонуло в смехе.) Тигра красивая!

– А ты самая смелая, раз не испугалась его рисовать! – Дима обернулся, отвлекшись на кого-то по ту сторону экрана. – Все, мне пора. Пока, любимые мои! Маму целуйте.

– И тигру! – выпалила Ева.

Экранный Дима исчез, Алина обняла дочь и вздохнула снова. Хорошо бы, открыли рудник. А то какая семья: Ева отца только в телефоне и видит.

– Алиночка, ты не ругайся.

В сени вышла свекровь. Низенькая старуха, сухая и плосколицая. Алина глянула на цветастый заношенный халат свекрови. Новый, хлопковый, так и лежал на полке, даже бирочка на месте.

– В речушке-то вода живая. А эта ваша трубая как знать откуда.

Вычистить кухню – первая работа в доме. Почистить газовую плиту. Оттереть стол: наливая чай, мама неизменно проливалила заварку. И никогда не вытирала. То ли не видела бурых разводов, то ли не хотела видеть.

Зато за привычной работой не нужно думать. Точнее, можно думать о чем угодно. Сегодня мысли были тревожные.

Еве четыре. Еще год-два, и нужно переезжать в город. Алина бы и сейчас переехала, да не по средствам им. И мама с обжитого места сниматься не хочет. Упрямится. Дима ее одну не оставит.

Нет, здесь тоже жить можно. Хозяйства Алина не боится, даже любит порой. Но, сама когда-то уехавшая из деревни, она помнит, как трудно было эту деревню из себя вытравить. Как посмеивались в университете над ее разговором городские, как тяжело было после универа зацепиться, остаться, а не вернуться в глушь. И что толку? В итоге она здесь: деревня другая – суть та же. Поехала за мужем, которого рядом раз в три-четыре месяца увидишь.

– Конечно, милая. Дело благое. Ты мне только пальчиком ткни – где, я и подпишу...

Услышав это, Алина встrepенулась, наскоро сполоснула руки и вышла во двор.

– Здравствуй, Тома, – поздоровалась и уперла кулаки в боки.

Высокая, в старомодном костюме, Тома держала планшет с бумагами. Мама щурилась, смотрела в листы, но ручка в ее морщинистых пальцах уже нырнула в колпачок, значит, подписать успела.

– Что у вас тут за благие дела?

– Алина, и ты подпишись. Слышала же: старый рудник хотят запускать, прииски. Только о золоте и думают! Это же скажется... на тайге, на экологии. У нас тут краснокнижные тигры, – веско сказала Тома и протянула Алине планшет.

– Нельзя тигров прогонять, тигры – душа леса. Они тут раньше нас живут, человека не трогают, знают, что за человека поплатятся. – Свекровь закивала, глядя на протянутые бумаги.

– Нет, вы с ума сошли все со своими тиграми – заботитесь о них больше, чем о людях! Дикie кошки и подвинуться могут. Уйдут глубже в лес, не страшно. А мы? Мама, а Дима? Прииск, рудник – что там будет? – это рабочие места, развитие региона. Может, школу отремонтируют, наконец люди бежать из поселка перестанут. И Дима здесь устроился бы, не пропадал на своих вахтах. А вы...

Тома хмурится, словно не понимает. Мама смотрит странно – грустно и жалостно. Но Алине уже плевать, она отправляется яростно отскребать кухню.

На стене два ряда детских рисунков: домики, палка-палка-огуречные семьи, портреты не то мам, не то принцесс, динозавр и фиолетовая птица в желтом небе. Евину работу Алина находит легко. Черно-оранжевая кошка с огромными зелеными глазами.

– Алин, сейчас твоя прибежит. О, ты рисунки смотришь! – Катерина, совсем еще молодая воспитательница, всегда светилась улыбкой. Наверное, потому они почти сразу перешли на «ты», хоть и не дружили. – Ева у тебя молодец: и нарисовала, и целую историю рассказала про охотника и тигриную принцессу. Похоже, сказка местная. Читаешь ей много?

Алина поморщилась. Увлечение дочери тиграми превращалось в манию.

– Это не я, это бабушка.

– Ну конечно, она же у вас коренная. Кстати, не ходите на речушку: там следы видели. Всех предупреждаю.

– У нас же водопровод. – Алина пожалала плечами, еще раз посмотрела на семьи палка-палка-огуречиков и спросила: – Твой же тоже вахтовик, да?

Алина перебрала светлые волосики дочери и подтолкнула ее к комнате:

– Иди, включай мультики!

После разговора с Катериной было смутно: Алина пыталась подсчитать, сколько их таких, вахтовых жен, в поселке. Сбивалась. Побывать бы одной. На кухне возилась свекровь. Алина заглянула, скривила губы: полная кастрюля начищенной картошки, только червоточинки мама не вырезает. Теперь все заново перебирать.

– Мам, вы бы поменьше Еве голову забивали сказками. К чему это? Пользы ноль.

Свекровь молчала, блестела влажными глазами.

– Идите отдыхать, я сама доделаю тут. И на речушку не ходите больше!

Острый кончик ножа с треском входил в картофельную плоть. Алина вырезала червоточинки, а казалось – свои проблемы. Выплескивала раздражение. Мать как дитя малое – сказки рассказывает. И хозяйство-то у нее не убогое, справляется, да все какими-то странными методами. А Алина следи да переделывай.

Плюхнув последний ломтик в воду, Алина громыхнула кастрюлю на плиту, чиркнула спичкой и повернула вентиль. Голубой ореол лизнул дно кастрюли.

Ладно, сегодня она переборщила все же. Маму расстроила. Но раздражение пока не ускало искать примирения. Зато тревожила идея.

Алина заглянула в зал и чуть не выругалась. Опять тигр. Словно мир сговорился против нее! Замерла, глядя в недовольную, злую морду на экране.

– Закон джунглей гласит, – мурчит с ленцой и самодовольством черная кошка.

– Каждый сам за себя – вот закон джунглей! – перебивает тигриный прихвостень.

Ева смотрит как замороженная, тянет руку к экрану. Алина улыбается: смотри, моя хорошая, тут тигр правильный. Такой, какой должен быть.

Прав Табаки: каждый сам за себя. Так почему бы не попробовать переиграть всех тигров и их защитников разом?

– Помнишь, я тебе про золотодобычу говорила?

Завязавшаяся инициатива жжется, успехом хочется делиться, и потому Алина набирает Диму в неурочный час. Присаживается на ступеньку и тут же вскакивает, ей не сидится.

– Я прошлась по вахтовым женам, поговорила. Будем писать обращение, такой ведь шанс для поселка! А наши, представляешь? Тома всех стариков обошла: защитим тигров! Тигров, понимаешь?

– Подожди, Алин, подожди. – Дима чешет нахмуренную бровь. – Ведь рудник навредит экологии. У нас же охотхозяйство под боком, люди едут со всего света на дикую природу смотреть, фотографий тигров, оленей, медведей сколько. Это же... такая огромная часть региона! Жизни!

– И ты туда же! Да для людей надо делать, для людей! Охотхозяйство? Ничего мы с него не видим. Там ведь штат – несколько человек. Работы нет в поселке. Сам знаешь!

Экранный Дима молчит, смотрит жалостно так – в его лице проступают черты матери. Алина смаргивает, говорить трудно.

– Я просто хочу, чтобы муж был рядом. Чтобы Ева росла с отцом. Рядом. Понимаешь?

И нажимает отбой.

Котенок. Тянется к воде. На лапах стоит твердо, но движения еще неловкие.

Не учуяла сразу. Теперь – любопытно.

Заросли густые, скрывают хорошо.

Пахнет нелесно. Избыточным буйнотравьем, дымом, как все недозвери, и – мягким, нежным.

Крадусь.

– Мам. – Алина старательно прячет покрасневшие глаза. – Где Ева? Во дворе не видать...

Свековь аккуратно втыкает иголку в ткань. Вышивка едва начата, светло-оранжевый краешек, но Алине кажется, что сюжет будет тот же – тигры.

– Она на речушку пошла играть.

– Ева!

Не рык. Не рев. Жалкое. Добычное.

На берег с той стороны потока выскакивает недозверица. Самка. И котенок у воды – ее.

Спина наливается силой. Мне ленно. Мне сыто. Но нелепый котенок так близко...

Недозверица видит котенка, спешит к нему неловко, оступает – напрягая лапы. Она замечает.

Не бежит. Не бросается к котенку. Смотрит. Тигрится.

И я смотрю.

Нелепая недозверица. Ни сильных лап. Ни когтей. Ни клыков. И все же – тигрится.

Чую в ее запахе, в ее взгляде:

– Мы с тобой...

Янтарные глаза, снизу подведенные черным. В лопатках играют мышцы. Подрагивает хвост.

Тигрица.

У воды – тигрице хватит и прыжка – Ева. Притихла. Только не кричи, родная. Не дергайся.

Алина находит янтарные глаза.

Уходи... Ты же тоже, наверное, мать... Или будешь.

Уходи. Не смей даже. Брошусь. Ногтями, зубами, чем угодно.

А с губ срывается неожиданное, едва слышное:

– Мы с тобой... одной крови.

Тигрица моргает. Напряжение в ее спине ослабевает. Она делает шаг назад. В зарослях мелькает полосатый бок. И, выгнувшись в дугу, тигрица прыгает в чащу.

Алина смотрит в лес. Ждет. Секунду, две, может, три – ушла, она ушла! – и кидается к дочери:

– Ева?

Руки, ноги, плечи – цела. Алина целует дочь в макушку, прижимает к себе, страшно отпустить. Жива.

– Мама! Я тигру видела там. А ты?

Алина всхлипывает.

– Мама, ты плачешь? Это потому, что тигра красивая?

– Конечно, родная. Тигра очень красивая.

г. Кемерово



Митрополит АРИСТАРХ

ПОМОЖЕМ КАЖДОЙ ЛИЧНОСТИ СТАТЬ ТВОРЦОМ СВОЕЙ СУДЬБЫ*

Уважаемые участники встречи,
дорогие друзья!

Обращаясь к вам сегодня, представим свою позицию о необходимости приложить максимальные совместные усилия Церкви и государства в деле воспитания и образования детей и молодежи, для того чтобы обеспечить надежную духовную и национальную безопасность нашего региона.

Одним из ключевых факторов успешности реализации общегосударственных приоритетов Российской Федерацией в области обеспечения национальной безопасности (обозначенных в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) является защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества. Именно духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности являются фундаментом для развития страны и ее обороноспособности.

События последних месяцев очень отчетливо показывают нам, что основными технологиями современных военных конфликтов выступают технологии так называемых ментальных войн, которые очень многообразны и зачастую трудно идентифицируемы для обычных граждан. Изучение технологий и выработка мер по снижению угроз и последствий ментальных войн – все это должно стать одним из приоритетных направлений прикладных междисциплинарных исследований, проводимых совместно в вузах.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в ходе проповеди после Божественной литургии в Свято-Троицкой Сергиевой лавре 18 июля 2022 года подчеркнул: «Граждан России пытаются лишить национального самосознания, веры и чувства патриотизма. Сегодня Россия – мощное государство, и вряд ли кто-то силой оружия по-

пытается лишить нас нашей свободы и независимости. Но в наш лукавый век существует много других способов сокрушить людей, лишить их самосознания национального, лишить их веры, лишить чувства патриотизма. Знаем, что сегодня многие силы работают для того, чтобы именно так воздействовать на наш народ и на нашу страну. А почему? А потому что мы продолжаем оставаться другими».

Фундаментальной основой сохранения целостности и общегосударственной идентичности государства выступает образование, неотъемлемой частью которого является воспитание. Дети и молодежь наиболее уязвимы с точки зрения применяемых в современном мире технологий массовых ментальных атак посредством различных источников. Способность противостоять этим угрозам должна формироваться с рождения человека и воспитываться на протяжении всей жизни. Сегодня очевидно, что только консолидация усилий Церкви и государства в образовательной сфере, сфере формирования личности гражданина Российской Федерации может принести ощутимый результат.

В настоящее время проделана определенная работа в этом направлении: в школах введен курс «Основы православной культуры», активное развитие получило внедрение теологических компонентов в образовательные программы ведущих вузов России.

В Кузбассе такими учебными заведениями являются Кемеровский государственный институт культуры, Кемеровский государственный университет, где в новом учебном году открывается магистратура по теологии, и Кузбасская православная духовная семинария, имеющая аккредитацию государства по теологии. Данные вузы реализуют образовательные программы подготовки специалистов культуры, юристов, журналистов, теологов, священнослужителей, при этом основополагающим является подготовка и воспитание будущих граждан Российской Федерации в лучших традициях российского образования, неразрывно связанного с православием.

Мы регулярно говорим об укреплении традиционных нравственных ценностей, о важности воспитания любви к Родине, но вместе с тем многие школьники и студенты, к сожалению, имеют весьма смутные понятия об уникальном духовном богатстве, которым обладает наша многонациональная страна и наш шахтерский край.

Недавно (лето 2021 г.) в закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» внесены поправки о включении воспитательного элемента в учебный процесс.

* Выступление на встрече с ректорами вузов Кузбасса на тему: «Актуальные аспекты церковно-государственного партнерства в сфере воспитания и образования детей и молодежи» 23 августа 2022 г.

Для усиления воспитательной работы в системе образования в дополненном законе зафиксировано несколько основных новшеств.

Во-первых, расширяется само понятие «воспитание»: «формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, к природе и окружающей среде».

Во-вторых, дополняется определение образовательной программы: программа воспитания становится неотъемлемой частью основной образовательной программы.

Поэтому предлагаем для студентов ввести обобщающий культурологический курс в вузах Кузбасса. Чтобы не увеличивать и без того обширную и очень насыщенную учебную программу, это мог бы быть, например, курс в рамках уже действующего одного или нескольких гуманитарных предметов начальных 1–2 курсов. Но должен быть некий стержень в программе, вокруг которого и формировалось бы в сознании наших учащихся целостное понимание истории и культуры России. Если это будет поддержано, то пусть ученый совет вуза выберет такие предметы, а Кемеровское епархиальное управление и КПДС представят их содержание и организуют их чтение выпускниками-теологами.

Знакомство с наследием наших выдающихся соотечественников, реальные примеры следования долгу и призванию, самоотверженного служения Отечеству, деятельного добра и милосердия, счастливого и праведного супружества способны дать молодым людям верные ориентиры и ценностные установки, вдохновить их на выбор жизненного пути. Подобный культурологический курс может стать достойным ответом на вызовы, с которыми сталкиваются подростки в интернете и социальных сетях, где зачастую ими усваиваются деструктивные модели поведения и человеческих взаимоотношений.

Школа и вузы – вот места, где можно реально создать систему положительного воспитания нашей молодежи, насыщения сознания молодых людей такими ценностями, которые было бы трудно разрушить влиянием интернета. Но этим нужно заниматься не откладывая, потому что многое уже потеряно. Ведь наша неспособность мобилизоваться и организовать работу с детьми и молодежью привела к тому, что уже не одно по-

коление молодежи плохо знает историю, литературу и, что более всего печалит, не отличается сознательной любовью к своему Отечеству.

Для воспитательной деятельности очень важно непосредственное знакомство учащихся, студентов с культурно-историческим наследием своего края, которое достигается не только чтением книг или слушанием лекций, – у детей и молодежи должна быть возможность посещать памятные исторические и святые места. Представляется чрезвычайно значимым реальное соприкосновение с прошлым через изучение памятников культуры. Поэтому мы предлагаем в планы духовно-нравственного воспитания студентов обязательно включать экскурсии по таким местам.

Развитие теологического и культурологического образования в вузах делает общество способным противостоять деятельности псевдоэкуменических организаций и антинаучных бытовых практик среди студентов, дает им классическую интеллектуальную базу. Следует сказать, что современное гражданское общество не формируется заново, а восстанавливается, именно поэтому нам надо опираться на наши традиции, восстанавливать все лучшее из своего исторического прошлого, заимствуя из зарубежной практики только то, что необходимо, полезно и не противоречит российским культурным и образовательным традициям. Европейская наука вышла из христианского мировоззрения, выросла на базе христианской культуры, поэтому христианская теология в европейских вузах – это общемировой тренд, гуманитарная норма для крупнейших вузов мира. Факультеты теологии присутствуют в самых знаменитых мировых университетах: в Страсбурге, Амстердаме, Женеве, Берлине, Бонне, Париже, Бостоне, Оксфорде и Кембридже.

Поэтому в нашей стране опыт теологических курсов и кафедр в светских вузах должен быть не менее востребованным, преодолевая атеистическое наследие рухнувшей большевистской идеологии и прочие комплексы неполноценности.

Важно отметить, что курсы религиоведения, ОПК и кафедры теологии в светских вузах не то же самое, что кафедра проповедника на церковном амвоне. Теологическое образование в светском вузе не направлено на миссионерскую деятельность по обращению людей в ту или иную религиозную традицию. Мы всегда подчеркивали, что эти кафедры создаются не для миссионерских целей, а для того, чтобы наши студенты и аспиранты имели возможность получить качественные знания о религиозных традициях и их теологических основах.

Спросим себя: чем предметы духовно-нравственной направленности, преподаваемые современным студентам, могут помочь молодежи в решении личностных проблем, а обществу в решении социальных вопросов, вырастающих из психологического неблагополучия молодых людей?

Со второй половины прошлого столетия психологи и педагоги говорят о таком явлении, как онтологическая (или внутренняя) неуверенность личности. Это не просто неуверенность в себе, а переживание своей неукорененности в бытии, отсутствие права на собственное место в мире, на самое главное – права на вечную жизнь.

Не будем сейчас обсуждать, почему это происходит. Важнее для нас, что духовное воспитание молодежи должно быть направлено (кроме всего прочего) на созидание онтологически уверенной личности.

Онтологически неукорененный человек испытывает угрозу своему существованию и вынужден постоянно защищаться. В социуме эта самозащита будет проявляться либо как немотивированная агрессия, либо как аутоагрессия – суицидальное поведение, либо как бегство из социума (в наркотики или компьютерные игры).

Существует неутешительная статистика по молодежным правонарушениям с применением насилия, суицидам и наркомании. Самое печальное, что эти показатели имеют тенденцию к росту.

И вот тут на помощь молодым людям могут прийти мировоззрение и знания, которые способны наполнить смыслом и творчеством их жизнь. Религиозное мирозерцание основано на том, что существует Бог – высшее всесильное начало, которое бесконечно любит каждого человека. Вера в это как нельзя лучше выстраивает ценностную иерархию в душе молодого человека. Необходимость проявлять любовь, доброту, отзывчивость и прочие нравственные качества приобретает характер безусловного императива, которому необходимо следовать. Если взгляды молодого человека не позволяют ему принять весть о Боге в безусловном варианте, все равно знакомство с людьми, которые в Бога верят, описание их опыта веры помогают укоренению молодого человека в социуме. Сама возможность мыслить так, как мыслят верующие люди, становится благой вестью для отчаявшегося человека. Таким образом, наполняясь покоем и гармонией, личность способна распространять эту гармонию и вокруг себя.

Конечно, если мы говорим об отдельном человеке, это может не сработать. Позвольте привести пример из сферы мне близкой – из медицины. Мы знаем, что, если препарат помогает 80 % больных, это хорошее лекарство. Подобным образом многие педагоги-практики в большинстве случаев отмечают благотворный эффект от знакомства детей и молодежи с религиозной традицией.

Это позволит сформировать у студентов нравственные, духовные и культурные ценности, повысить качество образования путем включения в учебный процесс факультативных курсов духовно-нравственного содержания, и это должно распространиться на все вузы Кемеровской области (или, по крайней мере, на большинство).

Хотел бы акцентировать внимание участников встречи на словосочетании «духовная безопасность». Мы должны обезопасить наш регион и страну от влияния экстремистских, террористических идей, которые, к сожалению, нередко в наше время используют религиозные одежды и выступают под маской той или иной религии. Мы то и дело слышим о террористических актах, которые совершаются якобы во имя той или иной религии, хотя ни одна традиционная религия не призывает ни к терроризму, ни к экстремизму, ни к убийству мирных граждан. То есть развитие, изучение теологии – это и вопрос духовной, государственной и национальной безопасности.

Мы обязаны предоставить студентам знания о доктринах основных религиозных традиций. Убежден, что это вопрос государственной важности. От его решения во многом зависит сохранение гражданского согласия и межрелигиозного мира в нашей стране. Религиозная составляющая очень значима в современном обществе, поэтому некомпетентность в вопросах веры весьма дорого обходится людям: этой неграмотностью, как известно, пользуются те, кто стремится к дестабилизации общества, к использованию религии в политических целях.

Позиция РПЦ и патриарха заключается в том, что нам нужно усиливать религиозное образование, с тем чтобы никто не мог использовать религиозный фактор в злонамеренных целях, для провокации действий, которые несут за собой катастрофу, человеческую трагедию, когда во имя неправильно понятых религиозных целей бомбы взрывают.

Мы живем в эпоху переизбытка информации. Информационное поле – это взрывоопасное пространство. Каждый может легко в него вступить,

но ведь и заминированное поле выглядит замечательно, если не знать, что в землю заложено.

Будем помнить о том, что народ делает народом не только общий язык и территория проживания. Народ становится народом, когда живет общими духовно-нравственными ценностями, культурными смыслами, сознает свою связь с прошлым и солидарно открыт к будущему. Такой народ будет по-настоящему жизнеспособным и сумеет избежать потрясений, подобных тем, что случились с нами в минувшие сто лет.

Для того чтобы никто не мог терзать нас, весь народ должен быть сильным. А сильным он становится тогда, когда объединен вокруг высокой идеи. И вера дает нам эту идею, так же как и наша национальная духовная, культурная традиция. Это высочайшие нравственные идеалы, закрепленные в этой традиции, и, наконец, наш язык – средство и способ нашего общения.

Государство при формировании политики, выработке законов, принятии решений о поддержке тех или иных культурных проектов должно учитывать нравственные устои, связанные с историческими и религиозными традициями народа. Только так обеспечивается созидательное развитие и бесконфликтное существование общества. Если сегодня не будет обеспечен тщательный контроль за соблюдением законодательства в плане оскорбления религиозных святынь, то завтра мы можем получить расколотый социум, у которого размыт ценностный базис, дезориентированную в моральных вопросах молодежь, что фактически лишает народ будущего.

Помогая студентам в их самовоспитании, выстраивании своего мировоззрения, мы стратегически выигрываем, так как в этом случае работаем с опережением, формируя позитив, а не борясь с негативом.

Мы не «проводим антисуицидную кампанию», а воспитываем активных, устремленных в будущее творцов; не «боремся против распушенности и аморальности», а помогаем каждой личности стать творцом своей судьбы, подняться вровень с замыслом Божиим, который существует о каждом приходящем в мир человеку. Только при таком понимании мы будем в авангарде современных процессов и уберем нашу молодежь пусть не от всех, но от значительной части духовно-нравственных рисков.

Дело воспитания, которому служит Церковь, которое ведется в вузах, имеет прямое отношение к самому выживанию человеческой цивилизации.

Николай КОНОВСКОЙ

БОГОСЛОВИЕ В ЕГО ДЕТСТВЕ

Эссе-размышление над рассказом Николая Дорошенко

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное.

Мф. 18:3

Вначале – о творческом багаже Николая Дорошенко, русского писателя, родившегося в селе Сухиновка Курской области: он известен читателям как автор книг прозы «Тысячу километров до Москвы», «Хозяин неизвестного музея», «Видения о Липенском луге», «Ушедшие», «Дерево возле дома» и других.

Почему я взял для рассмотрения рассказ Николая Дорошенко «Богословие в моем детстве» (журнал «День литературы», 2019, № 3)? Да потому что в нем как в капле воды отразилась творческая манера автора, особенности его стиля, вектор его духовных исканий и обретений.

Говорят, что стиль – это человек, а Николай Дорошенко – человек многодумный и несуетный. Такова и его проза.

Сложно вести разговор о заявленном богословии ни в коей мере не являясь богословом, но тут мне на помощь придут святые Отцы Церкви и современные богословы, например профессор Алексей Осипов, говорящий об «обращении» как о попытке уподобления детям в их нравственной чистоте, отсутствии лукавства, гордости, зависти – всего, что так свойственно взрослым людям.

Николаю Дорошенко в своем произведении ничего выдумывать не надо было, оно встает из глубины памяти и из глубины души как мгновенный отблеск рая, о насельниках коего, детях, когда-то сказал преподобный Иустин (Попович), а именно то, что дети – это Царство Божие на земле, и если бы нас вели дети, то мы давно уже пришли в Царствие Божие, но не дается нам Царствие Божие, пока нас ведут книжники и буквоеды.

Иван Шмелев, автор изумительного «Лета Господня», мистически близкий, думается, Николаю

Дорошенко, о своем романе сказал, что он им показывает лицо святой Руси, которую носит в своем сердце...

Николай Дорошенко – прозаик с очень тонким поэтическим мировидением, со своей, свойственной только ему глубиной, отрадно-печальной тоналностью.

И это неудивительно.

Потрудившись, в Сети, в доступных для всех архивах, я нашел его такое раннее стихотворение:

*Все было так: привычно и светло
в тазу ждала согретая вода;
прозрачно пузырился над столом
мой первый крик;
блестели провода;
кружились ласточки,
и на короткий миг
на малую мою ладонь
садилась вдруг одна из них.
А вечером в печи пылал огонь
и надо мною наклонялась мать.
Я слушал только сказки.
Мне
была дана способность понимать
все то, что не случилось на земле.*

«Способность понимать все то, что не случилось на земле» – такого взгляда в запредельное мне ни у одного поэта ранее встречать не доводилось.

Наверное, подобной способностью наделены лишь редкие избранные Божиим.

Пушкин как-то сказал, что «года к суровой прозе клонят, года шалунью рифму гонят», а также: «и сам, покорный общему закону, переменялся я».

И, тоже покорный общему закону, оставивший молодым и не очень молодым шалунью рифму, переменялся Николай Дорошенко – его творчество при всей его лирической пронзительности обрело черты душевного умиротворения и мудрости, что можно было бы выразить словами многострадального Иоанна Златоуста: слава Богу за все...

Вот как автор описывает запавшую в его память одну из картин детства:

«И еще хорошо я помню небо – высокое, белое, словно бы снегом припорошенное, и в небе – похожее на подмерзшую проталину солнце, и ощущение вот этой нашей муравьиной жизни среди бесконечных снежных холмов и равнин».

Прочел я эти простые, казалось бы, строки, и на меня повеяло чем-то бесконечно эпическим, духом русских просторов, духом русских былин, ледяным морозом, выжигающим всякую скверну из растительного мира и из душ человеческих.

Как верно описывает психологическое состояние ребенка, столкнувшегося или, вернее, прикос-

нувшегося к чему-то таинственному и неведомому, автор:

«В иные дни в дымчатом воздухе, помимо наших голосов, вдруг становился различным ровный и могучий звук. Мы знали, что это где-то за окном проходит поезд. И обмирали. И в сердце у меня становилось нестерпимо холодно то ли от восторга, то ли от жути, когда вслушивался в эту далекую, в эту какую-то иную, громадно и тайно проплывающую мимо нас жизнь».

Надо сказать, что и острая писательская зоркость является одной из самых сильных и отличительных черт прозаика Николая Дорошенко. «А вместе с ранними сумерками, сначала сочными и лиловыми, а потом и мертвенно-серыми, вдруг к нам со всех сторон подкрадывалась такая оглушительная тишина, что мы сначала сбивались в недвижные стайки, а потом и призрачно устремлялись каждый в свою норушку» – ну чем не роевая, пока еще детская, толстовская жизнь, покрытая единым сказочным мироощущением!

Как это по подспудному ощущению внезапной пронзительной утраты похоже на строки Валерия Брюсова из стихотворения «Мир»:

*Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его – единое наследство
Мной пережитых и забытых лет...
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!*

*.....
Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.*

Надо сказать, что не только в творчестве Брюсова, но и у того же Николая Дорошенко не только зрительная память, но и память запахов (а это трудно, почти невозможно описать) играет свою, может, важнейшую роль, как что-то глубинное, мистически необъяснимое.

«А уже зимою отец, весь сияя, однажды воскресным утром после завтрака внес в дом шапку необыкновенно золотых и пахнущих так, что даже голова у меня закружилась, яблок» – так автор описывает начало плодоношения вымененной когда-то отцом на базаре за «полкило свежатины» поздней яблоньки.

О той же радости причастия к плодам и полноте земного изобилия упоминаемый уже нами Иван Шмелев в «Лете Господнем» пишет так:

«Ласковый, тихий свет от него в душе – доньше. Должно быть, от утреннего сада, от светлого голубого неба, от ворохов соломы, от яблочков грушочки, хоронящихся в зелени, в которой уже желтеют отдельные листики.

Ясный, голубоватый день, не жарко, август...

Блестят и яблони – глянец ветвей и листьев, матовым лоском яблок, и вишни, совсем сквозные, залитые янтарным клеем».

Окружающий мир и людей маленькие его сельники – Ваня у Шмелева и Коля у Дорошенко – воспринимают с детской чистотой и наивностью; фантазия у них неотделима от реальности; наш великий поэт, в детстве любивший сказки своей няни, позже напишет о впечатлении, на него произведенном сказками:

*От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...*

Не зря ведь говорят, что ребенок, по своей природе не знающий зла, не будет видеть зла и вокруг, в мире и людях, населяющих этот мир.

Возвращаясь к давним запахам ушедшего мира, было бы неверно не поделиться с читателем (такое богатство!) и стихами о власти непреходящих запахов детства другого поэта, нашего почти современника:

*Какие-то запахи детства стоят
И не выдыхаются.
Медленный яд
Уклада,
Уюта,
Устоя.
Я знаю – все это пустое,
Все это пропало,
Распалось навзрыд,
А запах не выдохся, запах стоит...*

Святые отцы очень часто называют природу или мир книгой, самим Господом написанною, всегда открытою для всех, желающих научиться добру. И чуткое детское сердце Коли внимало голосу и науке природы и мироздания, заключенного пока в четырех стенах небогатого деревенского дома:

«Ночь вкрадчиво глядела на меня сквозь проталинки в окнах, мирно посапывала ветерком в дымоходе, прикрытом выюшкою».

Далее идет описание космоса деревенской избы и составляющей ее быта:

«Наконец наступал тот миг, когда я незаметно для самого себя словно бы растворялся без остатка в нашей маленькой черной комнатке с ее чугунами, крынками, ведрами, вместе с ее столом, накрытым облупившейся на углах клеенкой, вместе с ее отполированными до воскового глянца скамьями, вместе с продолжающими свой неспешный разговор родителями – то есть я, затихнув, глядел и глядел то на мерклый огонек керосиновой лампы, то на раскатанный по полу лук, то на окошки, и когда огонек в

лампе вздрагивал, я тоже вздрагивал вместе с ним... я на краткий миг пробуждался от своего сладкого обморока, и... мать восхищенно выпевала свое обычное: «Да вот же оно, наше пташеняточко, со своего гнезdochка на нас глядит!..»

Процитированный мною отрывок – чем не вселенная дающей жизнь всему миру русской избы, с любовью и доскональным знанием воспетая Николаем Клюевым, Николаем Тряпкиным, Василием Беловым?..

Через все повествование у Николая Дорошенко неизменно проходят, то рельефно подступая, то мягко отступая в глубь бытия и повествования, образы матери и отца, как два несущих маленького человека крыла, как неразделимые на дальнейшем каменистом пути труд и молитва.

С такой любовью к матери, как Коля у Дорошенко, наверное, относился лишь другой автобиографический герой – аксаковский Сережа из произведения «Детские годы Багрова-внука».

Отталкиваясь от мысли святых отцов, что Бог может явить себя как в блеске грозы и молний, так и в дуновении тишайшего ветерка, можно сказать, что богословие Коле преподавалось строгостью и требовательностью в жизни отца и всемилосердным прощением матери, хотя семья была не чужда и книжного научения. Особым уважением в семье пользовалась Библия.

178

«Отец... сам доставал из сундука толстенную Библию, водружал себе на нос огромные, в темной оправе очки и усаживался под лампу рядом с матерью, чтобы приступить к чтению».

Ребенок запоминает, может, не столько сами библейские события, сколько манеру чтения отца и его лицо во время чтения:

«Читал он вслух и по складам. И, одолевши несколько слов, повторял их затем более внятно, а голос у него был гулким, как из колодца, и подбородок его при чтении иногда почему-то продолжал дрожать».

Вспоминая войну, один поэт-фронтовик сказал, что «это все в меня запало и лишь потом во мне очнулось». Все прочитанное западало и в благодатную душевную почву ребенка, иначе как бы он не пропустил ни единого слова?

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы... И, отделенная от света, в своем угрюмом одиночестве тоскующая за окном ночная тьма тоже вслушивалась в упрямый голос моего отца».

Временем, описываемым в рассказе, было, наверное, то, когда руководитель государства обещал показать по телевизору «последнего попа», и не взрывай он в своем богоборческом раже последние уцелевшие храмы, может быть, и пробыл бы благополучно еще какое-то время на высоком посту, как

его терпимый к «религиозным пережиткам» наследник.

Но Россия глубинная, потаенная, уменьшившись в количестве, в духовном качестве не теряла – были сидельцы иоанны крестьянкины, были глинные старцы, каким-то чудом уцелевший Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиева лавра, незримо подпитываемые народным богословием из занесенных снегом деревенских курских просторов...

Ребенок внимал, а отец «обуглившимся от напряжения голосом читал вот эти слова:

«...И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники, говоря: других спасал, пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий.

Также и воины ругались над Ним, подходя и поднося Ему уксус и говоря: если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого...»

Чтение заканчивалось, лампа гасилась, и маленькому ребенку почему-то казалось, что Бог из темноты незримо глядит на него...

С тех пор прошло много времени, многое в нашей жизни переменилось, и к сожалению, не к лучшему.

Но так же прочно в душе, не выдыхаясь, стоят запахи детства, так же томно и заунывно поет меж каменных громадин ночная московская вьюга, напоминающая о вьюге давней, другой – в тусклом свете керосиновой лампы, уводившей в безмерное, таинственное.

Я долго не мог понять, откуда у хорошего, добротного прозаика Николая Дорошенко такое знание поэзии и такая любовь к ней (то же самое могу сказать и о Николае Иванове), пока не нашел в Сети стихи его самого и не подумал, что предлагаемое мною его стихотворение, может, и есть драгоценный сколок и дань той жизни и памяти.

БАЛЛАДА ОБ ИКОНЕ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Среди тишины, покоя,
За самую дальней рекою,
Под вышней охраной небес
Одна деревенька есть.
А в той деревеньке кроме
Всех прочих домов есть домик,
В котором отца и мать
Учился я понимать.
Для памяти и поклона
От них осталась икона:
Георгий змею поражает,
Змея же ему угрожает.
Лик воина сосредоточен,
Змеюке глядит он в очи.
Копье под его рукою
Полно тишины, покоя.
С такою же тихой властью
Над каждой моей напастью
Мать нитку в иглолку вдевала,
Рубаху мне зашивала.
С такой же святой отвагой,
В сиянии слезной влаги,
Отец у военкомата
Меня провожал в солдаты.
...Страну мы сдали без боя,
Не стало в стране покоя,
И тишины не стало.
И жизнь себя – долистала.
Лишь в небе светло да ясно,
Лишь в памяти не напрасно
Мать нитку в иглолку вдевает,
Рубаху мне дошивает,
Отец меня провожает,
Георгий змею – поражает...

«Георгий змею поражает» – да будет так!

г. Москва



Сергей ЧЕРЕМНОВ

«ПАВЛОВСКИЙ МЕТОД» СЕРГЕЯ ПАВЛОВА

Мы познакомились с Сергеем в один из хмурых октябрьских дней, когда наш только что сформированный первый курс вернулся из «колхозной командировки» (в Яшкинском районе месяц вкалывал на полях, убирая урожай).

Встретились в студенческом общежитии КемГУ, что до сих пор стоит в Кемерове на улице Васильева, дом 20б. Через эту кирпичную пятиэтажку прошла не одна тысяча студентов, а через ее четвертый этаж – сотни студентов филфака. Так вот, в одной из комнат четвертого этажа в тот вечер собралась почти вся мужская часть факультета. Комнаты там небольшие, но и парней на нашем традиционно «девичьем» факультете всегда училось чуть да меньше. Нас, например, первокурсников, приступило к учебе всего восемь человек, причем считалось, что это много! А до старших курсов дотягивали не все.

В общем, уместились. А руководил посиделками пятикурсник Сергей Павлов. Коренастый, полноватый, уверенный в себе очкарик, прошедший уже огонь и воду семинаров и сессий, рефератов и курсовых, он запросто раздавал характеристики факультетским «доцентам с кандидатами». Мы, необстрелянные еще вчерашние выпускники школ, напряженно помалкивали, робко посмеивались, слушая шутки студенческого зубра.

Словом, первые четверть часа той необычной встречи расслабиться было сложно. Буквально – почти нечем было расслабиться, потому что мы, неискушенные в организации студенческих вечеринок, припасли всего пару сорокаградусных поллитровок. Конечно, нашей первокурсной четверке хозяев комнаты этого бы и хватило: посидели бы потихоньку «между собой», умяли бы под эту водку гору жареной картошки с домашними солеными огурчиками... Куда там!

Организовали-то мы ужин именно на четверых обитателей нашей светелки. И сели чинно-блинно отпраздновать колхозную практику: я, Саша Денисов, Жека Худобин, Пашка Скрипов. Налили «по слегка», по первой... Но все пошло иначе.

Кто жил в студенческой общаге, знает: утаить там «чужую свадьбу» невозможно. Не успели мы взяться за вилки, раздался стук в дверь и на пороге возникли

филфаковские второкурсники Саня Панфилов и его напарник Николай, следом за ними явился третьекурсник Игорь Быргазов. Потом еще кто-то с четвертого курса. А когда за столом стало совсем тесновато, зашел, наконец, студент последнего курса Павлов.

– Стоп! – тут же взял он в руки вожжи тамады. – Давайте сразу определимся: сколько у нас напиток?

Одна бутылка была уже почата, другую еще не трогали.

– Маловато, – со знанием дела заключил старший товарищ. – В магазин уже не сгоняем, поздно. Чтобы нам этого на сегодня хватило, предлагаю перейти на специальный метод.

И он начал наливать спиртное порциями размером с наперсток: чуть глотнешь – и нету, только горечь успеваешь почувствовать. Зато после третьего или четвертого наперстка наша компания стала по-настоящему расслабляться. После пятого разговор потек сам собой, без всякого напряжения. После шестого мы уже громко судили обо всем подряд, изрекали, хохотали, запросто перебивали старших. А водки как будто не убавлялось.

Весь вечер проговорили о литературе, о кино, слушали чьи-то стихи, рассказывали анекдоты. А заводилой был Серега Павлов. Он хитро поглядывал из-под очков на всех нас, усмехался про себя и продолжал «заводить» компанию по своему методу.

150

Метод, которым он организовал в тот памятный день нашу шумную вечеринку, прозвали «павловским». С тех пор мы всегда, садясь за праздничный стол, спрашивали друг друга: «Как употреблять будем – сразу по полной или павловским методом?»

Наша студенческая дружба продолжалась и дальше. Пусть не так часто, но все же регулярно мы встречались – и когда работали в редакциях газет, и когда перешли под сени высоких кабинетов, и когда надо было о чем-то посоветоваться. И потом, когда надо было поддержать друг друга в трудных обстоятельствах...

Павловский метод выручал безотказно. И умение Сергея настроить на нужный лад любую компанию было неоспоримым.

Он родился 14 июня 1952 года в городе Белово в семье шахтера. Его отец-фронтовик работал на шахте «Чертинская», мать – на шахте «Новая». В 1969-м Сергей окончил беловскую среднюю школу № 27. Между прочим, он несколько лет редактировал школьный «Комсомольский прожектор», а учительница русского всегда отмечала в классе его сочинения...

Весной 1969-го в городской газете «Знамя коммунизма» опубликовали письмо комсомолки Ждановой, в котором она ставила вопросы о смысле жизни, о том, как человек должен относиться к своей работе. Тогда разговоры на подобные темы были в

ходу. На заседании школьного комитета комсомола десятикласснику Павлову предложили написать в редакцию – откликнуться на публикацию девушки: он же комсомолец, редактор «Комсомольского проектора».

– Мне стало интересно, – вспоминал Сергей. – Если напишу, опубликуют или нет? Написал, и опубликовали наряду с другими авторами: в газетную подборку вошло около двадцати откликов. Некоторые читатели написали длинные письма, я же уложил в одно предложение: «Каждый человек, кем бы он ни был и чем бы он ни занимался, должен делать свою работу честно и хорошо...» Немного плакатно, но тогда мне казалось, что эти слова звучат очень убедительно. Как поздравляли меня в школе одни и как откровенно завидовали другие! А отец с серьезным выражением лица крепко пожал мне руку и сказал совсем неожиданные слова: «Теперь я знаю, что ты станешь писателем!» И впоследствии отец не раз заводил со мной такой разговор: напиши про нашу жизнь мужицкую. Как мы землю пахали в Урском, как золото мыли, в шахте работали. Про деда своего Гришу обязательно напиши, как его в шурфе раздавило и он инвалидом жил... И все звал меня съездить на свою родину, в село Урское, что в 60-е годы уже доживало свой век. Не случилась поездка. А ныне на месте села только голый увал остался, на котором едва угадываются места, где еще полвека назад стояли крестьянские избы...

Однажды школьник Павлов побывал в редакции «Знамени коммунизма». Первая встреча с настоящими журналистами запомнилась ему надолго. Именно тогда он узнал, что с осени в редакции газеты решено открыть «Школу молодого журналиста», что занятия в ней будут проводить известные в городе корреспонденты Георгий Григорьевич Манкуни и Анна Авдеевна Ширявская. Большинство из присутствовавших на встрече ребят немедленно записались в эту школу. Павлов же не спешил с решением, ведь после выпускных экзаменов рассчитывал поступить в пединститут.

К сожалению, с первой попытки потерпел неудачу. Вернулся в Белово, устроился работать на Беловский кирпичный завод. Вот тогда-то и начал посещать «Школу молодого журналиста»...

Здесь среди слушателей большинство составляли девушки. Все они еще учились в школе, и только Павлов был из рабочих. Ему приходилось проявлять смекалку, чтобы из-за смены не пропускать занятий по журналистике. Из ребят, посещающих ШМЖ, Сергей запомнил Михаила Живописцева, который позже стал известным мастером пера.

А у него самого, похоже, уже тогда начал формироваться свой метод в журналистике, с помощью которого он добивался поставленной творческой цели.

Однажды у Павлова руки зачесались написать в газету о бедах своего предприятия. И он написал: о большой текучке кадров на кирзаводе и о том, как по цехам ходят полупьяные работники; как уволенных в понедельник прогульщиков в пятницу вновь принимают на работу; о том, что готовый кирпич лежит под открытым небом и его воруют безжалостно и безнаказанно.

– Мало того, я поимел смелость (а может быть, наглость) посоветовать, как исправить положение на заводе. И получилась довольно едкая критическая статья, – вспоминал он потом с юмором.

После публикации Сергею крепко досталось сначала в парткоме завода, затем – от директора. «А кто ты такой?!» – зло спрашивали у парня руководители. Он же дерзко отвечал: «А что, я написал неправду?» И тогда его решили уволить. За правдой и защитой молодой рабочий поехал в редакцию.

Там его спокойно выслушали и велели на следующий день выходить на смену. Если нападки будут продолжаться, немедленно сообщить в газету. Наутро он вышел на рабочее место, и – о чудо! – наездов больше не было. А некоторое время спустя «Знаменка» опубликовала ответ на его критику: главный инженер завода заверял читателей, что недостатки в работе предприятия непременно устранят...

Вот тогда-то Сергей поверил, что пресса – это сила!

Всего до выпуска «Школы молодого журналиста» весной 1970-го дошли только десять человек. Всем им выдали удостоверения о ее окончании, с фото и печатью. Удостоверение № 1 было у Павлова.

Теперь Сергей не сомневался в том, что он и хочет, и может освоить тонкости литературного труда. И успешно сдал экзамены в Кемеровский пединститут. На филологическом факультете, где на любом из курсов училось по полторы сотни девушек, Павлов, конечно, был замечен.

Женился Сергей еще студентом, и не по расчету – по любви. И первый сын в семье появился тоже в студенческие годы. Нелегко было молодой паре вставать на ноги, однако она стойко переносила все тяготы и разрешала все проблемы. Впрочем, и их родители, да и государство не стояли в стороне, помогали как могли.

Серьезной школой для Павлова стало сотрудничество с вузовской многотиражкой «Молодой учитель». Он писал заметки почти в каждый номер. А весной 1974 года, перед самым выпуском, даже поработал здесь редактором, пока настоящий редактор Людмила Филаткина (ставшая впоследствии известной кузбасской телеведущей) в течение двух месяцев защищала диплом журналиста в Уральском госуниверситете. Павлов тоже в это время сдавал госэкзамены и параллельно выпускал газету. И ни одного номера не провалил: все вышли по графику.

Диплом учителя Сергей получил уже университетский (пединститут к тому времени повысил свой статус). И вернулся в родной город, чтобы год поработать учителем в средней школе № 27, где когда-то учился сам. Он умел найти общий язык со школьниками. Уроки Сергея Михайловича для учеников были ориентиром в выборе своего места в жизни. Прежде всего он учил их добру и пониманию сущности человеческого общения.

Еще работая в школе, Павлов начал записывать на бумаге интересные истории из окружающей жизни. Любил наблюдать за детьми, за их поведением. В его творческой копилке постепенно собирались сюжеты будущих книг.

В 1975-м Сергей перешел на шахту «Чертинская» – стал редактором многотиражной газеты «Голос шахтера». Тут были совсем другие университеты. Он увидел шахтовое бытие, как говорится, изнутри.

Вспоминал:

– После академизма уроков литературы работа в многотиражке показалась мне другой планетой. Вечным камертоном для шахты тогда звучало одно слово: план! И потому главной темой каждого номера газеты были материалы, посвященные выполнению горняками плана и социалистических обязательств (нынешнее поколение и слов-то таких, наверное, не знает, а тогда без них не выходил ни один номер).

Годы своего журналистского становления Сергей вспоминал с большой теплотой. Часто говорил о коллегах – редакторах таких же шахтовых многотиражек (при этом ласково называя их по именам: Володя Голубничий, Леша Бабанак, Ира Мамонтовская), о том, как на страницах своих изданий все они пытались интересно и с душой рассказывать «о людях шахтерского племени». О тех, кто каждый день «спускается в пучину земную, где вода капает с потолка и струится по стенам выработок, где коварно таится до поры до времени газ метан, а кливаж в любой момент готов проверить крепость шахтерской каски».

Павлов внимательно присматривался к работам-горнякам: как они чувствуют себя под землей, в забое, насколько страшно им «ковырять планету изнутри».

– Когда сам ходил с ними в шахту, заметил: чем ниже опускается клеть с людьми, тем напряженнее становятся их лица, тем злее и озорнее шутики, а ненормативная лексика под землей делается приоритетной. На вопрос: почему так случается? – слышал разные объяснения. Кто-то сказал, что «это на нервной почве», что крепкое слово снимает стресс и прогоняет страх. Другой объяснил так: от крепкого слова человек быстрее соображать начинает, а под землей это особенно важно, иногда мгновение спасает здесь жизнь. А третий отшутился: «А под землей баб нет, стесняться некого, вот и отрываемся по полной...»

За четыре года руководства шахтовой газетой он все больше узнавал людей, видя их на изломе, в экстремальной ситуации, где человек открывается с самой неожиданной стороны. Одновременно рос профессиональный багаж журналиста.

Сергей не стеснялся учиться тонкостям профессии у старших товарищей и опытных коллег, таких как Александр Георгиевич Кургузиков, Анатолий Семенович Цыряпкин, Борис Александрович Козлов, Юлия Борисовна Бабанак, Галина Семеновна Воронина, Виктор Сергеевич Скоробогатов, Галина Андреевна Партушева (многие читатели в Кузбассе знают ее как Галину Бабанак).

Пришло время, и Павлов начал работать в беловской городской газете «Знамя коммунизма». А к тому моменту, когда он вступил в Союз журналистов СССР, его материалы уже часто публиковались во многих городских и областных газетах.

В 1982 году он заочно окончил Новосибирский филиал Свердловского юридического института. В семье Павловых подрастал уже второй сын. И Сергей Михайлович решил перейти на работу в органы внутренних дел. Но связей с журналистикой не порывал. Следовательская практика дала основу многим его зарисовкам, статьям и очеркам на криминальные темы.

В эти годы появились его первые книги.

В МВД Сергей Михайлович прослужил 20 лет. Работал и в областной прокуратуре, где занимался реабилитацией жертв политических репрессий. В отставку вышел в звании подполковника милиции. Однако сидеть без дела не мог – стал пресс-секретарем управления судебного департамента в Кемеровской области и редактором журнала «Судебный вестник Кузбасса».

Здесь с особой яркостью раскрылся его талант полемиста-публициста. Он много пишет о жертвах политических репрессий. Помогая восстановить справедливость в отношении сотен репрессированных в Кузбассе, очищает от скверны память о них, возвращает их родным и близким правдивую информацию о несправедливо осужденных, нередко казненных и наконец-то реабилитированных.

Он считал своей обязанностью добросовестно выполнять долг перед незаслуженно павшими, тщательно, по крупицам откапывая архивные сведения. В этом тоже заключался смысл неизменного павловского метода.

Его большая, скрупулезная работа была высоко оценена наградами – как журналистскими, так и литературными, и общественными. Сергей Павлов награжден медалями МВД России и администрации Кемеровской области. За исследовательскую работу и серию очерков о политических репрессиях против церкви он отмечен орденом

князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви, медалью Кемеровской епархии.

Сергей Михайлович – победитель конкурсов МВД России в номинации «Художественная литература и искусство» за книгу рассказов «Мафиёза» (2003), очерк «Жизненное поле Николая Рюмина» (2004). Он стал лауреатом областной литературной премии «Энергия творчества» (2008, 2011), премии журнала «Огни Кузбасса» (2008), областной литературной премии имени А. Н. Волошина (2014).

Сергея Павлова принимают в члены Союза писателей России. Вдохновленный, он продолжает литературный труд.

Трудно сказать, когда у него родилась идея создать широкое эпическое полотно об истории родного края, о своих земляках. Все последние годы Сергей Михайлович упорно работал над многотомной книгой «Кузбасская сага».

Сам он считал, что к этому его подтолкнул отец своими воспоминаниями о поселке Урском, о предках семьи Павловых, проживавших там когда-то.

– Почему этот малограмотный человек вдруг решил, что я должен что-то написать, что у меня что-то может получиться? – удивлялся Сергей Михайлович. – Лишь через 30 лет после первого такого разговора с отцом и через десять лет после его смерти я принялся за роман «Кузбасская сага», где речь идет о жизни крестьян села Урского, о старателях, о шахтерах. И тем самым словно бы взялся выполнять его наказ. Не верю я в мистику, но все же что-то подвигло меня к этому...

Казалось, такое количество фактов, как в его саге, невозможно уместить в литературно-художественную канву, облечь все это в слова, строки, абзацы, главы. Но у Павлова есть свой метод: упорство и труд, помноженные на талант. Сергей днями напролет просиживал в архивах и библиотеках, перечитал сотни документов, сделал тысячи выписок из официальных бумаг. Он задумал роман о Кузбассе и его людях, спланировал, что сумеет уложить повествование в пять отдельных томов.

Наконец в 2008 году из печати вышла первая книга «Саги» – «На изломах Крестьянского тракта».

Совсем немного – буквально пару недель – он позволил себе расслабиться. За эти короткие писательские каникулы Сергей Павлов поучаствовал в презентации первого тома, провел несколько встреч с читателями. И – засел за продолжение.

И оно последовало. Вот как об этом рассказывает хроникер:

«16 марта 2012 года Кемеровская областная библиотека для детей и юношества совместно с муниципальным учреждением культуры «Централизованная библиотечная система г. Белова» представила книгу «Кузбасская сага» кемеровского автора, члена Союза писателей России и Союза журналистов Рос-

сии Сергея Михайловича Павлова. Мероприятие состоялось в центральной городской библиотеке Белова. На презентации Сергей Михайлович представил две книги «Кузбасской саги»: «На изломах Крестьянского тракта» и «Пленники Маньчжурии». По замыслу писателя они являются первыми из пяти книг о жизни Кузбасса. Участники мероприятия, среди которых преобладали учащиеся школ города, педагоги и шахтеры-ветераны, услышали рассказ Сергея Михайловича об истории создания «Саги», его дальнейших творческих планах, отрывки из романа в авторском исполнении. Каждый присутствующий мог задать вопросы писателю, высказать свое мнение о книгах».

Для Павлова такие встречи были очень важны. По ним он сверял свои творческие часы, сличал творческий прицел. Аудитории, перед которыми выступал писатель, были самыми разными. А Сергею Михайловичу это и нравилось. Запомнилась, например, встреча с выпускниками богословских курсов РПЦ. Темой откровенного разговора стал трагический период отечественной истории, связанный с политическими репрессиями, которые в течение многих лет Павлов описывает в своих книгах.

Вышедшая в 2014 году третья часть «Саги» получила название «Хроника окаянного времени». Она о Гражданской войне, «военном коммунизме» и продразверстке, нэпе и коллективизации...

Четвертый том «Кузбасской саги» – «Иудин хлеб». Над ней Сергей Павлов работал с 2015 по 2018 год. Книга посвящена событиям Великой Отечественной войны и трудным послевоенным годам. География романа по-настоящему широка: Германия, Украина, Кемеровская область.

И в каждой из частей «Саги» автор продолжает повествовать о жизни простой семьи, вписанной в историю страны. Ведь в его понимании родина для человека всегда начинается с рода, семьи, улицы, села...

Создание «Кузбасской саги», отмечают исследователи, – крупное событие не только в литературной жизни региона, но и в его летописи. Многие из героев романа являются вымышленными, собирательными образами, но рядом с ними органично существуют реальные исторические персонажи.

Сам же Сергей Михайлович рассказывал, что работает над заключительной, пятой книгой, которая приведет его героев к сегодняшнему дню жизни нашей области. Вот только дописать ее он не успел. Его не стало 9 мая 2020 года после тяжелой продолжительной болезни...

Теперь Сергей Павлов останется в памяти знавших его, в памяти читателей как автор 19 книг, среди которых публицистика, краеведение, художественные сочинения. Его произведения можно найти как в отдельных изданиях, так и в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Всерусский собор», «Бий-

ский вестник», «Литературный меридиан», «Красная Горка», «Южная звезда», «Пенаты» (Германия), «Новый Свет» (Канада).

Но мой рассказ о Сергее Павлове будет неполным, если не вспомнить еще одну историю, связанную с ним, историю реабилитации его учителя, нашего общего с ним Учителя с большой буквы – легендарного декана филологического факультета Василия Николаевича Данкова.

Многие кузбасские филологи хорошо знают этого человека, он сыграл огромную роль в судьбе едва ли не каждого, кому посчастливилось у него учиться. Его любили, почитали и до сих пор добрым словом вспоминают многие поколения учителей, которым он дал путевку в жизнь.

Однако, как это всегда бывает, у столь большого человека были и недруги, в том числе среди тех, кто из-за своей лености и слабохарактерности не сумел окончить филфак или кое-как доплелся до диплома, обвиняя в своих провалах учителей. Один из таких, считающий себя известным писателем, учился на филфаке слабо, занятия пропускал, конспектов и учебников не любил. Бросал учебу, восстанавливался с благословения декана.

Словом, еле-еле домучился и получил-таки диплом. После этого написал несколько книжек. И вот решил свести счеты с Василием Николаевичем – за то, наверное, что тот оказался терпеливым и выдержал все ужимки ленивого студента. Написал грязную статью и поместил ее в интернете.

Многие выпускники филфака с гневом восприняли этот «материал». В адрес его автора понеслись разгневанные тирады: слишком сильно задел он бывших студентов.

Сергей Михайлович поступил по-другому. Сообразно своему методу, в ответ на грязные инсинуации он написал очерк о любимом учителе. И искренне радовался тому, что успел сделать это еще при жизни легендарного декана кемеровского филфака, который был уже очень болен.

Вот строки из этой памятной павловской публикации о Василии Николаевиче Данкове.

«Его жизнь, его характер трудно выписать в пасть стальных тонах. Они яркие, самобытны, колоритны, и в них много контраста, от мрачно-хмурого до самого светлого, и потому, наверное, человек этот в жизни своей зачастую проявлял себя либо резко «за», либо так же резко «против».

Середины, выписанной в мягких, приглушенных тонах, словно бы и не существовало для него. Таким этот человек был, таким во многом он остается и сейчас. Он из тех людей, чье жизненное кредо, наверное, лучше выразить строчками замечательного советского поэта Павла Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!..» А углы, как известно, имеют свойство ранить... Эти люди во многом

максималисты как по отношению к другим, так и к себе, причем к себе – в первую очередь. Таким в моем сознании остается этот человек, имя которого в Кузбассе знают многие, – Василий Николаевич Данков.

...1971 год. Мы только что освоили двухэтажное здание бывшей школы № 33, куда перевели наш филфак. Иногда занятия у нас проходили поздно вечером. В один из зимних вечеров на семинаре по зарубежной литературе у И. Л. Днепровой я быстро «отстрелялся» по теме и, поняв, что преподаватель меня уже не спросит, довольно нахально углубился в чтение какой-то газеты.

В это время неожиданно открывается дверь и на пороге появляется декан. Первое, что он увидел, – меня, сидящего с газетой. Видимо, такая вольность его сильно возмутила, потому что он, не сдерживая раздражения и указывая на меня, сказал преподавателю: «Вы побольше их спрашивайте, бездельников! Ишь, газетки читают на семинаре».

Если бы занятия проходили на втором этаже, я наверняка провалился бы сквозь пол на первый этаж. Но тогда я просто онемел от всего: от обиды, от возмущения, а, может быть, где-то и от страха. Первой заступилась за меня Ирина Леонидовна. С присущим ей шармом она сказала декану: «Этот молодой человек уже заработал свою пятерку, и я просила его больше не беспокоиться...» Удрученно хмыкнув, Василий Николаевич закрыл дверь.

757

До конца семинара я пребывал в трансе от такой, по моему мнению, несправедливости. Едва прозвонел звонок, как наши девчата кинулись в коридор и там обступили декана. Что они ему говорили, я не слышал, но вдруг подходит ко мне Василий Николаевич, кладет руку на плечо и говорит с обезоруживающей улыбкой: «Извини, Сережа, за «бездельника», я ошибся, но газетки на семинаре все же читать не надо... Не сердись... А девчата у вас молодцы – как дружно поднялись на защиту!»

Тогда я моментально забыл про обиду...

Сергей хорошо знал цену людям, цену дружбе. Он хорошо знал цену слову. Однажды он написал:

«Мир полон звуков. Они с нами всюду: от первого крика новорожденного и до предсмертного хрипа умирающего. Мы существуем в мире звуков, они живут в нас. Но как же редко мы задумываемся над вопросом: я и звук. Для большинства людей он существует в плане «громко» – «тихо». Резанет по ушам децибелами – громко! Надо его убавить. Звучит что-то тихо, невнятно – прибавляем громкость.

А сколько разных звуков – от шепота до рева – остается вне нашего внимания! А может быть, в этом есть своя благость, что из океана звуков мы выделяем для себя лишь малую толику их?»

ГОСТИ ИЗ КРЫМА

Елена ОСМИНКИНА

Поэт, публицист, литературный критик. Имеет высшее филологическое образование. Член Союза писателей России (с 2012 года). Заслуженный деятель искусств Республики Крым. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилева, Пушкинской премии (Крым). Лауреат международных литературных конкурсов им. Крылова (С.-Петербург), им. Куприна (Крым). Автор девяти книг. Имеет множество публикаций в республиканских, московских и региональных изданиях РФ. Среди них: «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Подъем», «Сибирь», «Дон новый», «Гостиный двор», «Александр», «Невский альманах», «Московский литератор», «Слово», «Берега Тавриды», «Литературная газета» и др. Живет в Симферополе.

БЕРЕЗЫ

Окунулась в царство штапеля,
Где березы тихо, в лад
В сарафанах с черной крапиной
О России говорят.
То с грустинками, то весело
Шепчут вечером и днем,
Вторю я припевам песенным
На певучем, на родном.
Я стволы шероховатые
Трону, вспомнив дедов дом.
Будто в чем-то виноватая,
Капля падает в ладонь.
Летний дождь, узоры капелек
Обронив опять на бис,
На березах в белом штапеле
Задержался и повис.

Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

С. Есенин

В молитвословии ковыль
склонился к землям Тарханкута,
где настоящее и быть
веков ушедших просто спутать.
Все та же бездна синевы
над хрупкой далью горизонта,
ветрами будто бы волхвы
раздули жар палящий солнца.

И шепот ковылей седых
звучит как вечная молитва,
в картинах строгих и простых –
иконописная Таврида.

ЛИМИТА

Хотелось в свежей юности
Ей покорить столицу
Глазами нежной лунности,
Повадкой легкой птицы.
С хатенкой кривобокою
Из скрипов, плачей, вздохов
И с бабкой одинокою,
Соседом выпивохой
Рассталась беспризорницей.
Мелькали быстро ноги.
Ах, полететь бы горлицей
Над речкой и дорогой...

Но город привередливый
Смеялся неприкрыто:
В красивых и кокетливых
Нет вовсе дефицита.
У городской лимитчицы
Здесь жизнь совсем не сахар:
Опять судьба-обидчица
Грозится новым крахом.
Ночами горько плачется,
Деревни снятся лица,
Но юная «захватчица»
Судьбе не покорится.

В свое житье столичное
Вгрызается зубами
В веснушках милых «хищница»
В погоне за правами
Найти свое призвание,
Поймать перо Жар-птицы
И от любви Ивановой
В принцессу превратиться.

Рассыпает ночь горстями звезды.
Остроликий месяц ворожит –
Онемели избы часом поздним,
Свет в озябших окнах не горит.
В поднебесье тишина густела –
Опустилась до земного дна.
И кому, какое нынче дело,
Что не спит старуха у окна:

Низенькая изгородь по брови
Утопает в снежности двора,
И свисают с черепичной кровли
Ледяных сосуллек веера.
«Как одной-то? – думает, вздыхая. –
Уж мороз ударил – нету слов!
Быть-то как? Дровишкам из сарая
Не спасти от лютых холодов».
На икону Божью покрестилась
И протерла стеклышки очков:
– О-хо-хо, на все есть Божья милость...
Не забудет беды стариков...
Звезды над избою версты меряют,
Деревеньки с неба им видны,
Где так кротко в Божью милость верит
Русский дух загадочной страны.

Владимир СМЕРНОВ

Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Председатель правления Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор сборников поэзии «Распахнула ресницы сосна», «Маршалам поэзии», исторической повести «Княжество Феодоро», сборников рассказов «Криминальный Севастополь», «Завещание Генриетты», «Вновь обретенная дружба». Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилева (2020). Лауреат и член жюри поэтических фестивалей Крыма. Публиковался в журналах и альманахах «Молодая гвардия» (Москва), «Берега» (Калининград), «Литературный Омск», «Крымский мост» (Москва), «Гиперборей» (Тюмень), «Литературный Севастополь». Живет в Феодосии.

ГРОЗА В ФЕОДОСИИ

На полпути гроза застала,
Но спас подъездный козырек.
А в лужах брызги танцевали,
А в доме пили кофеек.

Спиной прижавшись к чьей-то двери,
Я полчаса смотрел на то,
Как стрелка на секундомере
Крутила танго и фокстрот.

На плоской крыше чайка мокла,
В районе порта грянул гром.
Девчонка сквозь разводы стекол
Плыла по дому нагишом.

А я стоял! Гроза в разгаре,
Хлестало ливнем по ногам.
И на горбатом тротуаре
Молился пес своим богам.

БАБЬЕ ЛЕТО

Зацепилось бабье лето
паутинкой за лицо.
Из октябрьских рассветов
клен накиннул пальтецо.

Пахнет листьями и медом,
с веток падает кизил.
Завершающим облетом
шмель прощально покружил.

Ближе точка невозврата,
все короче каждый день.
Грусть осеннего заката
подчеркнет немая тень.

Есть законы у природы,
за сезоном – вновь сезон.
Но иллюзию свободы
не теряет небосклон...

НА ДАЛЬНОМ ЮГЕ

Альбатрос играет там на скрипке,
Акварели там рисует дождь.
Вальс танцуют золотые рыбки,
Солнцем дышит винограда гроздь.

Это где-то там, на дальнем юге,
В маленькой и сказочной стране,
Где цветами полыхают вьюги,
А мартышки пляшут на слоне.

Где поют и плачут водопады,
Где ночами слышен львиный рев,
Где при свете тускленькой лампы
Сочинял «Замбези» Гумилев...



Нина
ЯГОДИНЦЕВА

КНИГА КАК ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕГО

Говоря о книгах, об отношении к ним, мы всегда говорим о будущем, даже если сами книги рассказывают нам о прошлом. Культура человечества в обозримом нами (в том числе и при помощи книг) времени развивается поступательно, накапливая нравственный опыт коллективного выживания, давая ответы на самые жгучие вопросы жизни, помогая разрешать острейшие противоречия и лишняя раз не совершать серьезных ошибок.

Однако в последние годы общество столкнулось с целым комплексом проблем, которые эту поступательность развития и преемственность нравственного опыта практически – модное сегодня словечко! – «обнуляют». Обнуляют настолько быстро и тотально, что мы даже не успеваем фиксировать, а тем более хоть как-то упреждать обвалы разрушительные процессы. И хотя культура во все времена развивается по принципу «вызов – ответ», есть немалая вероятность, что в этот раз ответить мы можем просто не успеть.

С появлением множества мощных цифровых информационных систем, таких монстров, превращающихся на наших глазах в «экосистемы», то есть в своеобразные виртуальные вселенные, где человек намного быстрее, чем в реальности, может найти все, что пожелает (правда, в основном виртуальное), – тенденция ухода из материального мира (а точнее, настойчивого увода из него) становится все очевиднее, и мало кто задумывается сейчас о том, что, уходя в виртуальность от реальности, мы очень быстро из этой реальности исчезнем. Здесь нужно зафиксировать тревожный момент – угрожающую подмену, которую необходимо увидеть и упредить.

В современном понимании есть несколько видов реальности: *физическая*, определяющая наше существование или не-существование, *духовная*, активно влияющая на физическую реальность и формирующая ее посредством культуры, и реальность *виртуальная*. В обиходе распро-

стрилось также и понятие о *дополненной* реальности, которая объединяет, обнимает собой все три вышеназванные.

Но сразу возникает резонное сомнение: так ли это? Очень важно сейчас понять, как эта новая виртуальная реальность соотносится с другими. От этого понимания зависит, как мы будем ее осваивать и использовать. Или (люди – новая нефть, и мы об этом помним!) она будет осваивать и использовать в качестве материала нас?

Обратим еще внимание и на то, что все электронно-цифровые новшества строятся на полном и весьма агрессивном отрицании предыдущего опыта, который уже объявлен устаревшим, неактуальным, бесполезным и даже опасным, тормозящим стремительное «развитие прогресса». Что просматривается за плотной цифровой завесой, что кодируется на будущее в полосках и квадратах, так обостривших сегодня социальные и иные противоречия?

Начнем с привычных нам реальностей, которые не есть нечто отдельное друг от друга, они являют собой два полюса единого бытия: материальный – и духовный. Между этими полюсами течет непрерывный ток: дух просветляет материю и порождает в ней жизнь, материя запечатлевает дух в формах – мгновенных или вечных. То есть это не две, а одна, цельная и целостная реальность, без любого из двух полюсов она быстро распадается.

Тогда чем дополняет эту сферу реальность виртуальная? Что вносит в нее? Ведь сегодня в ней силой обстоятельств, далеко не всегда объективных, оказывается и культура, и образование, и социальное регулирование, и так называемая «цифровая экономика», к которой столь много вопросов...

Все стремительно виртуализируется – но при этом сама виртуальность, накапливая базы информации, совершенствуя каналы связи и контроля, ставит под прямую угрозу существование и духовной реальности (поскольку от культуры, образования, медицины и всего остального в ней остаются только основные алгоритмы), и материального мира (так как живое человеческое взаимодействие с ним стремительно сокращается).

Мы уже видим, что никакого дополнения традиционной (материальной и духовной) реальности не происходит – напротив, наблюдается нарастающее вытеснение из нее. Но выйти в виртуальность не то ли самое, что выйти в небытие? Ибо виртуальность легко трансформируется под любые задачи ее конструкторов и хозяев, а при

необходимости просто ликвидируется – вместе с ее обитателями, разумеется, поскольку в реальности как таковой им места уже не будет.

Как относиться ко всему происходящему, чего ожидать от будущего? – вопросы, звучащие сегодня без ответа. Ни категорическое отрицание кризиса, в который мы входим с огромной скоростью, ни безусловное принятие «новой нормальности» не есть решения, дающие нам надежду преодолеть социальный катаклизм глобального масштаба.

Но надежда должна быть. Это, как поется в известной песне, «наш компас земной». Мы знаем (и в истории это случалось уже не однажды), что в кризисные моменты всегда происходит своеобразный культурный откат на те позиции (убеждения, установки, модели поведения), где человек чувствует себя более-менее устойчиво и уверенно. Такой откат подобен шагу назад со льда тонкого и хрупкого на лед надежный и толстый. Эти убеждения, установки и модели поведения только выглядят архаичными, поскольку относятся к прежнему опыту, иногда и действительно к опыту предков. Они своеобразный фундамент личности или культуры в целом – и на таком фундаменте можно возвести надежные стены нового дома, совершить рывок в будущее.

При достаточном размышлении над виртуальностью, дополненной реальностью и «новой нормальностью» – да, и она тоже идет в этом комплекте – становится очевидно, что все дополнения и возможности – никакая не самостоятельная реальность (если мы ее таковой не сделаем сами, послушно включившись в процесс виртуализации реального собственного бытия), это всего лишь современный, актуальный, мощный набор инструментов для развития здесь, сейчас и в будущем.

Возможности доступа, скорости коммуникаций, упрощение технических решений базовых социальных вопросов – все это очень нужно, очень важно. Главное – правильно расставить акценты и приоритеты, не позволить инструменту развития стать инструментом порабощения, оглупления и деградации. И взять с собой в будущее из настоящего и прошлого все, что необходимо. Ведь числа и коды могут описывать процессы взаимодействия, но субъекты этого взаимодействия, пока они субъекты, подчинены только Слову.

Технологии рванулись вперед и опередили развитие культурных регуляторов, социальная система на глазах становится античеловеческой,

и потому вопросы культуры, культурного опыта выходят на первый план, на первую линию борьбы за человека.

Поэтому и необходимо, жизненно важно говорить о книгах. Они – мост, соединяющий материальный и духовный полюса. Они – тот опыт прошлого и настоящего, который нельзя переписать или наскоро сфальсифицировать на экране. Они остаются с нами в любой ситуации и не зависят ни от каких источников энергии, кроме нашей с вами воли к бытию и познанию. Они – дух, запечатленный на бумаге и взрывающийся со страниц при прочтении.

Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» сегодня ведущее сибирское издательство, чья деятельность в культурном поле страны в прямом смысле носит антикризисный характер. Уже почти тридцать лет здесь выходят уникальные книги и альбомы, посвященные истории, культуре и искусству Сибири, создается уникальная библиотека изданий, объединяющая самые важные сферы деятельности.

Сибирь обладает разносторонними богатствами, черты и свойства русской культуры именно в Сибири обрели особенную отчетливость и получили мировое признание. Здесь накоплен колоссальный опыт преодоления обстоятельств, подчинения их и направления во благо человека, это опыт бытия в подлинной реальности, одухотворения ее и очеловечивания. И сама деятельность фонда – прямое тому подтверждение.

Искусство книги возведено здесь в основополагающий принцип: каждое издание – произведение книжного искусства. «Возрождение Тобольска» соединяет энциклопедический подход к публикуемым материалам с новаторскими дизайнерскими решениями. Это особый, сибирский стиль книгоиздания, предполагающий, что самым главным и самым прекрасным местом не только в каждом городе, но и в каждом доме должна быть библиотека. Это нечто большее, чем просвещение и пропаганда культуры, – это наглядное воплощение девиза «Книги – наше богатство».

Такие книги украсят любое книжное собрание, они займут достойное место среди роскошных изданий и станут жемчужинами скромной рабочей библиотеки. Читатель изданий фонда «Возрождение Тобольска» – особенный интеллектуал, в прямом смысле человек будущего: знание, красота и добро в понимании такого человека нераздельны. Мы не будем останавливаться в рамках

данной статьи на отдельных изданиях фонда: существуют целые тома, посвященные этому книжному собранию, и великое множество восторженных рецензий. Мы попробуем представить себе «карту» направлений, по которым развиваются издательские проекты.

Начнем с проектов, которыми фонд заявил о своем общемировом значении. Это, прежде всего, факсимильное издание Хорографической книги Сибири С. У. Ремезова. У сибирских ремезовских карт сложная историческая судьба, но фонду в результате огромной работы удалось вернуть этот уникальный памятник в лоно русской культуры. Факсимильное переиздание Евангелия, бывшего единственной книгой, доступной на каторге Ф. М. Достоевскому, дает возможность каждому прикоснуться к первоисточникам мыслей и сюжетов великого писателя, понять, что привлекает к Достоевскому внимание читателей и мыслителей всего мира. Несколько лет назад так же факсимильно издана единственная из сохранившихся чеховская рукопись путевых заметок «Остров Сахалин». Специально под эти проекты при активном содействии фонда разрабатывались особые технологии считывания и воспроизводства уникальных текстов и изображений.

Сибирь сама по себе энциклопедия русской жизни, русского характера, особого русского бытового и исторического уклада. Альманах «Тобольск и вся Сибирь», многотомное издание, состоит из целого ряда энциклопедий, каждая из которых посвящена отдельному городу или географическому объекту, играющему важную роль в судьбе России. Несколько выпусков альманаха посвящено святой для каждого русского человека теме – теме Победы над фашистской Германией. Сегодня, когда фашизм снова поднимает голову и из Европы уже звучат призывы отменить Нюрнбергский кодекс, эти книги – веские свидетельства о подвиге наших предков, загнавших фашизм обратно в его логово, но одновременно они и призыв быть бдительными и сильными, ибо сегодня любая слабость снова грозит обернуться большой бедой.

У альманаха есть своя библиотека, где представлены литературные произведения и забытых, и широко известных писателей Сибири, в том числе современных. И конечно, каждая из

этих книг – настоящее произведение искусства. Е. Л. Милькеев, Б. А. Василевский, С. Н. Марков, В. К. Арсеньев, С. А. Заплавный, А. С. Сорокин, М. С. Знаменский – все это имена-легенды, основа литературной сокровищницы Сибири. К юбилею П. П. Ершова фонд выпустил ряд изданий, представляющих известную русскую сказку в интерпретации современных художников. Каждая книга – коллекционная, ценности особой; текст, как драгоценный камень, обретает каждый раз уникальное оформление, заставляющее прочитывать его с новой глубиной, с новым интересом. Красота удивительного края России отражена в серии «Сибирский художественный музей», где представлены и художники, и целые коллекции, например коллекции экслибрисов... И конечно, перечисление всех этих книг даже не представление библиотеки, а скорее серьезный повод обратиться к ней за знаниями.

Вся эта огромная созидательная работа, особенно сложная в нынешние кризисные времена, ведется под руководством Аркадия Григорьевича Елфимова, председателя фонда «Возрождение Тобольска». Его широкое видение культурной проблематики, умение находить (по аналогии с «местами силы») места смысла, стратегические темы, его сотрудничество с ведущими специалистами, писателями, критиками, художниками и издателями определяют трудный, но такой необходимый сегодня успех просветительской работы. Сегодня эти книги знает вся страна, они украшают крупнейшие книжные собрания и библиотеки университетов – они работают на будущее, наше будущее.

Потому что издания фонда способны превратить простого читателя в книголюбца, энциклопедиста, а главного патриота страны, огромное культурное достояние, сокровища исторического и художественного опыта, талант народа которой запечатлены на страницах этих прекрасных книг. Они действительно закладывают фундамент будущего, где одновременно с развитием технологий должен расти и интеллект, и культура, и самосозидание каждого человека. Только такое будущее мы можем назвать достойным для России.

г. Челябинск



**Владимир
ГОЛУБНИЧИЙ**

**«И ЖИТЬ МНЕ ОЧЕНЬ
НРАВИТСЯ НА СВЕТЕ»**

Памяти Виктора Коврижных

Мы трое пришли в беловскую городскую газету, тогда «Знамя коммунизма», практически одновременно – в 1984 году. Сергей Кинельский, автор этих строк и Виктор Коврижных. Все были, как тогда говорили, от сохи. Я, хотя и оканчивал уже 5-й курс Иркутского госуниверситета по специальности «журналистика», работал на шахте «Инская», Сергей пришел с завода, а Виктор был машинистом железнодорожного крана. Если меня привело в газету профильное образование, то Сергея и Виктора – стихи.

Первая публикация

– Витя Коврижных уже года два носил в редакцию свои стихи, прежде чем перешел к нам в штат корреспондентом, – вспоминает бывший ответственный секретарь Юлия Бабанаква.

Сам Виктор Анатольевич, уже став маститым поэтом, напишет в своей биографии: «А впервые меня опубликовала наша городская газета «Знамя коммунизма», куда я смиренно явился. Долго стоял перед дверью, робея и страшась. Но все же вошел. Меня встретила сидящая за столом Юлия Борисовна Бабанаква. Она долго всматривалась в меня поверх очков, а затем спросила: «Вы стихи принесли?» Кивнув головой, молча протянул ей тетрадку. Прочитав несколько стихов, она просияла лицом и сказала, что ей понравилось кое-что. Про Ассоль и подснежник. «Возможно, мы их опубликуем. Ждите».

**«Мой дом почти как штаб
при поссовете»**

Он родился 5 ноября 1952 года в селе Старобачаты. Окончил среднюю школу. Служил в армии. Трудился на угольных предприятиях города Белово шофером, машинистом железнодорож-

ного крана, составителем поездов. Последние 16 лет служил в МЧС начальником караула в пожарно-спасательной части.

А тогда, в 1984 году, попробовал себя в публицистике. Его на работу к нам пригласил редактор Александр Семиреков. А еще народ подталкивал. Свой, деревенский. Вот как Виктор с присущим ему мягким юмором рассказал об этом в одном из стихотворений:

*Мой дом почти как штаб при поссовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей –
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой –
глаголом покарать лихих людей:
сантехника, завхоза райбольницы,
учетчика и Дуську-продащицу –
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастет...*

Виктор тогда искренно верил в силу печатного слова, даже говорил об этом в интервью: «За словом автора должен следовать поступок. Если, к примеру, стоит телега без движения, улица пребывает в непотребном виде, человек прозябает в нищете своего внутреннего мира, то после стихов должно начаться позитивное движение: телега покатила, улица опрятна, а человечек пребывает в добром расположении духа».

**«Глаголы с ритмом жизни
переплавив»**

Сами мы от молодости и неумейной энергии часто пребывали «в добром расположении духа». Мы писали заметки о людях и предприятиях, отчеты с партсобраний, а в перерывах резались в шахматы, вечерами за рюмкой чая читали стихи, шутили, взбрыкивали рифмами пародий друг на друга. Что-то даже попадало в газету.

Вот как Витя позже иронизировал над этим:

*Бывает, напишу о том о сем,
Печатаю в издании приличном.
А следом в том издании Голубничий
Пародией смеется над стихом.*

...

*А я теперь – легко кропаю стих,
Глаголы с ритмом жизни переплавив!*

*Поскольку не стихи меня прославят,
А Голубничего пародии на них!*

Всероссийская известность

Пройдет время, и уже не шутя талант Виктора Коврижных, признанный главным судьей – народом, растечется «по всей Руси великой», пробьется на самый-самый верх и прославит парня из Старобачат! Стихи и проза Виктора Коврижных публиковались во многих журналах, толстых альманахах: «Смена», «Наш современник», «Поэзия», «Истоки», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» и др. Некоторые произведения переведены на иностранные языки.

Стихи выпускались отдельными книгами (у меня на книжной полке их семь), вошли в коллективные сборники, антологии и хрестоматии. Он был лауреатом литературных премий «Образ», «Энергия» и ежегодной премии журнала «Огни Кузбасса». Становился абсолютным победителем международного поэтического конкурса «БЛК» на сайте «Стихи.ру».

Уже на следующий день после его ухода – 31 августа – об этом печальном событии сообщит главное писательское издание страны «Литературная газета», разместив портрет Виктора Коврижных под силуэтами Пушкина и Гоголя.

Поэты предсказывают свою судьбу?

Насколько мне известно, было три беловчанина – члена Союза писателей России. Александр Курицын ушел в 2009 году, прозаик и публицист Сергей Павлов умер в 2020-м. С тех пор на писательском пьедестале Белова оставался только Виктор Коврижных. Он, человек совестливый и добрый, даже немного стеснялся своей величины в поэтических кругах нашего города.

И еще. Есть вечный спор: поэты предсказывают свою судьбу в стихах или программируют ее? Обо всем этом в его стихотворении «Смертью бы своей не оскорбить»:

*Смертью бы своей не оскорбить
звонкий день весеннего предместья.
Дотянуть до осени, дожить.
Там и смерть привычней и уместней.*

*Тихо встать над шорохом газет
и уйти последнею тропею.
Да открыть другим желанный свет,
что невольно заслонял собою...*

Виктор это стихотворение написал еще в 2016 году. Предвидел? Знал? Пророчил? Но вышло так, как он написал. Он ушел перед самым началом осени.

Как приходят стихи?

Вот как на этот вопрос отвечал Виктор:

«Чаще всего спонтанно, ну а когда в душе кураж, то легко и непредсказуемо. Просто приходит строчка, которая приносит с собой интонацию, размер и ритм, и уже стихия несет непонятно куда. Пишешь, зачастую не ведая, чем закончится. И финал приходит неожиданно, до озноба по коже. Главный показатель, кстати, что стих состоялся. А творческие муки потом – шлифовка и доработка».

Героями его произведений, как Виктор сам говорил, были «простые люди, но такие, на мой взгляд, на которых Россия держится, и в то же время наделены особым качеством – запоминаться». Даже отрицательные герои в его стихах не злодеи, а часть естественного российского менталитета. Вот строки из стихотворения «Кудесников Гриша»:

*А по улице нашей дома – теремки:
мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах резные коньки,
на наличниках – яркие краски!*

*В каждом доме достаток, уют, чистота.
И дворы в образцовом порядке.
В крепких прибранных стайках скотинка сыта.
И прополоты вовремя грядки.*

*А Кудесников Гриша в избушке живет.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде осот,
трын-трава на душе и на крыше.*

...
*И судьбою доволен... Беспечный чудак
всех бродячих собак привечает.
Ловит рыбку в реке, кормит рыбкой собак.
И собаки его уважают.*

*Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избенке.*

*Под окошком у Гриши растет тополек,
как свеча перед темной иконкой...*

Трагедия старшего поколения

Виктор Коврижных недолго проработал в городской газете. Его основательный и глубинный ум раздражала суетная работа репортера. Ведь на ежедневный калейдоскоп событий надо было непременно откликаться, писать в номер, выполнять план по строкам...

А страна в 80-х стремительно неслась к глобальным переменам. Низвергались казавшиеся незыблемыми авторитеты. Менялась идеология. Многие тревожно восприняли перемены.

Виктор это описал в стихотворении «1987 год»:

*Стол домашнюю снедь уставленный,
над столом замирает смех:
пьет отец мой стоя за Сталина,
вызывающе глядя на всех.*

*Он садится, расправив плечи,
фронтовик, работяга-шофер.
И никто ему не перечит,
все молчат, опуская взор.*

*Занавески с цветами алыми,
на комодке названием вниз –
два журнала с материалами,
критикующими сталинизм.*

*Ночь. Все гости домой отправлены,
долго в доме не гаснет свет.
Не поверит отец, что неправильно
были прожиты семьдесят лет.*

Гимн корове

Несмотря на то что Виктор ушел на работу в пожарную часть в Старобачатах, мы время от времени встречались. То он забегал в редакцию со свежими стихами, то я заезжал в его гостеприимный дом. Витя с супругой Ниной не только усаживали меня за стол с домашними яствами, но и, если корова доилась, непременно снабжали банкой молока с собой. Коврижных не раз обращался в своих произведениях к крестьянской кормилице. Образ молока в его поэзии сложен и метафоричен.

Вот фрагмент стихотворения «Корова»:

*Я знаю: будет в час урочный
держать все сущее ответ –
с небес прольется дождь молочный
и поменяет небо цвет.*

*Напоит млеком дол и рощи
и память трав по берегам.
И зверь прозреет, и возропцет,
и присягнет чужим богам.*

Как никто другой

Виктор Коврижных подкупает своей искренностью и проникновенностью. Он повенчал высокую поэзию с обычной жизнью простого народа. Тем и полюбился.

Слово ветерану «Беловского вестника» Светлане Зеевальд.

– Я очень хорошо знала Виктора. Это добрейшей души человек, бесконечно любивший свою родину, свой город шахтерский. Он даже написал такие строки:

*Везет мне: я родился и живу!
На родине. У солнца на примете.
Кошу с отцом на пасеке траву,
И жить мне очень нравится на свете!*

162

Да, он любил жизнь, любил природу, любил людей, и очень жаль, что такие уходят преждевременно в мир иной. А сколько бы он еще мог написать стихов и выпустить сборников! Но, видать, так Богу угодно – забрать к Себе добрейшего и талантливого человека. Виктор навсегда останется в памяти своих друзей и читателей его стихов, – выразила общее мнение коллег Светлана Анфимовна.

Многие стараются писать «как настоящие поэты» – Виктор Коврижных хотел писать как никто другой. Именно об этом говорит в предисловии к книге «Черемуховый Спас» писатель Сергей Кузнечихин: «Дорога, по которой идет Виктор Коврижных, находится далеко в стороне от так называемого мейнстрима современной поэзии и не сулит сиюминутной громкой славы, но выбрана она осознанно, и выбрана сердцем, а не рассудком».

...Похоронили Виктора Анатольевича Коврижных на Старобачатском кладбище рядом с родителями.

г. Белово

Григорий ШАЛАКИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОДВИГА

Не нужно прибегать к помощи квадрокоптера, чтобы увидеть его из разных точек растущей вишрь и ввысь столицы индустриального Кузбасса. Памятник воину-освободителю и без того притягивает взоры, резко возвышаясь над пестрым городским ландшафтом у нижней кромки бульвара Строителей перед самой Томью и на прекрасном фоне правобережного вечнозеленого соснового бора.

Мемориальный комплекс с гигантской скульптурой советского солдата – нашего земляка, в 1945 году спасшего в Берлине немецкую девочку, мощно опирается на невидимые почти тысячу свай и толстую бетонную подушку, окруженную со всех сторон землей, которая постепенно превращается в сплошной травяной ковер. Под возвышением – километры всевозможных коммуникаций, прокладывавать которые начали в конце января 2022 года. И вот комплекс открыт.

Ощущение такое, будто новое воплощение архитектурно-скульптурной композиции, созданной Евгением Вучетичем вместе с Яковом Белопольским в берлинском Трептов-парке в 1949 году, стартует в небесную высь. И неспроста кажется, что вот-вот этот ансамбль унесет на своих крыльях души не доживших до ноября 2022 года – времени открытия в Кемерове мемориала в честь участников Великой Отечественной войны, творцов той долгожданной Победы, которая изменила к лучшему жизнь на всей планете.

Руководству Кузбасса, кемеровским архитекторам, художникам, мастерам ландшафтного дизайна во главе с Олегом Ражевым и еще многим и многим специалистам разных отраслей удалось найти такой вид для памятника, что самым естественным образом возникает эффект реальной причастности людей к событиям, связанным с грозowymi 1941–1945 годами, с освободителями человечества от коричневой фашистской чумы.

Мемориал с открывающейся взору панорамной картиной производит сильнейшее впечатление буквально на всех, кто со стороны Притомского проспекта ступает на его площадь в десятки тысяч ква-

дратных метров. Она, мощенная плитами с пламенно-оранжевыми вкраплениями, вместе с гранитными пилонами с фамилиями нескольких тысяч героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы со всей Сибири, со стендами, на которых увековечены наименования воинских соединений, сформированных на востоке страны, заводов, работавших в тылу, а также госпиталей, сразу настраивает на соответствующий торжественный лад.

Бесспорно, кузбасский проект масштабнее и динамичнее оригинала, открытого в Берлине 8 мая 1949 года. Прихожу к такому выводу, потому что есть возможность сравнить. Ведь Трептов-парк многим из нас знаком практически с начальной школы – если не по туристическим поездкам в Европу, то по игровым, документальным фильмам и многочисленным фотографиям. В том числе по личным снимкам кузбассовцев, проходивших армейскую службу в Группе советских войск в Германии.

Памятник воину, прообразом которого стал кузбасский солдат Николай Масалов, очень точно воспроизведен по первоначальному «лекалу», скульптуре в Трептов-парке, но смотрится гораздо живее. Это происходит за счет установки в самом низу монумента поклонной плиты с бронзовой звездой и словами: «И вместе с отчизной своей вы все одержали Победу!» Этот удачно подобранный основательный элемент, на котором к тому же со временем появится возможность зажигать Вечный огонь, вполне естественно и зримо возвысил курган. А общую устремленность конструкции вверх усилили оригинальные ограждения, поручни и лестничные марши, ведущие к мемориальному залу с мозаичным панно и к самому величественному памятнику. Так пролегает путь к родному нам, словно до сих пор для нас живому и весьма скромному в мирной жизни герою Николаю Масалову, уроженцу тисульской деревни Вознесенки, позже проживавшему в районном поселке Тяжинском.

Маршал Василий Чуйков в книге «От Сталинграда до Берлина» подробно рассказал о подвиге нашего земляка, совершенном 30 апреля 1945 года. Вот фрагмент его воспоминаний.

Перед атакой «наступила тишина, как перед бурей, – тревожная, напряженная. И вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь треском пожаров, послышался детский плач. Словно откуда-то из-под земли, глухо и призывно звучал голос ребенка. Плача, он повторял одно, понятное всем слово: «Муттер, муттер...» Крик девочки услышал знаменщик 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии сержант Николай Масалов. Он обратился к командиру: «Разрешите спасти ребенка» – и бросился на помощь.

Герой не кичился своей славой, считал случившееся нормальным для обычного человека явлением. При этом маршал Родион Малиновский отмечал: «Лучших воинов, чем сибиряки и уральцы, мало в мире, они самые ловкие, храбрые и меткие». И маршал Константин Рокоссовский подтверждал: «Сибиряки всегда отличались особой стойкостью».

Это ведь не исключение из правил, если среди героев-панфиловцев – Илларион Васильев из Крапивинского района. Или то, что на Можайском направлении отлично проявила себя 32-я стрелковая дивизия под командованием другого нашего земляка – полковника Виктора Полосухина.

Низкий поклон артиллеристу, дважды Герою Советского Союза Афанасию Шилину, чей бюст установлен в Ленинске-Кузнецком. Вспомним и других связанных с Кузбассом героев Советского Союза. Из когорты «бойцов невидимого фронта» – Михаила Прудникова, Терентия Михайлова, Лаврентия Деменкова. Или, скажем, летчика, выпускника Прокопьевского аэроклуба Ивана Черных, повторившего подвиг Николая Гастелло, или кузнецкстроевцев Ивана Герасименко, Александра Красилова, Леонтия Черемнова, которые так же, как Александр Матросов, закрыли своими телами амбразуры вражеских дзотов.

В 1975 году в Москве мне довелось встретиться с генералом армии, дважды Героем Советского Союза сибиряком Афанасием Белобородовым. 10 ноября 1941 года Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин прибыл в его дивизию и наградил бойцов орденами. Именно они остановили наступление немцев на Москву на 42-м километре Волоколамского шоссе, затем освобождали Витебск, штурмовали Кенигсберг...

Подсчитано, что 16 сибирских дивизий принимали участие в Берлинской операции, 27 сибирских дивизий удостоены звания гвардейских. Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин тоже сибиряк. Его земляк Федор Зинченко был комендантом Рейхстага с 30 апреля 1945 года, то есть с того дня, когда проявил себя Николай Масалов. Очень символичное совпадение.

Тяжинские журналисты и музейные работники рассказывали, что Николай Иванович трижды ездил в Берлин. В 1966 году на телевизионном «Голубом огоньке» в столице нашей Родины прославленный военачальник Василий Чуйков вручил ему орден Отечественной войны. В 1969 году Масалову присвоили звания «Почетный гражданин Берлина» и «Почетный гражданин Вайсенфельса».

Знать бы Николаю Ивановичу, теперь Герою Кузбасса, каким тяжелым в моральном плане было возвращение его подвига в родные края, потому что

призрак неонацизма не канул в вечность. Он и сейчас бродит тенью по Европе и Украине не без помощи иностранных наемников.

И в Германии нашлись такие, кто с нетерпением ждал подходящего момента и начал белое превращать в черное. Спрашивается, какое у них было право пересматривать решения предыдущих поколений? Ответ ясен: никакого такого права не было. Но славное имя сибиряка Николая Масалова, принесшего мир на немецкие земли, росчерком пера удалили из списка почетных граждан Берлина.

В ответ на невнятное сообщение берлинского бургомистра о причинах такого надругательства над историей Президент России Владимир Путин, знающий немецкий менталитет не понаслышке, поддержал предложение кузбасского губернатора Сергея Цивилева вот в таком новом виде сохранить память о подвиге великой страны в Великой Отечественной войне, о героизме и мужестве солдат-сибиряков.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы метроном, существующий в душе каждого из нас, перестроился на волну, созвучную сегодняшнему непростому времени, сопряженному с боевыми сводками с западных направлений, а значит, и с определенными горькими моментами.

После долгих мытарств вслед за Крымом вернулись в Россию и получили надежную защиту от международного полчища неонацистов четыре бывших украинских субъекта: Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области. Тем самым укреплена связь героических 1941–1945 годов с новой эпохой. Тем более что мы никогда не забывали о кровном родстве Кузбасса с Донбассом и всей Украиной, пережившей гитлеровское иго. Оно и понятно: у многих сибиряков течет в жилах кровь западных предков. Народ – один. И он под любым гнетом – один, что пока почему-то непонятно, как говаривали раньше, в лета моей молодости, за океанским воротилам. Но в любом случае сомневаться в главном не приходится: враг не пройдет, и победа будет за нами!

При открытии мемориала героев-сибиряков – символа прошлых и грядущих побед – сплоченность многонационального народа Кузбасса продемонстрировало торжественное шествие молодежи, зрелого поколения и ветеранов со значками на груди, отображающими теперь уже привычную всем букву Z.

До сих пор открываются все новые и новые страницы о той войне и о роли сибиряков на фронте и в тылу. И пишутся новые главы прямо сейчас. Они создаются, когда мальчик в автобусе с гордостью сообщает своей однокласснице, что его живой и невредимый папа дал о себе знать из мест проведения спе-

циальной военной операции. Или когда пожилая женщина вновь вяжет теплые носки, свитерок, чтобы вместе с купленными школьными тетрадками и карандашами переправить в волонтерский приемный пункт, собирающий вещи для украинских беженцев.

Заново открывают мир сегодняшний глубокие старики – блокадники Ленинграда, когда бережно передают скудную пенсионную копеечку в фонд помощи пострадавшим в Донецке и Луганске. Они-то знают, что только в сентябре 1942 года в один лишь Сталинск (ныне Новокузнецк) из города на Неве прибыло 35 тысяч человек. К началу 1943 года количество эвакуированных в нашей области составляло почти 210 тысяч человек.

А теперь в кузбасские военкоматы, не дожидаясь повесток, приходят добровольцы, откладывая свидания с любимыми и свадьбы на потом, когда неонацистская шваль и нечисть будут уничтожены.

Уверен, праздникам на наших улицах быть, потому что над нами витает добрая и сердечная неизгладимая память. Мощные циклоны и антициклоны тысячелетиями бушуют над просторами необъятной нашей Отчизны, но и они не способны выветрить прожитое и пережитое с момента зарождения Древней Руси.

С установкой в Кемерове памятника воину-освободителю быстрее уходит наносная чужеродная пена из будничной жизни моих земляков, вообще рядовых и высокопоставленных россиян. С какой же невероятной скоростью она накрывала нас! И вот после памятных шахтерских забастовок, площад-

ных заверений о безграничной свободе и заоблачном суверенитете людей настигли посланные если не с небес, то с высоты нового величавого монумента долгожданные спутники жизни: прозрение и самоочищение.

Но в мире совсем не спокойно. Давайте внимательно прислушаемся к голосу губернатора Курской области Романа Старовойта. «Фактически ежедневно наши села подвергаются агрессии, – говорил он в Кемерове. – Мы боремся не с кем-нибудь, а с НАТО». Он с честью выполнил долг перед согражданами и передал Кузбассу капсулу с землей курских полей, где в 1943 году не суждено было фашистским танкам прорвать линию нашей обороны.

Теперь кемеровский памятник подпитан еще и капсулой с землей, обгащенной кровью двухсот тысяч воинов-сибиряков при обороне Сталинграда. Эту частицу Мамаева кургана привез в Кузнецкий край Герой Российской Федерации, волгоградский губернатор Андрей Бочаров.

Пусть же все это: родная земля, упоительный воздух и чистая томская вода – служит надежным приютом героям-сибирякам всех времен и поколений. Пусть хранит бесценное наследие музеев, который в недалеком будущем органически впишется в мемориальный комплекс вместе с так называемой домашней часовенкой Дмитрия Донского...

А в эти дни от монумента уходят новобранцы на священную войну, смысл которой заключается в сохранении единства неделимого народа.

г. Кемерово



Н. И. Масалов в Третьков-парке

ДУША В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Александр ПУТИНЦЕВ,

заслуженный врач РФ,
доктор медицинских наук, профессор,
г. Кемерово

ХИРУРГ ОДНОЙ НИТЬЮ О ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Стремимся к вечности через своих детей.

*

*По законам: все хорошо. Почему в жизни
плохо?*

*

Между крайностями – обычная жизнь.

*

*Рады теплу. Может, жизнь улучшится к
утру?*

*

Ты пришла – ушли сомненья.

*

Будущее грозит не всем.

*

Земля любит пресмыкающихся.

*

*Прожрав накопления, приуныли народы
осколков империи.*

*

*Работали на пределе, поизносились,
поседали.*

Глеб КОЛПИНСКИЙ,

главный врач Кемеровского
клинического диагностического центра,
доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ

*С душою, завернутой в белый халат,
И нет в нашей жизни беспечности,
И он тяжелее всех рыцарских лат,
Как жизнь тяжелей бесконечности.*

*Все это нам забыть нельзя:
Любовь, печаль и свежий ветер.
Мы так давно живем на свете,
А это трудная стезя.*

*Уйдут вчерашние друзья,
И улетят за море птицы,
Но нам нельзя остановиться
И тихо жить никак нельзя...*

*Февральским утром очень грустно,
Льдом покрывается душа...
Привычной жизни мир нарушен,
А говорят, жизнь хороша.
В национальные проекты
Не включишь милые глаза,
А ими – точно знаю это –
Так много можно нам сказать.*

*Мы все соскучились по солнцу
И по прекрасным небесам,
По яркой зелени в оконце,
По грустным маминым глазам.
Но тяжело страдать, и точно:
Все не проходит налегке,
Когда засядет вирус прочно
В твоём беспечнейшем враге.*

*Да, все пройдет: печаль и радость,
И свет всегда сменяет тьму.
И много в памяти осталось,
Я сам не знаю почему.*

*Мы летним утром на рассвете
Все почему-то смотрим вдаль,
Ведь мы давно уже не дети,
Откуда ж детская печаль?..*

*Нету счастья во вселенной,
И неяркое солнца свет.
Холодно по ощущениям,
Птицы медленно летят.
«Нету счастья во вселенной», –
Вслух мне мысли говорят.*

*Мы были призваны с запаса
В коронавирусной войне.
И заработали лампы
Вполне.*

*Для офицера нет главнее
Слов самых важных: долг и честь!
И очень важно, что в Кузбассе
Такие офицеры есть!*

Татьяна ТВЕРДОХЛЕБОВА,

врач-офтальмолог,
г. Юрга

* * *

*Что быть могло бы? Не скорблю.
Иллюзиями мир наполнен...
Не обещаю, просто помню.
Не жду и все-таки люблю.*

* * *

*Это отблеск. Оконный блок.
Показалось, что манит светом...
Человек на Земле одинок,
Даже если любим при этом.*

УТРЕННИЙ СЮЖЕТ

*Ослепительной синью смело
Прорисовано небо под кальку.
Двое нищих бредут по асфальту
В мой сюжет инородным телом.*

*Строят планы свои на завтра
И размахивают руками,
А из грязных своих карманов
Достают свой убогий завтрак.*

*А на черном металле кружев
Так волшебнo искрится иней,
И скамейки стоят седыми,
Птичий гомон над ними кружит.*

*Как ни странно, в осенней сини,
В этом золоте черной сажей
Эти нищие – часть пейзажа
Ненаглядной моей России.*

Татьяна ГОРБУНОВА,

врач-терапевт,
завотделением поликлиники № 12,
г. Кемерово

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК

*Жил на свете один человек небольшой –
С деревянной надеждой и такой же душой.
И по жизни он просто решил, как всегда,
Будет пища, услада и даже вода.
С деревянной душой, он любил сам себя,
И скрипела, как старые доски, душа.
Умилялся собой, а других унижал,
Деревянный чурбан, очень сильно визжал...*

*Деревянная логика – жить для себя.
Деревянный ты наш – деревянна душа.
Но вдруг вспыхнул огонь и любовная страсть
Поглотила всего – вот такая напасть!..
Деревянный наш, логика проще была,
Чтобы в страсти любви не сгорел ты дотла!*

* * *

*Что ты в жизни находишь –
И теряешь навек,
Неподвластен природе
Наш стремительный век.
Ты богатство здесь ищешь,
А уходишь с сумой.
Странник вечный и нищий,
Что несешь ты с собой?
Ты уносишь печали,
Злобу, ненависть, боль.
В твоей сумке есть счастье
У тебя за спиной.
Это счастье так хрупко.
Ты его береги!
Донеси его, странник,
До небес донеси!*

Евгений ВАЙМАН,

завкафедрой лучевой диагностики
и онкологии КемГМУ

РАЗМЫШЛЕНИЕ

За свою жизнь я испортил три книги.

Первой жертвой моего детского художественного порыва стали «Три мушкетера» – издание с великолепными иллюстрациями И. С. Кускова. Решив исправить ошибку их творца, я методично раскрашивал рисунки цветными карандашами: меня не удовлетворяли черно-белые портреты моих любимых героев! Я был пойман отцом на помазании Атоса, который в это время выходил из винного погреба, тяжело опираясь на плечи своего Гримо. Гримо не пострадал, зато Атос был почти готов: его аристократическое лицо приобрело с моей помощью бледный желтушный оттенок с легким иссиня-бежевым переходом на шею. Во-первых, мне хотелось придать контраст белоснежному вороту его сорочки, а во-вторых: вы сами-то смотрелись в зеркало после недельного запоя? То-то же! На ботфорты был щедро трачен коричневый грифель; панталоны пришлось, опять-таки для контраста, выкрасить в желтый цвет – теперь они весьма удачно гармонировали с лицом моего героя, утомленного анжуйским и коп-

ченостями. Помнится, я получил суровое наказание в виде отцовского молчания: иногда безмолвие бывает невыносимым!.. А спустя много лет мне удалось приобрести точно такой же том «Трех мушкетеров», который и по сей день бесцветно украшает собой одну из моих книжных полок...

Второй – нелепый – случай произошел с «Роман-газетой». Журнал с грустной повестью «Белый Бим Черное Ухо» после моего прочтения и страшного негодования относительно судьбы главных героев был залит чернилами до полной негодности. Не то чтобы я хотел стать последним читателем «Бима...», тем самым уберегая неискушенных книголюбов от серьезного стресса, – все вышло случайно! И для меня лично это был еще один стресс, многократно усиливший мои переживания по поводу людской жестокости и несправедливости мира, что никакими чернилами не залешь! Видимо, тетя Неля, которая сама не рада была, что устроила ребенку такой суровый экзамен, совершенно спокойно приняла из моих дрожащих рук испорченный журнал. Сейчас в таких случаях говорят: «Проехали!» Что она сказала сорок пять лет тому назад, я не помню...

– Береги ее! – сказал мне Илья, протягивая восьмисотстраничную «Науку дальних странствий» – сборник кратких шедевров Юрия Нагибина.

– Обижает! – ответил я, нежно прижимая к груди бесценный по тем временам фолиант.

А теперь спросите меня, зачем я взял Нагибина с собой на турбазу, зная, что жить придется в палатке? И я вам отвечу: не знаю!

На следующее же утро я обнаружил промокшую насквозь книгу у себя под подушкой. Конечно, можно было заверить Илью, что она стала мокрой от моих пролитых слез: в ней действительно есть повести, которые невозможно читать «насухую», но... не до такой же степени! И тогда я попытался свалить всю вину на дождь и палатку – чертову палатку, не способную выйти сухой из дождя! Спросив у кастелянши нашей турбазы уют, я несколько часов гладил страницы «Науки дальних странствий». Увы, обложка, обклеенная тонкой тисненой бумагой, пришла в полную негодность. С поникшей головой я предстал пред Ильей. Наверное, если бы это была книга другого автора, я получил бы на всю катушку: Илья был строгим малым. Но это была книга Юрия Нагибина. Мучительно, болезненно деформированная, с расползшейся оболочкой, она несла на своих сожженных утюгом страницах устройство нашего мира: от его

начала и до самого конца. И мудрый Илья, склонив голову над утопленницей, сказал мне:

– Она не от дождя размокла, ты просто случайно уронил ее в купель, когда молился, представив Землю и людей...

В наше время Илья мог бы просто выслать мне файл с книгой Юрия Нагибина на электронную почту. И я подумал: какая чудовищная несправедливость! Теперь нельзя покрасить Атоса в желтый цвет, чернила не впитаются в засаленные страницы «Роман-газеты», а увесистый том «Науки дальних странствий» не прижмешь к груди, задыхаясь от счастья! Но самое главное, ты не несешь никакой ответственности: отец не будет мстительно молчать, тетя Неля останется без волнительных переживаний и мук, а Илья не произнесет своих, может быть, самых важных для тебя слов...

РЫБНЫЙ ДЕНЬ КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ

Есть у старожилов города N одна легенда. Вот как они ее рассказывают.

Энное количество лет назад в город N приехал цирк с очень дикими зверями: львами, тиграми, бегемотами, обезьянами – словом, кого там только не понаехало! Вместе с этим диким коллективом, но в отдельном фургоне прибыл козел пегой масти с проседью в бороде и совершенно страшными рогами – львы и те его боялись! Один дрессировщик, померший, само собой, от водки, поведал перед смертью, что этот козел, будучи с цирком в Казани, видел самого Ленина, когда тот был еще маленьким и кудрявым. Даже если начать отсчет от этого исторического периода, количество лет, прожитых козлом, потрясало любое воображение!

Случилось так, что прибывшему в город N козлу занездоровилось: он вдруг стал апатичен, перестал есть капусту, жаловался на боли в коленных суставах. И в итоге «конкретно забил» на первое заявленное в афишах цирковое шоу. Львы с тиграми, проклиная козла, отдувались без него как могли.

На следующий день козлу легче не стало, а стало даже как бы хуже, и его персональный дрессировщик доложил об отрицательной динамике в состоянии пожилого пациента своему непосредственному начальству. То по этапу наябедничало на старого козла директору цирка: мол, срывает представления, сволочь; какое будет ваше предложение?

– Ваш козлик – вам и решать! – дипломатично заявил директор цирка.

– А нет ли в вашем городе, скажем, мясокомбината?

– Есть, а вы на что намекаете?

– Я намекаю, что козлу этому, прости меня, грешного, пора того... на покой. А мясом его мы львов накормим. Вот такой план.

– Ну ладно, – ответил директор и стал звонить на мясокомбинат с необычной просьбой, а именно: убить и разделать одно реликтовое животное, козлом зовется.

И ему обещано было, что будет полный ажур! Пять сек, так сказать...

Вот так распорядились люди. И они же трезво рассудили, что львам да тиграм фиолетово, кого есть: безродную корову или заслуженного артиста цирка. К тому же этот козел – он свое давно отжил, и хоть борозды не портит, а честь пора бы и знать: вон молодежь какая на замену подрастает!

Короче, привозят козла прямо в убойный отдел местного мясокомбината, крестят на прощание и двери закрывают – как бы назад дороги нет. А что впереди? Что-то типа рая. Но он для тех, кому уже жить надоело. А наш герой, хотя и сдал за последние пятьдесят лет, расставаться с жизнью еще не собирался. Хворь его как копытом сняло, только он огляделся по сторонам. С одной стороны он увидел подвешенные туши убиенного скота, с другой стороны – людей в белых халатах с кровавыми подбоями. Козел, почуяв публику, вновь обрел в себе артиста. Для начала он дал круг-другой по периметру цеха и, страшно довольный собой, заблокировал единственную дверь – путь к побегу: видимо, не любил, чтобы кто-то покидал арену во время его выступлений. Никто и не покинул: все без исключения работники цеха взлетели по стропилам и лестницам на железные карнизы, что шли примерно на уровне второго этажа. И никаких сотовых телефонов, учтите! Даже свистка для подачи сигнала очевидного бедствия, внезапно обрушившегося на мясокомбинат, и того не было!

Между тем козел, оглядевший недобрым взглядом высвободившееся пространство, продемонстрировал на подвешенных тушах парнокопытных примерно то же, что и Рокки Бальбоа в культовом боевике Сильвестра Сталлоне, с той только разницей, что козел был профессионалом, а Рокки – любителем.

Все, кто находился наверху в «зрительном зале», тихо застонали, поняв, что дело не просто

дрянь, а много хуже. Ибо первая кровь уже стекала с рогов козла на его козлиную бороду и помощи ждать было неоткуда.

Люди слабы. Они слабы физически, морально и особенно физиологически. Физиология и работа – вещи практически несовместимые. Вот пришел, скажем, человек на работу. Сначала идет чаепитие. Через полчаса чай просится наружу. Еще через полчаса хочется есть. После перекуса минут двадцать все истово работают, попутно выясняя у соратников, кто и где был вчера. Потом дело к обеду...

Вот те на! Сегодня же четверг, вспомнили вдруг хором наши обреченные зрители. А по четвергам рыбный день! Вот козел! Не мог, что ли, в другой день недели заявиться, когда в столовой мясокомбината мясо на второе дают, от которого тошнит уже просто всех! Тогда бы, может, и голод сейчас так не чувствовался... Незадача! И все принялись громко кричать: авось кто-нибудь успеет укокошить древнее животное до обеда.

А козел продолжал выступать, поскольку страдал потерей аппетита и ему было наплевать, какой сегодня день недели: мясной или рыбный, капустный или морковный! Пробежится, гад, по кругу, корову – бац по боку рогами и снова на круг заходит. И все прямо с шизофренической тщательностью, отточенно, мастерски! А зрителям уже и в туалет приспичило. Особо нервные уже по полпачки сигарет скурили. А кто запретит? Где этот смелый, что войдет в цех и скажет, что на рабочем месте курить не положено? То-то же...

И тут дверь в цех открылась. На пороге стоял сторож. Вчера они с разделщиком туш Василием договорились, что тот отрежет для него по-тихому пару кило говядины: сторож терпеть не мог рыбу!

Мгновенно оценив ситуацию в цехе, а именно то, что вопрос с его говядиной, как говорится, завис, сторож дал задний ход и через несколько минут вернулся, вооруженный дробовиком. Он уложил козла одним выстрелом! И все сразу спустились по стропилам и побежали занимать очередь в столовой: в тот четверг на второе был жареный хек!

Козла, провозившись до вечера, разделал Василий. Шкура с рогами отошла в наследство персональному дрессировщику. Лев с незамысловатой кличкой Цезарь сломал зуб: в куске абсолютно невкусного мяса ему попала крупная дробина. А на мясокомбинате рыбный день стали называть козлиным четвергом.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

15–18 сентября поэты Д. Филиппенко, О. Рокова и В. Попов приняли участие в X Литературном фестивале им. Михаила Анищенко в Самаре.

25 сентября поэт Д. Филиппенко провел творческую встречу в Гурьевске в библиотеке им. М. А. Небогатова.

26–27 сентября Д. Филиппенко и А. Коржова провели круглые столы в пгт Ижморский и Яя в рамках литературно-социального проекта «На честном слове. Поселки городского типа».

27 сентября в Специальной библиотеке Кузбасса для незрячих и слабовидящих состоялась творческая встреча «Мы нарисует город словом», посвященная 80-летию со дня рождения кузбасского поэта, главного редактора журнала «Огни Кузбасса» С. Донбая. Мероприятие прошло в рамках литературного марафона «Музыка звучащего слова». Завершился вечер представлением аудиокниги стихотворений юбиляра.

30 сентября в библиотеке им. Г. Юрова прошел поэтический вечер, посвященный 80-летию поэта С. Донбая. На вечере прозвучали стихи юбиляра в исполнении учеников школы № 34 и лицея № 89 Рудничного района, а танцевальные номера воспитанников детского сада № 91 растрогали зрителей. Поэта поздравили его коллеги-писатели Л. Чидилян и Д. Мурзин.

30 сентября – 2 октября в Ленинске-Кузнецком прошли VI Литературные чтения «Кольчугинская осень». В рамках чтений состоялись: презентация юбилейного, десятого номера литературного альманаха «Кольчугинская осень»; творческая встреча с С. Донбаем, посвященная 80-летию юбилею поэта; презентации книг Г. Золотаиной «Давайте о хорошем!», Ю. Сычевой «Темные источники», А. Королева «Провожатый».

3–8 октября в Нижнем Новгороде прошел Международный литературный фестиваль им. М. Горького. Более 80 мероприятий фестиваля прошло на десятках различных площадок: в библиотеках, вузах, школах. В рамках фестиваля были объявлены лауреаты литературной премии «Данко». Кузбасс представлял поэт Д. Мурзин, который принял участие в литературных десантах в пос. Решетиха, с. Дивеево, г. Кстово, выступлении в библиотеке им. А. Грина и поэтической битве между гостями фестиваля и поэтами Нижнего Новгорода.

Поэт Д. Филиппенко принял участие в проекте канала ОТР «Страна поэтов». В его исполнении прозвучало стихотворение О. Мандельштама «Возьми на радость из моих ладоней».

5 октября в концертном зале «Академия» в Москве состоялся поэтический вечер ZOV – представление антологии «Поэзия русского лета», среди авторов которой кемеровский поэт Д. Мурзин. Мероприятие было организовано и проведено телеканалом RT. Приветствие участникам и гостям поэтического вечера ZOV, посвященного спецоперации России на Украине, направил Президент России Владимир Путин. Вела вечер М. Симонян.

6–9 октября Д. Филиппенко, Ю. Малеванова и Я. Орехова приняли участие в XII Литературном фестивале «Капитан Грэй» в Мурманске. Были проведены экскурсии в Териберку к берегам Северного Ледовитого океана (Баренцева моря), в Долину Славы, в Североморск, музей порта и на ледокол «Ленин». Для гостей фестиваля было организовано полярное сияние.

11 октября в Прокопьевске поэты Д. Филиппенко, О. Солодовникова, А. Коржова, Р. Гумерова и В. Емельяненко провели круглый стол в рамках литературно-социального проекта «На честном слове. Специальная остановка».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Газета «Омское время» № 10 напечатала подборку стихотворений С. Донбая «А меня ты слышишь, сердце?..».

Газета «Литературная Россия» (Москва) № 31 напечатала интервью с поэтом С. Донбаем.

В антологии, изданной телеканалом RT, «Поэзия русского лета» напечатаны стихи поэта Д. Мурзина.

Альманах «Капитан Грэй» (Мурманск) за 2022 год напечатал подборку стихотворений Д. Филиппенко.

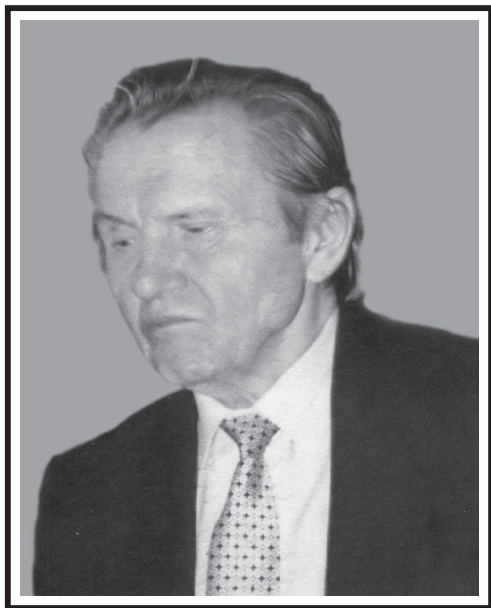
Журнал «Волга. XXI век» (Саратов) № 5 напечатал подборку стихов поэта Д. Филиппенко «На горизонте детства моего».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Михайлов Ю. Русь начинается с Кузбасса: стихи. – Кемерово: Ректаймс, 2022. – 100 с.

Альманах «Кольчугинская осень». – Кемерово: Принта, 2022. – 152 с.

Cheremnova T. The Blade of Grass. – Cambridge: Pegasus, 2022. – 310 p.



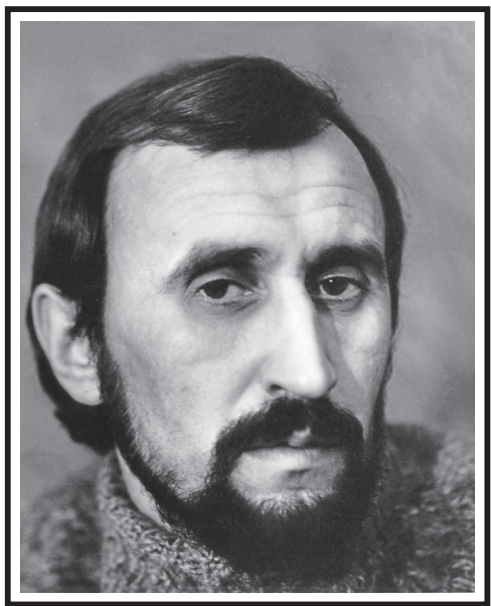
Редколлегия журнала «Огни Кузбасса» выражает соболезнования родным и близким новокузнецкого поэта и публициста, члена Союза журналистов СССР и России

ГЕННАДИЯ ЕВСТАФЬЕВИЧА КУЗНЕЦОВА в связи с его кончиной.

Родившись в глубинке, в селе Бердюжье Тюменской области, 15 лет своей жизни он посвятил Советской армии как офицер-артиллерист. К зрелому возрасту всерьез увлекся литературой и стал не только активно печатающимся журналистом, но и автором многих поэтических и прозаических сборников: «Служили Советскому Союзу», «Отголоски», «Жизнь слова», «Последняя встреча», «Камешки судьбы», «Под звездой Победы», «Далекое-близкое», «Лики любви», «Последний парад», «Жизнь благословляя» и др.

Несмотря на травму, полученную при исполнении обязанностей военной службы, Геннадий Кузнецов окончил Читинский педагогический институт, работал в органах печати. Его стихи, проза, литературно-критические размышления регулярно появлялись в центральных и областных изданиях: «Наш современник», «Журналист», «Пограничник», «Подъем», «Сибирь», «Байкал», «Дальний Восток», «Кузнецкая крепость» и др.

Несмотря на обострившиеся проблемы со здоровьем, Геннадий Евстафьевич творчески трудился до последних дней. Много лет он был постоянным автором общероссийского журнала «Огни Кузбасса». Коллеги по перу и в шутку и всерьез называли его «заслуженным старейшиной литературной общественности Новокузнецка».



20 октября не стало новокузнецкого поэта, члена Союза писателей России

ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА БОКИНА.

Он умер на 76-м году в Новокузнецке после продолжительной болезни.

Окончил Кузнецкий металлургический техникум. По благословению руководителя писательской организации Кемеровской об-

ласти, поэта Евгения Буравлева, молодой литератор Виктор Бокин работал на стройках Приморья, матросом в рыболовецких коллективах Сахалина. Это тогда считалось необходимым для молодых писателей. После работал посадчиком металла в мелкосортном цехе, нагревальщиком, диспетчером, вальцовщиком проката на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. Потомственный металлург, он посвятил металлургическому производству порядка 50 лет, участвовал в пуске первых прокатных мощностей ЗСМК, был ветераном труда и передовиком производства, чем гордился всю свою жизнь.

Виктор Бокин – поэт-романтик, автор поэтических сборников «Ночной бревенчатый» (1990) и «Замерзающий звук» (2012), лауреат литературной премии им. Ф. Т. Селянина (2004), литературной премии «Энергия творчества» и премии журнала «Огни Кузбасса». Именно он назвал главную новокузнецкую литературную студию «Гренадой» и многие годы оставался ее руководителем и участником. Глубокие и проникновенные поэтические строки Виктора Бокина вдохновляли не только рядовых читателей; их оценили известные поэты Кузбасса Евгений Буравлев, Игорь Киселев, Валентин Махалов, Геннадий Юров, Любовь Никонова, Сергей Донбай.

Стихи Виктора Бокина публиковались в литературных альманахах и журналах, коллективных сборниках, среди которых: «Роман-газета», «Наш современник» (Москва), «Металлург» (Новокузнецк), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк) и др.

Кузбасский центр искусств, члены Кемеровского отделения Союза писателей России и литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского выражают искренние соболезнования родственникам и близким поэта.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).



По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, АО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 5. Дата выхода в свет: 28.12.2022

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 1319. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **Е. К. Метякова**



Главный редактор «Литературной газеты» М. Замшев
и зам. главного редактора А. Чистяков с писателями Кузбасса
в библиотеке им. Гайдара на Днях «Литературной газеты» в Кузбассе

Представление журнала «Огни Кузбасса» № 4



Д. Филиппенко



Вверху: Н. Дубровская, А. Королёв,
внизу: О. Черкасова, Е. Тюшина



В. Чурилов



О. Кусакина



С. Чернопяттов

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40